А. И. ПАПКОВ

ПОРУБЕЖЬЕ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА И УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(КОНЕЦ XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

Белгород 2004

ББК 63.3(2)45
П 17

Научный редактор
доктор исторических наук А.Л. Хорошкевич

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Н. Глазьев (Воронежский госуниверситет)
кандидат исторических наук Л.В. Соболев (Институт славяноведения РАН)
кандидат исторических наук В.С. Кулабухов (Белгородский госуниверситет)

Папков А.И.
П 17 Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века) / А.И. Папков.— Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2004.— 352 с.

ISBN 5-902711-02-9

Монография посвящена исследованию процесса освоения лесостепных пространств Юга России в XVI—XVII столетиях в контексте общегосударственной политики, русско-польских и русско-украинских отношений. Основное внимание уделено рассмотрению и характеристике противоречий, возникавших в приграничном районе по мере заселения этой территории со стороны России и Речи Посполитой. Такой подход позволил проанализировать наиболее сложные и малоизученные аспекты взаимодействия населения и органов власти двух государств, развернувшегося на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой накануне исторической Переяславской рады 1654 г.

Издание рассчитано на историков, студентов, а также всех интересующихся прошлым России и Украины.

ББК 63.3(2)45

ISBN 5-902711-02-9

© Папков А.И., 2004
© Издательство «КОНСТАНТА», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

... путь творческого покаяния
трудовой трезвенности,
перестройка всей жизни —
вот путь России, наш общий путь.
Г.П. Федотов[1]

Вынесенные в эпиграф слова замечательного русского философа, провидца нашего будущего, человека, глубоко и искренне любившего Россию, Георгия Петровича Федотова как нельзя лучше подходят к книге А.И. Папкова. Пожалуй, автор принадлежит к тому поколению российской интеллигенции, которое не только услышало идеи Г.П. Федотова, но и оказалось способным воплощать их в жизнь. Несмотря на трудности ученого, работающего в провинции, связанные с получением информации в центральных архивах и библиотеках, можно поражаться широте охвата и архивного материала, и литературы. Это ставит труд А.И. Папкова в один ряд с сочинениями так называемых академических ученых.

---

[1] Федотов Г.П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья.— М., 1990.— С. 449.

Книга посвящена теме, на которую в течение большей части XX столетия в СССР было наложено табу. Лицемерное утверждение о вечной и неувядающей дружбе народов не допускало интереса к пограничным регионам и демографическо-политическим проблемам, возникавшим на сопредельной с границами территории. Тема границ вообще была камнем преткновения советской историографии, на ней споткнулась историческая география, и историки-географы не сумели обеспечить население страны ни одним историческим атласом, за исключением блестяще составленного И.А. Голубцовым школьного атласа и карт к «Очеркам истории СССР» 50-х годов XX века.

Нужно подчеркнуть и другое обстоятельство. В центре внимания Андрея Игоревича Папкова находится украинско-русское порубежье. История Украины и русско-украинских отношений — тема крайне деликатная. Россия и СССР — страны с неизменно четко выраженной государственной властью, выстроенной по строгой вертикали, и входившая в их состав Украина, обретшая государственность лишь в самом конце XX в., поневоле выступали антагонистами, несмотря на ближайшее кровное и культурное родство славянских народов. Еще в 1929 г. тот же Г.П. Федотов писал: «Из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших кровных братьев — малороссов, или украинцев (и это самый болезненный вопрос новой России)»[2]. Прошедшие со времени написания этих строк три четверти века ситуации не изменили. В СССР старались не замечать попыток создания собственной украинской государственности в середине XVII в. и упрямо боролись с украинским «национализмом» в середине 30-х и начале 70-х годов. Это усугубило неприятие России настолько, что даже создание «незалежной» Украины не изменило общего настроя.

Нужна правда об истории русско-украинских отношений. И именно эту правду применительно к одному и достаточно раннему периоду конца XVI — первой половины XVII вв. и содержит книга А.И. Папкова. Автор давно и упорно работал в архивах, подробнейшим образом исследуя каждый эпизод соприкосновения — дружественного или враждебного — украинского и русского населения на территории их общего порубежья, Поля — буферной зоны между Российским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством, на протяжении конца XVI — первой половины XVII столетия.[3] Благодаря этому А.И. Папкову удалось рассеять пыльный туман, поднятый в лесостепном междуречье Дона и Днепра его предшественниками, показать, как трудно и противоречиво складывались эти отношения в том регионе, который после 1654 г. вошел в состав государственной территории Российского царства, а с 1721 г. и одноименной империи, а ныне — с 1991 г. поделен между Российской Федерацией и Украинской Республикой. Автор показывает (правда, очень кратко и мимоходом), чем были обусловлены демографические потоки из Речи Посполитой и Российского царства, подробно исследует, как разнонаправленны были эти массовые движения, чем отличались позиции верховной власти тех государств, которые покидали будущие насельники Поля. Благодаря этому на смену мертвой догматической схеме «вечной и нерушимой дружбы» пришла живая картина пересечения судеб соседних народов, полная конкретных деталей история колонизации ими Поля. А.И. Папков выясняет особенности колонизации — украинской и российской. Стихийная и в том и в другом случаях колонизация, имевшая целью народнохозяйственное освоение плодородных земель Поля наиболее активным слоем населения, выталкиваемого социально-экономическими условиями со своих родных мест, тем не менее существенно отличалась: украинская колонизация в отличие от российской не поддерживалась властью Речи Посполитой. Несмотря на мнение автора книги, трудно согласиться с Я.Р. Дашкевичем, полагающим, что «Большая граница позднесредневековой Украины — это <...> две зоны военного влияния».[4] А.И. Папков показывает, что польская сторона была крайне заинтересована в сохранении рабочих рук в пределах собственного государства и постоянно, особенно в XVII в., требовала возвращения «черкас», как

---

[2] Он же. Будет ли существовать Россия? // Там же.— С. 455.

[3] См. перечень трудов А.И. Папкова в общем списке использованной литературы.

[4] Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в европейской части СССР.— М., 1989.— С. 10 (см. подробнее во введении к настоящей книге).

именовались украинцы в официальных русских источниках, в родные места. Российская же сторона в связи с постоянной угрозой военного нападения со стороны крымцев рассматривала колонизацию Поля как путь к обеспечению безопасности населения центрально-русских земель. Поэтому очень рано на колонизуемых российскими поселенцами землях организовывалась сторожевая и станичная служба, по мере продвижения на юг строились крепости. В конце XVI в. русская колонизация опиралась именно на них и на вооруженные царские войска. А украинские переселенцы, переходя в российское подданство, находили применение своих сил на военной службе в приграничных крепостях и городах в качестве служилых людей. Тем самым формировались основы сосуществования украинского и российского населения на территории Поля. Однако наряду с этим проблемными оставались отношения с так называемыми «воровскими» черкасами.

Автор убедительно показывает, как основная тенденция взаимоотношений подвергалась изменениям в силу различных политических потрясений — в эпоху Смуты, Смоленской войны 1632—1634 гг.: отдельные конфликты перерастали в это время в широкомасштабные военные действия. Чрезвычайно важными были отношения с черкасами в период Освободительной войны 1648—1654 гг., когда они воздействовали на отделившиеся от российско-польских российско-украинские связи: опасаясь вторжения черкас в конце 40-х годов XVII в., русское правительство не торопилось оказывать военную помощь гетману Богдану Хмельницкому, но, даже перейдя к политике поддержки Хмельницкого, с опаской относилось к черкасам. В целом автор убедительно показал противоречивость процесса украинской и российской колонизации Поля, обеспечившей впоследствии ликвидацию крымской опасности как для Российского царства, так и Речи Посполитой.

Хотелось бы отметить и некоторые другие выводы А.И. Папкова, в частности, ему удалось уточнить даты строительства ряда крепостей, остававшиеся спорными в нашей историографии. Историки русско-украинских отношений благодаря усилиям автора и картографа А.И. Ильина получат основанное на глубоком фундаменте

источников представление о границах Российского царства и Речи Посполитой.

Можно порадоваться и за «рядового» читателя, будь то украинца или россиянина, интересующегося прошлым своей страны. Он поймет, какими сложными и трудными были пути к мирному сосуществованию народов и на исходе средних веков, и в начале Нового времени и, может быть, сделает для себя соответствующие выводы, которые помогут нашим родинам и в начале XXI века. Дай-то Бог...

А.Л. ХОРОШКЕВИЧ
27 апреля 2003 г. Пасха

ВВЕДЕНИЕ

Длительное совместное проживание русского и украинского народов в составе Российской империи, а затем и СССР способствовало формированию устойчивых и внешне непротиворечивых отношений между ними. Эти отношения основывались на этнокультурной близости двух восточнославянских народов. Выход в конце XX в. на историческую арену Российской Федерации и Республики Украины в качестве независимых держав породил комплекс проблем, сложных и непривычных для народов, связанных традициями взаимодействия в рамках единого государства. Одна из самых болезненных проблем — пограничные отношения государств и населения смежных регионов.

В настоящее время суверенные Россия и Украина формируют долговременные приоритеты своей внешней политики, ищут конкретные пути и способы межгосударственного взаимодействия. Поэтому необходим анализ взаимодействия населения и государственной политики в приграничной зоне. Изучение исторического аспекта указанных проблем открывает дополнительные возможности научного обоснования их решения в современных условиях.

Предлагаемая читателю книга посвящена исследованию процесса освоения лесостепных пространств юга России. Предметом изучения избраны российско-украинские порубежные отношения конца XVI — первой половины XVII вв. При этом, исходя из степени разработанности данной проблемы в исторической литературе, основное внимание уделено рассмотрению и характеристике противоречий, возникавших в приграничном районе по мере колонизации этой территории со стороны Российского царства и Речи Посполитой (под колонизацией здесь и далее понимается заселение и хозяйственное освоение земель). Такая постановка вопроса позволяет проанализировать наиболее сложные аспекты взаимодействия населения и органов власти двух государств, развернувшегося на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой.

Географические рамки работы определяются спецификой южной части российского пограничья. Земли, о которых идет речь, — так называемые Северская и Польская украйны России (Днепро-Донская лесостепь, а ныне территория Курской, Воронежской и Белгородской областей Российской Федерации, а также частично Харьковской, Полтавской, Донецкой и Сумской областей Украины).

Северщина была лучше освоена и гуще заселена. Северские города перешли под власть княжества всея Руси в начале XVI в.[5] Они делились на города по Десне и города по Сейму. В связи с исследуемой темой интерес представляет бассейн среднего и нижнего течения Десны, т.е. территория, прилегавшая к украинским землям Польского королевства. Здесь стояли русские города: Севск, Новгород-Северский и Чернигов.[6] На Сейме располагались Рыльск и Путивль. В XVI в. последний был главным городом региона, имел каменную крепость, здесь сходились границы России и Речи Посполитой, а между ними клином врезалось неосвоенное Поле, которое начало активно заселяться в 80-е годы XVI в., после постройки Ливен и Воронежа. В последнее десятилетие XVI в. в междуречье Оскола и Псла поставили Белгород, Оскол и Валуйку. С этого времени Днепро-Донская лесостепь стала зоной наиболее активных российско-украинских контактов.

Хронологические рамки исследования охватывают период колонизации Россией и Речью Посполитой обширной лесостепной

[5] Подробнее см.: Кром М.М. Меж Русью и Литвой.— М., 1995.— С. 71—119; С. 220—232.
[6] В 1618 г. по Деулинскому перемирию Чернигов и Новгород-Северский отошли к Польше.

зоны южных пределов обоих государств: от первых устойчивых контактов в 80-х годах XVI в. до вхождения Левобережной Украины в состав России в 1654 г., которое изменило ситуацию в регионе. Таким образом, для изучения избран отрезок времени протяженностью примерно в семь десятилетий (конец XVI — первая половина XVII в.), что позволяет проследить развитие российско-украинских порубежных отношений, влияние на них международной обстановки и государственной политики России. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен еще и тем обстоятельством, что на протяжении практически всей истории российско-украинских отношений, вплоть до 1991 г., не было времени (за исключением краткого послереволюционного периода), когда украинский народ имел собственную государственность. Поэтому исторический опыт взаимодействия населения приграничных территорий, относящийся к тому периоду, когда Украина не являлась частью России, представляется особенно ценным.

В данной монографии сделана попытка изучения влияния политического фактора на характер взаимодействия русских и будущих украинцев в ходе освоения Днепро-Донского междуречья. Основное внимание сфокусировано на рассмотрении событий, связанных с наиболее конфликтными ситуациями во взаимодействии двух народов и стран, а также с реализацией политики Российского царства в отношении украинских переселенцев. В работе анализируется взаимодействие российской и украинской колонизации Поля, исследуются противоречия, возникавшие в ходе столкновения двух колонизационных потоков. Важной задачей является изучение применявшихся способов разрешения названных противоречий и влияние «украинского» фактора на деятельность России по освоению своих южных окраин. Несомненно, перечисленными проблемами не исчерпывается жизнь южной окраины России в XVI—XVII вв., но именно эти вопросы наименее изучены, несмотря на их важность. В научной литературе уже отмечалось наличие дискуссионного, но мало обсуждаемого вопроса о так называемой «Большой границе» — границе между двумя группами (европейскими и неевропейскими) человеческих цивилизаций.[7] Представляется, что настоящая работа может внести определенный вклад в изучение и этой проблемы. Применительно к рассматриваемой территории под «Большой границей» обычно понимают этноконтактную зону между христианским Западом и сначала языческим, а потом мусульманским Востоком. Однако феномен особой пограничной жизни характерен не только для упомянутого выше региона. «Большая граница позднесредневековой Украины — это не политическая граница, а две зоны военного влияния, вслед за которым, а иногда и впереди которого продвигалось народнохозяйственное использование земель, часто вопреки желаниям властей. Зоны только с середины XVII в. начали оформляться в качестве политических границ...».[8] Думается, что эти слова вполне применимы и для общей характеристики ситуации, сложившейся на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII столетия.

Для облегчения восприятия излагаемого материала следует сделать еще несколько замечаний относительно терминологии, используемой в монографии. Территория современного Центрального Черноземья, граничившая с землями Речи Посполитой, на которых проживало восточнославянское население, в российских документах конца XVI — первой половины XVII вв. именовалась «Полем» или «Польской украйной». Русские источники прочно закрепили наименование «Поле» за степными пространствами, располагавшимися между ордынскими владениями и русскими землями.[9] В литературе достаточно убедительно показана неправомерность употребления словосочетания «Дикое поле» по отношению к рассматриваемому региону.[10] «Диким полем» в XVI—XVII вв. обозна-

---

[7] См.: Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в европейской части СССР.— М., 1989.— С. 7—21.

[8] Там же.— С. 10.

[9] См.: Хорошкевич А.Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белоруссов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.— Тула, 2001.— С. 63 (прим. 3).

[10] См.: Загоровский В.П. Некоторые вопросы ранней народной колонизации польской окраины России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1698 г.— Л., 1972.— С. 37—38 и др. работы этого автора.

лась нераспаханная земля, целина, где бы она ни находилась. С легкой руки Конрада Буссова этот термин («wilde Feld») стал использоваться историками как географический.[11] Соответственно города, возникшие в Днепро-Донской лесостепи, в российских документах стали именоваться «польскими городами» или «городами на Поле», в отличие от северских, украинных и рязанских, которые обобщенно назывались «городами от Поля». Во главе городов стояли воеводы, обладавшие всей полнотой военной и административной власти. Им приходилось часто вступать в контакт с администрацией южных территорий Речи Посполитой. Староста возглавлял польскую администрацию в территориальном округе, осуществляя управление при помощи урядников. Урядникам подчинялись чиновники, распоряжавшиеся отдельными городами с прилегающей округой, — «державцы».

Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставлялись российские «сторожи» — наблюдательные пункты, на которых обычно находилось от двух до шести служилых людей. Одновременно в степь направлялись «станицы» — небольшие конные воинские отряды из 10—20 чел., патрулировавшие приграничную территорию.

Особо следует остановиться на вопросах использования понятий «Украина» и «украинцы». Связано это с тем, что проблема происхождения украинцев (в современном понимании этого слова), в силу воздействия различных идеологических клише, чрезвычайно запутана и степень ее разработки далека от завершения.[12] Длительное время в отечественной историографии господствовало представление, согласно которому в конце XIV в. украинский народ уже вполне сформировался.[13] В одной из последних коллективных монографий по этой проблеме образование украинской народности датируется XVI — первой половиной XVII в. Здесь же отмечается, что название «Украина» для обозначения этнической территории начинает употребляться с конца XVI в.[14] Первая попытка полного академического описания украинцев как этнической общности была предпринята учеными Института этнологии и антропологии Российской академии наук и Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины в 2000 г. Результатом стал коллективный труд «Украинцы». В нем отмечается сложность этнической истории украинцев, которая проявилась в многообразии их самоназваний (этнонимов) и названий края. Авторы упоминают о существовании разноречивых мнений по поводу происхождения изучаемого народа, но выделяют два основных. Первое связано с так называемой теорией непрерывного развития народов. По этой теории, прямыми предками украинцев было обитавшее на территории современной Украины неолитическое население. Последнее эволюционировало сначала в невров, затем в антов, далее в русов периода Киевской Руси и, наконец, в украинцев. Второе мнение — так называемая академическая точка зрения. Согласно ей формирование украинцев началось в период феодальной раздробленности Древнерусского государства (XII—XIII вв.), а завершилось в XIV—XV вв. Далее подчеркивается, что обе точки зрения небесспорны, но ближе к истине вторая, поскольку термин «Украина» встречается в Ипатьевской летописи под 1187 г., а следовательно, этногенетический процесс должен был начаться ранее этого времени.[15]

Б.Н. Флоря отметил, что с конца XIV в. можно говорить о разных исторических судьбах восточного славянства в рамках новых многоэтнических государств: Великого княжества Литовского и Польского королевства, с одной стороны, и формирующегося Русского государства — с другой. Однако, по его мнению, с этого времени лишь возникают объективные предпосылки для формирования нескольких восточнославянских народностей. Проанализировав взгляды элиты Речи Посполитой, Б.Н. Флоря выделил последнюю четверть XIV в. как время, когда осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории этого государст-

---

[11] См.: Буссов К. Московская хроника.— М.; Л., 1961.— С. 94.

[12] Подробнее см.: Восточные славяне в XVII—XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие // Славяноведение.— 2002.— № 2.— С. 3—35; Sysyn F.E. Concept of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620—1690 // Harvard Ukrainian Studies.— Cambridge, 1986.— Vol. X.— P. 393—423 (далее — HUS).

[13] См.: Мавродин В.В. Происхождение русского народа.— Л., 1978.— С. 146; Народы мира: историко-этнографический справочник.— М., 1988.— С. 472.

[14] Українська народність: нариси соціально-економичної и етно-політичної історії.— Київ, 1990.— С. 44—45.

[15] Украинцы.— М., 2000.— С. 5—19.

[16] Затем исследователь констатировал: «...процесс этнической дифференциации между восточными славянами в Речи Посполитой и в России в конце XVI — первой половине XVII в. зашел достаточно глубоко, но было еще далеко до его окончательного завершения, представление о единстве всех восточных славян, как особой этнической общности, продолжало занимать значительное место».[17] В дальнейшем Б.Н. Флоря еще более определенно охарактеризовал процесс этнического развития восточного славянства в XV—XVII вв.: «Очевидно, что с конца XIV в. пути исторического развития двух частей восточных славян разошлись. Те из них, которые оказались в составе Великого княжества Литовского и Польши, пошли по одному пути, а путь восточных славян, объединившихся в рамках Русского государства, был иным. Хотя сохранялось много общего в исторических традициях, верованиях, обычаях, вместе с тем одновременно на протяжении XV—XVI вв. постепенно нарастала большая сумма сначала социальных, а затем и культурных отличий. Как мне представляется, объективным итогом этого стало то, что где-то к XVII в. по обе стороны границы стали воспринимать другую часть восточных славян как близкий, родственный, но все-таки иной, особенный народ».[18]

В первой половине XVII в. православное население Польши именовало себя «русским», а слово «украинец» означало жителя окраины, но русские, жившие в России (в том числе и на южной ее окраине), четко отделялись от русских Польши и именовались «российскими».[19]

Существует и иная точка зрения. Согласно ей самоназвание «украинец» в XV—XVI вв. использовалось наряду с древнерусскими — «руськи» и «русские».[20] Между тем зачастую трудно точно определить, что скрывается за первым термином. Так, Николай

[16] Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М., 1997.— С. 12—16. См. также: Флоря Б.Н. Некоторые соображения о этническом самосознании предков современных белорусов // Русь — Литва — Беларусь.— М., 1997.— С. 92—94.

[17] Флоря Б.Н. О некоторых особенностях... С. 19.

[18] Восточные славяне... С. 8—9.

[19] См.: Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории.— М., 1992.— С. 244 (примеч.); Русина О.В. Україна під татарами і литвою.— Київ, 1998.— С. 276—277.

[20] Украины... С. 20.

Мархоцкий, рассказывая о Лжедмитрии II, пишет следующее: «...Дмитрий набрел на Виляревского, который шел к нему с Киевской Украйны. Его послал князь Роман Рожинский с тысячью украинцев».[21] В приведенном примере содержание понятия «украинцы» не ясно. При желании, его можно толковать и как этноним, и как название жителей украинских земель Речи Посполитой, не зависящее от их национальной принадлежности.

Следует отметить, что в отечественной исторической литературе прочно утвердился термин «Украина» (для обозначения Левобережья Днепра) и «украинцы» (по отношению к населению этих территорий в XVI—XVII вв.).[22] В официальных документах Речи Посполитой употреблялось словосочетание «украинское пограничье» (например, в указе Сигизмунда III 1590 г.).[23] В географическом значении употребляет термин «Украйна» в своей работе, напечатанной в Париже в 1651 г., Г. Боплан, французский инженер, служивший в Речи Посполитой.[24] Также необходимо помнить о неправомерности применения макротопонимов «Малороссия» и «Малая Русь» по отношению к территории современной Украины в XVI—

[21] Мархоцкий Н. История Московской войны / Пер. Е. Куксиной.— М., 2000.— С. 29.

[22] См. например: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962.— С. 418—419; Акберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI — первой половине XVII веков.— Саратов, 1961.— С. 37; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени.— М., 1972.— С. 164, С. 311; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.— М., 1978.— С. 17 и последующие; Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства.— М., 1982.— С. 66; С. 229; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.— М., 1990.— С. 7—8; Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 1.— М., 1992.— С. 183; Он же. Внешняя... Вып. 2. Кн. 1.— М., 1995.— С. 392; С. 439—446; История внешней политики России. Конец XV—XVII век.— М., 1999.— С. 230; С. 277—298.

[23] См.: Кулиш П.А. Отпадение Малороссии от Польши. Т. I. // ЧОИДР.— 1888.— № 2.— Отд. III.— С. 52—53.

[24] Боплан Г. Описание Украйны.— СПб., 1832. Новейшее украинское издание: Боплан Г.Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведения воєн.— Київ, 1990. Факсимильное воспроизведение французского издания 1660 г.: Боплан Г.Л. де. Описание Украины, нескольких провинций королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн.— Киев, 1990.

XVII вв.[25] Появление термина «Малая Русь» в литературных сочинениях конца XVI в. и в сфере церковных отношений не является достаточным основанием для использования его при обозначении этнической территории украинцев.[26] Думается, что данные наименования можно употреблять только с середины XVII в. В это время словосочетание «Малая Русь» было включению в титул царя Алексея Михайловича и вошло в официальный язык. Примечательно, что с таким подходом к терминологии согласны авторы обобщающих работ[27] и иностранные исследователи.[28] Эти и другие факты дали основание для продолжения использования современными учеными термина «Украина» для обозначения Днепровского Левобережья и «украинцы» по отношению к славянскому населению этой территории.[29] При этом, признавая необходимость упорядочения понятийного аппарата и отсутствие в исторических источниках соответствующих терминов, специалисты, обсуждая вопросы развития восточных славян в XVII в., вынуждены использовать понятия «украинцы», «украинско-белорусское влияние» и т.п.[30]

М.К. Любавский обратил внимание на изменение содержания термина «Украина» («Украйна») в XVI—XVII вв. Изначально «Украиной» в Литве и Польше называлась вся южная окраина обоих государств. Со второй половины XVI в. это название стало утверждаться

[25] Русина О.В. Ук. соч.— С. 276.
[26] См.: Флоря Б.Н. О некоторых... С. 16—17.
[27] Украинцы... С. 19.
[28] См. например: Bushkovitch P. The Formation of f National Consciousness in Early Modern Russia // HUS.— 1986.— Vol. X.— P. 356; Sysyn F.E. Between Poland and the Ukraine.— Cambridge, 1985.— P. XIII; 20—31; 136; Item. Recent Western Works on the Ukrainian Cossacks // Slavonic and East European Review.— London, 1986.— Vol. 64.— No. 1.— P. 101—102; P. 105.
[29] См.: Заборовскнй Л.В. Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М., 1997.— С. 43; Яковлева Т.Г. Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией // Там же.— С. 51; Санин Г.А. Антиосманскис войны в 70—90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Там же.— С. 61; Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Там же.— С. 126; Скрынников Р.Г. История Российская. IX—XVII вв.— М., 1997.— С. 443; Солодкин Я.Г. Украинцы в Сибири конца XVI — начала XVII вв. // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века.— Сургут, 1999 — С. 37—41; Смолій В.А., Степанов В.С. Українська національна революція XVII ст.— Київ, 1999.— С. 41—61.
[30] См.: Восточные славяне... С. 13—17.

за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. данное наименование распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство.[31] Исходя из вышеизложенного, представляется допустимым использование термина «Украина» для обозначения Днепровского Левобережья XVI—XVII вв.

Жители украинских земель Речи Посполитой (в дальнейшем действительно на этих территориях сформировался современный украинский народ) в российских источниках конца XVI — первой половины XVII в. именовались «черкасами» или «людьми литовскими». В одних документах эти термины употреблялись как синонимы, в других они несли разную смысловую нагрузку. В последнем случае «черкасами» называли украинских казаков, а «людьми литовскими» всех жителей Левобережной Украины, входившей долгое время в состав Великого княжества Литовского. Нередко запорожцев выделяли из всего украинского казачества, называя «запорожскими черкасами». Появление термина «черкасы» связано с г. Черкасы, который стал во второй половине XVI в. центром украинского казачества. Следует обратить внимание на эволюцию этого термина. Если в XVI в. он возник для обозначения украинских казаков, то к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины. Последнее замечание, по крайней мере, справедливо в отношении изучаемой пограничной территории вплоть до середины XVII в. Показательно, что при проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев первой половины XVII столетия записывались как «подданные черкасы», а потомки переехавших на русские земли после 1654 г. — как «подданные малороссияне». Вероятно, существует определенная связь между встречающейся в источниках терминологией и заинтересованностью государства в заселении порубежья не столько крестьянами, сколько военно-служилыми людьми. Черкасы, не приносившие присяги русскому царю и занимавшиеся разбоем на Поле, обычно назывались «воровскими».

[31] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века.— М., 1996.— С. 335.

Б.Н. Флоря отметил, что в московских источниках первой половины XVII в. восточнославянское население Речи Посполитой обозначалось как «черкасы» и «белорусцы».[32] Наблюдения над источниками, сделанные в процессе подготовки настоящей работы, позволяют предположить, что последний термин использовался гораздо реже и, как правило, в конфессиональном контексте. Обычно так называли православных священников, прибывавших из Речи Посполитой, православных подданных Польской короны, противопоставляя их католикам или униатам, а также православным, жившим в России. «Белорусцев», принявших российское подданство, полагалось «для исправления веры» помещать «под начала» в российские монастыри наряду с выходцами из татарского плена и иноверцами, готовящимися к принятию православия.

Обобщая различные мнения, можно утверждать, что в XVI—XVII столетиях на украинских землях Речи Посполитой шел этногенетический процесс, приведший в дальнейшем к появлению новой народности. Вопрос о времени завершения этого процесса разработан недостаточно и остается дискуссионным. Во многом сложности осмысления истории украинцев обусловлены тем, что в рассматриваемое время самого явления нации в современном значении этого слова не существовало. Поэтому уместно будет использовать для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой термин, закрепившийся в официальных российских документах и ставший самоназванием переселенцев из Украины в Россию — «черкасы». Понятие «российско-украинское порубежье» в таком случае имеет не этническое, а географическое содержание. Им обозначается пограничная территория между Россией и украинскими землями Речи Посполитой. Термин удобен для определения изучаемой территории, т.к. в сферу исследования входит не вся протяженность границы Российского царства и Речи Посполитой, а только та ее часть, которая соприкасалась с Украиной. В таком случае, «российско-украинские отношения» — это отношения, возникавшие между подданными двух государств (русскими и черкасами) на

[32] Флоря Б.Н. Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20—30-х годов XVII века и на начальном этапе Народно-освободительной войны // Славяноведение.— 2002.— № 2.— С. 38.

границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией. Учитывая историографическую традицию, нецелесообразно отказываться от использования наименования «украинцы» по отношению к населению Украины. При этом настоящая работа не претендует на разрешение вопроса о времени складывания украинской народности. Но, как было показано выше, термины «Украина» (как географическое название) и «украинец» (как житель этой территории) имеют право на применение. В этом значении они и будут использоваться в настоящей книге.

В названии работы употреблен термин «порубежье». Дело в том, что понятие «граница» подразумевает, как правило, четкое определение государственной принадлежности смежных территорий. В рассматриваемом случае государственные границы не были маркированы до второй половины XVII в. Поэтому представляется более точным термин «порубежье», бытовавший в XVII в. по отношению к изучаемому региону.[33] Упомянутый термин давно вошел в научную литературу для обозначения приграничной российско-украинской (русско-польской) территории.[34] В сходном смысле он применяется и по отношению к другим приграничным регионам.[35] Таким образом, для обозначения зоны российско-украинского взаимодействия в конце XVI — первой половине XVII в. (географически совпадающей с Днепро-Донской лесостепью) удобно наименование «порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой», которое и вынесено в название монографии.

Особенностями рассматриваемых проблем определяется структура настоящей работы. Книга делится на шесть глав. В первой

[33] См.: Русская историческая библиотека.— Л., 1925.— Т. XIII.— Вып. I.— Стб. 271 (далее — РИБ); Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. // Сборник Русского исторического общества. М., 1912.— Т. 137.— № 7.— С. 175—176 (далее — Сб. РИО); РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Д. 22.— 1592—1593 гг.— Л. 83; Словарь русского языка XI—XVII веков.— М., 1991.— Вып. 17.— С. 135 (авторы статьи — Смолицкая Г.П., Державина Е.И.). Об этом термине см. также: Алексеев Л.В. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь.— М., 1968.— С. 245—250.

[34] См.: Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки.— М., 1952.— Т. 40.— С. 222.

[35] См. например: Борисенок Ю.А., Лобач В.А. Формирование белорусско-российского порубежья // Вопросы истории.— 2002.— № 4.— С. 143—146 (далее — ВИ).

из них рассматривается восприятие проблемы российско-украинских порубежных отношений конца XVI — первой половины XVII в. отечественными и зарубежными историками, а также анализируется источниковая база ее изучения. Вторая глава посвящена освещению российско-украинских контактов на их начальном этапе. В третьей и четвертой главах делается попытка дать характеристику обстановки на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в период наиболее интенсивного соприкосновения русских и черкас в рассматриваемом регионе. Это время между русско-польской войной за Смоленск (1632—1634 гг.) и началом Освободительной войны 1648—1654 гг. В следующей главе рассматривается эволюция взаимоотношений российских властей и украинских переселенцев, поступавших на службу в приграничные города. Заключительная, шестая глава описывает изменение положения на южной окраине России в связи с восстанием Б. Хмельницкого на Украине.

Не все выводы данной работы лежат в русле устоявшихся представлений. Однако думается, что они в достаточной степени обоснованы сведениями источников и будут полезны не только историкам, но и привлекут внимание широкого круга читателей, интересующихся прошлым России и восточнославянских народов.

Эта работа обязана многим, кто помогал мне во время ее написания. Е.В. Дворецкий наставлявлял меня в научных изысканиях, начиная со студенческой скамьи. Оказывали поддержку и давали ценные советы Н.Н. Олейник, В.Н. Глазьев, А.Г. Дьяченко, А.В. Кузьмин, О.В. Скобелкин, Л.В. Соболев и А.П. Уваров. Неоценима помощь А.Л. Хорошкевич, которая любезно согласилась взять на себя труд по редактированию настоящей монографии. Отдельной благодарности заслуживают сотрудники Российского государственного архива древних актов и работники библиотек. Кроме того, особая признательность П.Ф. Стрельниковой, а также всем коллегам и близким, без помощи и поддержки которых предлагаемая читателю книга не была бы написана.

ГЛАВА 1.
ПРОБЛЕМА РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ПОРУБЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

§1. Граница между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в трудах историков

Нельзя сказать, что взаимоотношения русских и украинцев[36] не интересовали историков. Однако они не становились предметом специального исследования, а затрагивались через призму других проблем, таких как колонизация Днепро-Донской лесостепи, русско-польские отношения XVII в. и воссоединение Украины с Россией.

Начало изучению рассматриваемой в монографии территории (а следовательно, и проблем, с этой территорией связанных) положил официальный историограф Российской империи Н.М. Карамзин. В десятом томе «Истории государства Российского» он уделил внимание характеристике мер, предпринимавшихся государством для защиты своих южных рубежей. На взгляды Н.М. Карамзина по-

[16] О проблеме формирования украинской народности и о применении термина «украинцы» в исторической литературе см. выше.

влияло участие России в антинаполеоновских войнах 1805—1807 гг., победа в Отечественной войне 1812 г. и значительный вклад страны в разгром наполеоновской империи в 1813—1814 гг. Отсюда появляется представление о правильности и успешности государственной политики не только в настоящем, но и в прошлом. Черпая сведения преимущественно в официальных летописях, этот историк считал, что города, построенные на Поле в конце XVI в., справились с задачей блокирования татарских путей, и высоко оценивал деятельность правительства по заселению южных окраин Российского царства служилыми людьми.[37]

Следующим шагом в исследовании пограничных земель России и Речи Посполитой стали две двухтомные монографии В.Н. Берха,[38] написанные на основе опубликованного в «Древней российской вивлиофике» и «Собрании государственных грамот и договоров» актового материала, а также с учетом работ польских историков. Автор, находившийся на консервативно-охранительных позициях, не был склонен рассматривать вопросы, которые могли поставить под сомнение имперскую политику царизма, но, тем не менее, упоминает о дипломатических осложнениях между Россией и Речью Посполитой, связанных с вторжениями черкас на российскую территорию.

Самостоятельность и активность Российской империи в XIX столетии, среди ряда других причин, предопределили интерес историков к государству как к структуре, выражающей общественные интересы. В результате в отечественной историографии стало формироваться направление, получившее название «государственно-юридической школы». Одним из основателей и наиболее заметной фигурой в этом неформальном сообществе историков был С.М. Соловьев. Исходя из представления о русском населении как о бродячем, растекающемся по Восточно-Европейской равнине, этот исследователь значительное внимание уделил теме колонизации территории России. Рассматривая взаимоотношения Российского царства и Речи Посполитой, С.М. Соловьев, вводя в научный оборот документы приказного делопроизводства, отметил русско-польские противоречия в конце XVI — первой половине XVII вв. По его мнению, одним из аспектов этих противоречий были претензии польского правительства к российскому, связанные с переселением украинцев в Россию. С позиций государственной школы С.М. Соловьев анализировал не столько сам процесс переселения, сколько правительственную политику в отношении Польши.[39]

В дальнейшем обозначились два различных направления в историографии. Каждое из них выработало свою систему представлений об истории Украины. Первое направление тесно связано с развитием российской исторической мысли. Находясь под влиянием официальной идеологии и общественных представлений XIX в., ученые, которых можно отнести к этому «великороссийскому» направлению, продолжали затрагивать отдельные сюжеты, связанные с колонизацией Днепро-Донской лесостепи. Разрабатывались упомянутые проблемы в контексте изучения истории России.

Консерватизм внутренней политики царизма, ярко проявившийся в период контрреформ Александра III, предопределил развитие консервативно-охранительных взглядов в историографии. Выразителем реакционного идейно-политического правительственного курса, вдохновляемого К.П. Победоносцевым, стал Д.И. Иловайский (автор многократно переиздававшихся учебников для гимназий). Он, черпая фактический материал из «Истории...» С.М. Соловьева и анализируя опубликованные к тому времени актовые источники, в ряде обобщающих трудов по отечественной истории затронул проблему появления украинцев в Днепро-Донской лесостепи. Так, события Смутного времени Д.И. Иловайский оценивал как «нашествие Западной Руси на Русь Восточную», которое осуществлялось по инициативе и под руководством поляков.[40] В следующей работе этот историк пришел к выводу, согласно которому участие черкас в Смуте способствовало росту украинского казачества. Здесь же упоминается об ис-

[37] См.: Карамзин Н.М. История государства Российского.— Калуга, 1993.— Т. IX—XII.— С. 296.

[38] Берх В.Н Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие.— СПб., 1832.— Ч. 1—2; Он же. Царствование царя Алексея Михайловича.— СПб., 1831.— Ч. 1—2.

[39] См.: Соловьев С.М. Сочинения.— М., 1994.— Кн.IV.— Т.7—8.; Там же.— М.. 1995.— Кн.V.— Т.9.—10.

[40] Иловайский Д.И. История России.— М., 1894.— Т. 4.— Вып. 1.— С. 269.

пользовании переселявшихся в Россию черкас для пограничной службы. Служебные обязанности, по мнению Д.И. Иловайского, оказались для них обременительными, что послужило причиной возвращения последних обратно, на территорию Речи Посполитой.[41] Этот же автор обратил внимание на постоянные столкновения в приграничном районе во время царствования Алексея Михайловича. Он писал: «...с весны 1648 г. беспокойное состояние Украйны выразилось в заметном усилении разбоев черкас на соседних московских землях».[42] Таким образом, желание показать необходимость и оправданность жесткого правительственного курса заставило Д.И. Иловайского остановиться на сложностях, возникавших на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией. Вместе с тем, его идейные установки не стимулировали желания использовать новые исторические источники и на основе их изучения исследовать причины упомянутых явлений.

Рост освободительного движения показывал необходимость расширения круга изучаемых общественно-политических проблем. В этих условиях либеральные историки, в противовес консервативным, должны были не только переосмысливать устоявшиеся концепции, но и исследовать новые исторические сюжеты на основе расширения круга привлекаемых источников. В.О. Ключевский, ученик С.М. Соловьева и его преемник на кафедре русской истории Московского университета, ввел в научный оборот понятие «малороссийский вопрос». Под ним он понимал комплекс проблем, связанных с событиями Освободительной войны на Украине и интересами России в данном регионе. Ему же принадлежит оценка украинского казачества как «степных добытчиков», которым было все равно, где добывать «казацкий хлеб» — в Крыму, Турции, Молдавии или в России.[43]

Работы В.О. Ключевского оказали заметное влияние на формирование концепции Смуты петербургского историка С.Ф. Платонова. Общественно-политическая обстановка в Российской империи последнего десятилетия XIX в. способствовала обращению С.Ф. Платонова к теме Смутного времени.[44] Также показательно выделение в качестве предмета исследования общественного строя и сословных отношений. Для изучения территории российско-украинского порубежья особое значение имеет историко-географический обзор отдельных районов государства, содержащийся в «Очерках по истории Смуты...». Обзор был предпринят С.Ф. Платоновым для выяснения хода событий Смуты и уточнения поведения населения в это время. Однако обстоятельность проделанного анализа позволяет использовать указанный обзор и при рассмотрении других событий конца XVI — первой половины XVII в. Кроме того, С.Ф. Платонов на широкой источниковой базе показал значительность роли украинских казаков-черкас в событиях Смутного времени. Однако он сконцентрировал свое внимание на ситуации в центральных районах России и не исследовал специально ситуацию на окраинах страны. Другой историк, Д.И. Эварницкий, в очерке о гетмане Сагайдачном указал на активное участие черкас в походе королевича Владислава под Москву в 1618 г.[45]

Подъем рабочего и студенческого движения, усиление общественного недовольства на рубеже XIX—XX вв. по-новому ставили проблему взаимоотношений государства и подданных. В таких общественно-политических условиях особую актуальность приобретало изучение вопросов истории служилого сословия. Примером может служить монография ученика С.Ф. Платонова, Н.П. Павлова-Сильванского.[46] В ней рассматривается участие детей боярских в колонизации Поля. Особую ценность указанной работе придает привлечение значительного комплекса российских документов, связанных с организацией военно-служилого сословия. В силу такого подхода, автор принимает во внимание лишь татарскую опасность и о взаимоотношениях с черкасами речи не ведет.

Большое значение для исследуемой темы имеют труды ученика и преемника В.О. Ключевского на университетской кафедре — М.К. Любавского. Развивая исторические представления Соловьева—

---

[41] Иловайский Д.И. История России.— М., 1899.— Т. 4.— Вып. 2.; Он же. История России.— М., 1905.— Т. 5.
[42] Там же.— С. 82.
[43] См.: Ключевский В.О. Сочинения.— М., 1988.— Т. 3.— С. 104—113.

[44] Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.— М., 1995; Он же. Борис Годунов.— Пг., 1921.
[45] Эварницкий Д.И. Гетман Петр Конашевич Сагайдачный.— Екатеринослав, 1913.
[46] Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди.— СПб., 1898.

Каменского, он сохранил идеи колонизации и особой роли государства в борьбе со степью. Революционные события 1905—1907 гг., создание различных политических партий, активизация национально-освободительного движения в Российской империи на фоне ослабления государственной власти — все это делало возможным распад единой державы. Отсюда — усиление внимания к многовековой истории складывания государственной территории России, вылившееся в ряд публикаций. В работах М.К. Любавского по исторической географии и колонизации степи[47] (при создании которых привлекался огромный массив источников из всех основных отечественных и зарубежных изданий XIX в., широко использовались картографические материалы и данные топонимики) делается акцент на борьбу с татарами в ходе колонизации Поля, хотя и отмечаются столкновения российских служилых людей с черкасами, бортничавшими в указанном регионе. В целом же процесс расселения украинцев на юге Российского царства оценивается им как происходивший мирно. Зная скрупулезность М.К. Любавского в проработке источников, вышеупомянутое заключение можно объяснить только ограниченным количеством опубликованных материалов, связанных с колонизацией Поля. Привлекать же архивные фонды в силу ряда обстоятельств ученый в достаточной степени не мог.

Второе направление в историографии Украины (Малороссии) XIX в. связано с выделением «украинской» тематики в самостоятельный объект исследования. Именно такой подход роднит авторов «малороссийской» историографии. В их суждениях, оценках и исповедуемом мировоззрении наблюдаются существенные расхождения. Можно отметить, что на исследователей, включаемых в это направление, оказывал влияние не только формировавшийся украинский национализм, но и официально-охранительная, великодержавно-монархическая идеология.

После подавления польского восстания 1831 г. появляются первые серьезные труды по истории Малороссии. Связано это с созданием более конкретных представлений (в духе правительственных установок) об историческом единстве восточнославянского населения империи. Однако отдельные конкретные наблюдения историков не всегда согласовывались с их общими выводами. Так, Д.Н. Бантыш-Каменский, изучая актовый материал центральных и ряда местных архивов, пришел к заключению об изначальном стремлении украинцев перейти в российское подданство. При этом исследователь отметил факты черкасских нападений на российские окраины в конце XVI в., участие запорожцев в Смуте и опасения Б. Хмельницкого по поводу возможного прихода российских войск на помощь Польше.[48] В большом труде по истории Малороссии Н. Маркевич (с именем которого связывают формирование пророссийского направления в украинской историографии), обратил внимание на эпизоды, связанные с походом гетмана Сагайдачного в российские пределы в 1618 г.[49]

Вместе с тем, антипольская политика царизма способствовала активизации малороссийской интеллигенции. Постепенно начинает складываться представление о собственной судьбе украинского народа, отличной от исторического пути как польского, так и русского народов. На развитие самостоятельной, противопоставляющей себя российской, украинской историографии оказали влияние идеи «Кирилло-Мефодиевского братства». Действовало оно в 1846—1847 гг. при Киевском университете св. Владимира. Самыми видными фигурами этого кружка были Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш и Н.И. Костомаров. Работы П.А. Кулиша и Н.И. Костомарова, написанные в это время, отличают украинофильский дух, слабая аргументация и недостаточное привлечение исторических источников. Затем взгляды упомянутых историков существенно изменились.

Дальнейшее изучение истории Украины шло под сильным влиянием социально-политического резонанса, вызванного польским восстанием 1863—1864 гг. и его подавлением. «Социальный заказ» правительства хорошо просматривается в поздних работах уже упоминавшегося украинского историка П.А. Кулиша. Основываясь на материалах малороссийских хроник и используя акты российского приказного делопроизводства, П.А. Кулиш пришел к

[47] Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией.— М., 1909; Он же. Наступление на степь.— М., 1918; Он же. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века.— М., 1996.

[48] См.: Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России.— М., 1842.

[49] Маркевич Н. История Малороссии в 5-ти т.— М., 1842.— Т. I.— С. 109—112.

выводу о том, что, по мере развития украинского народа, усиливалось его стремление к слиянию с русским.[50] По его мнению, «царские бояре желали не завоевания края, а торжества в нем русской веры над латинскою, русской народности над польскою, желая слияния отсобленной (так у автора. — А.П.) части с своим целым, по общему движению оттянутого к Польше народа. Говоря конкретнее, они желали воссоединения Руси, а не присоединения Малороссии».[51] Следуя такому предположению, автор расценивал порубежье как зону совместного бесконфликтного проживания русских и украинцев. Несмотря на то, что работы П.А. Кулиша подверглись острой критике за необоснованность выводов данными источников,[52] подобный подход к российско-украинскому взаимодействию продолжал развиваться. Сходные положения содержатся в ряде очерков И.М. Каманина, посвященных истории Украины.[53] Идея «воссоединения» также проходит через ряд статей дореволюционных украинских историков.[54]

Одновременно продолжали активно развиваться и другие представления. Они сохранили отчетливую националистическую окраску. Авторам подобных исследований исторический путь, пройденный Украиной начиная с XVII в., не казался единственно возможным и наиболее правильным. Такой подход был не менее тенденциозным, чем взгляды консерваторов, но он приводил к вовлечению в исследование новых проблем. В этой связи показательным является творчество Н.И. Костомарова. Исторические взгляды этого выдающегося украинского ученого начали формироваться под воздействием активизации общественной жизни в России в 50—60-е гг. XIX в. Борьба крестьянства против крепостничества, деятельность

[50] Кулиш П.А. История воссоединения Руси.— СПб., 1874.— Т. I—II.; Он же. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654).— М., 1888—1889.— Т. I—III.
[51] Он же. История... Т. III.— С. 230.
[52] См.: Карпов Г. В защиту Богдана Хмельницкого.— М., 1890.— С. 2—29.
[53] См.: Каманин И.М. Богдан Хмельницкий, гетман.— Киев, 1888; Он же. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого.— Киев, 1894; Он же. Очерк гетманства Петра Сагайдачного.— Киев, 1901.
[54] См. например: Оглобин Н. Воеводские вестовые отписки XVII в., как материал для истории Малороссии // Киевская старина.— 1885.— № 7.— С. 365—416 (далее — КС); Востоков А. Первые сношения Богдана Хмельницкого с Москвой // КС.— 1887.— № 8.— С. 714—744.

революционных демократов требовали повышения внимания к изучению истории народа. В 60—70-е гг. XIX столетия Н.И. Костомаров стал одним из самых заметных историков либерального националистического направления. Его взгляды отчетливо проявились в проблематике исследований. Во введении к своей монографии, посвященной Освободительной войне 1648—1654 гг., Н.И. Костомаров, описывая историю формирования украинского казачества, выделил два пути, по которым шел этот процесс: набор украинцев в казаки польскими властями и стихийное объединение степной вольницы. В этой работе автор отмечал активизацию переселения черкас в Россию в период Освободительной войны, хотя и не изучал специально это явление.[55] Определенное значение для исследуемой проблемы имеет материал, изложенный этим историком в труде о Смутном времени. Привлекая российские актовые источники, Н.И. Костомаров рассмотрел ряд эпизодов, связанных с участием запорожцев в Смуте.[56]

П.Н. Буцинский в своей монографии, посвященной Б. Хмельницкому, анализируя документы, опубликованные в третьем томе «Актов Юго-Западной Руси», пришел к выводу о возможности совместного выступления России и Польши против татар, действовавших в союзе с черкасами во время Освободительной войны.[57]

В XIX столетии оформилась следующая тенденция в проведении исторических исследований: введение в научный оборот новых исторических источников путем их публикации, а уже затем, на основе использования напечатанных материалов, написание исторических трудов. Такой подход оказался достаточно продуктивным, поскольку объем опубликованных источников был довольно значительным, а система хранения и научно-справочный аппарат архивов — весьма несовершенными. Вместе с тем, исследователи невольно попадали в зависимость от составителей сборников и публикаторов архивных документов. Поэтому стремление расширить источниковую базу исследований заставляло историков не ограничиваться только опубликованными материалами. Активному использованию архивных фон-

[55] Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий.— М., 1994.
[56] Он же. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия.— М., 1994.
[57] Буцинский П.Н. О Богдане Хмельницком.— Харьков, 1882.

ков способствовало начавшееся в 1869 г. издание «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции»[58] Так, в конце XIX в. украинские историки Д.И. Багалей и И.Н. Миклашевский, основываясь на анализе документов Разрядного приказа, пришли к выводу о приоритете украинской колонизации Поля. Оба ученых отмечали факты приема черкас на российскую службу, не вскрывая причин этого явления.[59] Причем Д.И. Багалей в своих статьях сформулировал положение о столкновении двух колонизационных потоков — «великорусского» и «малорусского». Автор рассматривал их по отдельности и, по его словам, не может выделить причину переселения черкас в Россию.[60] Выдвинутое Д.И. Багалеем положение нашло своих сторонников, но, к сожалению, столкновение российской и украинской колонизации в дальнейшем детально не изучалось.[61] Можно также отметить работы дореволюционных харьковских историков, посвященные истории заселения района Харькова.[62] В них делается вывод о приоритете украинской колонизации данных территорий.

В это же время развиваются радикально-националистические взгляды в украинской историографии. Наиболее последовательным их выразителем был М.С. Грушевский, ученик киевского профессора В.Б. Антоновича. С 1894 г. он стал председателем «Наукового товариства ім. Шевченка», находившегося во Львове, и долгое время оставался признанным вождем украинского националистического движения. Взгляды этого историка нашли воплощение в «Истории Украины-Руси»[63] и в ряде других работ, написанных на основании этого произведения.[64] Опираясь на труды предшественников, в том числе польских авторов, и привлекая достаточно большой массив опубликованных документов, прежде всего российских («Акты Московского государства», «Архив Юго-Западной Руси», «Акты Южной и Западной России» и др.[65]), а также используя мемуары и другие произведения поляков, М.С. Грушевский описывает территорию Украины, анализирует ее заселение, делая акцент на народном характере этого процесса во владениях Речи Посполитой. Кроме того, он рассматривает рост казачества в конце XVI в., связывая его с необходимостью борьбы против Крыма. При этом, указывая на изначальную религиозную индеферентность казаков, М.С. Грушевский делает предположение о том, что в дальнейшем религиозная борьба православия и унии не могла оставить их равнодушными. Этот же ученый обратил внимание на переселение украинцев из Речи Посполитой в Российское царство, назвав его «украинский колонизационный поход на восток».[66] Он отметил частые случаи возникновения недовольства среди переселенцев, их конфликты с представителями российской администрации, приводившие к «черкасским изменам». Причину описанного явления М.С. Грушевский видел в непонимании российскими властями психологии переселенцев. В поле зрения автора «Истории Украины-Руси» попали события Смоленской войны 1632—1634 гг., но, большей частью, он описывает боевые действия непосредственно в окрестностях Смоленска.

Участию черкас в Смоленской войне посвятил специальное исследование О. Целевич,[67] однако данные, содержащиеся в опубликованных актах, позволили ему подробнее, чем М.С. Грушевскому, рассмотреть участие украинских казаков в военных действиях под Смо-

[58] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— СПб.; М., 1869—1916.— Кн. 1—21.

[59] См.: Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства.— М., 1887; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства.— М., 1894.— Ч. I.

[60] См.: Багалей Д.И. К истории заселения степной окраины Московского государства // Журнал министерства народного просвещения.— 1886.— №5, №6 (далее — ЖМНП); Он же. Несколько слов о характере колонизации южной степной окраины Московского государства // Очерки из русской истории.— Харьков, 1913.— Т. II.

[61] См.: Щепкин Е.Н. Дмитрий I // Русская история в очерках и статьях.— М., 1910.— Т. II.— С. 256—330.

[62] Срезневский И.И. Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украины, со времени ея заселения до преобразования в Харьковскую губернию.— Харьков, 1883; Илляшевич Л.В. Краткий очерк истории харьковского дворянства.— Харьков, 1885.

[63] К изучаемым в настоящей монографии проблемам относятся следующие тома: Грушевський М.С. Історія України-Руси.— Київ, 1993.— Т. 4; Київ, 1994.— Т. 5; Київ, 1995.— Т. 6—8; Київ, 1996.— Т. 9.— Кн. 1.

[64] Он же. Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці.— Київ-Львів, 1912; Он же. История украинского козачества до соединения с Московским государством.— Киев, 1913.— Т. I; Киев, 1914.— Т. II.

[65] Подробнее об этих изданиях см. § 2 настоящей главы.

[66] Грушевський М.С. Історія... Т. 8.— С. 41—57.

[67] Целевич О. Участь казаків в Смоленській вінні 1633—4 рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка.— Львів, 1899.— Т. 28.— Кн. 2.— С. 1—72.

ленском, но не дали возможности с достаточной полнотой проанализировать их участие в боях на южных границах Российского царства. В более поздней работе по истории Смоленской войны Е. Сташевский[68] вообще не затрагивал вопрос об участии черкас в боевых действиях против России. Описывая состояние российских крепостей на Поле в предвоенный период, автор говорит только о татарской опасности. А вот А.Я. Ефименко в недавно переизданной работе по истории Украины описывала сюжеты, связанные с взаимодействием русских и украинцев в приграничной зоне, хотя и не анализировала их.[69] Она же в свое время отметила осторожное отношение российского правительства к предложениям Б. Хмельницкого о принятии Украины под руку российского государя. Положительное решение было принято только тогда, когда у Хмельницкого не было другого выхода, кроме соединения с Россией.[70]

В начале XX в. вышла в свет еще одна работа Д.И. Багалея.[71] Затем взгляды И.Н. Миклашевского и Д.И. Багалея на колонизацию Поля получили дальнейшее развитие в статье Ю.В. Готье[72] и монографии П. Смирнова.[73]

Советские историки продолжили традицию изучения деятельности государства по освоению Днепро-Донской лесостепи. Однако работ, где затрагивались эти вопросы, было очень мало. Шла гражданская война, затем восстановление экономики страны. В условиях нового, советского государственного строя с монопольным положением большевистской партии основное внимание уделялось обобщению опыта революционного движения Нового и Новейшего времени. Тем не менее, и в этих условиях исследователи обращались к вопросам освоения южной окраины России в XVII в. В сравнении с дореволюционной историографией, больше внимания ста-

[68] Сташевский Е. Смоленская война 1632—1634 гг.— Киев, 1919.

[69] См.: Ефименко А.Я. История украинского народа.— Киев, 1990 (первое издание — СПб., 1909).

[70] Она же. История Украины и ее народа.— СПб., 1907.— С. 76.

[71] См. переиздание: Багалій Д.І. Історія Слобідської України.— Харків, 1993.

[72] Готье Ю.В. Заметки по истории защиты южной границы Московского государства // Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете.— М., 1917.— № 2.— С. 47—57.

[73] Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века.— Киев, 1919.— Т. I.— Вып. 2.

ло уделяться исследованию социальных и экономических явлений, присущих колонизационному процессу. Хотя российско-украинское порубежное взаимодействие специально не изучалось, ряд выводов советских ученых имеет большое значение для темы порубежных отношений. Так, С. Тхоржевский, говоря об украинской колонизации, подчеркивал, что с черкасами-переселенцами российские власти обращались более мягко, чем с собственными подданными, но детально не рассматривал политику Российского царства в отношении выходцев с Украины.[74]

После образования СССР украинофильская историография, корни которой уходили в дореволюционную эпоху, была разгромлена. Ее представители в духе времени получили ярлыки «националшовинистов» и были репрессированы. В украинской литературе утвердилось представление об объединении с Россией как о «наименьшем зле» в условиях середины XVII в. В результате усиления идеологического диктата крепнущего сталинского режима вопросы, связанные с темой данной книги, практически перестали изучаться. Сказались печальные результаты фальсифицированного «Академического дела» 1929—1931 гг., когда из исследовательского процесса были исключены такие специалисты, как С.Ф. Платонов и М.К. Любавский. Изменилась ситуация только в конце 40-х гг. XX в. В годы Великой Отечественной войны произошла переоценка значения исторических знаний. Теперь наука о прошлом Родины должна была служить патриотическому воспитанию советских людей. Дореволюционная традиция масштабной публикации источников во второй четверти XX в. была прервана, и советские исследователи выстраивали свои работы на основе широкого использования документов, хранившихся в Центральном государственном архиве древних актов СССР /ЦГАДА/ (ныне — Российский государственный архив древних актов /РГАДА/). В итоге в 1948 г. появились две обширные работы, посвященные политике России в XVI—XVII вв. на южном направлении. Показательно, что оба исследования самым тесным образом связаны с рассмотрением противоборства Российского царства и Крымского ханства. Манипулируя полученными научными результатами, сталинский режим мог созда-

[74] См.: Тхоржевский С. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII веке // Архив истории труда в России.— Пг., 1923.— Кн. 8.— С. 64—78.

вать своеобразное «историческое» оправдание решения о депортации крымских татар, проведенной в 1944 г.

Особенно важным для рассматриваемой темы представляется исследование В.М. Проторчиной,[75] которая в своей диссертации выделила признаки правительственной и вольной колонизации юга России. В ее работе подчеркивается, что колонизация неразрывно связана с решением задач организации обороны против татар. Опираясь преимущественно на опубликованные источники, автор прослеживала влияние украинской вольной колонизации на заселение изучаемой территории. Она отметила, что черкасы вели странствующий образ жизни и не пытались осесть на указанных землях. В то же время В.М. Проторчина писала об украинских переселенцах, которые, по ее мнению, зачислялись в состав служилого сословия. Считая, что интересы русского и украинского народов объективно сходились в борьбе против Польши и Крыма, она пришла к выводу о постоянном росте и укреплении связей между двумя народами.

Второй фундаментальный труд, связанный с историей южного порубежья России, был написан в это время учеником М.К. Любавского, А.А. Новосельским.[76] Подробно рассматривая татарские набеги на территорию России в первой половине XVII в., автор монографии не исследовал другие внешнеполитические факторы, влиявшие на развитие юга России, поскольку посвятил свою работу изучению борьбы Российского царства с Крымским ханством. Следствием этого стало мнение последующих историков, согласно которому Белгородская черта была воздвигнута исключительно для предотвращения крымских набегов. Аналогичные взгляды на причины строительства Белгородской черты высказала Е.М. Апанович, сторонница представления о приоритете украинской колонизации и бесконфликтности переселения черкас в Российское государство.[77] Исходя из этого положения, строилось изложение материала в исторической литературе, посвященной заселению отдельных районов степной окраины России.[78]

---

[75] Проторчина В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI — первой половине XVII вв. Дисс... канд. ист. наук.— Л., 1948.

[76] Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.— М.; Л., 1948.

[77] Апанович Е.М. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг. // Воссоединение Украины с Россией.— М., 1954.— С. 78—104.

[78] См. например: Очерки истории Воронежского края.— Воронеж, 1961.— Т. I.

В условиях разгоравшейся в послевоенный период «холодной войны» в советской идеологической политике все более усиливались великодержавность и национализм, борьба с «космополитизмом», вопреки провозглашаемому интернационализму. В таких условиях изучение проблем, связанных с взаимодействием русского и украинского народов (как тогда представлялось), в СССР оказалось практически невозможным.

После смерти И.В. Сталина, в 1953 г., прекратился тотальный идеологический террор. Изменение общественно-политической обстановки в стране позволило активизировать исследование истории Украины. Отдельной характеристики заслуживает историческая литература, вышедшая в СССР к трехсотлетию «воссоединения Украины и России», широко отмечавшемуся в 1954 г.[79] Основной недостаток этих работ вытекает из ставшего априорным суждения о тяготении русского и украинского народов к восстановлению исторического единства четырехсотлетней давности. Фактически советская идеология, сохраняя за П.А. Кулишом ярлык «украинского буржуазного националиста», взяла на вооружение его тезис о «воссоединении Руси» (сам термин «воссоединение» был предложен именно этим историком). Такой тезис акцентировал внимание на явлениях этнокультурной общности, сближавшей два народа. В то же время, он порождал игнорирование реально существовавших различий и противоречий. Соответственно отбирались и исторические сюжеты: выделялись те из них, которые иллюстрировали дружеские отношения русских и украинцев. А острые конфликты, в том числе вооруженные, замалчивались.

---

[79] См. например: Козаченко А.И. Борьба украинского народа против иноземных поработителей, за воссоединение с Россией.— М., 1952; Греков И., Королюк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г.— М., 1954; Лисовский В.И. Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией.— Киев, 1954; Бойко И. Переяславская рада и ее историческое значение.— Киев, 1954; Бойко И., Голобуцкий В., Гуслистый К. Воссоединение Украины с Россией.— М., 1954; Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией.— Киев, 1954; Голобуцкий В. Россия и Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг.— Киев, 1954; Голобуцкий В.А. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648—1654 гг.).— М., 1954; Дядиченко В., Стецюк Е. Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией.— Киев, 1954; Касименко А. Воссоединение Украины с Россией и его историческое значение.— Киев, 1954; Козаченко А.И. Воссоединение Украины с Россией.— М., 1954; Шевченко Ф. Историческое значение вековечной дружбы украинского и русского народов.— Киев, 1954; Історичне значення возз'єднання України з Росією.— Київ, 1954.

Оживление общественной активности в стране середины 50-х — начала 60-х гг. XX в., которое было результатом осуждения «культа личности» на XX съезде КПСС в 1956 г., сменилось хрущевским «волюнтаризмом» и брежневской стагнацией общественной жизни. Начиналось перерождение партийно-государственных структур, складывание клановости партийно-административных группировок. Коммунистические лозунги превращались в мертвые идеологические штампы. В 1970-е гг. была разгромлена уже советская украинская историческая школа, в рамках которой формулировались представления, несколько отличные от официальных. В таких условиях любые изменения в мировоззренческой системе представлялись опасными. Поскольку историческая наука считалась одной из важнейших составляющих советской идеологии, то в ней на долгие годы закрепилась официально одобренная «юбилейная» концепция «воссоединения Украины с Россией». За рамки ее не выходят не только монографии советских ученых, издававшиеся в последующие годы,[80] но и труды польских историков 50—70-х гг. XX в. (по крайней мере, доступные советским исследователям в то время).[81] То же самое можно сказать относительно статей в научных журналах и сборниках.[82] Вместе с тем, встречаются работы, несколько

[80] См.: Касименко О.К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 — початку 1651 р.— Київ, 1955; Баранович А.И. Украина накануне Освободительной войны середины XVII в.— М., 1959; Легкий В.И. Крестьянство Украины в начальный период Освободительной войны 1648—1654 гг.— Л., 1959; Голобуцкий В.А. Запорожское казачество.— Киев, 1957; Мишко Д.І. Українсько-російські зв`язки в XIV—XVI ст.— Київ, 1959; Алекберли М.А. Ук. соч.; Голобуцкий В.А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.— Киев, 1962; Гуслистый К.Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа.— Киев, 1963; Артюшевский О.П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии.— Киев, 1987; Дзюба Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским.— Киев, 1987; Голенченко Г.Я. Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в.— Минск, 1989; Щербак В.О. Антифеодальні рухи на Україні напередодні визвольної війни 1648—1654 рр.— Київ, 1989.

[81] См.: Бухало Г.В. Польская историография о воссоединении Украины с Россией // Советское славяноведение.— 1979.— № 2.— С. 102—104.

[82] См. например: Шуляковский Е.Г. Воронежский край в период борьбы украинского народа за воссоединение с Россией // Из истории Воронежской области.— Воронеж, 1954.— С. 57—61; Мышко Д.И. Экономические, политические и культурные связи между Украиной и Россией в XV — первой половине XVII в. // Великая дружба.— Ереван, 1954.— С. 55—85; Гудзенко П. Братская помощь русского народа украинскому народу в Освободительной войне 1648—1654 гг. // Там же.— С. 86—104.

выделяющиеся из сложившейся традиции.[83] Показательна коллективная монография, выпущенная в 1982 г. видными отечественными специалистами в области истории славян.[84] Если раздел, написанный В.Т. Пашуто, выдержан в русле «юбилейной концепции» (знаменательно название одного из пунктов: «На пути к воссоединению»), то раздел, подготовленный Б.Н. Флорей, несколько выходит за рамки этой традиции. Последний историк отметил стремление верхов украинского казачества к компромиссу с Речью Посполитой. Он обратил внимание на существование традиции длительной принадлежности украинских и белорусских земель вышеназванному государству. Данное обстоятельство делало необходимым поиск веского обоснования разрыва с Польшей. Вместе с тем, Б.Н. Флоря продолжал рассматривать процессы, происходившие на Украине, с точки зрения «воссоединения». Именно этот термин он употребляет в тексте, да и название раздела сформулировано как «Воссоединение Украины с Россией и древнерусское наследие».[85]

Из статей, касающихся российско-украинского взаимодействия в контексте отношений России и Речи Посполитой,[86] нужно выделить цикл статей Г.М. Лызлова. Этот исследователь, основываясь на изучении российских и польских дипломатических документов, пришел к нетрадиционному выводу, согласно которому Россия изначально не стремилась к воссоединению с Украиной и не планировала до 1651 г. войны с Речью Посполитой.[87] Тем не менее, в

[83] См. например: Кулиш В.И. Присоединение Украины к России. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.— М., 1951.

[84] Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Ук. соч.

[85] Ср.: Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Ук. соч.— С. 62—68; С. 226—228.

[86] См. например: Касименко А.К. Из истории русско-украинских взаимоотношений в 1651 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.— М., 1963.— С. 253—259 и др.

[87] См.: Лызлов Г.М. Польско-русские отношения в период от Зборовского мира до Земского собора 1651 г. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.— М., 1959.— № 27.— С. 45—67; Он же. Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.— М., 1958.— № 24.— С. 58—82; Он же. К вопросу о

литературе продолжали господствовать взгляды, определяемые концепцией «воссоединения».[88]

В условиях постепенного сворачивания хрущевской «оттепели» стали появляться серьезные труды по истории отдельных регионов страны. Причины этого следует искать не только в накоплении данных и введении в оборот новых источников. Исследование вопросов местной истории давало возможность ученым работать под меньшим идеологическим прессом со стороны властей. При этом полностью выйти за рамки, предписываемые системой, было невозможно. К примеру, в книге А.Г. Слюсарского[89] (декана исторического факультета Харьковского государственного университета им. А.М. Горького) уделяется большое внимание характеристике процесса переселения жителей Украины в пределы России. В основном, речь идет об украинцах, становившихся российскими подданными. Иными словами, главное внимание уделено позитивной стороне российско-украинского взаимодействия в ходе колонизации.

В рамках сложившейся традиции работал видный воронежский исследователь В.П. Загоровский, написавший большое количество трудов, посвященных истории южной окраины России XVI—XVII вв. Взгляды этого ученого, сформулированные в 60-е годы

вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. // Ученые записки Казахского государственного университета.— Алма-Ата, 1959.— Т. 39.— С. 103—113.

[88] См.: Буганов В.И. Освободительная война украинского и белорусского народов в середине XVII в. против иноземного угнетения. Воссоединение с Россией // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России.— М., 1968.— С. 56—72; Назаренко Ю.В. Освещение русско-украинских связей периода Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в советской историографии середины 50-х — начала 60-х годов XX в. // Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР.— Днепропетровск, 1973.— Вып. 4.— С. 181—193; Шевченко Ф.П. Возз'єднання України з Росією — знаменна подія в історії братніх народів // Архіви України.— 1978.— № 6.— С. 24—28; Рознер И.Г. Освободительная война украинского народа и Россия // ВИ.— 1979.— № 4.— С. 51—64; Гейл Ф. Историческая роль Русского централизованного государства в Восточной Европе и национально-освободительная борьба украинского и белорусского народов за воссоединение в едином государстве с Россией в середине XVII в. // Национальный вопрос в дореволюционной России и его решение после Великой Октябрьской социалистической революции.— М., 1984.— С. 73—78.

[89] Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв.— Харьков, 1964.

XX в.,[90] получили развитие и обоснование в монографии «Белгородская черта».[91] Для указанной работы характерно обращение к документам Разрядного приказа, прежде всего к столбцам Белгородского стола. В книге рассматривались сюжеты, связанные с использованием переселенцев из Украины для борьбы с татарскими набегами. В этом плане роль украинцев оценивалась положительно, хотя упоминались случаи ухода черкас со службы и различные конфликтные ситуации. В целом, главной опасностью для южных российских окраин признавалась крымская. Поэтому российско-украинские отношения освещались недостаточно. В последующих работах указанный подход не претерпел принципиальных изменений[92] и лег в основу еще одной монографии.[93] Исключение составляет одна из последних публикаций этого историка, в которой подчеркивается, что после поражения в Ливонской войне «...под угрозой захвата и заселения «черкасами» оказались земли в пределах современного Центрального Черноземья, формально российские с 1571 г., что фактически было бы равноценно присоединению этих земель к Польше».[94] Положения, выдвинутые В.П. Загоровским, получили развитие в целом ряде исследований, посвященных отдельным аспектам колонизации и формирования вооруженных сил на юге России,[95] а также в краеведческих работах.[96]

[90] См.: Загоровский В.П. Из истории городов на Белгородской черте // Из истории Воронежского края.— Воронеж, 1966.— Вып. 2.— С. 3—33.

[91] Он же. Белгородская черта.— Воронеж, 1969.

[92] См.: Загоровский В.П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма.— Воронеж, 1987.— С. 3—26; Он же. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII—XVIII вв. // Там же.— С. 62—72; Он же. Воронеж: историческая хроника.— Воронеж, 1989.

[93] Он же. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.— Воронеж, 1991.

[94] Он же. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Центрального Черноземья // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.— М.; Курск, 1994.— С. 41.

[95] См.: Дьяченко М.Т. Стапи заселения Слобідської України в XVII — перший половині XVIII ст. // Украинский історичний журнал.— 1970.— № 8.— С. 41—51 (далее — УІЖ); Александров В.А. Организация обороны южной границы Российского государства во второй половине XVI—XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв.— М., 1979.— С. 159—173; Аверьянов К.А. Генеалогический анализ состава воронежских служилых людей начала XVII в. // История заселения и социально-экономического развития Центрального Чернозе-

Из монографий, освещающих вопросы, связанные с колонизацией Поля, следует выделить труд В.М. Важинского,[97] который остановился на проблеме переселения черкас в Россию. Он обратил внимание на частые случаи их возвращения обратно, на территорию Польши, и увидел причину этого явления в политике русских властей, обращавшихся в первой половине XVII в. с черкасами так же, как с другими своими подданными. По его мнению, мелочная регламентация жизни, бюрократизм и стремление российской администрации разрешать все проблемы путем силового давления вызывали рост недовольства переселенцев. Иной подход предложил А.Л. Станиславский. Он отделял украинских казаков от донских и волжских, но, рассматривая становление казачества как особой сословной группы, склонен считать «черкас» одной из групп служилых казаков. Монография этого историка посвящена складыванию войсковой организации «вольного» казачества на основной территории Российского царства во время Смуты начала XVII в.[98] В силу указанного обстоятельства, главным образом автором рассматриваются эпизоды, связанные с центральными и северными районами России. Поэтому ситуация на российско-украинском порубежье им практически не анализируется.

Обращает на себя внимание ряд работ, посвященных международным отношениям Можно отметить, что в исследованиях по этой проблеме доминировал детерминизм, сводившийся к акцентированию внимания на явлениях, свидетельствовавших о неминуемом «воссоединении» русского и украинского народов в рамках единого государства.[99] Несколько по-другому подошел к анализу русско-

мья.— Воронеж, 1991.— С. 31—33; Ярынцев О.В. Города Воронежского края — опорные пункты заселения и хозяйственного освоения южнорусских уездов в XVII в. // Там же.— С. 38—41.

[96] См. например: Лисянский А.С. Конец Дикого поля.— Донецк, 1973.

[97] Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.— Воронеж, 1974.

[98] Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.— М., 1990.

[99] См.: Архангельский С.И. Украинский вопрос и Польша в середине XVII в. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая.— Горький, 1957.— Вып. 48.— С. 79—88; Шевченко Ф.П. Дипломатична служба на Україні під час визвольної вйни 1648—1654 рр. // Історичні джерела та їх використання.— Київ, 1964.— Вип. I.— С. 81—113.

польских отношений конца XVI — начала XVII вв. крупный специалист в области международных отношений в средневековой Восточной Европе Б.Н. Флоря. Он учитывал влияние украинского фактора на взаимоотношения двух стран.[100] Однако в его монографии[101] основное внимание уделено оценке возможности союза России и Речи Посполитой на основе общности интересов господствующих классов этих государств. Особую ценность данному исследованию придает использование достижений зарубежной историографии и тщательное изучение источников, отложившихся в польских архивохранилищах. В указанной книге раскрыты особенности русско-польских отношений в контексте истории Восточной Европы XVI—XVII вв., что позволяет проследить внешнеполитические причины изменения ситуации на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией в изучаемое время.

Основываясь на сведениях, содержащихся в документах Разрядного приказа и привлекая польские источники, Л.В. Заборовский[102] оценивал восточную экспансию Польши как важнейшее направление ее внешней политики. Он отметил постоянное сопротивление России распространению влияния своего западного соседа на юго-восток и сделал вывод об отказе Речи Посполитой от дальнейшей агрессии после 1634 г., не объясняя, однако, причин такого изменения внешней политики Польши. Р.Г. Скрынников, анализируя русско-польское дипломатическое взаимодействие в конце XVI в., сделал важный вывод о заинтересованности Речи Посполитой в нападениях черкас на российские украйны.[103] Этот же исследователь, говоря о Смутном времени, обратил внимание на исключительную роль южных уездов России в гражданской войне XVII в. и отметил значимость участия запорожских казаков в начальном этапе похода Лжедмитрия на Москву.[104]

[100] См.: Флоря Б.Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия.— М., 1972.— С. 71—83.

[101] Он же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII вв.— М., 1978.

[102] Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.— М., 1981.

[103] Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей.— М., 1986.

[104] См.: Скрынников Р.Г. История Российская. IX—XVII вв.— М., 1997.— С. 389—400.

Особняком стоит монография Н.И. Ульянова, вышедшая за рубежом в 1966 г. Работая в эмиграции и имея ограниченную источниковую базу для анализа истории российско-украинского взаимодействия, автор, тем не менее, обосновал вывод о тяготении народной украинской массы к Москве и о противостоянии запорожского казачества этой тенденции. Поскольку практически весь тираж 1966 г. был уничтожен, то данная работа по-настоящему стала достоянием научной общественности только после ее переиздания, спустя 30 лет.[105]

За время, прошедшее после распада Советского Союза, не появилось монографических исследований российских историков, в которых бы уделялось достаточное внимание российско-украинским порубежным отношениям. Явления, связанные с рассматриваемой темой, затрагивались лишь отчасти. Ряд специалистов считают концепцию «воссоединения» вполне убедительной и в настоящее время. Так, например, Г.А. Санин в ходе дискуссии по вопросам этнической истории утверждал: «...нельзя отказываться от тщательно обоснованного и глубоко продуманного наукой термина «воссоединение», когда говорим об Украине, Белоруссии и России, о народах-братьях».[106] В книге по истории Крыма[107] А.Р. Андреев указывает, что оказание Россией помощи полякам против татар (союзников Б. Хмельницкого) было вполне вероятным. В коллективной монографии, посвященной внешней политике России, выпущенной Институтом российской истории РАН, русско-польские отношения XVII столетия продолжают рассматриваться в контексте «воссоединения Украины с Россией». Как следствие, ситуации на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой должного внимания не уделяется.[108] К.В. Петров ввел в научный оборот новые источники по истории русско-польской войны 1632—1634 гг. Однако он говорит только о боевых действиях под Смоленском.[109] В одной из последних публикаций Л.В. Заборовский повторил свой прежний вывод о том, что в 30-е гг. XVII в. «...политики Речи Посполитой не стремились к дальнейшей экспансии на Востоке». Однако теперь он дополнил его указанием на объективную необходимость сближения Российского царства и Речи Посполитой для совместной борьбы с Крымским ханством.[110] Необходимо указать на новейшую монографию Н.М. Рогожина.[111] Она содержит не только ценные источниковедческие наблюдения, но и обзор русско-польских отношений, впрочем не настолько подробный, чтобы в нем нашлось достаточно места для освещения вопросов, связанных с российско-украинским порубежьем. Большое значение имеют уже упоминавшиеся статьи Б.Н. Флори. В них затрагиваются вопросы развития этнического самосознания украинцев и отношения украинского казачества к Речи Посполитой в 20—30-е годы XVII в.[112]

Более активными оказались ученые Украины. Здесь современные исторические представления развиваются под заметным влиянием переиздающихся в последние годы работ украинских историков-эмигрантов.[113] Создание собственной украинской историографии происходит под знаменем отказа от идеологических штампов советской эпохи. При этом порой забывают о том, что над представителями западной историографии также довлели требования времени. Часто работы представителей украинской диаспоры отличались не меньшей тенденциозностью, чем произведения историков в СССР. Упомянутые зарубежные авторы объединение Украины и России, произошедшее в XVII в., оценивали с точки зрения утраты потенциальной возможности национального суверенитета. Такой подход помогает преодолеть традиционную односторонность освещения этого акта в советской историографии, но таит в себе опасность другой крайности. Так, О. Субтильный[114] приводит при-

[105] Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма.— М., 1996.
[106] Санин Г.А. К вопросу о воссоединении Украины с Россией // История и историки.— М., 1994.— С. 54.
[107] Андреев А.Р. История Крыма.— М., 1997.
[108] См.: История внешней политики России. Конец XV—XVII век.— М., 1999.— С. 195—246; С. 277—298.
[109] Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632—1634 гг. // Очерки феодальной России.— М., 2000.— Вып. 4.— С. 116—131.
[110] Заборовский Л.В. Переяславская рада... С. 41.
[111] Рогожин Н.М. Посольский приказ.— М., 2003.
[112] Флоря Б.Н. О некоторых... С. 2—27; Он же. Отношение... С. 36—51.
[113] См. например: Дорошенко Д.І. Нарис історії України в 2-х томах.— Київ, 1991.— Т. І.
[114] Субтильный О. Украина: История.— Киев, 1994.

меры, говорящие об успешном создании национальных государственных органов на Украине, считает присоединение к России фактом случайным, нарушившим естественное развитие Украины. В силу этого, он не обращает внимания на состояние российско-украинских отношений к 1654 г. То же самое можно сказать практически обо всех обобщающих работах украинских историков, вышедших в 90-е годы XX в. и оказавшихся доступными для изучения.[115] Показательна концептуальная работа, выпущенная Академией наук Украины в 1992 г. В ней анализ историографии одной из важнейших проблем украинской истории — Освободительной войны — начинается с рассмотрения взглядов М.С. Грушевского и его последователей. Далее отмечается усиление идеологизации культуры и науки в конце 20-х гг. XX в., которое привело к репрессиям по отношению к ведущим исследователям истории Украины и к прекращению публикации их трудов. В итоге, по мнению авторов, в атмосфере безжалостного террора была создана официальная советская историческая наука. В ней центральное место заняла концепция «воссоединения».[116] Таким образом, вне исследовательского поля оказывается значительный пласт дореволюционной исторической литературы. Вместе с тем, в современной Украине продолжают появляться труды, сохранившие подход, характерный для советской историографии.[117]

Говоря о зарубежной исторической мысли, следует обратить внимание на исследования, посвященные различным аспектам истории Речи Посполитой и оказавшиеся доступными автору настоящей работы. Среди них выделяются две монографии Я. Натансона-Леского. Первая вышла в 1922 г. и посвящена восточной границе Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв.[118] В книге

[115] См. например: Смолій В.А., Гуржій О.І. Становления української феодальної державності // УІЖ.— 1990.— № 10.— С. 10—20; Історія України в особах: IX—XVIII ст. — Київ, 1993; Горобец В.Н. Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII — первая четверть XVIII века) // Россия — Украина... С. 77—87.

[116] Смолій В.А., Степнов В.С. У пошуках нової концепції історії визвольної війни українського народу XVII ст.— Київ, 1992.— С. 3—11.

[117] См. например: Рибалка І.К. Історія України.— Харьків, 1994.— Ч.І; Історія України: нове бачиня.— Київ, 1995.— Т. І.

[118] Natanson-Leski J. Dzieje granycy wschodniej Rzeczypospolitej.— Lwow-Warszawa, 1922.

тщательно прослеживалось изменение русско-литовской границы на фоне взаимоотношений двух государств. При этом позиция местного населения не стала предметом изучения польского ученого. Он рассматривает только межгосударственное взаимодействие. Не менее значима вторая работа Натансона-Леского,[119] в которой описывается административно-территориальное деление Речи Посполитой и структура органов власти, в том числе и приграничных с Россией районов.

Примечательно, что в западной историографии межвоенного времени работ по истории Украины, за исключением переводов М.С. Грушевского и научно-популярных изданий, практически нет. А в 40—70-е гг. XX в. был опубликован ряд англо- и немецкоязычных исследований. Все они рассматривают различные аспекты украинской истории, но проблема, изучаемая в настоящей монографии, в них практически не затрагивается.[120]

Следует обратить внимание на исследование В. Годжишевского о взаимоотношениях Польши и России в годы правления короля Владислава IV.[121] В нем на основании использования работ С.М. Соловьева, Н.Н. Бантыш-Каменского, опубликованных российских документов и материалов рукописных собраний варшавских в краковских библиотек, автор рассматривает польское участие в российской Смуте, события Смоленской войны и процесс послевоенного урегулирования. Польский историк обратил внимание на специфику российско-польских взаимоотношений. По его мнению, интересы этих двух стран совпадали только на южном направлении, а сближение России и Речи Посполитой началось после захвата донскими и запорожскими казаками Азова. В целом, несмотря на ряд ценных наблюдений, исследование в очень незначительной степени отражает обстановку непосредственно на порубежье. Перу этого же автора принадлежит труд, посвященный установлению государственной границы между Россией и Речью Посполитой в

[119] Natanson-Leski J. Rozwoj terytorialni Polski.— Warszawa, 1964.

[120] Более подробный анализ см.: Sysyn F.E. Recent... S. 100—101.

[121] Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV.— Krakow, 1930.

1634—1648 гг.[122] Однако в упомянутой книге речь идет, преимущественно, о западной части российской границы.

Книга Юлиуша Бардаха, которая продолжает традиции польской историко-юридической литературы.[123] Она посвящена государственному строю и праву Великого княжества Литовского в XIV—XVII вв. В ней на основе анализа материалов варшавской копии Литовской метрики и других, преимущественно опубликованных источников произведен анализ вопросов, связанных с оформлением брака и семейных отношений в Великом княжестве Литовском и на украинских землях Речи Посполитой. Указанные юридические отношения автор рассматривает в контексте не только писаных законов, но и традиций обычного права. Такой подход открывает перспективы сравнения брачных отношений населения, приходившего в южные уезды Российского царства из Речи Посполитой и из центральных районов России. Обращает на себя еще ряд работ польских историков 60—80-х гг. XX в. Все они, применительно к теме настоящей монографии, носят общий характер и не рассматривают ситуацию в приграничной полосе.[124]

Ряд важных наблюдений сделал видный историк, относящийся к американской украинской диаспоре, Фрэнк Сысин. Он обратил внимание не только на польско-украинские отношения, не только на русско-польские межгосударственные контакты, но и на ряд проблем, связанных с историей российско-украинского порубежья. Можно выделить монографию указанного автора, которая описывает политическую биографию Адама Киселя. В ней затронуты важные вопросы, связанные с русско-польскими взаимоотношениями в контексте истории украинского казачества. Исследователь широко использовал труды польских историков, публикации документов, а также архив-

[122] Godziszewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyzona w latach 1634—1648).— Krakow, 1934.

[123] Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w.— Warszawa, 1970.

[124] См.: Zarys historii Polski.— Warszawa, 1980.— S. 224—263; Lepszy K. Miesce i rola Polski w polityce miedzynarodowej w II polowie XVI wieku (1573—1606) // Historia Polski od polowy XV do połowy XVIII wieku.— Warszawa, 1960.— S. 71—92; Czaplinski W. Polityka Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1576—1648 // Ibid.— S. 93—106; Herbst S. Umyslowosc i ideologia Polska XVII w. // Ibid — S. 121—131; Dzieje Polski.— Warszawa, 1976.— S. 254—335.

ные собрания, имеющиеся в Кракове и Варшаве. Как и многие предшественники, Ф. Сысин, описывая события Смоленской войны, сконцентрировал свое внимание на участии запорожцев в осаде Смоленска. Говоря о взаимодействии Российского царства и Речи Посполитой после подписания Поляновского мира 1634 г., автор отметил начавшееся сближение между двумя странами, обусловленное необходимостью совместной борьбы с Крымом. Вместе с тем, изучение архивных материалов позволило автору не только определить роль А. Киселя в налаживании отношений между двумя государствами, но и указать, что дальнейшему сближению России и Речи Посполитой мешала миграция украинцев в приграничном регионе. Тем не менее, межгосударственный союз, о котором Кисель вел переговоры в Москве, по мысли Ф. Сысина, ставит под сомнение «советскую» концепцию «воссоединения» земель Киевской Руси.[125] Большое значение имеет еще одна работа указанного автора. В своей статье он не только рассмотрел три монографии по истории украинского казачества середины XVII в., опубликованные в Западной Европе в начале 1980-х гг., но и дал подробный анализ всей послевоенной историографии. Причем Ф. Сысин попытался проследить влияние на западноевропейскую историографию Украины не только советских и польских исследований, но и трудов дореволюционных историков.[126]

В 1980 г. в Германии вышло исследование Д. Злепко, посвященное влиянию казацкого восстания 1648 г. на государственную политику Речи Посполитой.[127] Автор рассматривает украинское казачество как социальный феномен и пытается проследить его историю с начала XVII в. При этом жесткой критике подвергается постулат советской историографии о «воссоединении» двух братских народов. Основное внимание уделено периоду 1649—1653 гг., поскольку именно в это время, по мысли автора, на Украине была создана новая, казацкая администрация, а также сформировались новые общественные, культурные, экономические и религиозные условия. К сожалению, интересные выводы Д. Злепко не подтверждены, в дос-

[125] См.: Sysyn F.E. Between... P. 72—140.

[126] См.: Item. Recent... S. 100—101.

[127] Zlepko D. Der grosse Kosakenaufstand 1648 gegen die polnische Herrschaft.— Wiesbaden, 1980.

таточной степени, архивными материалами, а основываются на заключениях предшествующих исследователей.

Смежные вопросы изучаются в работе Джона Базарда.[128] Он не только рассмотрел историю «Украинского гетманата» и Переяславской рады, но и уделил значительное внимание сравнению различных точек зрения на упомянутые вопросы. Желая продемонстрировать тенденциозность советской историографии, автор напечатал английский перевод «Тезисов к трехсотлетию воссоединения Украины с Россией». При этом Д. Базард, являясь специалистом в области современной истории, ориентировался на литературу, а не на исторические источники. Поэтому указанная работа носит историографический характер, новых сведений по истории украинских земель Речи Посполитой автор не сообщает.

Важное значение имеет монография об украинском казачестве XVI столетия, написанная Линдой Гордон.[129] Она отказалась от «романтического» представления об украинских казаках как о демократической силе, равно противостоявшей польской олигархии и российскому деспотизму. К сожалению, в книге ощущается недостаточное использование достижений восточноевропейской (прежде всего польской и советской) научной литературы, что снижает убедительность авторской аргументации.

Используя опубликованные в конце XIX в. документы и достижения советской, польской и американской историографии, польская исследовательница Тереза Чинчевска-Хеннель проанализировала становление национального самосознания украинской знати и казаков в конце XVI — первой половине XVII в. Она пришла к заключению, согласно которому говорить о включении казачества в религиозную борьбу между православными, униатами и католиками Речи Посполитой ранее 1620-х годов неправомерно.[130]

Можно также указать на исследование сотрудника лаборатории России и Восточной Европы Университета штата Иллинойс (США) Брайна Дейвса, который на обширном архивном материале

[128] Basard. J. Pereiaslav 1654.— Edmonton, 1982.
[129] Gordon L. Cossack Rebellions.— Albany, 1983.
[130] Chynczewska-Hennel T. The National Consciousnees of Ukrainian Nobles and Cossacks from the End Sixteenth to the Mid-Seventeenth Centuru // HUS.— 1986.— Vol. X.— P. 387.

рассмотрел процесс милитаризации крестьян на южных окраинах России, однако связал его только с необходимостью противостоять Крыму и Ногайской орде.[131]

Большое значение имеет книга руководителя семинара по истории Восточной Европы Андреаса Каппелера.[132] При анализе истории Украины в составе Российской империи автор не использовал новых источников, он опирался на работы польских, украинских и советских историков. Однако при этом он сумел заметить слабую изученность вопросов, связанных с завоеванием, подчинением или включением в состав империи различных народов. Кроме того, А. Каппелер обратил внимание на необходимость оценивать внешне- и внутриполитические факторы, предопределившие включение Украины в состав России, в совокупности. Этот же исследователь поставил вопрос о сущности государственной политики, направленной на сохранение стабильности в многонациональном Российском государстве.[133]

Таким образом, проблема российско-украинских порубежных отношений, несмотря на ее важность, изучена явно недостаточно. Вместе с тем исследования российских и украинских историков делают возможным выделение и анализ наиболее значимых аспектов упомянутой проблемы. Такой подход в итоге позволяет создать более объективную картину обстановки на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой.

§2. Источники по российско-украинским пограничным отношениям

Источниковая база изучения границы между украинскими землями Речи Посполитой и Россией конца XVI — первой половины XVII в. в отечественной историографии специально не исследовалась, однако имеются работы, посвященные источниковеде-

[131] См.: Davies B. Village into Garnison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy // The Russian Review.— Vol. 51.— 1992.— № 4.— P. 481—501.
[132] Каппелер А. Россия — многонациональная империя.— М., 2000.
[133] Он же. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI—XIX вв. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в.— М., 1994.— Ч. 2.— С. 215—225.

нию украинско-русских связей. В них содержится ряд выводов, важных для рассматриваемой проблемы.[134]

Довольно много источников по теме исследования уже введено в научный оборот.[135] Работа с этими опубликованными материалами осложняется тем, что выборка документов для издания осуществлялась без строгой научной системы, и поэтому трудно говорить об их репрезентативности. Несмотря на недостатки, тенденциозность в подборе материала для публикации, присущие указанным изданиям, они сохраняют свое значение и по сей день. Зачастую «изданные документы живут сами по себе, нередко утверждая совсем не то, что хотели доказать составители и редакторы, готовя том к печати».[136]

Издатели XIX — начала XX в. не выработали твердых правил публикации исторических источников. Не являются редкостью искажения при передаче слов и целых выражений. Чаще всего эти ошибки непреднамеренные и легко просматриваются. В тех случаях, когда имелась возможность сравнить опубликованный текст с подлинником, не отмечено искажения смысла документов в результате дефектов публикации. Сверка изданных документов с

[134] См. например: Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА.— Днепропетровск, 1979; Он же. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.). — Днепропетровск, 1985; Кучернюк Н.Ф. Статейные списки русских посольств на Украину 1649 — начала 1654 гг. как источники по истории русско-украинских политических связей // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения.— Днепропетровск, 1972.— С. 137—151; Он же. Источники о русско-украинских политических связях в годы Освободительной войны украинского народа (1648—1654 гг.) Автореф. дисс. канд. ист. наук.— Днепропетровск, 1975; Мыцык Ю.А. Анализ источников по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов.— Днепропетровск, 1983; Банеис Э.Д. Литовская метрика и архив Великого княжества Литовского // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков.— М., 1990.— С. 27—29 (далее — Спорные вопросы...).

[135] См.: Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук.— СПб., 1890—1896.— Т. I—II. (далее — АМГ); Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб., 1861.— Т. III. (далее — АЮЗР); Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб.,1841.— Т. II—III. (далее — АИ); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук.— СПб., 1836.— Т. II—IV (далее — ААЭ) и др.

[136] Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода.— М., 1973.— С. 15.

оригиналами показывает, что вышеупомянутыми изданиями можно пользоваться, учитывая особенности этих изданий.

Документы, включенные в вышедший в 1836 г. четырехтомник «Актов Археографической экспедиции»,[137] собирались в 14 губерниях Российской империи: Архангельской, Вологодской, Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Казанской и Вятской. Т.е. южные губернии, охватывающие изучаемую территорию, оказались не обследованы. Однако другое издание, «Акты исторические», по составу материала близкое к «Актам Археографической экспедиции», заключает в себе документы, извлеченные из архивов сибирских и южнороссийских губерний. Подобный состав имеют и «Дополнения к актам историческим» в 12 томах. Перечисленные издания готовила к печати Петербургская археографическая комиссия. Каждый документ, включенный в издание, подвергался оценке с точки зрения ценности и новизны его содержания по сравнению с ранее опубликованными источниками. Первый из указанных критериев был слишком неопределенным. Кроме того, при отборе документов комиссия руководствовалась охранительными принципами.

Значительное количество материала, относящегося к теме настоящего исследования, содержится в «Актах Южной и Западной России» (15 т., выходили под редакцией украинского историка Н.И. Костомарова, т. 10 — под редакцией Г.Ф. Карпова). Не меньшее значение имеет и трехтомник «Акты Московского государства», выпущенный в конце XIX в. Императорской Академией наук. В это издание вошли документы Московского стола Разрядного приказа, но публикация затронула не более четверти сохранившихся книг и столбцов указанного стола. При этом более полно печатались документы о военных событиях в России, о политических, военных и экономических происшествиях в соседних странах. Некоторые документы печатались выборочно, в качестве образцов (например, челобитные, грамоты Разряда воеводам и т.д.). Ряд документов публиковался в извлечениях, когда опускались повторяющиеся части тек-

[137] Библиографическое описание этих и упоминаемых ниже сборников документов см. в списке источников и литературы.

ста, титулатура и т.п. Отдельные, как утверждали редакторы, неважные части документов передавались своими словами. Сокращение было вызвано стремлением сэкономить место, но нарушение цельности источников снижает ценность данного издания для исследования. Эти и другие недостатки стали причиной приостановки издания, и подготовленный к печати четвертый том «Актов Московского государства» не был опубликован.[138]

В соответствии с современными археографическими требованиями изданы тексты источников в вышедшем к 300-летию воссоединения Украины с Россией трехтомном сборнике документов.[139] Однако невозможно поручиться в объективности подхода к подбору материалов для этого издания. Сборник составлен под влиянием установок, утвердившихся в СССР еще на рубеже 1920—30-х гг. Смысл упомянутых представлений сводился к требованию с помощью публикуемых документов «освещать» факты и явления прошлого. Поскольку публикация приурочена к юбилею, то и отбирались для нее документы, говорящие о неотвратимости «воссоединения» исторических судеб двух братских народов. Таким образом, значительный массив опубликованных документов представляет собой солидную источниковую базу для исследования изучаемой проблемы. Вместе с тем, материалы для публикаций отбирались, во многом, под воздействием идеологических установок того или иного времени. Данное обстоятельство может привести к неравномерному или неверному освещению отдельных проблем опубликованными материалами. Следовательно, для воссоздания подлинной картины российско-украинского взаимодействия в приграничном регионе необходима более широкая источниковая база.

Украинские архивные собрания по данной проблематике практически не содержат репрезентативных комплексов документов, что объясняется отсутствием органов украинской государственной власти вплоть до середины XVII в. Исключение составляет

[138] Подробнее об этих и других дореволюционных публикациях документов см.: Коренева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М. История археографии в дореволюционной России.— М., 1969; Улащик Н.Н. Ук. соч.

[139] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т.— М., 1954 (далее — ВУСР).

лишь фонд «Чугуевская приказная изба»,[140] содержащий 159 документов российского чугуевского воеводы и Разрядного приказа о переселении и жизни черкас в Чугуеве в 1639—1648 гг. Архивы, созданные во время Освободительной войны 1648—1654 гг. войсковой и гетманской канцеляриями, полностью утрачены. Сохранившиеся документы, происходившие из среды повстанцев, в настоящее время опубликованы.[141] Украинские летописи описывают события более позднего времени. Все упоминания в них о происшествиях конца XVI — первой половины XVII в. носят вторичный характер и очень расплывчаты.[142]

Польская сторона не сохранила государственных архивов изучаемой эпохи. В архивах Польши имеются лишь отдельные разрозненные материалы частного происхождения, не составляющие определенного корпуса источников.[143] Важные сведения содержатся в архиве Великого княжества Литовского — Литовской метрике. Частично материалы этого архивного собрания напечатаны в начале XX в.[144] С недавнего времени издание книг Литовской метрики возобновилось.[145] Анализ неопубликованных материалов этого фонда Российского государственного архива древних актов позволил выявить девять книг, содержащих копии дипломатических документов, освещающих приграничные взаимоотношения России и Речи Посполитой.[146] Ценность и информативность этих источников возрастает при сопоставлении с аналогичными документами рос-

[140] ЦГПА Украины.— Ф. 1791.— Оп. 2.— Д. 19.

[141] Гісцова Л.З. Документи ЦДІА УРСР про визвольну війну українського народу 1648—1654 рр. та возз'єднання України з Росією // Архіви України.— 1979.— № 2.— С. 46.

[142] Ковальский Н.П., Мыцык Ю.А. Украинские летописи // ВП.— 1985.— № 10.— С. 81—94.

[143] См.: Поршнев Б.Ф. На путях к Поляновскому миру 1634 г. // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX века.— М., 1964.— С. 513.

[144] См.: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского.— М., 1843.— Т. 1—2 (далее — КПМВКЛ); РИБ.— Т. XX; XXVII; XXX; XXXIII.

[145] См.: Lietuvos metrika.— Vilnius, 1998.— Kn. 1; Kn. N 25; Kn. N 3; Lietuvos metrika.— Vilnius, 1999.— Kn. N 530; 8-oji Teismu bylu knyga; ; Lietuvos metrika.— Vilnius, 2000.— Kn. N. 51; ; Lietuvos metrika.— Vilnius, 2001.— Kn. N. 532.

[146] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 580—581; 587;593—594; 597—598; 647; 650. Кн. 587 — это русская посольская книга, охватывающая период с 1525 по 1570 г. Видимо, она попала в Речь Посполитую в Смутное время. (Подробнее см.: Рогожин Н.М. К вопросу о сохранности посольских книг конца XVI — начала XVIII вв. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.— М., 1988.— С. 25—26).

сийского Посольского приказа. Благодаря этому можно проверить достоверность сведений, отложившихся в делопроизводстве каждой из сторон, определить основные подходы правительства Речи Посполитой к порубежным проблемам. Сравнив содержание посольских книг Российского царства и книг посольской метрики Великого княжества Литовского, можно утверждать, что дипломаты двух государств стремились с максимальной точностью выполнять инструкции, полученные от своих правительств. Этот вывод имеет большое значение, поскольку именно инструкции («наказы») и отчеты об их выполнении («статейные списки») содержат наибольшее количество сведений о взаимоотношениях населения и властей в приграничной зоне.

Поскольку информация о различных проявлениях и фактах российско-украинского взаимодействия отложилась не в компактном виде, а рассеяна по многочисленным архивным фондам, то необходим соответствующий поиск для выявления источников и формирования репрезентативной источниковой базы исследования. В фондах Полтавского, Харьковского и Белгородского областных государственных архивов не отложилось материалов исследуемого периода. Документы Государственного архива Воронежской области по исследуемой теме опубликованы в ряде сборников, а хранящиеся в Госархиве Курской области писцовые книги не содержат материалов по теме.

Наибольшее количество сведений о российско-украинских порубежных контактах содержится в книгах и столбцах приказов Российского царства. Необходимо отметить, что приказные архивы сильно пострадали во время пожара Московского Кремля 3 мая 1626 г. М.Н. Тихомиров, проанализировав ущерб, нанесенный документам, назвал пожар 1626 г. катастрофой для приказных дел. Вместе с тем, дела трех важнейших приказов — Посольского, Разрядного и Поместного — сохранились с достаточной степенью полноты.[147] Кроме того, много ценных документов было утрачено во время Смуты начала XVII в. и Отечественной войны 1812 г. В результате проведенного поиска среди материалов, отложившихся в

[147] Тихомиров М.Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Российское государство XV—XVII веков.— М., 1973.— С. 350—352.

фонде Разрядного приказа, выявлены источники по истории границы между Россией и украинскими землями Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII в. Упомянутые неопубликованные материалы содержатся в 26 столбцах Московского стола, 100 столбцах Белгородского стола, 11 столбцах Севского стола, 48 столбцах Приказного стола, четырех столбцах Поместного стола и двух столбцах Разных столов. Важные сведения выявлены в трех книгах Белгородского стола и четырех книгах Денежного стола.[148] Кроме того, данные о черкасах на порубежье содержатся в трех столбцах фонда «Малороссийские дела»[149] и в девяти единицах хранения фонда «Приказные дела старых лет».[150] В коллекции актов И.Д. Беляева, хранящейся в Отделе рукописей РГБ, имеется 85 грамот (подлинники, чистовые и черновые отпуски). Они написаны от имени царя Михаила Федоровича к воеводам приграничных российских крепостей и относятся к периоду Смоленской войны 1632—1634 гг.[151]

Анализ выявленных материалов показывает наличие небольшого, по сравнению с последующим временем, количества документов, относящихся к периоду 1570-х — 1620-х гг. Можно предположить, что причиной этого явления стал пожар 1626 г. Однако изучение посольских книг из фонда «Сношения России с Польшей», как опубликованных,[152] так и неопубликованных,[153] а также упоминавшихся книг Литовской метрики позволяет не только выделить материалы по изучаемой проблеме, но и сделать вывод, что интенсивность российско-украинских контактов в это время постепенно возрастала. Активность на порубежье резко увеличилась в 20-е гг. XVII в., когда Россия, преодолевая последствия Смуты, возобновила активную колонизацию Поля. Вместе с тем, нельзя игнорировать факт гибели значительной части документов Посольского приказа по сношениям с Речью Посполитой от небрежного хранения в приказном архиве

[148] См.: РГАДА.— Ф.210.— Разрядный приказ.
[149] РГАДА.— Ф. 124.— Оп. 1.
[150] Там же.— Ф. 141.— Оп. 1.
[151] См. ОР РГБ.— Ф. 28.— Картон 2.— Ед. хр. 1—68.
[152] Сб. РИО.— Т. 71; Т. 137; Т. 142.
[153] РГАДА.— Ф.79.— Оп. 1.— Д. 10—23; Д. 30—32.

еще до Смуты и пожара 1626 г.[154] С довольно высокой степенью вероятности можно утверждать, что наличие относительно небольшого числа документов 1560—1620-х гг., связанных с российско-украинским порубежным взаимодействием, объясняется скорее не гибелью бумаг в пламени большого московского пожара 1626 г., а степенью интенсивности упомянутого взаимодействия.[155]

Выявленные источники можно подразделить на семь групп. К первой группе относятся отчетные документы местной администрации: «отписки» (донесения) воевод в центральные учреждения (преимущественно в Разрядный и Посольский приказы), описывающие обстановку на порубежье и деятельность самих воевод.

Вторая группа — документальные материалы о военной службе на территории Поля. Сюда относятся «десятни» — именные военно-учетные списки дворян и детей боярских, служивших по южным уездам. К сожалению, их сохранность оставляет желать лучшего, и самые ранние из подобных документов относятся ко второму десятилетию XVII в. Ценным источником являются «разрядные книги» — книги записи правительственных распоряжений о погодных назначениях на службу, содержащие ряд уникальных сообщений, связанных с исследуемым регионом. Хрестоматийным стало представление о точности подавляющего числа сведений разрядных книг в отношении датировки событий и фактов.[156] Однако при их использовании следует помнить о двух особенностях. Во-первых, большинство разрядных книг было сожжено после отмены местничества в 1682 г. Во-вторых, существуют различные типы официальных разрядных книг.[157] Это так называемая Краткая редакция,[158] сокращенный тип Пространной редакции,[159] «Подлинники»

[154] Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв.— М., 1985.— С. 24—25.

[155] См.: Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.— М., 1960; Петров К.В. К изучению описей архива Разрядного приказа первой половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).— М., 2001.— С. 174—187.

[156] См.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в.— М., 1962.— С. 7.

[157] См.: Эскин М.Ю. Местничество в России XVI—XVII вв.— М., 1994.— С. 26.

[158] Разрядная книга 1475—1598 гг.— М., 1966 (далее — РК).

[159] РК 1559—1605 гг.— М., 1974; РК 1550—1636 гг.— М., 1975.— Вып. 1—2.

1612—1614 гг.[160] и Пространная редакция Государева разряда.[161] Как показывают современные исследования, с осторожностью следует использовать дореволюционные публикации разрядных книг, поскольку «Дворцовые разряды» имеют сводный характер. В настоящей работе использовались два первых тома указанного издания. В них помещен только сводный текст списков Основной (Шереметевской) редакции разрядной книги 7121—7153 гг., без наслоения сведения других источников.[162] Все вышеназванные разрядные книги составлялись «задним числом» за определенное количество лет, часто в начале нового царствования. Они представляли собой официальные «государевы разряды» с сокращенным каноническим текстом, который использовался для справок в местнических спорах. Несмотря на официальный характер разрядных книг, в их текстах могут содержаться определенные хронологические и фактические неточности, связанные с ошибками составителей и переписчиков. На данное обстоятельство исследователи уже обратили внимание.[163] Во втором десятилетии XVII в., после окончания Смуты и воцарения Романовых, установилась практика ежегодного составления записных разрядных книг, и они стали более надежными источниками, в которых возможность искажения действительности сведена к минимуму.[164]

[160] РК 1598—1636 гг.— М., 1974.

[161] РК 1495—1605 гг.— М., 1978—1989.— Ч. I—III.

[162] См.: Петров К.В. Археографические особенности издания «Дворцовые разряды» // Археографический ежегодник за 1998 г.— М., 1999.— С. 102—112.

[163] См. например: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове.— СПб., 1992.— С. 20 (Прим. 8—9).

[164] См.: Новохатко О.В. К изданию и изучению записных разрядных книг XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.— М., 1988.— С. 87. Эта же исследовательница детально проанализировала общую структуру записных разрядных книг, а также характер и содержание записей в них (См.: Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в.— М., 2000.— С. 54—316). О разрядных книгах см. также: Буганов В.И. «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 г.— М., 1976.— С. 252—258 (далее — АЕ); Он же. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV — первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории.— М., 1980.— С. 206—218; Анхимюк Ю.В. В.И. Буганов и источниковедческие проблемы исследования разрядных книг // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).— М., 2001.— С. 37—48; Петров К.В. О так называемой Разрядной книге 1559—1605 г. // Вспомогательные исторические дисциплины.— СПб, 2002.— С. 307—316.

Третью группу составляют «челобитные» (прошения) населения южной окраины России, в которых рассказывается о проблемах, возникавших в ходе освоения Днепро-Донской лесостепи. Сюда же относятся «сказки» и «речи» (записи показаний) русских служилых людей и украинцев, а также челобитные черкас, переселявшихся на российскую территорию и принимавших российское подданство, о разрешении на поселение, выдачу жалованья и т.д.

Четвертая группа источников — это следственные документы, связанные с разбором различных конфликтных случаев. Наибольшую ценность представляют «распросные речи» — письменно зафиксированные показания подозреваемых или свидетелей. Подобные показания, полученные под пыткой, известны под названием «пыточные речи». К этой группе примыкают «распросные речи» черкас, польских подданных, временно пребывавших на российской территории (купцов и др.), а также лазутчиков, засылавшихся российскими властями на территорию Речи Посполитой. Причем последних вербовали как среди русского населения порубежья, так и среди черкас.

Пятая, очень важная, группа источников — дипломатическая переписка, состоящая из «листов», которыми обменивались воеводы русских пограничных крепостей и представители польской порубежной администрации, а также из писем послов и посланий правительств России и Речи Посполитой. Дипломатические документы 70-х гг. XVI в. посвящены, большей частью, разрешению вопросов, связанных с окончанием Ливонской войны. Важными источниками этой группы являются «статейные списки» и «наказы» русских посольств. Эти документы отражают причины и способы урегулирования конфликтов, сходство и различие подходов сторон к положению на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией. По мнению Л.В. Заборовского, не существовало жесткой взаимосвязи по содержанию между наказами и статейными списками.[165] Учитывая последнее обстоятельство, при анализе дипломатической документации особое внимание приходится уделять проверке того, насколько точно выполнялись те или иные пункты наказа (о сравнении русских

[165] Заборовский Л.В. Некоторые спорные и малоисследованные проблемы источниковедения внешнеполитической истории России XVII в.: статейные списки // Спорные вопросы... С. 86.

документов с записями Литовской метрики уже говорилось выше). Источники этой группы сохранились в подлинниках и отложились в Посольских книгах, куда копировалась, подвергаясь определенному редактированию, дипломатическая переписка между Россией и Польшей. Посольские книги содержат информацию, в целом идентичную входящим и исходящим документам.[166] В литературе также высказывалось предположение о том, что дела государственной важности, связанные с властью и престижем великих князей, поручались послу устно. Сведения о таком факте заносились в посольские документы, но о сущности поручений посольские документы умалчивают.[167] Однако, думается, что указанное обстоятельство, в силу специфики рассматриваемых вопросов, не дает оснований для сомнения в достоверности сведений русских посольских книг.

Правительственные (приказные) документы входят в шестую группу источников. Это наказы («наказные памяти») — правительственные инструкции должностным лицам, указы («указные грамоты») — распоряжения от имени государя и т.д. В них формулируются общие (принципиальные) подходы правительства в отношении колонизации Поля черкасами. Сюда же можно включить «докладные выписи» и «памяти» из Разряда в другие приказы. В них содержится информация о принятии решений по конкретным проблемам, переселению черкас и основных направлениях порубежной политики. Особенно ценными указанные источники оказываются в случае утраты тех документов (отписок, челобитных и т.д.), по поводу которых они возникали.

Седьмую, весьма своеобразную группу источников составляют «записки» иностранцев. Несмотря на недостоверность и тенденциозность значительного объема информации, получаемой авторами зачастую из «вторых рук», иноземцы в своих произведениях дают не только общую картину обстановки в России в конце XVI — середине XVII в.,[168] но и приводят сведения об участии черкас в движе-

[166] Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVII в.— М., 1994.— С. 53. Анализ источников этой группы см. также: История внешней политики... С. 355—371.

[167] Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза... С. 20.

[168] См. например: Флетчер Д. О государстве Русском.— М., 2002; Мархоцкий Н. История Московской войны.— М., 2000; Боплан Г. Описание Украйны.— СПб., 1832 (воспроиз-

Третью группу составляют «челобитные» (прошения) населения южной окраины России, в которых рассказывается о проблемах, возникавших в ходе освоения Днепро-Донской лесостепи. Сюда же относятся «сказки» и «речи» (записи показаний) русских служилых людей и украинцев, а также челобитные черкас, переселявшихся на российскую территорию и принимавших российское подданство, о разрешении на поселение, выдачу жалованья и т.д.

Четвертая группа источников — это следственные документы, связанные с разбором различных конфликтных случаев. Наибольшую ценность представляют «распросные речи» — письменно зафиксированные показания подозреваемых или свидетелей. Подобные показания, полученные под пыткой, известны под названием «пыточные речи». К этой группе примыкают «распросные речи» черкас, польских подданных, временно пребывавших на российской территории (купцов и др.), а также лазутчиков, засылавшихся российскими властями на территорию Речи Посполитой. Причем последних вербовали как среди русского населения порубежья, так и среди черкас.

Пятая, очень важная, группа источников — дипломатическая переписка, состоящая из «листов», которыми обменивались воеводы русских пограничных крепостей и представители польской порубежной администрации, а также из писем послов и посланий правительств России и Речи Посполитой. Дипломатические документы 70-х гг. XVI в. посвящены, большей частью, разрешению вопросов, связанных с окончанием Ливонской войны. Важными источниками этой группы являются «статейные списки» и «наказы» русских посольств. Эти документы отражают причины и способы урегулирования конфликтов, сходство и различие подходов сторон к положению на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией. По мнению Л.В. Заборовского, не существовало жесткой взаимосвязи по содержанию между наказами и статейными списками.[165] Учитывая последнее обстоятельство, при анализе дипломатической документации особое внимание приходится уделять проверке того, насколько точно выполнялись те или иные пункты наказа (о сравнении русских

[165] Заборовский Л.В. Некоторые спорные и малоисследованные проблемы источниковедения внешнеполитической истории России XVII в.: статейные списки // Спорные вопросы... С. 86.

документов с записями Литовской метрики уже говорилось выше). Источники этой группы сохранились в подлинниках и отложились в Посольских книгах, куда копировалась, подвергаясь определенному редактированию, дипломатическая переписка между Россией и Польшей. Посольские книги содержат информацию, в целом идентичную входящим и исходящим документам[166] В литературе также высказывалось предположение о том, что дела государственной важности, связанные с властью и престижем великих князей, поручались послу устно. Сведения о таком факте заносились в посольские документы, но о сущности поручений посольские документы умалчивают.[167] Однако, думается, что указанное обстоятельство, в силу специфики рассматриваемых вопросов, не дает оснований для сомнения в достоверности сведений русских посольских книг.

Правительственные (приказные) документы входят в шестую группу источников. Это наказы («наказные памяти») — правительственные инструкции должностным лицам, указы («указные грамоты») — распоряжения от имени государя и т.д. В них формулируются общие (принципиальные) подходы правительства в отношении колонизации Поля черкасами. Сюда же можно включить «докладные выписи» и «памяти» из Разряда в другие приказы. В них содержится информация о принятии решений по конкретным проблемам, переселению черкас и основных направлениях порубежной политики. Особенно ценными указанные источники оказываются в случае утраты тех документов (отписок, челобитных и т.д.), по поводу которых они возникали.

Седьмую, весьма своеобразную группу источников составляют «записки» иностранцев. Несмотря на недостоверность и тенденциозность значительного объема информации, получаемой авторами зачастую из «вторых рук», иноземцы в своих произведениях дают не только общую картину обстановки в России в конце XVI — середине XVII в.,[168] но и приводят сведения об участии черкас в движе-

[166] Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVII в.— М., 1994.— С. 53. Анализ источников этой группы см. также: История внешней политики... С. 355—371.

[167] Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза... С. 20.

[168] См. например: Флетчер Д. О государстве Русском.— М., 2002; Мархоцкий Н. История Московской войны.— М., 2000; Боплан Г. Описание Украйны.— СПб., 1832 (воспроиз-

нии Лжедмитрия I и других событиях Смуты.[169] Ценность этих сведений возрастает, если учесть лакуны в российском делопроизводстве, вызванные Смутным временем.

Настоящая классификация источников в целом совпадает с общепринятой.[170] Принципы анализа использованных документов довольно хорошо разработаны в отечественном источниковедении.[171] Доказательство реальности фактов, отразившихся в приказных документах, сводится, в основном, к установлению надежности самих источников. Эта задача решается путем определения репрезентативности, аутентичности и достоверности используемых материалов.[172]

Дела и документы, содержащие информацию о взаимодействии населения российско-украинского приграничного региона, являются неотъемлемой составной частью фондов Разрядного, Посольского приказов, других фондов РГАДА и отобраны по принципу наличия информации, обусловленной проблематикой исследования. Поэтому целесообразно говорить не о репрезентативности этой искусственно проведенной выборки, а о степени репрезентативности представленных в документах сообщений о ситуации на границе

ведение французского издания 1660 г. см.: Боплан Г.Л. де. Описание Украйны.— Киев; Кембридж (Масс.), 1990) и др. Анализ см. Бычкова М.Е. Русский феодал в глазах иностранцев. XVI—XVII вв. (Методы источниковедческого анализа) // Спорные вопросы... С. 33—34.

[169] Буссов К. Московская хроника. 1584—1613.— М.; Л., 1961; Дневник Марины Мнишек.— СПб., 1995; Повествование о Дмитрии Самозванце, собранное Бореццо Борецци // ЧОИДР.— 1848.— № 5.— Отд. III.— С. 1—22; Рукопись Жолкевского.— М., 1835 и др.

[170] См.: Ковальский Н.П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.).— Днепропетровск, 1985.— С. 27.

[171] См.: Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма.— М., 1978. С. 225—232; Каштанов С.М. К вопросу о понятии «достоверность» в применении к актовым источникам // Спорные вопросы... С. 103—106; Он же. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С. 24—41; Шмидт С.О., Князьков С.Е. Ук. соч.— С. 39—57.

[172] См.: Брехуненко В.А. Из опыта комплексного анализа источников о связях донского и запорожского казачества в первой половине XVII века // Теория и методика историографических и источниковедческих исследований.— Днепропетровск, 1989.— С. 192—195; Он же. О классификации Донских дел как источников о связях донского и запорожского казачества в первой половине XVII века // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории.— Днепропетровск, 1988.— С.93—96.

между украинскими землями Речи Посполитой и Россией. Комплекс выявленных источников освещает характер, а также особенности контактов и связей на уровне местного населения; раскрывает основные формы межгосударственного взаимодействия, обусловленные порубежными взаимоотношениями (как на уровне правительств двух стран, так и на уровне местной пограничной администрации Российского царства и Речи Посполитой), позволяет проследить ход переселения черкас в Россию, адаптацию переселенцев и действия российских властей по регулированию миграционного процесса. Таким образом, в выявленных источниках отражены основные черты и свойства изучаемого процесса, что позволяет сделать вывод о репрезентативности данной выборки.

Проиллюстрировать сделанный вывод может подсчет воеводских отписок — наиболее распространенной и массовой разновидности приказной документации. Отписки, освещающие ситуацию на порубежье, направлялись в Посольский приказ, поскольку дело касалось внешнеполитических сношений России, и в Разряд, в ведении которого находилась приграничная территория. Тематически можно выделить документы об устройстве на российской территории переселенцев из украинских земель Речи Посполитой, предоставлении им земельных участков, жалованья, принятии на воинскую службу. Их анализ показывает, что центральная и местная администрация по отношению к черкасам вела себя так же, как к остальным российским подданным. Имеется ряд отписок о положении дел и событиях на Днепровском Левобережье. Отдельную и наименее изученную группу источников данной разновидности составляют отписки, свидетельствующие о трудностях во взаимодействии российских подданных и должностных лиц с черкасами. Проблемы возникали из-за отсутствия соответствующего опыта, они провоцировались политикой властей Речи Посполитой и бюрократизмом российской системы управления. Анализ отписок данной группы позволяет дифференцированно выявить степень их репрезентативности в территориальном и хронологическом отношении. В таблице представлены данные по порубежным городам, из которых наиболее часто приходили сведения о российско-украинских контактах. Приведено общее число отписок данной группы, а в скобках указано, сколько из них опубликовано, что по-

зволяет судить о степени изученности истории российско-украинского порубежья. Большинство отписок по данной проблематике поступало из Путивля, Белгорода и Валуйки. Документы данного вида практически не освещают период 1571—1610 гг. Как свидетельствуют другие источники, российско-украинское взаимодействие в это время было не очень активным. Кроме того, перечисленные материалы могли серьезно пострадать во время польской интервенции начала XVII в., поскольку они имели непосредственное отношение к территориальному спору между Россией и Речью Посполитой. Количество отписок синхронно увеличивается, начиная с 20-х гг. XVII в.:

Таблица 1

Воеводские отписки, содержащие сведения о ситуации на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией

Отписки воеводы города	Количество фактов фиксации								
	1571 — 1580	1581 — 1590	1591 — 1600	1601 — 1610	1611 — 1620	1621 — 1630	1631 — 1640	1641 — 1653	Всего
Путивль	—	2	—	—	1	14 (4)	50 (20)	52 (32)	119 (56)
Рыльск	—	—	—	—	1	1	19 (3)	3 (2)	24 (5)
Севск	—	—	—	—	—	1 (1)	13 (4)	9 (7)	23 (12)
Воронеж	—	—	—	—	2	1	9 (2)	12 (3)	24 (5)
Курск	—	—	—	—	1	1	22 (2)	13	37 (2)
Белгород	—	—	—	—	2	6 (4)	43 (2)	53 (18)	104 (24)
Оскол	—	—	—	—	1	1	14	3	19
Валуйка	—	—	—	—	1	7 (1)	20 (1)	46 (9)	74 (11)
Всего:	—	2	—	—	9	32 (10)	190 (34)	191 (71)	424 (115)

Высказанные предположения подтверждаются анализом отписок, связанных с российско-украинским взаимодействием, направлявшихся воеводами крепостей, строившихся во время сооружения

Белгородской черты. Например, за период с 1641 по 1653 гг. имеется 23 отписки яблоновских воевод, 19 — корочанских, 18 — чугуевских, 21 — хотмыжских и 14 — вольновских.

Для установления аутентичности источников целесообразно использовать методы актового источниковедения, в том числе дипломатический анализ, предполагающий всестороннее изучение как внешней, так и внутренней структуры документальных материалов. Внешний вид актов: характер почерка, чернил, бумаги — позволяет сделать вывод об их подлинности. Кроме того, донесения, отписки, челобитные и другие виды массовых документов вряд ли было целесообразно подделывать. Если подделки и были, то только единичные, а данных документов сохранилось и проанализировано большое количество, что позволяет говорить о достоверности сведений, почерпнутых из совокупности этих источников. Данный вывод подтверждается формулярным анализом. В воеводских отписках, царских (разрядных) грамотах, дипломатических посланиях и челобитных порубежных жителей имеются все клаузулы соответствующей формы: инскрипция (inscriptio), интитуляция (intitulatio) и салютация (salutatio) в тексте, датация (datum) и субскрипция (subscriptio) в заключительном протоколе. Сопоставление перечисленных документов с актами той же разновидности изучаемой эпохи свидетельствует об их подлинности. Все они составлены с соблюдением традиций российского приказного делопроизводства XVI—XVII вв.

По своему происхождению отписки воевод и челобитные таят опасность искажения (по тем или иным причинам) информации об изучаемых событиях. Однако в этих случаях в определенной степени можно положиться на опыт приказного делопроизводства при решении стереотипных ситуаций на основе традиций. Как правило, каждый конкретный случай сопоставлялся с рядом прецедентов, и решение принималось в соответствии с предыдущим аналогом. Так что воеводы и челобитчики серьезно рисковали при явном искажении фактов, а потому, как показывает проведенный анализ, обычно на это не решались. Челобитные содержат информацию о местах расселения черкас, об обеспечении их жалованьем, вооружением и амуницией, а также раскрывают процесс укоренения переселенцев в России. Челобитные черкас и других категорий служилых людей и населения приграничных территорий содержат информацию о зе-

мельных и имущественных спорах и деятельности властей по разрешению конфликтных ситуаций. Обращает на себя внимание тот факт, что в челобитных черкасы называли себя «иноземцами», несмотря на принятие присяги в виде «крестного целования», а следовательно, и российского подданства.

Зная установившиеся в первой половине XVII в. принципы проведения расследования, можно оценить степень достоверности информации, содержащейся в следственных делах. Сопоставление протоколов очных ставок, допросов подозреваемых, свидетелей и истцов, которые были обязаны подтверждать подлинность своих слов под пыткой, позволяет выявить достоверные данные из этих источников. Следует выделить распросные речи переселенцев. Обычно их записывали в съезжих избах порубежных городов или в приказах — Посольском и Разрядном. Как показывает сопоставление с другими документами, черкасы могли утаивать свое семейное положение для того, чтобы жениться повторно на новом месте, но обычно не искажали информацию о положении дел в Польше и о своем прежнем месте жительства. Критически нужно рассматривать распросные речи черкас, задержанных по обвинению в подготовке или при попытке побега на территорию Речи Посполитой. К ним относились как к государственным изменникам, соответственно последние в своих показаниях стремились утаить невыгодные для них факты.

Анализ дипломатической переписки дает возможность оценить степень достоверности сообщений с мест, а сравнение документов, возникавших в России и Речи Посполитой по одному и тому же поводу, указывает на высокую степень подлинности источников этой группы. Правительственные документы следует отнести к весьма надежным историческим источникам. Сведения, содержащиеся в них, очень хорошо проверяются путем сопоставления с соответствующими воеводскими отписками и челобитными, а также с записями Литовской метрики.

В тех случаях, когда имелась возможность проверить одни и те же данные по нескольким источникам, всегда наблюдалось достаточное совпадение сведений без существенных искажений. Видовое разнообразие источников позволяет проанализировать отложившуюся в них информацию. Облегчает эту задачу наличие значительного числа источников сложного состава. Они включают в себя различные документы, возникавшие, зачастую, на протяжение значительного промежутка времени. Например, это следственные дела, содержащие отписки, «вести», «распросные» и «пыточные» речи или грамоты из Разрядного приказа с изложением челобитных и переписки между воеводой и Разрядом, возникшей по этому поводу. Такая форма делопроизводства способствует не только определению достоверности информации, но и позволяет восстановить тот или иной эпизод, даже если значительная часть документов о нем утрачена.

В фондах РГАДА сохранилось немало подлинников челобитных, воеводских отписок, распросных речей и других следственных документов. Большинство же царских (разрядных) грамот, указов, наказов послам и воеводам дошло в виде чистовых отпусков, черновиков и современных копий, использование которых вполне допустимо, поскольку такие копии, в большинстве случаев, не искажают документы.[173] Сличение сохранившихся подлинников с соответствующими черновыми и беловыми отпусками свидетельствует в пользу последнего утверждения. Кроме того, анализ черновых записей, сравнение их с подлинником и чистовым отпуском позволяет проследить процесс работы над документом и сделать заключение о достоверности сообщаемых им сведений.

В целом, весь комплекс сохранившихся источников позволяет провести исследование обстановки на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией в конце XVI — первой половине XVII в., выявить общие закономерности и тенденции, а также осветить конкретные события. Совокупность выявленных источников дает возможность рассмотреть не только политику Российского царства в регионе, но и определить позиции Речи Посполитой в связи с украинской народной колонизацией Поля, а также достаточно подробно проанализировать деятельность черкас в Днепро-Донской лесостепи, оценить характер контактов жителей Украины и России на порубежье в конце XVI — первой половине XVII в., несмотря на незначительное количество источников польского и украинского происхождения.

---

[173] См.: Тихомиров М.Н. Приказное... С. 348.

Таким образом, отсутствие сформировавшегося в ходе естественной выборки компактного массива источников не может служить препятствием для исследования проблемы российско-украинского взаимодействия в приграничном регионе. В ходе анализа материалов различных архивных фондов была реализована возможность создания системы данных, позволяющая решить поставленную проблему. Полученные сведения, взятые в совокупности с результатами исследований иных аспектов российско-украинских взаимоотношений, предшествовавших вхождению Украины в состав Российского царства, позволяют составить достаточно полное представление о рассматриваемом процессе.

ГЛАВА 2.
КОЛОНИЗАЦИЯ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДДАННЫХ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

§1. Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство в Днепро-Донской лесостепи во второй половине XVI века

С присоединением Рязани в 1521 г. завершился процесс образования территории единого Российского государства, и наступил новый этап в его развитии. В составе княжества всея Руси были объединены все русские земли, не входившие в состав Великого княжества Литовского. Дальнейшее укрепление международного положения Руси в представлении правящей элиты связывалось с территориальным расширением страны. Наличие недружественных и сильных соседей подталкивало Русь к совмещению своих государственных границ с естественными рубежами (горными массивами, болотами, крупными реками, озерами, морским побережьем), удобными для организации защиты государственной территории от нападений. Консолидация русских земель делала реальной перспективу решения этой задачи. Распространение владений России на протяжении XVI и последующих

столетий происходило по нескольким направлениям. Одним из важнейших, а нередко и самым основным, было южное. На протяжении длительного времени степи были источником постоянной опасности для славянского мира. Здесь кочевали татарские отряды. Они совершали набеги на славянские земли, грабили их и уводили население в рабство. Но проблемы, связанные с южнорусскими степями, этим не исчерпывались. Днепро-Донская лесостепь, примыкавшая к южной окраине Руси, являлась объектом притязаний со стороны сразу нескольких держав: Российского царства (с 1547 г.), Речи Посполитой и Крымского ханства. Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того, как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, вошли в состав Руси,[174] а, начиная с 1507 г., владения князя всея Руси стали подвергаться постоянным нападениям крымских татар. С этого времени татарская конница не раз прорывалась на Русь. В Днепро-Донской лесостепи пролегли татарские дороги-сакмы, огибавшие лесные массивы и крупные реки. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам. Дело в том, что на высоких участках степи весной снег сходил раньше, земля здесь высыхала скорее, и быстрее появлялась трава, необходимая для татарских лошадей.

В XVI и XVII столетиях интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Весь XVI в. прошел под знаменем колонизации русским земледельческим населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на исконные земли, которые русские крестьяне были вынуждены покинуть в результате монголо-татарского нашествия.[175] Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси — Российского царства, провозгласившего себя

[174] В результате первой русско-литовской войны XVI в. практически все Чернигово-Северские земли перешли во владение князя всея Руси. В том числе и города с прилегающей округой, находившиеся в рассматриваемом регионе, а именно: Чернигов, Путивль, Рыльск и Новгород-Северский. Попытка Великого княжества Литовского вернуть утраченное в 1507—1508 гг. не увенчалась успехом, и по условиям «вечного мира», подписанного 8 октября 1508 г., Литва признала все завоевания Ивана III. Не изменилась ситуация и после третьей (1512—1522 гг.) и четвертой (1534—1537 гг.) русско-литовских войн XVI в. (См.: Похлебкин В.В. Ук. соч.— Вып. 2.— Кн. 1.— С. 363—379).

[175] О домонгольских поселениях в Днепро-Донской лесостепи см. например: Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура».— Белгород, 1998.— С. 19—22; Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография.— Воронеж, 1998.— Вып. 12.— С. 50—71; Тропин Н.А. Елецкая земля в XII—XV вв.— Елец, 1999.— С. 54—88.

преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто.[176] Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Уже в начале XVI в. возникла Тульская оборонительная черта. К середине столетия новые русские крепости с гарнизонами служилых людей продвинулись еще дальше на юг: Данков, Шацк, Орел и др. Таким образом, колонизация южных окраин приобрела характер не только народной, но и государственной. Это тем более важно, если учесть то обстоятельство, что плодородный, но тяжелый чернозем трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более легкие серые лесные почвы. Грунт лесной полосы отличается маломощной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание. Этим условиям более всего соответствует соха.[177] Тем не менее, именно двузубая деревянная соха с железными сошниками в конце XVI — первой половине XVII в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но в южной лесостепи. Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации южных степей над хозяйственным значением этого процесса, которое проявится позднее. Вышеизложенное дает основание усомниться в справедливости мнения Р.Г. Скрынникова о том, что «...истощение почвы и низкая производительность принудительного барщинного труда привели вскоре к резкому падению урожайности зерновых на государевой

[176] См.: Новосельский А.А. Ук. соч.— С. 41. Изначально крымско-русские отношения строились как равноправные. Однако вхождение в состав Русского государства земель и мелких княжеств — прежних данников Крыма возложило на князя всея Руси обязанность выплаты «взимков» с этих территорий в пользу Крымского ханства. Вместе с тем, довольно быстро сами крымцы начинают отказываться от употребления терминологии, выражающей данническую зависимость Руси (подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // ОИ.— 1999.— № 2.— С. 69—77); Она же. Русь и Крым: От союза... С. 225—271.

[177] См.: Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы.— М., 1987.— С. 195.

пашне и степных уездов».[178] Скорее, низкие урожаи следует связывать с вышеописанными особенностями агротехники.

Россия стремилась к колонизации Днепро-Донской лесостепи, т.к. это обеспечивало ей определенные преимущества. Во-первых, заселение и освоение указанных земель русскими служилыми людьми позволяло организовать новую линию обороны на пути татарских набегов. Прежняя схема защиты от вторжений крымцев, опиравшаяся на Тульскую засечную черту, не всегда оказывалась эффективной. Поэтому, по мере увеличения военных возможностей государства, в Поле стали выдвигаться русские сторожи и станицы. Затем начали создаваться опорные пункты, впоследствии ставшие центрами освоения края. Во-вторых, любое продвижение на юго-запад было выгодно России, поскольку позволяло эффективнее противостоять польскому давлению на восток. К XVI столетию во взаимоотношениях княжества всея Руси с Польским королевством и Великим княжеством Литовским накопилось довольно много проблем. Кроме того, начиная с Василия III московские государи претендовали на часть земель, принадлежавших Великому княжеству Литовскому. В 1503 г. русские послы от имени своего государя заявляли: «Ано не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск<...> з Божьей волею, из старины, от наших прародителей наша отчина».[179] К 1537 г. Смоленские и Северские земли были уже отвоеваны Россией, а Киевские, по Люблинской унии 1569 г., отошли к Королевству Польскому.

Со своей стороны, Речь Посполитая всячески пыталась помешать усилению России. Отсутствие значительных естественных рубежей служило предпосылкой для постоянного противоборства между двумя странами. Характерно, что оба государства свои территориальные претензии обосновывали с исторически-правовой точки зрения. Но реального значения юридические доказательства не имели. На первый план вышел другой фактор — колонизация. Тот, кто раньше успевал освоить спорные земли в военном и хозяйственном отношениях, утвердиться на них, тот и выигрывал территориальный спор. Примечательно, что заселение южных окраин

[178] Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута».— М., 1988.— С. 114.
[179] Сб. РИО.— Т. 35.— С. 460.

России и Речи Посполитой началось практически одновременно в последние десятилетия XVI в.[180]

Лесостепные пространства, расположенные между Днепром и Доном, не являлись местом постоянного обитания крымцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой бассейн Северского Донца и других притоков Днепра и Дона, но рассматривали эти земли как часть Крымского ханства. Они постоянно здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий. В силу этого, степняки стремились не допустить колонизации Поля другими странами. Кроме того, эта территория во второй половине XVI в. играла роль своеобразного буфера между Россией и Крымом. Такое положение делало ханство практически неуязвимым. Ведь в случае похода на Крым русских войск, им длительное время приходилось продвигаться по безводной степи, имея громоздкие обозы. Хан же имел возможность собрать силы и постоянными нападениями небольших отрядов изнурять противника. Буферная зона являлась удобным местом для концентрации татар перед набегами и давала степнякам возможность уйти от погони. Уже к середине XVI в. российское правительство достаточно ясно осознало всю невыгодность для себя сложившейся в этом регионе геополитической ситуации. Поэтому во второй половине XVI в., как только появились силы и средства, Россия начинает продвижение на юг, в лесостепь.

После завоевания Казани в 1552 г. Российское царство получило возможность активизировать свою политику на южном направлении. С этого времени началось последовательное строительство русских крепостей на окраине, к которой примыкало Поле. В результате сооружения «городов от Польской украины»: Михайлова, Шацка, Дедилова, Волхова, Ряжска, Новосили, Орла, Епифани, Данкова и др. — Россия смогла приступить к мероприятиям, направленным на освоение территории собственно Днепро-Донской лесостепи.

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба. Ее организатором являлся боярин М.И. Воротынский. Ежегодно, с ранней весны до поздней осени, в Поле выставлялись

[180] См.: Падалка Л.В. Прошлое полтавской территории и ее заселение.— Полтава, 1914.— С. 53.

российские сторожи и станицы. Пограничная служба складывалась теперь из трех элементов: 1) путивльских и рыльских станиц, ездивших по утвержденным в Москве маршрутам; 2) сторож из окраинных российских городов, стоявших в утвержденных в Москве местах и наблюдавших за путями возможных татарских набегов; 3) общероссийских сторож, располагавшихся на Поле и высылавших по сторонам свои собственные станицы. Одна общероссийская сторожа находилась при впадении р. Балаклеи в Вапу, вторая — на левом берегу Дона, выше устья р. Хопер, третья — на р. Осколе, при устье Убли, а четвертая — на р. Сейме, при устье речки Хона.

С 1573 г. вооруженные силы украинных городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорыва татар к Москве. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки. В 1575—1576 гг. было несколько изменено расположение общероссийских сторож. Так, самая западная сторожа с берега р. Сейм была переведена на Северский Донец, на устье р. Уды. В 1577 г. на сторожу к Северскому Донцу посылали детей боярских Брянск, Почеп, Стародуб и Новгород-Северский, кроме того, Орел и Карачев, а в случае необходимости — Новосиль, Болхов и Одоев. Сторожу на р. Осколе обеспечивали дети боярские из Тулы, Пловы, Соловы, Епифани, Венева, Мценска, а также из Болхова и Одоева. Разорение страны в результате неудачной для России Ливонской войны привело к сокращению количества общероссийских сторож на Поле с четырех до двух, в том числе была снята сторожа на Северском Донце. Остались сторожи при слиянии Оскола и Убли и на Дону, при Богатом Затоне, в каждой из них находилось по 70 человек.[181] К этому времени относится попытка официального включения Поля в состав России. Воевода М. Тюфякин и дьяк М. Ржевский обозначили особыми знаками границы Российского царства в южной степи. Можно предположить, что подобные действия восточного соседа не оставили равнодушной Речь Посполитую. Так, в 1589 г. польский королевский канцлер Ян Замойский выступил с пропагандой проекта завоевания Смоленска и Северских земель, а также осуществления последующей унии двух государств.[182]

[181] См.: Загоровский В.П. История... С. 156—187; Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ.— М.; Л., 1948.— Вып. 20.— С. 3—28. Здесь же см. подробную схему расположения станиц и сторож.

С 80-х годов XVI в. развернулось строительство крепостей на Поле, призванных стать опорными пунктами в борьбе с Крымом. В 1586 г. были основаны Ливны и Воронеж. Как справедливо отметил В.П. Загоровский, сооружение этих городов должно было не только способствовать перекрытию татарских дорог, но и обеспечить закрепление придонской части Поля за Россией. Такая задача стала актуальной в связи с появлением в Днепро-Донской лесостепи черкас. Этот же исследователь сформулировал свою версию относительно даты основания Воронежа. Он проанализировал разрядную память 1594 г., которая была составлена на основе более ранней челобитной и говорила об отмежевании земель к Воронежу в 7093 (1585) г. Он посчитал, что «...документ включен в новое дело полностью, без изменений, поэтому сомневаться в его деталях нет оснований».[183] В итоге, привлекая ряд косвенных, но не бесспорных доказательств, В.П. Загоровский пришел к выводу об основании Воронежа в 1585 г.[184] Однако в дальнейшем исследователь обнаружил документы, исключающие появление царского указа об основании Воронежа в 7093 г., и заключил: «...московские подьячие, составлявшие через восемь лет после упомянутых в челобитной событий справку-память, поставили в ней первую встреченную в документе дату — «93 год».[185] Примечательно, что в обоих случаях, для более подробной источниковедческой характеристики рассматриваемого типа документов, читатель отсылается к одной и той же статье автора «Вопрос о русском морском флоте на Дону до Петра I. Обзор источников и историография».[186] В результате расчетов, построенных на ряде предположений, В.П. Загоровский утвердился во мнении, что решение Боярской думы и царский указ об основании Ли-

[181] История внешней политики... С. 197.

[183] Загоровский В.П. Из истории городов на Белгородской черте // Из истории Воронежского края. Вып. 3. Труды Воронежского университета.— Воронеж, 1966.— Т. 64.— С. 28.

[184] Там же. — С. 29—33.

[185] Он же. История... С. 201.

[186] Ср.: Загоровский В.П. Из истории... Ссылка № 35.— С. 28 и Он же. История... Ссылка № 32.— С. 200.

вен и Воронежа появились в промежутке от 24 ноября 1585 г. до 1 марта 1586 г.[187] Я.Г. Солодкин использовал дополнительные источники для анализа данной проблемы. Он пришел к заключению о появлении указа о постройке Воронежа в конце декабря 1585 — в январе 1586 г.[188]

Исходя из основных методических принципов определения времени и места основания населенных пунктов,[189] а также учитывая сведения, содержащиеся в наказе русским посланникам Е.Л. Ржевскому и З. Свиязеву, отправленным в Речь Посполитую 16 января 1587 г., можно уточнить представление об основании Воронежа. Речь идет не о дате появления царского указа о постройке города, а о времени возникновения нового русского населенного пункта. Поскольку текст упомянутого наказа, составленного 20 декабря 1586 г., применительно к датировке Воронежа вызывает различные оценки исследователей,[190] уместно процитировать его фрагмент: «И сего лета наши проезжие станицы на Поле, твои, брата нашего (польского короля. — А.П.), люди, из того города (Переяславля — А.П.) выходя, многижды побивали и грабили. И к нашему новому городу, что поставлен сего лета на усть Ливны на Сосне, и другому новому [городу], что поставлен у нас сего лета на Дону, на усть Воронежа, приходят черкасы с того из нового города, из Переяславля<...> А люди твои в то время к нашим городом к новым приходили, в кое время наши воеводы, со всеми людьми сшедшись, билися с крымскими людьми и с азовскими».[191] Так как в 1585 г. набегов татар на Польскую украину не было, а летом 1586 г. значительные силы крымцев угрожали России,[192] то наиболее обоснованной датой основания Воронежа следует признать 1586 г.

---

[187] Загоровский В.П. История... С. 201.

[188] Солодкин Я.Г. О двух спорных проблемах ранней истории Воронежа // Из истории Воронежского края.— Воронеж, 1998.— Вып. 7.— С. 13—17.

[189] См.: Водарский Я.Е. Проблемы сущности, времени и места основания городов и возникновение города Липецка // Липецк: начало истории.— Липецк, 1996.— С. 104—107.

[190] См.: Солодкин Я.Г. Первые годы существования Воронежа // Из истории города Воронежа.— Воронеж, 1984.— С. 44.

[191] РГАДА.— Ф.79.— Оп. 1.— Кн. 17.— Л. 11—12об.

[192] См.: Загоровский В.П. История... С. 203—204; Любавский М.К. Обзор... С. 299; Новосельский А.А. Ук. соч.— С. 41.

В 1592 г. Российское царство и Речь Посполитая заключили перемирие на 12 лет. Вполне вероятно, что Россия, отказавшись от претензий на эстонские города, активизировала свою политику на южном направлении. В 1592 г. был построен г. Елец. В 1593 г. возникли Белгород и Оскол. Следует отметить, что неполнота исторических источников, а также неоднозначность их интерпретации породили различные суждения о датировке основания и обстоятельствах возникновения двух последних населенных пунктов. Начиная с Н.М. Карамзина историки основывались на летописной записи под 1593 г. о намерении царя Федора Ивановича возвести новые города на южных российских рубежах и строительстве Белгорода, Оскола и Валуйки, как об исполнении этого намерения. Однако сделанная в XIX в. находка одной из редакций разрядной книги относила построение Белгорода, Оскола, а также восстановление Курска уже к 1598 г. Примечательно, что в числе «новых польских городов», существовавших в 1598 г., названы не только Белгород с Осколом, но и Валуйка.[193] Позднее был найден текст указа о строительстве Валуйской крепости, но относящийся к 1599 или 1600 году.[194]

С этого начались продолжающиеся и до сей поры разночтения в датировке основания Белгорода. Предпочтение, отдававшееся длительное время 1593 г., было связано с авторитетом придерживавшихся этой даты крупнейших исследователей истории заселения южной окраины России конца XIX столетия — Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского. Однако после издания в 1969 г. монографии одного из ведущих исследователей истории Черноземного региона В.П. Загоровского, посвященной истории Белгородской черты, в литературе закрепилась еще одна дата основания Белгорода — 1596 г., повторенная в последней монографии этого историка.[195] Основанием к предложению такой даты для самого автора послужила публикация в 1966 г. найденной еще одной редакции разрядной книги.[196] Однако, справедливости ради, следует отметить, что 1596 г., как

---

[193] См.: Синбирский сборник.— М., 1845.— Т. I.— С. 137; Разрядная книга 1559—1605 гг.— М., 1974.— С. 318 (далее — РК).

[194] См.: Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний.—Харьков, 1890.— Т. II.— С. 1—12.

[195] См.: Загоровский В.П. Белгородская... С. 43—45; Он же. История... С. 218—221.

[196] РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 500—501.

один из вариантов датировки основания Белгорода, приводился А.А. Зиминым еще в 1955 г.,[197] но это осталось незамеченным, в том числе самим В.П. Загоровским. Предположения А.А. Зимина стали результатом анализа записей из местнического справочника, составленного в XVII в. на основе Разрядных книг, списков, росписей, десятен и др. разрядных документов.[198]

Уместно напомнить, что разрядные книги являются источником вторичного происхождения, обобщающим содержание ряда первоисточников, в первую очередь разрядных записей. Государев разряд 1598 г., дошедший до настоящего времени, составлен после смерти Федора Ивановича и, судя по водяным знакам бумаги, написан не ранее 40—50-х гг. XVII в. Таким образом, несмотря на официальный характер разрядной книги, в ней могут содержаться определенные неточности, связанные с ошибками составителей и переписчиков. Наглядным примером тому может служить запись о постройке Белгорода в 1596 г. В Уваровском списке место постройки крепости на Северском Донце трижды названо «Белогородье», а в сохранившихся разрядных записях, относящихся к концу XVI в., дважды упомянуто «Белогорье» и лишь один раз «Белогородье».[199] Это говорит об ошибке переписчика. Данное предположение подтверждается записью в другой разрядной книге.[200] По наблюдению А.Г. Дьяченко, «Разрядная книга 1475—1598 гг» относится к разновидности официальных разрядных книг краткой редакции и страдает по этой причине обобщенной формой изложения. Она содержит очевидное хронологическое противоречие: события более ранние в ней датированы более поздним годом (отправка голов для определения места постройки городов — 16 июня 1596 г.), и наоборот, более поздние события оказываются приуроченными к более раннему времени (возведение Белгорода — сентябрь—декабрь 1595 г.). Этот факт дал основание для заключения о том, что выводы В.П. Загоровского, В.А. Кучкина и некоторых других исследователей об основании Белгорода в 1596 г. не находят подтверждения в «Разрядной книге 1475—1598 гг», а корректную в рамках исторической хронологии дату начала возведения Белгородской крепости (1 сентября 1596 г.) дает «Разрядная книга 1475—1605 гг.).[201]

Между тем в составленном в 30-е гг. XVII в. «Новом летописце» статья «О поставлении украинных городов» находится между статьями «О преставлении царевны Феодосии» и «О послании воевод в Шефкалы». Согласно вкладной книге Троице-Сергиева монастыря, единственная дочь Федора Ивановича скончалась до 26 сентября 1593 г., а по данным М.М. Щербатова это событие произошло незадолго до 7 декабря того же года. Вторая статья сообщает о посылке на р. Терек воеводы А.И. Хворостинина в 7102 (1593/94) г. Материалы Посольского приказа свидетельствуют, что значительное русское войско в 15 тыс. чел. под командованием А.И. Хворостинина отправилось в путь между июнем и серединой сентября 1593 г. Таким образом, указание на «поставление на степи» Белгорода, Оскола и Валуйки в том же году, когда умерла царевна Феодосия, но до похода А.И. Хворостинина на Терек вполне убедительно дает дату 1593 г.[202]

Тем не менее, в исторической литературе 1596 г. надолго был признан наиболее убедительной датой основания Белгорода и Оскола. Однако единого мнения по спорной датировке так и не сложилось. Между тем, как это часто бывает, истина заключалась не в противопоставлении, а в сопоставлении обеих дат. С одной стороны, оказалось, что сохранились документы, косвенно подтверждающие датировку существования Оскола (а следовательно, и всегда упоминавшегося рядом с ним Белгорода) в 1593 г.: это позднейшие челобитные жителей Оскола — 30 станичных вожей и 20 станичных атаманов, прямо указывавших, что поселены были, как

---

[197] Зимин А.А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки.— М., 1955.— Т. 52.— С. 346—347.

[198] Татищев Ю.В. Местнический справочник XVII века // Летопись историко-родословного общества в Москве.— Вильна, 1910.— Вып. 2—3.— С. 34—35.

[199] Ср.: РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 500 и РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 232.— Л. 342, 343, 347. Цитированные разрядные записи не дают окончательного ответа на вопрос о времени основания Белгорода, т.к. листы столбца перепутаны, в результате чего хронология неясна.

[200] РК 1475—1605 гг.— М., 1989.— Т. III.— Ч. III.— С. 113.

[201] См.: Дьяченко А.Г. Разрядные книги конца XVI — начала XVII вв. о возникновении Белгорода (хронологический комментарий) // Материалы международной конференции, посвященной 850-летию г. Ельца.— Елец, 1996.— С. 23—26.

[202] См.: Солодкин Я.Г. К оценке достоверности летописных известий об основании южнорусских городов в конце XVI века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура.— Белгород, 1996.— С. 6—9.

они писали, «мы и отцы наши» в Оскольском городе усть Малого Оскольца, т.е. на современном месте, в «прошлом сотом году». Судя по пометам на указанных челобитных, в Разрядном приказе указание на поселение станичников в Осколе в «сотом» году не вызвало возражений. Содержание челобитных было доложено царю, который «...велел дать свою государеву грамоту, как они преж сего жили». Соответствующие грамоты были отправлены оскольскому воеводе Даниле Моисеевичу Яблочкову 18 апреля 1629 г.[203] Поскольку в те времена «прошлым» называли не только год, непосредственно предшествующий текущему, но и любой из предыдущих годов, а летосчисление вели «от сотворения мира», то значит, в 1629 г., когда составлялись эти коллективные челобитные, «прошлым сотым», а точнее, 7100-м годом был 1592/93 год по современному летосчислению. Таким образом, дата летописи как официального документа (а по правилам датировки только такой и служит основанием) — 1593 г. — подтверждается. Впервые это было отмечено Е.В. Дворецким.[204] Необходимо подчеркнуть, что в упомянутых челобитных речь не может идти о «сведении» вожей и атаманов на Оскол в 1596 г., т.к. в качестве оскольского воеводы, наделявшего их землей, челобитчики называют Степана Данилова, а не кн. Ивана Солнцева, который в 1596 г. был оскольским воеводой.[205] Кроме того, Степан Иванович Данилов в 1596 г. служил головой в Орле,[206] а значит не мог находиться в Осколе. Можно предположить, что на Осколе он был ранее, но не воеводой, а головой, поскольку воевод до 1596 г. в Оскол не назначали. Тот же С. Данилов служил головой в Осколе в 1598, 1600—1601 гг., что дало основание Я.Г. Солодкину для предположения о «сведении» челобитчиков на Оскол именно в это время.[207] Такое допущение представляется маловероятным, т.к. в 1598 г.

[203] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 40.— Л. 101—114.
[204] Дворецкий Е.В. О достоверности летописной даты основания Белгорода, Оскола и Валуек // Историография и источники по исторической географии Центрального Черноземья.— Курск, 1989.— С. 13—14.
[205] Никулов А.П. Старый Оскол.— Курск, 1997.— С. 58—59.
[206] РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 490.
[207] Солодкин Я.Г. О времени основания и первоначальном местоположении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.— М.; Курск, 1994.— С. 45; Он же. К ранней истории Оскола и Царева-Борисова //

в Осколе уже был государев воевода,[208] и только он мог распределять земельные угодья между служилыми людьми.

Принципиально важным является то обстоятельство, что признание достоверности 1593 г. как даты основания Белгорода вовсе не исключает истинности и позднейшей записи разрядной книги о строительстве городов Белгорода, Оскола и Курска в 1596 г. Сопоставимость обеих дат вытекает из употребления в те времена термина «город» не только в широком смысле, применительно к укрепленному поселению вообще, но также, как справедливо отмечал сам В.П. Загоровский, для обозначения особого типа окружавших поселение укреплений (в отличие от острога). Применительно к рассматриваемому времени исследователи выделяют четыре типа укрепленных населенных пунктов: 1) город, забранный в острог и не имеющий кремля; 2) город с острогом и включенным в его стены небольшим кремлем; 3) город без острога, только с небольшим кремлем и 4) город-острог с расположенным в его центре кремлем (под городом понимается укрепленное поселение. — А.П.).[209] В приказной документации конца XVI — первой половины XVII в. понятия «город» и «острог» четко дифференцировались. Постепенное слияние этих терминов началось во второй половине XVII столетия.[210] В отличие от «острожной» стены, выполненной в виде частокола или забора, «городовая» состояла из срубных конструкций — «тарас» или «городен». При этом «городом» часто именовалась сама крепостная стена, а, при наличии нескольких рядов укреплений, также огороженная каждой из стен часть поселения. Это хорошо известно не только на примере Москвы, где за пределами Кремля последовательно располагались: Китай-город, Белый город, Земляной город. Можно найти аналогии и в конструкции других российских крепостей этого времени.[211] Подобным образом были вы-

Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России.— Тула, 2002.— С. 97—98.
[208] РК 1598—1638 гг.— М., 1974.— С. 107.
[209] Кириллов В.В. К проблеме изучения древнерусского города XVI—XVII вв. // Русский город.— М., 1984.— Вып. 7.— С. 31.
[210] См.: Резун Д.Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // ВИ.— 1979.— № 10.— С. 172—176.
[211] См.: Кирпичников А.Н. Кремли России // Кремли России.— М., 1999.— С. 8—9.

строены укрепления Переяславля Рязанского в XVI—XVII вв.[212] Чердынь, являвшаяся своеобразным плацдармом для освоения уральских и сибирских земель, имела деревянный кремль на Троицком холме (начало строительства — 1535 г.) и располагавшийся к западу от него посад, окруженный стоячим острогом.[213] Укрепления Самары, построенные в 1586 г., представляли собой четырехугольный рубленый «город» с шестью башнями, обнесенный второй тыновой острожной стеной.[214] Даже внутри Белгорода второй половины XVII века, периметр внешних укреплений которого составлял 1887 саженей (ок. 4 км), выделялся «Белгород Меньшой» с периметром укреплений 558 саженей (1,2 км). Такая многозначность термина «город» объясняет вторичное «строительство» существовавших уже к 1593 г. Белгорода и Оскола в 1596 г., когда на месте поселений служилых людей были построены новые укрепления — «городовые» крепости.

Что касается третьего города — Валуйки, не упоминавшегося в Разрядной книге, то существование его еще до появления в 1599 г. указа о строительстве крепости также имеет подтверждение. В том же 1629 году, когда писались челобитные осколян, монахи Валуйского Николопристанского монастыря, пострадавшего в годы Смуты, также обратились с челобитной, в которой указывали, что монастырь был основан при царе Федоре Ивановиче (скончавшемся в 1598 г.). Вероятно, и в этом случае речь идет о строительстве городовой крепости на месте уже существовавшего поселения. Примечательно, что в дьячьих выписях, составленных по поводу упоминавшейся выше челобитной, а также при рассмотрении челобитной аналогичного содержания, поданной строителем Белгородского монастыря в том же году, содержится свидетельство о гибели всех

[212] Кусова И.Г. Кремль Переяславля Рязанского в XVI—XVII веках: социально-функциональная топография // Кремли России. С. 69.
[213] Чагин Г.Н. Чердынский кремль Перми Великой и его место в топографии города // Там же.— С. 71—72.
[214] Скоробогатова Е.А. Самарский кремль и его роль в формировании панорамы города // Там же.— С. 73—74.

разрядных документов, связанных со строительством Белгорода и Валуйки, в большой московский пожар 3 мая 1626 г.[215]

Поэтапное строительство крепостей достаточно известно в практике российского градостроительства XVI столетия и вовсе не является уникальным для первых городов на Поле. А.А. Зимин уже обращал внимание на разрыв, порой в несколько лет, между датой основания Михайлова, Шацка, Дедилова, Черни, Севска, Курска и началом строительства на их месте «городов».[216] Еще один пример поэтапного строительства укреплений можно привести из практики сооружений русских крепостей в начале непосредственной колонизации Сибири Российским царством. Так в 1587 г., в условиях враждебных отношений с татарами и развернувшейся в Сибирском ханстве усобицы, русскими служилыми людьми были построены Тюменский и Тобольский остроги. Рассчитанные на пребывание в них лишь служилых людей, остроги представляли собой укрепленные тыновой стеной, валом и рвом военные лагеря. Затем, после подавления основных очагов сопротивления, в 1593—1594 гг. в Тюмени и Тобольске были возведены рубленые «города».[217] Причем первые сообщения в Разрядной книге о назначении воевод в Тюмень относятся к 7099 (1590/91) г., а в Тобольск — к 7101 (1592/93) г. Начиная с 7104 (1597/98) г. назначения воевод в эти города становятся ежегодными.[218] Видимо, первоначально командовали гарнизонами новых острогов не воеводы, а «головы», имена которых не всегда попадали в разрядные книги. После постройки рубленых городов, последние возглавляют уже только воеводы. Аналогичная ситуация вполне вероятна и применительно к населенным пунктам юга Российского царства.

В случае со строительством первых городов в Днепро-Донской лесостепи подобный разрыв во времени также имеет свое объяснение. В 1593 г. в самом разгаре были русско-крымские переговоры,

[215] АМГ.— Т. I.— № 705.— С. 641—644; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 99.— Л. 222—264.
[216] См.: Зимин А.А. Состав... С. 346.
[217] Сергеев В.И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны.— М., 1967.— С. 176; С. 179.
[218] РК 1457—1598 гг.— М., 1966.— С. 498; 505; 514.

завершившиеся подписанием договора в 1594 г. В этой ситуации Россия не могла позволить себе строить на спорной территории городовые крепости и назначать туда, соответственно статусу города, воевод. В дальнейшем положение изменилось. В 1593 г. Турция начала тяжелую и длительную войну с империей Габсбургов, в которой принимал участие и крымский хан. В итоге Россия могла более активно действовать на своих южных рубежах. Поэтому, признавая факт существования первых поселений на Северском Донце и Осколе уже к 1593 г., об их официальном статусе и характере укреплений можно судить лишь предположительно. Отсутствие до 1596 г. упоминаний о назначении сюда воевод позволяет отождествлять первоначальные поселения с типичными для данной территории позднейшего времени казачьми слободами. Что касается укреплений для защиты первопоселенцев, то наиболее вероятным представляется вариант сооружения в качестве таковых «придеревей».[219] Пока точно не установлено значение существительного «придеревь».[220] Учитывая одно из значений слова «деревня» — «расчищенное под пахоту место, пашня, угодья»,[221] можно предположить, что «придеревью» называлось небольшое укрепление, строившееся рядом с угодьями, в котором можно было отсидеться в случае внезапной опасности.

Татары постоянно беспокоили российскую окраину, но они вторгались с целью грабежа и, в случае отпора, обычно обращались в бегство. Тем более они не пытались осаждать остроги. По крайней мере, во второй половине XVI, как и в XVII в., не отмечено фактов нападения крымцев на русские крепости с целью их захвата.[222] Известен лишь один случай, когда в 1639 г. около 200 татар, спешившись, два дня осаждали казаков, засевших в «крепости<...> невеликой придереви». Донцы, находившиеся в упомянутом укреплении,

[219] См.: Очерки краеведения Белгородчины.— Белгород, 2001.— С. 37—39.
[220] См.: Словарь русского языка XI—XVII вв.— М., 1994.— Вып. 19.— С. 144 (авторы статьи — Малкова О.В., Державина Е.И.).
[221] Там же.— М., 1977.— Вып. 4.— С. 221 (автор статьи — Смолицкая Г.П.).
[222] См.: Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI—XVIII вв. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVII вв.— Ростов н/Д., 1989.— С. 136—145.

успешно оборонялись в течение трех дней. При этом убили десять татар и «многих переранили».[223]

Учитывая единодушное мнение исследователей о существовании в XVII в. общей для всей страны системы строительства укреплений, выработанной приказной администрацией в XVI в., напрашивается еще одна параллель с русской колонизацией Сибири в XVII в. Восточнее Уральского хребта было распространено три основных типа оборонительных сооружений: зимовье, острог и город. Если остроги различной конструкции и города (по типу укреплений) хорошо известны в Днепро-Донской лесостепи, осваивавшейся русскими практически одновременно с Сибирью, то о первом типе укреплений в литературе ничего не сообщается. Либо эти сооружения были характерны только для Сибири, либо южная «придерева» — это аналог сибирского «зимовья». Вопрос о происхождении укреплений типа зимовье решается исследователями по-разному. Н.П. Крадин полагал, что зимовья возникли в специфических условиях Сибири. С.Н. Баландин и Н.Н. Филиппова считали зимовье рудиментом древнейшего русского наземного или полуземного жилища. А.Г. Артемьев полагает, что прототипом зимовья вполне могли послужить как сельская феодальная усадьба, так и средневековые городские дворы-усадьбы. В любом случае, подобный тип укреплений мог быть распространен не только в Сибири. Обычно зимовье представляло собой избу с боевой надстройкой (хорошо известный тип укреплений в системе Белгородской черты середины XVII в. — А.П.). Более сложным видом зимовья были укрепления, состоявшие из нескольких таких изб, соединенных стенами, и образовывавшие небольшой закрытый двор.[224] Вот подобное небольшое укрепление — «придерева» и штурмовали татары, избегая подобных действий в отношении более крупных крепостей. Учитывая то обстоятельство, что термин «придерева» содержится в документах, вышедших из среды донских казаков, можно предположить бытование и других названий аналогичных укреплений на юге России. Приведенные примеры

[223] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 3—4.
[224] Артемьев А.Г. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII века и типы оборонительных сооружений // ОИ.— 1998.— № 5.— С. 143.

дают основание для предположения о возникновении поселения подобного типа на месте позднейшей белгородской рубленой крепости. Они также свидетельствуют о том, что остановить российскую колонизацию Поля Крым не мог.

Высказанное предположение подтвердили и археологические раскопки на Белой горе в окрестностях Белгорода, показавшие, что Белгородская крепость конца XVI в. имела срубные стены. Кроме того, обнаруженное ниже основания рубленых стен и несколько в стороне от них, на расстоянии около метра, целое, не тронутое огнем бревно позволяет говорить о существовании другого, более раннего ограждения. Скорее всего, это была обычная «острожная» стена, проходившая по внешнему краю первоначального вала.[225] Такой способ внедрения на спорные территории не повредил переговорам с Крымом, мирившимся с казачьими поселениями на Дону и его притоках. В 1593 г. крымскому хану Казы-Гирею было направлено письмо от царского имени, написанное, вероятно, при непосредственном участии Бориса Годунова. Крыму предлагалась всяческая помощь, вплоть до того, что «...на Донце тотчас и два города поставим, и людей многих со многими воеводами на Донец пришлем, и начнем вместе с тобою на твоих недругов стояти за один». Таким образом дипломатически маскировалось невыгодное для Крымского ханства продвижение России на юг, а в качестве компенсации Казы-Гирею было направлено 10 тыс. рублей.[226] Это был отработанный дипломатический маневр. Для сравнения можно привести следующий пример. Несколько ранее, 15 августа 1587 г., русские послы в Речи Посполитой сделали заявление подобного содержания. Они говорили от царского имени: «...стояти хотим из Крыму, по Дону, и по Донцу, и по Днепру поставити своих людей, и городы поделати по Донцу и по Дону, и на Крым наступити своею казною, а тобе — на Подолье и на Волынь, вперед [чтобы] тые (так в тексте. — А.П.) неприятели християнские не приходили..».[227] Но, тем не менее, состоявшееся уже

[225] См.: Никитин А.В. Белгородская крепость XVI—XVII вв. // Советская археология.— 1962.— № 3.— С. 263.

[226] Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.— Симферополь, 1891.— № 28.— С. 32—33.

[227] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 84.

после подписания договора строительство на месте Белгорода, Оскола и Валуйки городовых крепостей с назначением туда воевод вызвало нарекания со стороны Крыма. В 1601 г. Борису Годунову была послана тайная грамота от Казы-Гирея, в которой он упрекал русского царя за постройку городов на территории своих «Донецких улусов». При этом хан заявлял о крайнем недовольстве Турции московской политикой и предупреждал о том, что дальнейшее продвижение России на юг «шерть и добро порушит».[228]

Построенный в 1596 г. на Белой горе Белгород представлял собой прямоугольную крепость размером 230 на 234 м. Детинец был обнесен деревянной стеной, рубленной, вероятно, «тарасами» со сторонами 1,4—1,9 м. Крепостные стены находились на земляном валу, покрытом обожженной глиной. Детинец имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. Перед стенами был вырыт ров глубиной до двух метров. Для снабжения гарнизона водой были устроены два подземных хода — «тайник» к Северскому Донцу и аналогичный ход в юго-западном направлении, выведенный в овраг, на берег ручья Ячнев Колодезь.

С запада крепость опоясывали две линии укреплений, а с восточной стороны находился крутой обрыв. Второй пояс укреплений проходил полукольцом в 135—300 м от детинца и состоял из земляного вала высотой до 2,8 м. На валу, для прикрытия стрелков, находился тын из вертикально стоявших бревен толщиной 16—20 см. Перед валом имелся ров.

Третья, внешняя линия обороны Белгорода находилась в 175 м от первой, состояла из рва и вала, имевшего сильно выступавшие вперед площадки для деревянных башен, квадратных в плане, размером 5 на 5 м, фланкировавших ров. По гребню вала стояли стены. Рубка башен и стен была двойной, с глиняным заполнением. Вероятно, стены были с обламами,[229] а расстояние между башнями не превышало 100—150 м. Вал был обмазан необожженной глиной.

[228] См.: Соловьев С.М. Ук. соч.— М., 1994.— Т.8.— С. 396. Шерть — договор, соглашение, закрепленное клятвой на Коране (от арабско-персидского «шэрт»).

[229] Облам — нависающий выступ, идущий по периметру основной стены, прикрытый стенкой из нескольких рядов бревен. В этой стенке прорубались бойницы для ведения фронтального огня. Щель между основной стеной и обламной стенкой служила для поражения противника у подошвы крепостной стены.

Следовательно, Белгород был довольно хорошо укрепленной крепостью, имевшей три линии обороны. Основой обороны была прямоугольная крепость с рублеными стенами. Внешняя линия, принимавшая на себя первый удар, была укреплена сильнее, чем второй пояс, который, в случае прорыва противника, должен был его задержать.[230] Помимо укреплений в городе в начале XVII в. имелся посад и действовал монастырь Николы Чудотворца.

В Белгороде и Осколе осенью 1596 г. были построены городовые укрепления, и с этого времени гарнизоны указанных крепостей возглавляли воеводы. Возможно, подобным образом образовался и г. Валуйка в 1599 г., а наиболее выдвинутой в Поле крепостью стал Царев-Борисов, выстроенный летом 1599 г. при слиянии Северского Донца и Оскола. Его основание, по мнению В.П. Загоровского, обратившего внимание на участившиеся столкновения русских служилых людей с «воровскими» черкасами, преследовало не только решение задач борьбы с Крымом, но и изгнание из данного региона черкас.[231]

Таким образом, к концу XVI в. укрепленные поселения Российского царства клином углубились на юг до слияния Оскола с Северским Донцом и близко подошли к татарским кочевьям. Россией был накоплен значительный опыт взаимоотношений с Крымским ханством, и это помогало разрешать проблемы, возникавшие в ходе колонизации Польской украйны. После постройки городов Крым быстро осознал угрозу своему положению в регионе и предпринял ответные меры. Поскольку уничтожить поставленные крепости крымцы были не в состоянии, они, как было показано выше, попробовали применить дипломатические средства. Все маневры крымцев были разгаданы, и заселение Поля продолжалось.

У России также имелся большой опыт взаимоотношений с Речью Посполитой. Последняя считала указанную территорию частью Северских земель, отвоеванных у Великого княжества Литовского Россией в начале XVI в. Очевидно, польское правительство никогда не отказывалось от намерения вернуть утраченные районы. После окончания неудачной для России Ливонской войны продвижение польских рубежей на юг и восток стало важным элементом государственной политики Речи Посполитой. Это, по мнению В.П. Загоровского, на первых порах соответствовало интересам основной массы украинского населения Приднепровья, устремившегося на Левобережье Днепра, подальше от польской администрации и феодалов.[232] Однако в открытый территориальный конфликт с Россией в конце XVI в. польское правительство не вступало. Южные рубежи Российского царства беспокоили лишь украинские казаки, являвшиеся подданными Речи Посполитой. Именно реакцией на черкасские разбои объясняло российское правительство Казы-Гирею постройку городов на Поле, указывая, что от новых городов крымским улусам нет вреда, а только польза, т.к. «...тут воры черкасы больше не живут».[233]

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что Днепро-Донская лесостепь во второй половине XVI в. стала зоной ожесточенной конкуренции между Российским царством, Речью Посполитой и Крымским ханством. Причем Крым устраивало положение, сложившееся после уничтожения Большой Орды в 1502 г. Крымский хан считал Поле своей территорией, которую можно использовать не только как место летних кочевий, но и как своеобразную буферную зону. Наличие последней ставило Крым в преимущественное положение по отношению к своим северным соседям. Россия, оценив эту ситуацию, во второй половине XVI в. приступила к колонизации Поля. В исторической литературе неоднозначно оценивается характер российской колонизации Днепро-Донской лесостепи. До революции господствовало мнение о приоритете правительственной колонизации, под которой понималось освоение территории, организованное правительством России, переселявшим своих подданных на южную границу для организации ее обороны от крымских татар.[234] Изменилась эта оценка в советское время, когда марксистская методология обязывала максимальное внимание уделять деятельности народных масс. Утверждалось, что заметную роль в заселении южных пространств сыграло на-

---

[230] Об укреплениях Белгорода подробнее см.: Битюгин К.И., Ильин А.И. Эволюция укреплений средневекового Белгорода (1596—1785 гг.) // Белогорье.— Белгород, 2001.— Вып. 3.— С. 25—41.

[231] Загоровский В.П. История... С. 224—226.

[232] Загоровский В.П. История... С. 194.

[233] Соловьев С.М. Ук. соч.— Т. 8.— С. 396.

[234] См. например: Багалей Д.И. Очерки...; Миклашевский И.Н. К истории...

родное движение на свободные земли. Было выдвинуто положение о более ранней народной колонизации, которая затем «переплелась» с правительственной.[235] Представляется более правильным говорить о государственной колонизации, понимая под ней процесс, сочетающий в себе деятельность правительства по заселению рассматриваемых земель и вольное переселенческое движение, контролировавшееся российской администрацией и обреченное на провал без поддержки государства.

§2. Начало колонизации Поля и российско-украинское взаимодействие

Последние десятилетия XVI в. стали временем выработки принципов взаимодействия населения южных уездов России и украинских земель Речи Посполитой. Подданные двух государств столкнулись на просторах Днепро-Донской лесостепи в результате конкуренции Российского царства и Речи Посполитой. За период 50-х — 70-х гг. XVI в. удалось выявить всего два упоминания о черкасах в приграничном регионе. Первое из них содержится в материалах Литовской метрики. Летом 1563 г. российские дипломаты передали польскому королю послание от имени Ивана IV. В нем содержались упреки за набег во время перемирия каневских черкас на окрестности Новгорода-Северского и Чернигова. В ответном послании Сигизмунд-Август обещал провести расследование и наказать виновных.[236] Второе упоминание о черкасах на Поле относится к 1571 г., когда русская сторожа с реки Коломак была переведена на р. Ольшанку, т.к. «на Коломаки приходят черкасы каневские да сторожей громят».[237] Помимо актов разбоя, бывших на порубежной территории делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят попытки украинского населения осесть на российских землях.

[235] Загоровский В.П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация // Из истории Воронежского края. Вып. 3. Труды Воронежского университета.— Воронеж, 1969.— Т. 87.— С. 86.
[236] См.: КПМВКЛ.— Т. 1.— № 155—159.— С. 231—240.
[237] АМГ.— Т. I.— С. 13.

Опыта взаимоотношений с черкасами у российской администрации не имелось, поскольку ранее с ними российские должностные лица не сталкивались. В конце XVI в. действия черкас заметно активизировались. После передачи приднепровских и волынских земель Великого княжества Литовского в состав Польского королевства в 1569 г. увеличилось число беглых на юг, подальше от польских шляхтичей и администрации. Но на юге лежало Крымское ханство, а территория Поля являлась в то время фактически ничейной, сюда и направились украинцы из Польши. Следовательно, движение черкас на земли, которые в Москве считали российскими, объясняется вполне объективными причинами.

Есть и другая точка зрения. Она была сформулирована Г.Н. Анпилоговым и поддержана в позднейшей работе В.П. Загоровского.[238] Г.Н. Анпилогов связывал появление украинцев в российских пределах с государственной политикой Речи Посполитой: «Польские феодалы в 80-х и начале 90-х годов XVI в. в связи с приближением окончания срока действия перемирия 1582 г., заключенного между Россией и Польшей, энергично создавали отряды так называемых «воровских» черкас и посылали их в юго-западные уезды России на реки Северский Донец, Оскол и др»[239] Это мнение основывается на информации, содержащейся в статейном списке посольства Павла Волкова и Мартина Сумского, которое было направлено в Варшаву: «...а из Канева, и из Черкас, и ис Переяславля ваши люди приходят в Путивльский, и в Рыльский и в Новгород-Северского в уезд, беспрестани воинским обычаем, станичников и бортников побивают, и в рыбных ловлях рыбу ловят, и станы ставят, а посылают их в нашу землю ис Канева, и из Черкас, из Переяславля и с Лубен державцы». Послание с аналогичными претензиями на имя польского короля 10 мая 1585 г. (по григорианскому стилю) вручил московский гонец Иван Всеволожский. В ответ на упреки по поводу разорения сел Оршанской волости Речи Посполитой русскими жителями округи Смоленска, в грамоте от имени Федора Ивановича сообщалось о введении строжайшего запрета на нарушение границы. Вместе с тем,

[238] Загоровский В.П. История... С. 194.
[239] Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв. — М., 1967.— С. 19.

высказывались серьезные упреки по отношению к подданным Речи Посполитой. В «задорах, боях и грабежах», а также в захвате российских земель обвинялись жители Остра, Любеча и Полтавы. В послании говорилось об отписке черниговского наместника Федора Андреевича Писемского, сообщавшего об убийстве в бортных ухожьях «литовскими людьми» сына боярского Артема Мохачева и двух жителей посада. Далее речь шла о сообщении воеводы Новгорода-Северского Федора Михайловича Латырева. Последний докладывал о разграблении бортных ухожьев и деревень, а также об уводе российских подданных за рубеж «литовскими людьми» из Остра. Следует обратить внимание на то, что русские воеводы о конфликтах писали к представителям польской администрации в г. Остр, но его державец не принял мер по предотвращению пограничных разбоев. В итоге, вторжения в Новгород-Северский и Путивльский уезды продолжались. В частности, отряд из 400 черкас из Остра под командованием атаманов Орла и Алексея Несела разграбил ряд порубежных деревень и бортных ухожьев, «перебив и переранив» жителей и бортников. В ответном послании от 18 мая 1585 г. (по григорианскому стилю) Стефан Баторий писал: «...а мы также подданным нашим прикажем, а о тех кривдах, о которых еси нам писал, зыскати (так в тексте. — А.П.) и управу учинити велим».[240]

В июле 1593 г. в Смоленскую волость Черниговского уезда вторгся отряд, состоявший из двухсот жителей Остра. Им командовали Ермолай Беликов и Григорий Медведев. Они побили бортников, а также ограбили крестьян Никольского монастыря. Вероятно, русские служилые люди и монахи пытались оказать сопротивление. На такую мысль наталкивают сведения, содержащиеся в грамоте, составленной в Москве в сентябре 1593 г. и отправленной в Варшаву с польским посланником Яном Девятовским. В документе говорится о том, что нападавшие повесили пятерых черниговских стрельцов и намеревались таким же образом поступить со старцами Смоленского Никольского монастыря, но их «от виселицы отпустили».[241]

[240] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 1об.—3.
[241] Там же.— Л. 184об.—185.

Особое внимание следует обратить на черкас, котрые приходили для хозяйственных промыслов. Они появлялись в районе, который уже осваивался российскими подданными. Это служило причиной столкновений. В фондах Разрядного приказа не сохранилось отписок воевод и распросных речей «воровских» черкас 80—90-х годов XVI в., которые могли бы подтвердить достоверность сведений, фигурировавших в дипломатической переписке. Вероятно, эти документы погибли во время московского пожара 1626 г. или были утрачены позднее. Поэтому трудно точно определить роль Польского государства, державцев и феодалов в организации черкасского движения на российские украины. Д.И. Багалей предполагал, что украинные старосты могли действовать независимо от правительства Речи Посполитой.[242] Более уверенно можно говорить о стихийных акциях черкас, которым администрация Речи Посполитой не препятствовала, поскольку походы совершались в пределы ее противника. Кроме того, сами польские власти полностью действия казачества никогда не контролировали. Как остроумно заметил польский историк В. Годжишевский: «Казаки запорожские и донские за свою историю не раз оказывали великие услуги своим государствам, Польше и Москве, однако, живя бесконтрольно и самовольно, еще больше доставляли им хлопот».[243] Вместе с тем, согласно описи архива Посольского приказа 1614 г., с 1585/86 г. в русском дипломатическом ведомстве начинают собираться документы о запорожских черкасах и о «задорах» на границе. Столбцы и выписки охватывают период вплоть до 1604 г.[244] Приведенные данные говорят в пользу предположения о том, что не столько польские власти были причиной активизации конфликтов на порубежье, сколько начало колонизации Поля.

Таким образом, россияне и украинцы в 80-х годах XVI в. столкнулись на Поле как подданные враждебных друг другу государств. Схватки, превращавшиеся порой в полноценные сражения, происходили не только в приграничном районе, черкасы проникали весьма глубоко. О масштабах этого проникновения можно судить, на-

[242] Багалей Д.И. К истории... С. 89.
[243] Godziszewski W. Polska... S. 60.
[244] Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.— М., 1960.— С. 125—127.

пример, по приводимому в разрядных книгах донесению головы Романа Вердевского. 31 июля 1585 г. он сообщал с Дона о разгроме черкасами его сторожи, стоявшей на озере Богатый Затон.[245] В другой раз черкасы под командованием Дениса Семпского «...приходили войною в государеву землю, во Брянский уезд на государевы дворцовые села...».[216] Черкасские и каневские казаки приходили под Новосиль, громили и били станичников.[247] В 1586 г. переяславские черкасы появились в районе только что построенных Ливен и Воронежа. Они нападали на станицы и жителей уездов.[248] В 1587 г. воевода Андрей Иванович Хворостинин сообщил о приходе на путивльские деревни 40 каневских черкас под командованием атаманов Петра Верчуна и Тереха Шелудивого. Последние вскоре были разгромлены и пленены. Пленные показали, что в бассейн Северского Донца для нападения на станичников их посылали каневский урядник князь Александр Лыко и переяславский урядник пан Черский. Выполняя их приказ, каневские черкасы разорили деревню Чаплицу Путивльского уезда, а переяславские полностью уничтожили станицу Афанасия Панютина, ехавшую из Путивля на Донец. В этой же отписке воевода доносил: «...а которые ни ездили станичные головы в проезжие станицы для крымских людей по Донцу во все лето, тех всех громили и грабили и многих и на Поле не пропущают, да и по всем украинным городом в Сиверских городех (так в тексте. — А.П.) государевым людем задоры чинят».[249]

Черкасские нападения продолжались в следующем году. В этом же 1588 г. в Путивле уже появились служилые черкасы. Это были 25 человек, которыми командовал Агей Мартынов. Тогда же на Поле для службы было послано 50 черкас и охочих казаков во главе с атаманом Яковом Лысым. За эту службу, по государеву указу, черкасы были наделены жалованьем.[250] Вместе с ними в Путивле служили 35 черкас атамана Агея Мартынова.[251] Надо отметить усердие служилых

[245] См.: РК 1475—1605 гг.— М., 1987.— Т. III.— Ч. II.— С. 65.
[246] Анпилогов Г.Н. Ук. соч.— С. 80.
[247] См.: РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 20.— Л. 194об.—195.
[248] См.: Там же.— Кн. 17.— Л. 11—11об.
[249] Там же.— Кн. 18.— Л. 457—458.
[250] Там же.— Ф. 141.— Оп.1.— Д. 2.— Л. 17—18.
[251] См. их список: Там же.— Ф. 124.— Оп. 1.— Д. 2.— Л. 10—11.

черкас в борьбе с черкасами «воровскими». Отряд А. Мартынова 25 мая 1588 г. был послан на р. Псел, к устью р. Айдара, вниз по Северскому Донцу, в те места, где «воровскими» черкасами были разгромлены российские станицы. В этот раз Мартынову с товарищами не удалось настигнуть нападавших. А вот черкасам Якова Лысого, направленным на Поле 29 июня, повезло больше. Вернувшись из посылки, они доложили, что в районе Княжьих гор настигли отряд атамана Лазаря. Враги были рассеяны, а имущество и вооружение, захваченные «воровскими» черкасами у путивльских севрюков, возвращено.

16 августа 1588 г. на Поле опять были отправлены две черкасские станицы: Я. Лысого и А. Мартынова. По возвращении в Путивль служилые черкасы снова доложили об успешных схватках с «воровскими» черкасами. Станица Якова Лысого настигла атамана Лукина Карнауха и отбила у него награбленное добро. Затем в Путивльском уезде они настигли атамана Берчуна с товарищами. Служилые черкасы разгромили этот отряд, вернули имущество и оружие путивльских севрюков. Станица Агея Мартынова патрулировала междуречье Сулы и Хорола, стремясь перехватить черкас, которые грабили бортные ухожьи, находившиеся в этом районе. Служилые черкасы настигли и разбили отряд атамана Калоши. Они же разгромили «воров-черкас» на Суле, у «Нетина перевоза», а затем рассеяли отряд «воровских» черкас на Псле, ниже «Княжьих гор». В результате этих стычек станичникам Мартынова удалось «отгромить» имущество и лошадей путивльских севрюков и доставить его в Путивль. Кроме того, в подтверждение своей службы, служилые черкасы принесли воеводе отрезанную голову «воровского» черкашенина.[252] В это же время голова Василий Андреев выручил из плена донецких атаманов Яковлева и Новгородца и разбил отряд «воровских» черкас.[253]

В следующем, 1589 г. в памяти боярину Ф.Д. Шереметеву вновь говорится о черкасах. Речь идет о челобитье путивльских и рыльских черкас в количестве 33 человек, во главе которых стоял тот же А. Мартынов. Служилые черкасы сообщали о том, что воеводы их по-

[252] РГАДА.— Ф. 124.— Оп. 1.— Д. 2.— Л. 1—2.
[253] См.: Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства.— М., 1913.— Т. I.— С. 138.

сылают на Поле за «воровскими» черкасами, но не выдают боеприпасов.[254] Кроме того, имеется свидетельство о переходе в том же году на службу в Путивль 15 запорожцев под предводительством атамана Федора Гороховского. Все они были поверстаны денежным жалованьем, но в меньшем размере, чем черкасы А. Мартынова. Оба атамана (так они названы в российских документах) получили по 15 руб., а есаулы — по 10 и 6 руб., рядовые по 5 и 3 руб. соответственно.[255] В 1594 г. в Путивле насчитывалось 50 черкас, не имевших поместий и служивших только за денежное и хлебное жалованье.[256] Судя по позднейшей челобитной и показаниям свидетелей, черкашенин Яков Филиппов служил станичником в Белгороде с 1600 г.[257] Значит, вполне вероятно наличие служилых черкас и в этом городе. Служилые черкасы встречаются не только в пограничных городах. Так, сохранился список, сделанный в 1627 г. с указной грамоты Федора Ивановича в Переяславль-Рязанский. Подлинник датируется 3 апреля 1593 г. В нем говорится об освобождении «рязанских черкас» от работ по строительству городских укреплений ради их «иноземства».[258] В платежных книгах Рязанского уезда 1594—1597 гг. есть указания на неделение землей черкас в этом уезде.[259]

В апреле 1590 г. было совершено еще одно нападение на Воронеж. «Черкасы из Канева и ис Черкас, да ис Переяславля атаманы Денис да Семпской, да Боран, да Гусак с товарищи приходили ко государеву украинному городу к Воронежу, а присылали с Поля, что они пришли к Воронежу на Дон для крымских и азовских людей и хотят з государскими людьми над татары промышляти. И воеводы государевы послали к ним корм и тех, которые от них приехали, поили и кормили и заночевали в остроге. А почаели от них правды, что с государем Коруна Польская и Великое княжество Литовское в перемирье. И черкасы пришли ночью и тот город сожгли, и государева воеводу убили, и людей многих побили, а иных сожгли, а иных живых многих поимали, и многие убытки починили».[260] В сохранившейся польской копии процитированного документа, датированной 4 ноября 1590 г., Воронеж назван «замком». Здесь же отмечено, что виновные в нападении не были наказаны властями Речи Посполитой.[261] Предъявляя спустя два года польскому правительству, среди прочих порубежных «обид», претензии за нападение на Воронеж, Посольский приказ указывал на похищение в городе денежной казны и имущества на 40 тыс. руб.[262] Другие российские дипломатические документы также называют эту сумму.[263] Видимо, речь идет о жалованье донским казакам, которое высылалось на Дон через Воронеж. Обычно отправка жалованья происходила весной—летом, как раз во время упомянутого нападения. В этом случае становится понятной причина, подтолкнувшая черкас к такому рискованному предприятию, как нападение на российскую крепость.

Ущерб от черкасских вторжений был довольно значительным. Во время упомянутого набега 1589 г. лубенскими черкасами было захвачено имущества на 5 тыс. рублей, взято в плен и убито более 200 человек.[264] Сумма ущерба, нанесенного станичникам, детям боярским, бортникам и севрюкам Хотмыжского уезда набегами черкас Александра Вишневецкого исчислялась в 1,7 тыс. руб.[265] Правда, не исключено, что размер урона завышен, но эти цифры не могут быть совершенно нереальными, поскольку им тогда не поверили бы ни в Москве, ни в Варшаве. В 1592 г. воевода Григорий Борисов докладывал из Чернигова о конфликте с польскими подданными. По его словам, черниговцы обнаружили начатое людьми А. Вишневецкого строительство на Прилуцком городище. Как уже говорилось выше, в России эту территорию считали своей и поэтому поселенцев прогнали, а для предотвращения их возвращения выставили заставу. После этого на заставу пришли черкасы из Лубен и Остра во главе с атаманом Иваном Белиным. В резуль-

[254] РГАДА.— Ф. 141.— Оп. 1.— Д. 4.— Л. 3.
[255] Там же.— Ф. 124.— Оп. 1.— Д. 2.— Л. 10—11; Ф. 141.— Оп. 1.— Д. 28.— Л. 1—2.
[256] Станиславский А.Л. Ук. соч.— С. 16.
[257] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 25.— Л. 213—217.
[258] Баранов К.В. Акты XVI — начала XVII века из местнических дел // Русский дипломатарий.— М., 2001.— Вып. 7.— № 20.— С. 48—49.
[259] Писцовые книги Рязанского края.— Рязань, 1996.— Т. 1.— Вып. 1.— С. 66; С. 179; С. 245; С. 305.
[260] Анпилогов Г.Н. Ук. соч.— С. 81.
[261] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 594.— Л. 110об—115.
[262] Там же.— Ф. 79.— Оп. 1 — Кн. 22.— Л. 75об.
[263] Там же.— Кн. 21.— Л. 38об.; 365.
[264] Анпилогов Г.Н. Ук. соч.— С. 80.
[265] Там же.— С. 84

тате завязавшегося боя многие черниговцы были убиты и ранены, а их лошади стали добычей черкас.[266]

В ответ на активизацию украинских казаков российское правительство должно было принять соответствующие меры. В Поле из городов направлялись военные отряды. На Дон против черкас, громивших сторожу Р. Вердевского, были посланы служилые люди из Орла, Мценска, Михайлова и других приграничных городов.[267] Командовали ими воеводы Ф.А. Бутурлин и Ю.М. Булгаков. Их задачей было обеспечение беспрепятственного проезда в Россию дипломата Б.П. Благого вместе с турецким посланником. При этом, при возможности, воеводы должны были вытеснить или разгромить отряды черкас, разбойничавших в Подонье.[268] В 1589 г. «промышлять над черкасами» были отправлены головы: князь Петр Горчаков и Иван Губин с отрядами из Шацка и Ряжска.[269] Также 26 апреля 1589 г. было велено Афанасию Федоровичу Зиновьеву с отрядом выехать из Путивля для государевой службы на Северский Донец и Оскол. Задача ставилась такая: прояснить намерения запорожцев атамана Матвея Федорова, пришедшего на Донец и написавшего в Москву о своем желании «служить государю и над крымскими людьми промышлять». Ранее к этим черкасам из Тулы был послан станичный голова Федор Киреев. Конкретно представителям российских властей нужно было выяснить: «...как стоят и как промышляти хотят татарским делом? И станичников, и сторожей путивльских берегут ли, и казаков, и севрюков государских, которые по Донцу стоят, берегут ли, и Петра Зиновьева с крымские гонцы пропустили ль, и не погромят ли его?»[270] Т.е. голова, прежде всего, должен был уточнить место дислокации черкас, поскольку их намерения были неясны, и они могли представлять угрозу. Затем он должен был выяснить, как «нововыезжие» украинцы ведут себя по отношению к российским служилым людям, находившимся на Се-

[266] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 172об.
[267] См.: Древняя российская вивлиофика.— М., 1790.— Ч. 14.— С. 470 (далее — ДРВ).
[268] См.: Загоровский В.П. История... С. 196—197.
[269] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. (Собрал и издал А. Юшков).— М., 1898.— Ч. I.— № 242.— С. 262 (далее — АРП).
[270] Там же.— № 238.— С. 250.

верском Донце и часто страдавшим от черкасских нападений. Кроме того, приказывалось узнать, не нападали ли они на крымских послов. Посольства (татарские, возвращавшиеся из Москвы, и русские, ехавшие в Крым) были заманчивыми объектами для разбойных нападений, т.к. обычно перевозили значительные денежные средства, пушнину и другие ценности. В силу этого, они часто подвергались нападениям черкас и до и после того времени, когда был составлен процитированный наказ.[271]

Помимо казаков Матвея Федорова в районе Донца находились и другие черкасы («воровские», Мишак с товарищами, которые «...ходят по Донцу, и по Осколу, и по Дону и громят государских людей»).[272] По отписке рыльских воевод, эти же черкасы угоняли скот в окрестностях Рыльска и Новосили.[273] Отсюда проистекала еще одна задача Афанасия Зиновьева: узнать, пойдут ли черкасы Матвея Федорова вместе с людьми Мишака «воровать» или, наоборот, будут способствовать их поимке. Выяснив все это, голова должен был принять решение: если появятся татары, а черкасы атамана Федорова окажутся «государю не прямы», то «Афанасию, не сходясь с черкасы, над крымскими людьми и опроче черкас промышлять..».[274] Но если угрозы крымского набега не будет, то Афанасию надлежало атаковать воровских черкас для того, чтобы их «поимати и перевешати».[275]

Значит, несмотря на послание Матвея Федорова, русская администрация относилась недоверчиво даже к этим черкасам. Афанасию Зиновьеву было предписано идти «...из Путивля на Поле, на Донец и на Оскол бережно и ставиться на станех усторожливо, чтоб те черкасы запорожские, Матвей Федоров с товарищи, которые стоят ныне на усть Самары<...> на вас не пришли и вас не погромили..».[276] Кроме того, Зиновьеву приказано было в случае враждебных действий со стороны черкас разгромить отряд Федорова. Для этого ему была обещана немедленная помощь людьми из украинных городов. Если окажется, что намерения черкас соответствуют изложенным в пись-

[271] См. например: Кулиш П.А. История... Т. II.— С. 169—170.
[272] АРП.— Ч. I.— С. 250.
[273] См.: Там же.— С. 254.
[274] Там же.— С. 251.
[275] Там же.— С. 251.
[276] Там же.— С. 253.

ме к царю, то надлежит действовать иначе. Прежде всего необходимо было получить определенные гарантии преданности запорожцев. Для этого А.Ф. Зиновьев должен был «...сослався с ними, черкасы, чтоб они однолично нам правду свою показали, а себя от воров от черкас очистили и воров бы черкас на Донце и на Осколе, которые ходят по Донцу воруют и наших станичников, и сторожей, и севрюков громят, имая их, вешали, а пущих самых, имая, отсылали к нам — то их и большая правда и служба к нам будет, и за то их пожалуем своим великим жалованьем..».[277] Такое же требование настойчиво повторялось и в других грамотах.[278]

Отряд Федорова стал служить «государеву службу». В очередном наказе А. Зиновьеву, составленном 12 июля 1589 г., указывается: «Прислали к нам з Донца атаман Матвей Федоров с товарищи товарищей своих черкас Матвея Дворецкого с товарищи пяти человек и языка к нам Казыева улусу прислали, а после того Матвей же Федоров с товарищи прислал к нам товарищей своих черкас, ясаула Прошу Афанасьева с товарищи, с воры с черкаскими языки..».[279] Значит, черкасы Федорова начали выполнять свои обязанности. И если первый посланный ими в Москву язык — татарин, то П. Афанасьев привез уже «воров-черкас» — то самое свидетельство верности и преданности, которое от них настойчиво требовали. В этом же документе содержится напоминание «нововыезжим» черкасам активно действовать против «воровских», преследовать их и ловить, а затем вешать на месте, отправляя в столицу «одного или двух лучших».[280] Это свидетельствует о сохранении опасений столичной администрации по поводу недостаточного усердия служилых черкас при столкновениях с «воровскими». Помимо этого, в ожидании крымских послов Зиновьеву предписывалось быть особенно осторожным, а Федорова предупредить о недопустимости враждебных действий по отношению к послам и их сопровождению. Такое указание показывает, что черкасы, даже находящиеся на службе у Российского царства, не до конца осознавали особенности своего по-

[277] АРП. — Ч. 1.— С. 254.
[278] Там же.— С. 360, 363.
[279] Там же.— С. 258—259.
[280] Там же.— С. 260.

ложения и жизни в России. Следовательно, они могли действовать вразрез с интересами государства и замыслами правительства.

На примере черкасского отряда М. Федорова хорошо видны основные тенденции во взаимоотношениях российской администрации и украинцев в конце XVI в. Они были гораздо сложнее, чем это порой воспринималось историками. Советские исследователи приводили эпизод с Матвеем Федоровым как пример успешной украинской колонизации Днепро-Донского региона. При этом утверждалось, что царское правительство только положительно реагировало на появление переселенцев из Речи Посполитой.[281] Тем самым игнорировалось мнение Д.И. Багалея, проанализировавшего данный случай и пришедшего к выводу о недоверии российских властей к черкасам, «...потому, что они ничем прочным не были связаны со своим новым отечеством».[282]

Действительно, черкас принимали на службу, поскольку остро нуждались в людях. Однако до конца им не доверяли. Зачастую служилые черкасы пресекали вторжения татар. При необходимости служилых черкас использовали для борьбы с черкасами «воровскими». Тем не менее, правительство с большой осторожностью относилось и к черкасам, находящимся на русской службе. Само прибытие в русские пределы вооруженных отрядов вызывало тревогу, поскольку нельзя было быть полностью уверенным в том, что черкасы пришли на службу, а не в поисках поживы. Настороженность, проявленная правительством по отношению к отряду Федорова, послужила Д.И. Багалею основанием для вывода о восприятии российскими властями черкас как союзников, а не как своих служилых людей.[283] Эта оценка представляется не совсем точной. Рассмотрение документов о других служилых черкасах позволяет заключить, что они находились в таком же положении, как и другие категории военно-служилого населения Российской украины. Только, как оказалось впоследствии, у них было больше возможностей для ухода со службы, чем у русских жителей этого региона.

[281] См.: История Украинской ССР. В десяти томах.— Киев, 1982.— Т. II.— С. 240; Мышко Д.И. Экономические... С. 68; Дядиченко В., Стецюк Е. Ук. соч.— С. 13.
[282] Багалей Д.И. К истории... С. 105.
[283] См.: Там же. — С. 105.

Таким образом, сторожевая служба в украинных городах, изначально направленная на борьбу с татарскими вторжениями, в конце XVI в. получила еще одну задачу — обнаружение и пресечение черкасских набегов. В 1591 г. в Ливнах уже стояли «две станицы добрые». Они охраняли Поле не только от татар, но и «от черкасов».[284] Построенные на Поле крепости: Белгород, Оскол, Валуйка, Царев-Борисов — выполняли роль не только заслона на пути татар, но одновременно являлись опорными пунктами в борьбе с черкасами. Так, летом 1598 г. голова К. Мясной, посланный из Белгорода против татар, разгромил по дороге сотню черкас атамана Лепинского.[285]

К концу XVI в. правительство осознало тот факт, что направление отрядов по следам набегов не обеспечивает безопасности границы. Поэтому гарнизоны основывавшихся в конце XVI — начале XVII вв. городов выполняли уже несколько иные функции. В наказе об основании Царева-Борисова, который был вручен Богдану Бельскому и Семену Алферову,[286] в числе служилых людей, направленных в составе отряда для постройки крепости, указаны и черкасы, находящиеся на русской службе. Кстати, и в отряде А. Зиновьева было 45 служилых черкас.[287]

Вместе с другими российскими ратниками служилым черкасам поручалось «...идти с великим береженьем и ставиться в крепких местах, и сторожи велеть держать крепкие, да и самим головам велеть беречь накрепко, а больше всего велеть им беречься ночью, чтоб на них татаровя и воры черкасы безвестно не пришли..».[288] Приведенный отрывок отчетливо демонстрирует двойственное отношение российской администрации к черкасам: одних воспринимали как служилых людей и подданных своего государства, а других как разбойников, нападающих на окраины. Текст также свидетельствует об использовании служилых черкас против «воровских»: «...а где появятся по Донцу, и по Осколу, и по иным речкам черкасы, и

[284] См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962.— С. 423.
[285] Станиславский А.Л. Ук. соч.— С. 11—12.
[286] См.: Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний.— Харьков, 1890.— Т. II.— С. 5—10.
[287] См.: АРП.— Ч. I.— С. 255.
[288] Багалей Д.И. Материалы... Т. II.— С. 6.

те б атаманы и казаки государю служили б, собирались на черкас ходить и над черкасами, над ворами, промышлять, их побивали, а кого живых возьмут, и они б приводили к ним (воеводам — А.П.) в город, а окольничему и воеводам тех черкас, распрашивая, велеть отсылать в Оскольский город».[289] Воеводы Царева-Борисова должны были после постройки острога организовать сторожевую службу. Вольные казаки и атаманы Донецко-Оскольского речного бассейна сохраняли за собой право пользования юртами[290] на Поле, но были обязаны нести пограничную службу.[291] Одной из важнейших задач ее являлось предотвращение проникновения черкасских отрядов на территорию, считавшуюся русским правительством своей. Таким образом, государственная политика делала противниками людей, которые ранее, до включения Поля в состав государственной территории России, могли сосуществовать вполне мирно.

По мере заселения россиянами Польской и Северской украйны, учащались пограничные столкновения. Пропорционально возрастанию плотности населения района увеличивалось количество конфликтов. Из всей территории российско-украинского порубежья наиболее интенсивно осваивались Северские земли. Именно здесь в 80-х годах XVI в. напряженность достигла такого уровня, что вопрос об обстановке в Новгород-Северском, Путивльском и других российских уездах стал предметом дипломатической переписки между Москвой и Варшавой. Польское правительство видело причину обострения положения в переходах российских подданных через польские рубежи. Видимо, в Речи Посполитой считали еще неосвоенные просторы Поля своими и воспринимали появление россиян там как нарушение польской границы. В свою очередь, в Москве подобное мнение находили несправедливым, упрекали по-

[289] Багалей Д.И. Материалы... Т. II.— С. 10.
[290] В XVI в. сложилась своеобразная форма эксплуатации обширных незаселенных территорий на юге России. Отдельные участки сдавались в аренду на год или на несколько лет для рыбной ловли, добычи пушнины, бортничества. Такие участки назывались «ухожьями», «ухожаями», иногда «откупными вотчинами». Нередко в том же значении употреблялось тюркское слово «юрт». Были случаи, когда юрты давались служилым людям вместо пахотных земель. (Подробнее см.: Загоровский В.П. Белгородская... С. 38—42).
[291] Скрынников Р.Г. Россия... С. 106.

ляков в пограничных столкновениях, однако обещали и своих подданных «удерживать от всяких непорядков».[292] 20 октября 1587 г. состоялся боярский приговор о посылке к литовским панам-радам посланника Елизария Леонтьевича Ржевского и дьяка Захария Свиязева. Согласно наказу одной из важнейших целей посольства было урегулирование обстановки на порубежье. Посланники должны были потребовать, чтобы «...паны-рада по своим украинным городом державцом и урядником заказали накрепко по всем местом, чтоб они воров унимали и в нашу землю в нынешнее, в перемирное, время, входить им не велели. А которые ходили по тем нашим местом, и тех бы воров велели сыскать и их казнить велели. И вперед однолично задору ни в чем не было». Посланники должны были указать на то, что население российской стороны границы строго придерживается правительственного запрета и не устраивает провокаций по отношению к подданным Речи Посполитой.[293]

В следующем, 1588 г. путивльские воеводы Григорий Никитич Борисов и Иван Вахромеев, по государеву указу, отправили с грамотами в Острогожск и Киев Савву Доминина. В грамотах содержались претензии к властям Речи Посполитой по поводу черкасских разбоев на р. Северском Донце и Осколе, а также в Путивльском, Рыльском и Брянском уездах. Отчитываясь о выполнении своей миссии, С. Доминин сообщал, что грамоты отдал острожскому уряднику Ивану Коломыцкому и киевскому подстаросте. Будучи в Киеве, гонец слышал от слуги кн. Вишневецкого о готовящемся нападении на российские украинные деревни 260 «воров».[294]

Спустя некоторое время, 25 июля 1590 г., по царскому указу бояре приговорили послать в Киев стрелецкого сотника Василия Малого, причем послать от имени черниговского воеводы Андрея Хилкова. Письмо гонцу давалось также от имени черниговского воеводы.[295] В указанной грамоте, написанной в Чернигове в июне 1590 г., воевода сообщал о разгроме черкасскими и каневскими казаками сторож Ва-

[292] Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г.— М., 1862.— Ч. II.— С. 8—9.
[293] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Оп. 1.— Кн. 18.— Л. 459об.—460.
[294] См.: Там же.— Ф. 141.— Оп. 1.— Д. 1.— Л. 7.
[295] См.: РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 20.— Л. 190об.—191.

силия Оладьина, Игнатия Тютчева и Третьяка Кузьмина, посланных на Донец, о нападениях на бортные ухожьи в Путивльском и Рыльском уездах, о совместных разбоях черкасского атамана Дениса и татар в Брянском уезде, а также о других конфликтах. Примечательно содержащееся в послании указание на неоднократную посылку грамот аналогичного содержания в Киев, Острогожск и Любеч от путивльских, рыльских и черниговских воевод. В этих грамотах перечислялись порубежные «обидьи» и содержалось требование розыска и наказания виновных, т.к. до сих пор «...тех городов дыржавцы (так в тексте. — А.П.) о тех задорех, и тех воров не сыскивали и не унимали».[296] Тут же впервые упоминается о сожжении черкасами Воронежа весной 1590 г., рассказывается о выходе из Переяславля 300 черкас под командованием атамана Стрельбицкого, направлявшихся на Дон и на Донец громить станичников и казаков[297]

Переписка российской порубежной администрации с польскими державцами и урядниками свидетельствует о наделении воевод пограничных российских крепостей дипломатическими функциями. Их деятельность в указанном направлении полностью контролировалась из Москвы (об этом свидетельствует фраза из царской грамоты: «Посылаем есьмя к вам в Чернигов Василия Малого, а с ним посылаем есьмя две грамоты от тебя, воеводы нашего, от князя Ондрея, в Киев х киевскому воеводе, ко князю Матусу Воронитцкому...»).[298] Видимо, российское правительство пыталось разрешить порубежные проблемы, не вынося их на межгосударственный уровень, а напротив, низводя до уровня компетенции местных властей. Повторение одинаковых претензий на протяжении ряда лет свидетельствует о нежелании польских должностных лиц наказывать своих подчиненных за разбои на территории своего восточного соседа. Параллельно московский двор сохранял практику разрешения порубежных споров через официальные посольства.

Претензии к правительству Речи Посполитой, подобные тем, о которых говорилось выше, содержатся в уже упоминавшемся наказе русских посланников Елизария Ржевского и Захирия Свиязева

[296] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 20.— Л. 195.
[297] Там же.— Л. 195.
[298] Там же.— Л. 202об.—203.

Ржевского,[299] которые отбыли в Польшу в начале января 1587 г. Посольство было принято в Речи Посполитой 17 марта 1587 г. (по григорианскому стилю), послы выполнили поручения, содержащиеся в наказе, и отбыли в Москву 15 мая того же года. Запись речей посланников с перечислением разбоев подданных Польской короны в бассейне Дона, Северского Донца и в окрестностях Северских городов сохранилась в «Посольской метрике» Великого княжества Литовского.[300] В ней, среди прочего, говорится о разбоях с участием черкас под командованием атаманов Петра Верчуна и Тереха Шелудивого. Результатом посольства стало продление перемирия между двумя государствами. В перемирной грамоте отмечалось: «...а в обидных делех всем украинным местом в тое перемирное время наместником, и воеводам, и державцом межи себя с обе стороны сыскивая и лихих казнити..».[301]

Осенью 1590 г. из Москвы в Речь Посполитую были отпущены польские послы Габриэль Воин и писарь Матвей Воин. Перед отъездом им была зачитана и вручена грамота с перечнем конфликтов, произошедших в порубежных местах. Подлинника или его копии не сохранилось. Судя по изложению указанного документа в посольской книге, польской стороне предъявлялись претензии по поводу сожжения украинцами Воронежа и упреки за другие черкасские разбои в приграничном районе.[302]

Показательно включение Ливен и Воронежа в перечень русских городов, содержащийся в тексте перемирия 1591 г., и исключение указанных городов из списка в литовских экземплярах акта. Как отметил Б.Н. Флоря, эти манипуляции свидетельствуют о стремлении польской стороны снять с себя ответственность за нападения черкас на окраины соседнего государства А российская дипломатия, напротив, стремилась возложить на противоположную сторону такие обязательства.[303]

---

[299] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 17.— Л. 10об.—11об.
[300] Там же.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 94—95об.
[301] Там же.— Л. 56—76об.
[302] См.: Там же.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 17.— Л. 588—588об.; 596об.
[303] Подробнее см.: Флоря Б.Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия.— М., 1972.— С. 75; Солодкин Я.Г. Первые годы существования Воронежа // Из истории города Воронежа.— Воронеж, 1984.— С. 44—45.

В том же году, 11 апреля, из Москвы в Варшаву были направлены великий посол М.Г. Салтыков-Морозов, думный дворянин И.П. Татищев, дьяки З. Свиязев и П. Дмитриев. Согласно наказу послам надлежало требовать суровых репрессий по отношению к виновникам разорения Воронежа, т.к. участники данного нападения не наказаны, несмотря на то, что польскому королю известно о черкасском налете.[304] В статейном списке посольства говорится о том, что послы выполнили полученную инструкцию и предъявили претензии. В ответе панов-рад и короля им было сказано, что Воронеж сожгли самовольные подданные Польской короны, без ведома государя, за что «...ныне многие из них поиманы и покараны».[305] Дальнейшие события дают основания для сомнений в правдивости уверений о наказании «воровских» черкас. Как свидетельствует письмо Бориса Годунова к радным панам, написанное в мае 1592 г. и направленное в Варшаву с польским посланником Павлом Воином, черкасские разбои продолжались. Более того, они усилились после постройки Александром Вишневецким слободы Аубны.[306] К примеру, в еще одном послании из Москвы, датированном маем 1592 г., приведен обширный список пограничных «обид». Русские дипломаты не только требовали прекратить разбои на порубежной территории, но и активно протестовали против строительства острогов вблизи границы со стороны Речи Посполитой. По их словам, после основания и заселения Лубен и Прилук, жители этих городов «запустошили» Черниговский, Путивльский и Новгород-Северский уезды. При этом утверждалось, что Прилуцкое городище со всеми угодьями, прилегающими к нему, является исконной землей Черниговского уезда. По словам царской грамоты, упомянутые земли издавна сдавались на оброк бортникам. При Иване IV их получили в поместья черниговские дети боярские Никита Лихарев и Иван Шестовицкий В настоящее же время этими поместьями владеют потомки названных детей боярских: Филимон Лихарев, Григорий и Василий Шестовицкие.[307] Со своей стороны, в Варшаве утверждали, что «...городище Прилуцкое и река Удая з веков к Киевскому

---

[304] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 21.— Л. 38—38об.
[305] Там же.— Л. 402—402об; Л. 499—499об.
[306] См.: Там же.— Кн. 22.— Л. 82об.—85.
[307] Там же.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 163об.—165.

Ржевского,[299] которые отбыли в Польшу в начале января 1587 г. Посольство было принято в Речи Посполитой 17 марта 1587 г. (по григорианскому стилю), послы выполнили поручения, содержащиеся в наказе, и отбыли в Москву 15 мая того же года. Запись речей посланников с перечислением разбоев подданных Польской короны в бассейне Дона, Северского Донца и в окрестностях Северских городов сохранилась в «Посольской метрике» Великого княжества Литовского.[300] В ней, среди прочего, говорится о разбоях с участием черкас под командованием атаманов Петра Верчуна и Тереха Шелудивого. Результатом посольства стало продление перемирия между двумя государствами. В перемирной грамоте отмечалось: «...а в обидных делех всем украинным местом в тое перемирное время наместником, и воеводам, и державцом межи себя с обе стороны сыскивая и лихих казнити..».[301]

Осенью 1590 г. из Москвы в Речь Посполитую были отпущены польские послы Габриэль Воин и писарь Матвей Воин. Перед отъездом им была зачитана и вручена грамота с перечнем конфликтов, произошедших в порубежных местах. Подлинника или его копии не сохранилось. Судя по изложению указанного документа в посольской книге, польской стороне предъявлялись претензии по поводу сожжения украинцами Воронежа и упреки за другие черкасские разбои в приграничном районе.[302]

Показательно включение Ливен и Воронежа в перечень русских городов, содержащийся в тексте перемирия 1591 г., и исключение указанных городов из списка в литовских экземплярах акта. Как отметил Б.Н. Флоря, эти манипуляции свидетельствуют о стремлении польской стороны снять с себя ответственность за нападения черкас на окраины соседнего государства. А российская дипломатия, напротив, стремилась возложить на противоположную сторону такие обязательства.[303]

[299] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 17.— Л. 10об.—11об.
[300] Там же.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 94—95об.
[301] Там же.— Л. 56—76об.
[302] См.: Там же.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 17.— Л. 588—588об.; 596об.
[303] Подробнее см.: Флоря Б.Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия.— М., 1972.— С. 75; Солодкин Я.Г. Первые годы существования Воронежа // Из истории города Воронежа.— Воронеж, 1984.— С. 44—45.

В том же году, 11 апреля, из Москвы в Варшаву были направлены великий посол М.Г. Салтыков-Морозов, думный дворянин И.П. Татищев, дьяки З. Свиязев и П. Дмитриев. Согласно наказу послам надлежало требовать суровых репрессий по отношению к виновникам разорения Воронежа, т.к. участники данного нападения не наказаны, несмотря на то, что польскому королю известно о черкасском налете.[304] В статейном списке посольства говорится о том, что послы выполнили полученную инструкцию и предъявили претензии. В ответе панов-рад и короля им было сказано, что Воронеж сожгли самовольные подданные Польской короны, без ведома государя, за что «...ныне многие из них поиманы и покараны».[305] Дальнейшие события дают основания для сомнений в правдивости уверений о наказании «воровских» черкас. Как свидетельствует письмо Бориса Годунова к радным панам, написанное в мае 1592 г. и направленное в Варшаву с польским посланником Павлом Воином, черкасские разбои продолжались. Более того, они усилились после постройки Александром Вишневецким слободы Лубны.[306] К примеру, в еще одном послании из Москвы, датированном маем 1592 г., приведен обширный список пограничных «обид». Русские дипломаты не только требовали прекратить разбои на порубежной территории, но и активно протестовали против строительства острогов вблизи границы со стороны Речи Посполитой. По их словам, после основания и заселения Лубен и Прилук, жители этих городов «запустошили» Черниговский, Путивльский и Новгород-Северский уезды. При этом утверждалось, что Прилуцкое городище со всеми угодьями, прилегающими к нему, является исконной землей Черниговского уезда. По словам царской грамоты, упомянутые земли издавна сдавались на оброк бортникам. При Иване IV их получили в поместья черниговские дети боярские Никита Лихарев и Иван Шестовицкий. В настоящее же время этими поместьями владеют потомки названных детей боярских: Филимон Лихарев, Григорий и Василий Шестовицкие.[307] Со своей стороны, в Варшаве утверждали, что «...городище Прилуцкое и река Удая з веков к Киевскому

[304] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 21.— Л. 38—38об.
[305] Там же.— Л. 402—402об; Л. 499—499об.
[306] См.: Там же.— Кн. 22.— Л. 82об.—85.
[307] Там же.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 163об.—165.

княжеству надлежит и людем господарей наших королей польских и великих князей литовских черкасы, и каневцы, и остряне завжды того спокойне далече за тым местом больше десяти миль уживались».[308] Неопределенность государственной принадлежности Прилуцкого городища и его округи стала причиной длительного межгосударственного спора. О том, какое значение придавали решению этого вопроса в свою пользу российские власти, говорит следующий факт: в грамоте к польскому королю от имени царя Бориса Годунова, направленной в сентябре 1604 г., сначала высказывались претензии к варшавскому двору по поводу конфликтов на Прилуцком городище, а уже потом упрекались подданные Польской короны за поддержку Григория Отрепьева.[309]

Поскольку «обидные дела» не прекращались, то было решено направить к Сигизмунду III еще одного посланника — Афанасия Резанова. В материалах этого посольства содержится текст, аналогичный статейному списку П. Волкова и М. Сумского.[310] Это обстоятельство говорит в пользу предположения о безнаказанности участников упомянутых разбоев. 10 июля 1592 г. был составлен «Список обидным делам к Жигмонду королю...»,[311] известный по копии в посольской книге Российского царства. Согласно этому списку Резанов должен был требовать от польского правительства принятия мер против черкас, от которых в 1589 г. «...такие задоры и кровопролитье учинилось, чево николи в перемирные лета не бывало». Помимо масштабов этот набег примечателен также составом участников, ведь «...того николи не бывало и не в мирное время, что крестьяном сложась с бесермены да крестьянскую кровь проливати...».[312]

Из Москвы А. Резанов выехал 10 июля 1592 г. Из «Списка...» и наказа видно, что польские власти ко времени отбытия российского посланника не удовлетворили предшествующие требования Москвы. В наказе называлось количество погибших в результате черкасских нападений на Поле — более 200 человек.[313] Черкасам вменялись в вину не только нападения, но и захват земель. Особо подчеркивалось недовольство постройкой Лубен, т.к. после возведения этого польского города, населенного украинцами, резко увеличилось число столкновений в приграничной зоне. На Лубны обращается внимание в грамоте от имени Федора Ивановича к Сигизмунду III[314] и в послании бояр к радным панам.[315] Резанову предписывалось обязательно получить подробный письменный ответ по всем статьям «Списка обидным делам...».[316]

Посланник выполнил данные ему поручения, привез ответный список от короля. Содержание этого списка и грамоты Сигизмунда III к Федору Ивановичу свидетельствует о признании ответственности Польши за нападения своих подданных — украинцев — на российские земли. В указанных документах король обещал принять строгие меры к сохранению покоя на границах.[317] О том, что Резанов добросовестно выполнил наказ, свидетельствует наличие копии «Списка обидным делам...» в Литовской метрике.[318] При этом в своей «отписи» Сигизмунд III заявил: «...ино што пишешь о задорах и зачепах разных, вкладаючи на люди наши, [а что] то все нашим панством и людем от Ваших делаетца? Бо Ваши люди з Смоленска, с Торопца, с Чернигова, с Путивля и з ыных городов украинных через давние границы в наши земли вступаются, городы ставити и слободы закладывати хотели, а на места и городы наши наступают, и многие задоры, и зачепи над перемирные грамоты чинят». Далее король настаивал на прекращении подобных действий со стороны Российского царства. Тем не менее, Сигизмунд III обещал не допускать нападений с польской стороны границы.[319]

Таким образом, колонизация Россией и Польшей своих окраин привела к обострению территориальных противоречий между двумя государствами. Оно проявилось в активизации вооруженных столкновений на сопредельных землях. До описываемого времени не было совместных вторжений черкас и татар на русскую землю

[308] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 174об.
[309] Там же.— Л. 222—226об.
[310] См.: Анпилогов Г.Н. Ук. соч.— С. 74 и С. 85.
[311] Там же.— С. 78.
[312] Там же.— С. 80.
[313] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 22.— Л. 104об.
[314] См.: РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 22.— Л. 110.
[315] См.: Там же.— Л. 115.
[316] Там же.— Л. 182—182об.
[317] См.: Там же.— Л. 225—226; 232—234.
[318] См.: Там же.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— Л. 166об.—168.
[319] Там же.— Л. 168—170.

(или они были очень редкими). И если татарские набеги регулярно совершались и ранее конца XVI в., то в документах российских посольств в Речь Посполитую, сохранившихся в фондах Посольского приказа, не встречается упоминаний о вторжениях черкас ранее 80-х годов XVI в., за исключением двух случаев — в 1563 и 1571 г.

Несмотря на дипломатические меры, в дальнейшем положение существенно не изменилось. Особую опасность представляли нападения на служилых людей. Судя по царской грамоте, посланной в Ливны весной 1595 г., нападения черкас на российские станицы и сторожи продолжались. Они стали таким же постоянным явлением на порубежье, как татарские набеги, с той лишь разницей, что татары стремились обойти или уничтожить станицы для предотвращения поступления информации об их появлении на Поле, а черкасы нападали на сами сторожи и станицы, стремясь завладеть имуществом и лошадьми служилых людей. Соответственно, правительство предпринимало меры по охране рубежа от татар и от «воровских» черкас, в том числе и довольно жесткие по отношению к собственным подданным: «..а хотя и малые люди придут или прокрадутца на наши украйны, или черкасы учнут по Полю ходить, станицы и сторожи громить, а головы тово не уберегут, и тем головам быти от нас казненным смертью»,[320] — говорилось в царском указе.

Помимо актов разбоя, бывших на окраинах делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят попытки украинского населения осесть на приграничных землях, не вступая при этом в российское подданство. О таких фактах сообщали воеводы Путивля, Рыльска и Новгорода-Северского[321] и Чернигова.[322]

Опасность черкасской колонизации для России заключалась в том, что селившиеся украинцы не приносили присяги Федору Ивановичу. Следовательно, продолжали оставаться подданными Речи Посполитой. Поэтому русское правительство опасалось такого освоения земель черкасами. Ведь, закрепившись на них, переселенцы создали бы условия для присоединения этой территории к Польше. Но процесс расселения черкас на границах Российского царства

[320] РК 1475—1605 гг.— М., 1989.— Т. III.— Ч. III.— С. 90.
[321] Аппилогов Г.Н. Ук. соч.— С. 74.
[322] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 593.— С. 74.

продолжался, и московское правительство остановить его не могло. В данном случае можно говорить о столкновении двух потоков колонизации Днепро-Донской лесостепи — русского и украинского. Постоянное соприкосновение русских и украинцев началось в конце XVI в., когда Россия, активизировав свою внешнеполитическую деятельность, начала освоение южного лесостепного региона. Продвижение на юг было призвано обеспечить защиту центральных районов страны от набегов крымских татар. Но в процессе колонизации Поля россияне столкнулись с черкасами — украинскими казаками, которые пытались осесть на уже заселявшихся российскими служилыми людьми землях. И не только пытались осесть, но и совершали набеги, разорявшие русских поселенцев. Юридически являясь подданными Речи Посполитой, а фактически действуя самостоятельно, на свой страх и риск, они серьезно осложняли продвижение России на юг.

Освоение Поля началось практически одновременно и россиянами и черкасами. Однако имелись существенные отличия в положении переселенцев с территории Российского царства и Речи Посполитой. В это время русская колонизация была преимущественно правительственной, организованной из центра. Она опиралась на строящиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы. Проводя такую политику, российская сторона стремилась закрепиться на Польской и Северской окраинах. Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся польскими землевладельцами, но не государством. В конце XVI — начале XVII вв. правительство Речи Посполитой специальных распоряжений о переселении черкас не отдавало, но и не мешало движению украинцев в этот регион. Русские власти всячески противодействовали оседанию украинских переселенцев на его территории и рассматривали черкасскую колонизацию как проявление экспансии Речи Посполитой.

Правительства Федора Ивановича и Бориса Годунова, опираясь на создаваемые в рассматриваемом регионе вооруженные силы, пытались вытеснять украинцев с территории, которую считали своей. Но сил, имевшихся в распоряжении Российского царства, оказалось недостаточно для преодоления сопротивления украинских по-

селенцев. Тем не менее в столкновении двух колонизационных потоков преимущество оказалось на стороне российского, имевшего государственную поддержку. Однако полностью удалить украинцев с территории Поля российские власти не смогли. Результатом стало компромиссное решение проблемы. Российская администрация разрешала черкасам селиться на своей территории при условии изменения ими подданства и выполнения различных обязанностей наравне с другими российскими служилыми людьми.

§3. Положение на российско-украинском порубежье в Смутное время

Первые два десятилетия XVII в. являются одним из наиболее сложных этапов в становлении российско-украинских порубежных отношений. Это время характеризуется не только голодом 1601—1603 гг. (который на юге Российского царства проявился не так остро, как в других районах страны), но и дестабилизацией внутри- и внешнеполитического положения России, активным вмешательством в ее внутренние дела иностранных держав и их прямой военной интервенцией. Наибольшей активностью была отмечена внешняя политика Речи Посполитой. Правительство этого государства стремилось извлечь максимальную выгоду из сложной внутриполитической ситуации в России. В Польше в этой связи возникали различные планы: от идеи соединения Российского царства и Речи Посполитой «вечной унией» до присоединения к Польскому королевству части пограничных российских территорий.[323] Естественно, вышеназванные факторы отразились на ситуации в южных уездах страны.

Именно в южные районы России вторгся Лжедмитрий I. В числе войск, с которыми Самозванец начал свой поход, были и украинские казаки. На это указывает в своем письме от 30 ноября 1606 г. митрополит Филарет.[324] Р.Г. Скрынников отметил, что формирование армии Лжедмитрия началось в 1603 г. в Запорожье.[325] Он объяснял это сохранением связей семьи Вишневецких с казацкой старшиной. Для организации похода Самозванца упомянутые связи были пущены в ход.[326] Тот же исследователь писал, что в ноябре 1604 г. в армии Лжедмитрия I было 2 тыс. украинских казаков, и к этому войску присоединилось не менее тысячи украинцев, объявивших себя казаками. В декабре того же года под Новгород-Северский прибыло еще 4 тыс. запорожцев.[327] Современные исследователи не сомневаются в наличии тесных связей Лжедмитрия I с запорожцами.[328] В материалах посольства Постника Григорьевича Огарева, отправившегося в Варшаву в сентябре 1604 г., в числе претензий к польскому правительству говорится о нападении в сентябре того же года на станицы Ивана Ревутова и Афанасия Сухачева, которых погромили «...ваши люди литовские черкасы и привели их в кош, на устье Орчика, к отоману, к Софрону с товарыщи. И при них пришли к тому Софрону литвин Щасны[й] Свирский з запорожскими черкасы, который приездчал (так в тексте. — А.П.) к донским казакам; и тех станичников детей боярских литвин Щасный распрашивал про наши украинные городы и про остроги, и пытали их, и огнем жгли, а иных побили».[329] Такие действия черкас в это время имеют свое объяснение. Запорожцы не просто нападали на российских служилых людей. Они собирали информацию о состоянии приграничной территории, куда затем вторглись под знаменами Самозванца.

Попытаться определить, какова была роль черкас в походе, можно, проанализировав соборное послание российского духовенства к князю Василию Константиновичу Острожскому, направленное в июне 1606 г. В нем, в частности, говорится: «...и бояры, и воеводы с многих городов, и из полков, про царевичеву Дмитриеву смерть и про того вора писали

---

[323] Подробнее см.: Флоря Б.Н. Русско-польские... С. 268—285.
[324] ААЭ.— Т. II.— С. 130.
[325] См.: Скрынников Р.Г. История Российская. IX—XVII вв.— М., 1997.— С. 398.
[326] Скрынников Р.Г. Россия... С. 118.
[327] Там же.— С. 217—218.
[328] См.: Ульяновский В.І. Лжедмитрій I і Україна (політичні аспекти) // Україна і Польща в період феодалізму.— Київ, 1991.— С. 78—79.
[329] Сб. РИО.— Т. 137.— С. 178. Факт нахождения Свирского на службе у Лжедмитрия подтверждается перепиской Мнищека и Самозванца. См.: Платонов С.Ф. Очерки... С. 163.

многажды к сандомирскому воеводе Мнишеку, и к ротмистрам, и к черкасским атаманам о всем подлинно, чтоб они тому богоотступнику, еретику, ростриге не верили, и крестного целованья не преступали б, и мирного постановленья не нарушивали..».[330] Такой же текст был включен в наказ русским послам Г.К. Волконскому и дьяку А. Иванову, отправленным в Польшу в 1606 г. Статейный список свидетельствует, что послы сделали соответствующее заявление во время аудиенции у короля.[331] Из приведенного отрывка видно, какое внимание правительство Бориса Годунова уделяло черкасам новоявленного «царевича». Ведь послания с призывом не поддерживать незаконного претендента на престол отправлялись в три адреса: Мнишеку, чей авторитет как польского воеводы был велик, польским ротмистрам и черкасским атаманам. Значит, черкасы составляли заметную силу, поэтому-то их и пытались агитировать против самозванца

Сохранившиеся источники содержат разноречивые данные о численности войск Лжедмитрия I и о количестве черкас в его армии. В письме агента кн. Фарнезе, Томаша Ронкароша, отправленном в ноябре 1604 г. из Чернигова, сообщается о пересечении границы отрядом, состоявшим из 3 тыс. поляков и примерно такого же числа украинских казаков, присоединившихся к Самозванцу по мере его следования по Левобережью Днепра. Кроме того, ожидалась еще тысяча запорожцев. Там же говорится о прибытии 12 ноября под Чернигов 9 тыс. донцов и 4 тыс. запорожцев. После соединения с этими силами Лжедмитрий должен был двинуться в направлении Белгорода.[332]

«Повествование о Дмитрии Самозванце..», изданное в Венеции в 1605 г., говорит о 5 тыс. наемников и 5 тыс. черкас, присоединившихся к претенденту на престол.[333] В «Краткой повести о злополучии и счастии Дмитрия, нынешнего князя Московского» речь идет всего о

[330] Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею.— СПб., 1846.— Т. I.— С. 257 (далее — ДАИ).
[331] См.: Сб. РИО.— Т. 137.— С. 243; 322.
[332] Новый документ о Самозванце // КС.— Киев, 1899.— Вып. 1.— Отд. II.— С. 11—13.
[333] Повествование о Дмитрии Самозванце, собранное Бореццо Борецци // ЧОИДР.— М., 1848.— № 5.— Отд. III.— С. 8.

1530 наемниках и 1200 казаках.[334] Конрад Буссов писал о 6 тыс. «полевых казаков», которые составили вместе с поляками войско в 8 тыс. человек.[335] Станислав Борша, ротмистр и дворянин Лжедмитрия I, описывая начало похода в Россию, упоминает о направлении в авангард Белешка, имевшего отряд из 2 тыс. «украинских казаков».[336]

Всем использованным источникам присуща определенная тенденциозность, однако они дают некоторое представление о реальном положении дел.[337] Приходится признать невозможность точного определения численности войск Лжедмитрия, пересекших границу Российского царства. Тем не менее, несмотря на разноречивость приведенных цифр, можно достаточно уверенно говорить об участии черкас в походе Самозванца и о том, что они составляли заметную часть его сил.

Как известно, население окраины поддержало самозванца. Польский участник похода писал в своем дневнике: «Когда Дмитрий пришел к московским границам, то украинныя северские крепости, как то: Моравск, Чернигов, Путивль, Рыльск, Курск добровольно сдались ему, а Новгород-Северский, который не хотел сдаться и в котором засел боярин Басманов, Дмитрий осадил».[338] А по словам автора «Иного сказания», также добровольно на сторону Лжедмитрия перешли Царев-Борисов и Белгород с прилегающими селами.[339] Кроме того, своих воевод Лжедмитрию выдали жители Оскола, Валуйки и Воронежа.[340]

Черкасы принимали участие в походе по приглашению Лжедмитрия. Этот факт подтвердил впоследствии на допросе, уже после смерти самозванца, Ю. Мнишек.[341] После прибытия в Речь Поспо-

[334] Краткая повесть о злополучии и счастии Дмитрия, нынешнего князя Московского // ЧОИДР.— М., 1875.— № 3.— Отд. IV.— С. 7.
[335] Буссов К. Ук. соч.— С. 100.
[336] РИБ.— Т. I.— Стб. 367; Н.И Костомаров упоминает его как Дилишка. См.: Костомаров Н.И. Смутное... С. 103.
[337] См.: Солодкин Я.Г. Авраамий Палицын об участии южнорусских окраин в событиях Смутного времени // Из истории Воронежского края.— Воронеж, 1977.— Вып. 6.— С. 58—65.
[338] РИБ.— Т. I.— Стб. 85.
[339] См.: Там же.— Т. XIII.— Вып. 3.— Стб. 28.
[340] Повествование о Дмитрии Самозванце... С. 11.
[341] Дневник Марины Мнишек.— СПб., 1995.— С. 64.

[illegible] российского посла Постника Огарева и битвы под Новгород-Северским поляки, «лутшие люди», повинуясь королевскому указу и опасаясь провала затеянного предприятия, вернулись в Польшу. С Лжедмитрием остались только перешедшие на его сторону российские подданные и запорожцы. По свидетельству автора «Дневника Марины Мнишек», в это время с Лжедмитрием было 8 тыс. запорожцев.[342] С ними он после поражения бежал в Путивль.[343] Упомянутый эпизод говорит о сохранении независимости черкас от польских властей и свидетельствует о значительности их роли в успехах Лжедмитрия на Северской и Польской украйнах России.

После смерти Лжедмитрия I и воцарения Василия Шуйского его правительство предприняло попытку восстановить свои позиции на Польской украйне. Положение было сложным. Мало того, что само население переметнулось в антиправительственный лагерь, через территорию южных уездов в Россию проникали значительные отряды черкас. Так, именно с отрядом украинских казаков, закаленных в боях с турками, вошел в пределы России в конце лета 1606 г. И.И. Болотников.[344] В марте 1609 г. лазутчики сообщали: «Казаки низовые с Запорогов выехали, семь тысяч их, лежат в Каневе, в Переяславле, в Черкасах; Дмитрий царевич писал до них грамоту, пообещаючи дать им пожалованье великое, штобы шли под Смоленск с пушками...».[345]

Собственных сил В. Шуйскому для решения пограничной проблемы не хватало. Поэтому на помощь были призваны татары. Упоминание об этом есть в грамоте воеводы Федора Волконского, датируемой декабрем 1609 г.: «Да ко государю ж де идет на воров, совершая братство и любовь, крымский царь со многими людьми и Северские и Украинские городы приводит под царскую руку...».[346] Следует, однако, отметить мнение А.А. Новосельского, который считал, что царь Василий, рассылая по всей стране грамоты с утверждениями о союзе с крымцами против польского короля, всего лишь пытался

[342] Дневник Марины...— С. 29.
[343] См.: Сб. РИО.— Т. 137.— С. 257—258; Краткая повесть... С. 9.
[344] См.: Станиславский А.Л. Ук. соч.— С. 23.
[345] АИ.— Т. II.— С. 201.
[346] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.— СПб., 1819.— Ч. II.— С. 384 (далее — СГГД).

скрыть собственное бессилие и тяжкие последствия татарского нашествия от населения.[347] Р.Г. Скрынников поддерживает заключение А.А. Новосельского, однако отмечает отличительные черты татарского набега 1609 г. «Прежде татары, проведя грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население».[348] Такое поведение крымцев могло быть следствием слабости Российского государства, которое не сумело организовать своевременный отпор, а могло быть и результатом договоренности хана с царем. Г.В. Абрамович признает подлинность повеления Шуйского «татарам и черемисе<...> Украинных и Северских городов и уездов всяких людей воевать и в полон имать и живот их грабить за их измену и за воровство, что они воровали, против Московского государства стояли и царя Василия людей побивали».[349] В современной литературе господствует представление об обращении Василия Шуйского к крымцам за помощью, которая не была эффективной по причине недостаточного количества денег, отправленных хану.[350] В пользу версии о союзе Шуйского с татарами свидетельствует дневник Станислава Жолкевского, писавшего о том, что царь Василий в 1609 г. ожидал к себе на помощь татар, за которыми было послано.[351] О призыве во время Смуты Шуйским на помощь крымцев указывали в 1613 г. польские вельможи.[352] В деле о посылке в Польшу гонца Д.Г. Оладьина содержится грамота от панов-рад Речи Посполитой к московским боярам, в ней Василий Шуйский обвиняется в том, что «...бусурманских и поганских и татарских людей и турецких, шлючи до них послы свои и поминку, на воеванье государства короля его милости наговаривал и наводил; да и своего народу московского, мужские и женские плоти и невинных малых деток безчисленно, укрепляючи свое государство, побити велел...».[353] Более того, в 1647 г. польский посол А. Кисель, обсуждая вопрос о пограничных конфликтах, утверждал, что царь Василий Шуйский на-

[347] См.: Новосельский А.А. Ук. соч.— С. 157.
[348] Скрынников Р.Г. На страже московских рубежей.— М., 1986.— С. 85.
[349] Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон.— Л., 1991.— С. 147.
[350] См.: История внешеней политики... С. 207.
[351] Рукопись Жолкевского.— М., 1835.— С. 66.
[352] См.: Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка... Ч. III.— С. 3.
[353] Сб. РИО.— Т. 142.— С. 391.

правила свои войска в Речь Посполитую.[354] Налицо стремление представить набеги крымских татар на польскую территорию как результат происков московского двора.

Даже если татары действительно приходили на российскую окраину по призыву царя Василия, то их действия ничем не отличались от обычного грабительского набега. Конрад Буссов так пишет о походе 40-тысячного отряда крымцев: «...увели за рубеж бесчисленное множество захваченных людей и скота, не считая того, скольких они побивали и побросали старых и малых, не имевших сил идти с ними, да и скота тоже».[355] Таким образом, поход татар на южную окраину России принес только отрицательный результат. В это же время, по свидетельству Авраамия Палицына, помимо татар на эту территорию России совершали набеги черкасы, наносившие ущерб не меньший, чем крымцы. Действия военных отрядов, направлявшихся на Поле из Москвы, не привели к укреплению центральной власти в указанном регионе, а лишь способствовали еще большему разорению края.[356] Черкасы с российской территории не были вытеснены. Более того, их действия вместе с войсками Тушинского вора были перенесены в центральные и северные области России.

Продвижение черкас в глубь страны не означало установления спокойствия на южном порубежье. «Новый летописец» сообщает о том, что в 1611 г. «...пришли на украйны черкасы многие люди и многие грады украинские и места повоевали. Собраху же ся украинские воеводы, князь Григорий Тюфякин, князь Федор Елецкий и иные многие воеводы, и пошли в степь, и побили всех (черкас. — А.П.) на голову, и полон весь отбили».[357] Отражение этого набега, видимо, было частным успехом и исключительной заслугой местных воевод. Так, из челобитной служилых новосильцев известно о сожжении черкасами города и острога, а также о разорении округи Новосиля в этом же году.[358]

---

[354] Sysyn F.E. Between... P. 137.
[355] Буссов К. Ук. соч.— С. 157.
[356] См.: РИБ.— Т. XIII.— Вып. I.— Стб. 501.
[357] Полное собрание русских летописей.— М., 1978.— Т. XXXIV.— С. 116 (далее — ПСРЛ).
[358] См.: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича.— М., 1915.— № 471.— С. 148.

В 1612 г. польскими войсками, состоявшими из черкас, был захвачен «большой острог» г. Курска. Куряне отсиделись в «малом остроге», но посады и уезд пострадали.[359] В том же году Белгород был взят и сожжен лубенским урядником князем Семеном Лыко. Огонь уничтожил все укрепления, жилые дома, монастырь и церкви, располагавшиеся на посаде. Более сотни жителей увели в плен. По росписям пленных, посылавшимся воеводами в Москву в 1619 г., можно установить местонахождение значительного числа белгородцев, захваченных черкасами в 1612 г. Показательно, что большинство пленных, из числа тех, чье местонахождение было известно, содержались в Лубнах.[360]

Затем Белгородская крепость была построена на новом месте, на левом берегу Северского Донца. С запада, со стороны Муравского шляха, ее прикрывала река, с востока — болота. Укрепления состояли из детинца, представлявшего в плане трапецию. Детинец был выстроен в виде стоячего дубового острога с обламами и восемью башнями высотой по 17 венцов до обламов (более 3,5 м). Две башни были проезжими: на юг выходили Донецкие ворота, на север, в острог — Никольские. Последние выходили в сторону Никольского монастыря, расположенного в остроге, отсюда и их название. Город окружал ров, укрепленный деревом. К двум наугольным башням детинца примыкал окруженный рвом трехстенный острог, имевший 15 башен, соединенных дубовым тыном. В остроге имелось трое ворот. Двое (Вожевские и Разуменетцкие) были устроены в самой длинной, северо-восточной стене, выходившей к Белому Колодезю. Донецкие ворота находились в южной стене острога. Западной стороной острог упирался в болота.

После пожара 1612 г., уничтожившего Царев-Борисов (не возобновленный сразу, подобно Белгороду), артиллерия из этой крепости была вывезена в Белгород. Среди пушек находилась (правда, пострадавшая от огня) «пищаль Собака» — артиллерийское стенобитное орудие, предназначенное для стрельбы ядрами весом в четыре гривенки (около 1,6 кг), отлитое в 1575 г. знаменитым русским мастером Андреем Чоховым. Долгие годы затем оно служило бел-

---

[359] См.: Первые месяцы...— № 67.— С. 54—55.
[360] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 5.— Часть 2.— Л. 69—84.

городцам, своим сигнальным выстрелом предупреждая о приближении опасности. Дело в том, что до «разоренья» 1612 г. в крепости на Белой горе был «вестовой» (сигнальный) колокол весом в 75 пудов (1200 кг). Звон его, говоривший о тревоге, разносился далеко по окрестностям. Во время пожара колокол упал и разбился. После восстановления крепости взамен был прислан другой, который весил всего 15 пудов (240 кг). Его звон из города, находившегося теперь не на возвышенности, а на низменном месте, был слышен гораздо хуже. Вот и приходилось тратить драгоценный порох на сигнальные выстрелы. Вероятно, помимо артиллерии, в Белгород переместились и уцелевшие жители Царева-Борисова, т.к. в восточной части острога находилась Царьгородская слобода.

Переписная книга Белгорода 1626 г. и «Книга Большому чертежу» 1627 г. указывают на перенесение Белгорода с Белой горы на левый берег Северского Донца, не давая, однако, точной даты этого события.[361] Из челобитной строителя Белгородского Никольского монастыря старца Геласия, поданной в 1634 г., известно, что на новом месте город ставил воевода Микита Лихорев[362] (его имя также упоминается в Записной пошлинной книге Печатного приказа 11 апреля 1613 г.).[363] В сохранившихся разрядных книгах среди воевод, назначавшихся в Белгород с 1614 по 1627 г., такого имени не значится.[364] Поскольку в челобитной указывается, что город переносился по указу Михаила Федоровича, ставшего царем 11 июня 1613 г., то строительство Белгорода на новом месте датируется второй половиной 1613 г.

Быстрое восстановление Белгорода говорит не только о значении данной крепости в это время, но также свидетельствует о внимании правительства к положению дел на южной окраине страны. Однако активно влиять на ситуацию в регионе российское правительство пока было не в состоянии. Тем не менее, несмотря на значительное

[361] РГАДА.— Ф. 1209.— Оп. 1.— Кн. 15817 — Л. 1—12об.; Книга Большому чертежу.— М.; Л., 1950.— С. 69.
[362] См.: АМГ.— Т. I.— № 704.— С. 643; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 99.— Л. 222—224.
[363] Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.).— М., 1994.— С. 75.
[364] См.: Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам.— СПб., 1902.— С. 26.

усиление позиций Речи Посполитой, положение России на степной окраине было лишь ослаблено. Окончательно вытеснить Российское царство с освоенных им в конце XVI в. территорий не удалось.

С возвращением в Польшу из России короля Сигизмунда III и королевича Владислава активные действия польских войск на русских землях прекратились. После утверждения на престоле в 1613 г. Михаила Федоровича Романова положение в государстве начинает стабилизироваться. Но в стране в целом и на южном порубежье в частности оставалось значительное число черкас, которые не только грабили население, но нередко осаждали и штурмовали российские крепости.[365] Положение было настолько серьезным, что в июле 1613 г. вопрос о борьбе с черкасами был вынесен на обсуждение Земского собора.[366] После чего правительством был принят курс на применение энергичных и жестких мер для наведения порядка на границах. Был отдан приказ вешать на месте попавших в плен «воровских» черкас.[367] Усиливались войска на окраине. Для этого шире стали привлекать волжских и донских казаков. Как свидетельствует письмо, направленное воеводами И.Н. Одоевским и С.В. Головиным Волжскому казачьему войску в марте 1614 г., казаки не только защищали российскую территорию, но и активно воевали за рубежом: «И ныне ваша братья атаманы и казаки многие по вере християнской оборают и таких врагов и разорителей доходят, и литовскую землю воюют, жгут и пленят, и жен их и дети в полон емлют, и городки и острожки у польских и литовских людей поимали».[368]

Население пограничных земель теперь активно включилось в борьбу с иноземцами. Так, жители Путивльского уезда в 1613 г. били челом государю, прося «...их пожаловать, послати к ним воевод, а с ними ратных людей, с кем бы им над литовскими людьми и над черкасы промышлять и Путивль от польских и литовских людей очистить».[369] Подкрепление послали. Путивль был освобожден летом 1613 г. 30 июля в Москву приехал гонец с донесением от воево-

[365] См. например: РК 1598—1638 гг.— М., 1974.— С. 251.
[366] См.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.— М., 1978.— С. 217.
[367] См.: Багалей Д.И. Очерки... С. 150.
[368] РИБ.— Т. XVIII.— Стб. 44.
[369] Цит. по: Танков А.А. Ук. соч.— М., 1913.— Т. I.— С. 167.

ды кн. Данила Долгорукого о разгроме литовских людей в Путивльском уезде.[370] В это же время об освобождении города Моравска (Монастырево, Монастыревский острог) докладывали черниговские и путивльские воеводы. По их приказу «...ратные люди, дети боярские и стрельцы, и казаки, пришед, Монастыревской город взяли взятьем и литовских людей многих побили, и наряд поимали, и урядника з женой и сыном взяли, и город весь и посад без остатка выжгли, и около Монастыревского города многие литовские села и деревни, воевав, выжгли, и монастыревские места очистили».[371] Боевые действия перекинулись на польскую территорию. 22 января 1614 г. в столице было получено сообщение о рейде путивльского отряда под командованием Юрия Беззубцова. Путивльцы и черниговцы, бывшие в составе этого отряда, «...город Синеч взяли, взяв, сожгли и посад весь выжгли, из города наряд, пушки и пищали затинные, и ис храмов Божьи милосердные образы, и книги, и свечи, и колокола и всякое церковное строенье поимали, и многих литовских людей в городе и на посаде побили, и жон их и детей многих в полон поимали. А назад идучи взяли литовский ж острожек Логвицу и посад весь выжгли, и многой русской полон розных городов отбили».[372] Обращает на себя внимание разграбление церквей в захваченном городе. Не ясно, католические или православные храмы пострадали, но приведенный пример свидетельствует об ожесточенности боевых действий с российской стороны, стремившейся нанести противнику максимальный урон.

В следующем, 1615 г. объединенный отряд, состоявший из путивльцев под командованием Ю. Беззубцова и рылян во главе с Константином Широковым, двинулся в Речь Посполитую, где «...литовские городы Хорол и Миргородок взяли взятьем, и острог, и посады выжгли, и литовских людей многих побили, и по дворам пожгли, и в языцех взяли литовских людей з женами и з детьми человек со сто и больши, и руской многой полон отполонили, и наряд, и знамена, и урядников тех городов поимали».[373]

Весной 1616 г. служилые люди под командованием Петра Еюдина, посланные из Новгорода-Северского, разорили многие села и деревни в районе Любеча. Затем отряд Тимофея Шенелева осаждал Любеч. Были сожжены посады и разорен уезд. Захвачено 70 пленных.[374] 4 июля 1616 г. в Москву прибыли сеунщики[375] из Новгорода-Северского, Рыльска и Путивля. Они доложили об успешном походе. Во время похода был взят и сожжен большой острог г. Остра вместе с посадами, а также были разорены и выжжены окрестные села и деревни.[376] Спустя некоторое время другой отряд из Новгорода-Северского разорил окрестности того же города.[377] 25 сентября 1616 г. воевода опять докладывал об еще одном удачном походе своих подчиненных на Остр, возглавлявшемся Богданом Износковым. В этот раз после второго приступа был взят и «малый острог». Сожгли две башни и отбили пленных. Затем «...Остренской уезд повоевали. И в розгоне были от Киева за семь верст, и Киевской уезд повоевали ж, и литовских людей многих побили...».[378] Летом следующего года путивльцы под командованием головы Алексея Некрасова разбили большой неприятельский отряд на реке Гавнянке, в 40 верстах от Хорола, захватив языков и знамена.[379]

В то же время не прекращались походы черкас на территорию Российского царства. Ответ Д.М. Черкасского на письмо гетмана Ходкевича свидетельствует о присутствии черкасских отрядов на юго-западных окраинах России, по крайней мере, до конца 1615 г.[380] В 1617 г. в Курск прибыли воеводы кн. Иван Хованский и Дмитрий Скуратов, после чего «литовские люди» и черкасы, находившиеся в районе города, переместились к крепости Осколу. Вне-

[370] См.: Памятники истории Восточной Европы.— М.; Варшава, 1995.— Т. I.— С. 19 (далее — ПИВЕ).
[371] Там же.— С. 43.
[372] Там же.— С. 24.

[373] ПИВЕ. —Т. I.— С. 33.
[374] Там же.— С. 42—43.
[375] Сеунщик — гонец с сообщением о победе (от тюркского «сеунч» — победа).
[376] ПИВЕ. —Т. I.— С. 44.
[377] Там же.— С. 45.
[378] Там же.— С. 47.
[379] Там же.— С. 63.
[380] См.: Сб. РИО.— Т. 142.— С. 651.

запным набегом захватили и сожгли его. Затем они двинулись в направлении Белгорода и прошли мимо него в Речь Посполитую.[381]

В начале 1617 г. под Путивль пришел кн. Юрий Вишневецкий, а с ним 12-тысячный отряд, состоявший из жолнеров, гайдуков и запорожцев. В ночь на 5 января внезапным ударом был захвачен большой острог. А ночью 15 января был предпринят решительный «...приступ с туры и с щиты, и с лестницами, и с нарядом, и с нарядными стрелами для зажиганья».[382] Приступ отбили, и отряд Вишневецкого «пошел в Литву». Этой же зимой отряд в пять тысяч черкас появился под Воронежем. Они к «...городу и к острогу приступали дважды со всех сторон жестокими приступы с нарядом и с щиты, и с приметом..» Нападавших отбили от города и преследовали десять верст по Оскольской дороге.[383]

Положение на порубежье усугубилось походом польского королевича Владислава. Игнорируя решение Земского собора об избрании Михаила Романова на царство, он продолжал именовать себя «московским государем» и настаивал на своих правах. Летом 1616 г. королевич получил согласие сейма на поход, через год вступил в русские пределы. Сил, имевшихся в его распоряжении, оказалось недостаточно для ведения успешной войны за престол. Поэтому Владислав призвал на помощь запорожское войско. Запорожцы численностью до 20 тыс. человек двинулись в поход летом 1618 г.[384] Во главе казаков стоял гетман Петр Конашевич Сагайдачный. Они овладели Путивлем, Ливнами, Ельцом, Данковым, Лебедянью, взяли в плен русских послов, направлявшихся в Крым (вместе с «мягкой казной» стоимостью 10 тыс. руб.), а затем направились на Рязанщину. Вместе с собой черкасы уводили молодежь, способную выполнять обязанности слуг. Только в Ельце и его уезде они захватили тысячи жителей в возрасте от 9 до 20 лет.[385] После этих событий

[381] Дворцовые разряды.— СПб.,1850.— Т. I.— Стб. 259—260 (далее — ДР).
[382] ПИВЕ.— Т. I.— С. 52.
[383] Там же.— С. 54—55.
[384] Повесть об осаде города Михайлова гетманом Сагайдачным в 1618 г. // КС.— 1885.— № 12.— С. 684.
[385] См.: Станиславский А.Л. Ук. соч.— С. 179.

российское правительство отложило посылку очередного посольства в Крым, опасаясь, что его опять перехватят черкасы.[386]

Таким образом, в 1618 г. южная оборонительная система России, еще окончательно не восстановленная после Смутного времени, в результате вторжения запорожцев опять серьезно пострадала. Об активности боевых действий на порубежье можно судить по спискам пленных, захваченных войсками Речи Посполитой во время интервенции. Так, количество белгородцев, попавших в плен в 1612—1619 г., определяется в 121 человек, курян — 183, рылян — 268. Гораздо меньше пострадал Воронеж (15 человек), Монастырев (39 человек) и Чернигов (30 человек). А самые большие людские потери были в г. Осколе и его уезде (458 человек).[387] Указанная территория подверглась в 1616/17 г. нападению черкас под командованием запорожского полковника Михаила Пырского.

Известны города, в которых содержались пленные из Монастырева. Из 39 пленных 12 находились в Киеве, а 27 — в Остре.[388] Воевода И. Борятинский сообщал, что все пленные черниговцы находятся в Киеве, Остре и Любече. В своей росписи он перечислил имена пленников, но не указал, кто конкретно в каком городе содержится. По росписям рыльского и курского воевод можно установить, кто и в каком году захватывал в плен жителей этих районов. Такая информация есть по 134 рылянам из 268 плененных и по 123 из 183 курян. Судя по данным, содержащимся в упомянутых списках, в районе Рыльска в 1610 г. действовали черкасы неких гетмана Гришки Техтемировца и Матюшки, которые захватили пять пленных. В 1612 г. Рыльск, как и Белгород, пострадал от лубенского урядника кн. Семена Лыки (20 пленных). В последующие годы появлялись отряды полковника Пырского (трое пленных), кн. Вишневецкого (восемь пленных). Вновь черкасы С. Лыки отмечены в 1615/16 г. (10 пленных) и в 1618 г. (12 пленных). Сильнее всего пострадали окрестности Рыльска в 1618 г. от отрядов полков-

[386] Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею.— М., 1848.— Т. I.— № 17.— С. 26 (далее — Письма...).
[387] Данные взяты из «Росписей...», отправленных воеводами в Москву в 1619 г. См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 5.— Часть 2.— Л. 69—84; 138—163; 196—208; 235—258; 275—278.
[388] Там же.— Л. 138.

ника Пырского, действовавших в составе сил гетмана Сагайдачного (72 человек пленных).[389]

Роспись, направленная курским воеводой С. Жеребцовым в Москву в 1619 г., сообщает о том, что в 1607/08 г. под Курском появлялся атаман Насека (один пленный), в 1610/11 — пан Кулаковский (10 пленных), на следующий год приходили пан Родкевич (двое пленных) и полковник Старинский (25 пленных), а больше всего курян (45 человек) было захвачено в плен Родкевичем в 1616/17 г. Среди всех вооруженных формирований, побывавших в районе Курска с 1607 по 1617 гг., обращает на себя внимание отряд полковника Мишко Дорошенко. Судя по «Росписи..», Дорошенко приходил в Курский уезд ежегодно с 1609 по 1612 гг., захватив за это время в плен 30 человек.[390] Следует подчеркнуть, что приведенные данные могут быть далеко не полными, так как рассматриваемые списки составлялись спустя довольно большое время после нападений, о которых идет речь.

Постоянные крымские набеги на Польскую украйну не носили такого разрушительного характера, как действия черкас, т.к. от татар страдало население уездов, а города и остроги обычно не подвергались нападениям степняков. Российские укрепления, бывшие центрами колонизации края, оставались целыми. Опираясь на них, царское правительство продолжало политику заселения и освоения края. Другое дело черкасы. Как видно на примере похода Сагайдачного, последние, обладавшие хорошими военными навыками и вооружением, за короткий промежуток времени смогли захватить и частично разрушить несколько российских крепостей. Видимо, разорение было серьезным, т.к. система государственного управления в пострадавших городах была совершенно расстроена. В Разрядном приказе даже не имели информации о численности оставшегося там населения и сборе государственных доходов.[391] Пострадали и уезды. Ущерб, нанесенный черкасским походом, был, по крайней мере, не меньше, чем разорение от обычного татарского набега.

---

[389] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 5.— Часть 2.— Л. 138—139.
[390] Там же.— Л. 196—208.
[391] См.: Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства.— М., 1909.— Вып. II.— С. 40.

Для Владислава поход оказался неудачным. Осенью 1618 г. возобновились мирные переговоры. На них польские послы не могли гарантировать вывод запорожцев из России, даже если будет заключен мир.[392] Российским дипломатам решением Боярской думы предписывалось приложить максимальные усилия для достижения договоренности об обязательном уходе черкас с территории Российского царства. Бояре указали послам «...говорити как же правде быть, какой то мир и унятье кроворозлитью и за что городов поступатьца, только им (польским послам. — А.П.) впредь того не написать, что запорожских черкас вывести».[393] На переговорах удалось настоять на включении в текст Деулинского перемирия соответствующего условия. После обмена договорными грамотами Россию должны были покинуть все войска Речи Посполитой, включая запорожцев «...под предводительством гетмана их, Сагайдачного, с его старшинами и рядовыми, здесь (в центральных районах. — А.П.) и на границах находящимися..».[394] Таким образом, выход черкас из России являлся одним из существенных условий подписания договора. Озабоченность московского правительства объясняется тем, что последние, действуя в составе польских войск, полностью не подчинялись коронной администрации. Определенная свобода, которой они располагали в рамках Королевства Польского (возраставшая в военное время), позволяла им, в зависимости от конкретных условий, выступать то на стороне Польши, то на стороне России, а порой действовать и как самостоятельной силе. Следует обратить внимание на оценку российскими властями похода запорожцев 1618 г. Согласно боярскому приговору от 10 июля 1619 г., «...о ту пору была война, а не разбой».[395]

Погром 1618 г. не помешал П. Сагайдачному спустя год послать в Москву посольство во главе с Петром Одинцом. В грамоте гетман писал об извечной службе запорожцев российским государям, о желании черкас продолжить эту традицию, намекая на необходимость царского жалованья. Посланцам было выдано «легкое жало-

---

[392] См.: Словьев С.М. Ук. соч.— Т. 9.— С. 122.
[393] РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 32.— Л. 135об.
[394] Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка... Ч. III.— С. 31; РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— Кн. 35.— Л. 74.
[395] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века.— Л., 1986.— С. 96.

ванье» размером в 300 руб. В царской грамоте к гетману обещалось еще «смотря по службе».[396]

Рассматривая приведенный документ, можно предположить, что обиды, причиненные черкасами, забыты, а российское правительство полностью доверяет гетману и запорожцам. В исторической литературе нередко делалось заключение о выборе Петром Сагайдачным курса на переход в Российское царство.[397] Данное представление было подвергнуто критике В.Д. Королюком, пришедшим к выводу, что Сагайдачный, посылая Петра Одинца, не стремился перейти в российское подданство, а хотел «...достигнуть соглашения с русским правительством о военных действиях против Крыма».[398] Несмотря на убедительные аргументы В.Д. Королюка, суждение об изменении Сагайдачным политической ориентации в 1620 г. продолжало бытовать в советской историографии.[399]

Вероятно, основной целью посольства П. Одинца являлось восстановление нормальных отношений с Россией, нарушенных в 1618 году. Сагайдачный не собирался выходить из подчинения Польши. Это понимали в Москве. Посольство прибыло в российскую столицу неожиданно. Отослать или совершенно проигнорировать его было нельзя. Поэтому Одинец и его сопровождение были приняты князем Д.М. Пожарским, но не удостоились царской аудиенции. Дьяки передали послам: «...в пост у великого государя нашего никакие послы и иноземцы не бывают..».[400] Внезапное появление посольства в Москве и двусмысленное положение, в котором

[396] СГГД.— Ч. III.— С. 216.

[397] См.: Каманин И.М. Очерк гетманства Петра Сагайдачного.— Киев, 1901.— С. 12; ВУСР.— Т. I.— С. X.; История Украинской ССР в 2-х томах.— Киев, 1953.— Т. I.— С. 200—201; Гуслистий А., Апанович О. Запорозька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу.— Київ, 1954.— С. 28—29; Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией.— Киев, 1954.— С. 46; Гуслистый К.Г. Исторические связи... С. 37.

[398] Королюк В.Д. К вопросу о посольстве в Москву от запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1620 г. // Славянский архив.— М., 1958.— С. 38.

[399] См. например: Гуслистый К.Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа.— Киев, 1963.— С. 58; Дзюба Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским.— Киев, 1987.— С. 107; Артюшевский О.П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии.— Киев, 1987.— С. 73.

[400] ВУСР.— Т. I.— № 7.— С. 15.

оказалось российское правительство, не готовое к серьезным переговорам, стали следствием ошибочных действий путивльских воевод, имевших четкие инструкции на подобный случай. Им предписывалось не пропускать в Москву черкас без особого на то распоряжения, а отделываться от них жалованием из воеводской казны и возвращать в Речь Посполитую.

В данной ситуации воеводы, не дождавшись разрешения, пропустили посольство, которое в Москве принимать не хотели. Поэтому, после отбытия Петра Одинца из столицы, в Путивль была послана грамота с выговором: «...и вы вперед так не глупили, без нашего указу таких великих дел не делали и того своею глупостию делам порухи не чинили. А только вперед так учнете делать, и вам быть от нас в великой опале».[401] Правительство опасалось черкас и имело на то веские причины. Осторожности требовала обстановка. Спустя полгода после посольства Одинца в Путивль поступила информация о намечаемом походе черкас из Лубен, Пиритина, Прилук, Переяславля и других украинских городков под Путивль, Рыльск и Курск. Поход должен был начаться в январе 1621 г. Во главе черкас стоял тот же гетман Сагайдачный.

Как следует из письма патриарха Филарета к царю от 19 сентября 1619 г., даже в условиях перемирия между Россией и Речью Посполитой Москва предписывала порубежным воеводам с особым опасением относиться к украинцам. Купцов, приезжавших для торговли в приграничные города, тем не менее, было велено принимать. Построить им на посадах особые дворы, не пускать в остроги и следить, чтобы они не жили в российских городах слишком долго. Черкасам запрещалось появляться только в Белгороде, «...потому что Белгород — город дальний польской, и чтоб чего черкасы злым умыслом не учинили..».[402]

Приведенные факты позволяют заключить: во время Смуты, благодаря ослаблению Российского государства, приостановилась колонизация Поля. Процесс российско-украинского порубежного взаимодействия претерпел серьезные изменения. И если в конце XVI в., несмотря на различные конфликты, достаточно устойчиво

[401] Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси.— М., 1877.— Т. I.— С. 99.

[402] Письма... Т. I.— С. 36—37.

развивалась тенденция к совместному проживанию россиян и черкас в Днепро-Донском междуречье, основывавшаяся на приеме украинских казаков в российское подданство, то в первые два десятилетия XVII в. черкасы в основном выступали либо как воины Речи Посполитой, либо как разбойники, рыскающие в поисках добычи по российской украйне. Но по мере восстановления российской государственности это направление во взаимодействии населения сопредельных территорий России и Польши перестает доминировать, и фактически порубежные отношения восстанавливаются в том виде, в котором они существовали до появления первого самозванца. Значит, в основе обострения ситуации на границе между украинскими землями Речи Посполитой и России в Смутное время лежали не этнические, а политические причины.

Произведенный анализ источников позволяет выделить два этапа российско-украинского порубежного взаимодействия в конце XVI — начале XVII в. Первый — 1580-е — 1604 г., когда началось постоянное соприкосновение россиян и украинцев на территории Днепро-Донского междуречья. Колонизация Польской украйны, развернутая российским правительством в конце XVI в., была призвана не только способствовать предотвращению татарских набегов, но и не допустить заселения указанного региона подданными Речи Посполитой — украинцами. В результате целенаправленной российской политики (посылки сторожей в последней трети XVI в., затем организации освоения края, постройки крепостей в конце XVI — начале XVII в.) Россия смогла утвердиться на Поле, оттеснив своих соперников. В процессе колонизации русские переселенцы встретили неожиданное препятствие — украинских казаков, которые пытались осесть на землях, уже заселявшихся российскими служилыми людьми. Вооруженные схватки и конфликты, происходившие на Польской украйне, позволяют говорить о столкновении двух колонизационных потоков. Следует отметить, что российская правительственная колонизация оказалась более эффективной, чем украинская народная, не имевшая государственной поддержки. Разрешая пограничные проблемы, царское правительство пришло к компромиссу: черкасам разрешали селиться на российской территории при условии перехода их в российское подданство и выполнения различных служебных обязанностей наравне с другими служилыми людьми. Компромиссный вариант разрешения

противоречий колонизации оказался достаточно эффективным. Несмотря на сложности и трудности, большинство черкас достаточно исправно выполняли свои обязанности, а российская администрация предпринимала все возможные меры для контроля над народной украинской колонизацией Поля.

Второй этап приходится на Смутное время. В 1604 г., после вторжения Лжедмитрия I в южные пределы России, колонизация Поля приостановилась. Теперь черкасы, как правило, выступали в качестве воинов Самозванца или Речи Посполитой. Решающим фактором в изменении ситуации была политика Польши, направленная против соседней страны и ослабление России в начале XVII в. После воцарения Михаила Романова и последовавшего за этим постепенного хозяйственного и военного восстановления Российского царства количество вооруженных столкновений на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой сокращается. Подписание Деулинского перемирия 1618 г. предопределило восстановление положения, характерного для российско-украинского порубежья в конце XVI в.

ГЛАВА 3.
ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОЙ И УКРАИНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПОЛЯ (МЕЖДУ СМУТОЙ И СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНОЙ)

§1. Черкасская колонизация и восстановление позиций России на южных окраинах после Смуты

Итоги Смуты предопределили главные направления последующей внешней и внутренней политики правительства Михаила Федоровича. После прекращения войны с Речью Посполитой и Швецией необходимо было решить задачу восстановления государственного порядка, а затем попытаться найти пути преодоления условий Деулинского перемирия. Согласно этому соглашению, заключенному с Речью Посполитой в 1618 г., к Польше отходили Смоленская, Северская и Черниговская земли. Важной предпосылкой для возвращения утраченного должно было стать укрепление позиций Российского царства в районах, прилегающих к вышеназванным территориям.

В 20-е годы XVII в. Россия окончательно закрепилась на Польской украйне. Возобновилась сторожевая и станичная служба. Продолжался процесс заселения земель, увеличения численности служилых людей в польских городах. Отношения между Россией и Речью Посполитой продолжали оставаться сложными, неурегулированными, т.к. ме-

жду двумя странами не был заключен мир. С 1618 г. действовало перемирие на 14,5 лет. Речь Посполитая не только захватила западные российские земли со Смоленском, но и продолжала игнорировать Михаила Федоровича Романова как законного российского царя, требуя, согласно договору Владислава с боярами, признания прав польского королевича на московский престол. В пограничных районах сохранялась напряженность. Тем не менее, крупных военных столкновений на межгосударственном уровне не было, за исключением периода Смоленской войны 1632—1634 гг. Но это не означает, что в остальное время порубежье являлось мирной зоной. Польская и Северская украйны были ареной постоянных, как правило небольших, вооруженных столкновений.

Для своевременного обнаружения опасности со стороны Поля действовала российская сторожевая и станичная служба. Нужно учесть, что летом 1623 г. в Ливнах Ибрагим-паша дал шертную запись от имени крымского хана Магмед-Гирея. Крымцы обязались не нападать на украинные российские города и не громить станичников.[403] Безусловно, такая клятва не гарантировала прекращения татарских набегов. Однако вероятность крупных вторжений крымцев существенно снижалась. Конкретные задачи, стоявшие перед сторожами в 20-е годы XVII в., можно выяснить, рассмотрев «Роспись белгородским сторожам... 1623 года».[404] Согласно данному документу назначением семи сторож из 15 названо обнаружение как татарских, так и черкасских вторжений. Судя по расположению сторож, черкасы прибывали в район Белгорода не только с западной стороны, но и с юга, по традиционным путям татарских набегов. Если проанализировать размещение сторожевых пунктов, имевших одной из своих задач обнаружение появления черкас на Поле, то становится понятным, что из 15 сторож, выставлявшихся белгородским воеводой летом 1623 г., по меньшей мере 12 выполняло, среди прочих, задачу информирования о возможных черкасских набегах. Судя по аналогичной «Росписи...» за 1629 г.,[405] сторожевые посты дислоцировались практически в тех же местах, что и в 1623 г. Зна-

---

[403] Лашков Ф. Ук. соч.— № 35.— С. 46.
[404] См.: Беляев И.Д. Ук. соч.— Источники.— С. 59—61.
[405] См.: АМГ.— Т. I.— С. 245.

чит, задачи сторожевой службы на протяжении исследуемого периода оставались неизменными.

В росписях сторож воеводы других городов не перечисляли так подробно задачи каждого сторожевого пункта, как это сделал белгородский воевода в 1623 г.[406] Тем не менее, анализ указанных росписей позволяет утверждать, что предотвращение черкасских вторжений являлось одной из задач сторож, высылавшихся из всех украинных городов. В марте 1623 г. белгородскому воеводе Григорию Тюфякину было предписано: «...станицы посылать, встречаясь, и вестей подлинных проведывать, и на сторожи сторожей посылал [бы] сполна, и то б им приказывал накрепко, чтоб они на сторожах стояли беспрестанно, в день и в ночь, крепко и усторожливо, и проезды б у них были меж сторож частые, и про воинских людей, про татар и про воров черкас вестей проведывали накрепко, чтоб воинские люди татарове и воры черкасы на белгородския места и к Белугороду, и на иныя украинныя городы безвестно не пришли и не извоевали...».[407] О борьбе сторож с черкасами свидетельствуют царская грамота, направленная к воронежскому воеводе в марте 1627 г.,[408] а также наказ белгородскому воеводе Якову Оксентьевичу Дашкову 1629 г.[409] Из отписки валуйского воеводы известно о гибели в 1628 г. от рук черкас станичника Первушки Рябинина.[410]

Переписка по поводу сторожевой службы между Разрядом и воеводами порубежных городов за 1630 г. демонстрирует рост внимания к «воровским» черкасам. Можно предположить, что причиной этого послужило увеличение числа столкновений с ними. Грамота с росписью сторож, полученная данковским воеводой в апреле 1630 г.,[411] содержала такой же текст о борьбе с татарами и черкасами, как и грамота к белгородскому воеводе 1623 г. (см. выше). Точно такая же задача была поставлена перед путивльским воеводой М. Бутурлиным.[412] В 1631 г. подобные грамоты были посланы в Белгород[413] и Воронеж.[414] Предписание о необходимости организации борьбы с татарами и «воровскими» черкасами стало устойчивой формулой наказов пограничным воеводам. Данное обстоятельство говорит о достаточно длительном сохранении опасности вторжения черкас на российские порубежные территории.

[406] Ср. например: Роспись воронежских сторож 1623 г.: Воронежские акты — Воронеж, 1852.— Кн. II.— С. 164—168; Росписи оскольских, ливенских, курских, валуйских, путивльских, рыльских сторож: РГАДА.— Ф. 210 — Книги Московского стола — № 12.— Л. 24—80.
[407] СГГД.— Ч. III.— С. 256.
[408] Воронежские акты.— Воронеж, 1851.— Кн. I.— Приложения.— № 4.— С. 163.
[409] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 35.— Л. 156.
[410] Там же.— № 25.— Л. 10.
[411] Там же.— Л. 106.

По роду своей службы сторожи и станицы выдвигались далеко от русских крепостей. Поэтому они нередко страдали от черкас. Так, 6 мая 1627 г. за валуйскими станичниками, Федором Корякиным с товарищами, на р. Осколе, у «Сурового ерка», гонялось более двух десятков черкас.[415] В 1631 г., 5 июня, белгородский воевода Яков Дашков писал в Москву о разгроме черкасами сторожи атамана Григория Кайдалова. Сторожа в количестве 10 человек была отправлена на Поле 1 мая. В Белгород 8 мая вернулись два станичных ездока — Василий Доминский и Павел Евдокимов (Овдокимов), а также вож Иван Болховитин. Доминский — со сквозным огнестрельным ранением в грудь, а Евдокимов — с рубленой раной левого плеча. Вернувшиеся рассказали, что подверглись черкасскому нападению 2 мая на р. Уды, в 60 верстах от Белгорода. Двое станичников были убиты. Раненых, находившихся без сознания, черкасы не тронули. А вот вожа И. Болховитина, которого им удалось поймать, ограбили и избили до полусмерти. Остальные станичники, бросив лошадей, убежали от татар и пришли в город только 11 мая.[416]

К отписке прилагалась «Роспись, что у ково взяли черкасы лошадей и служивой рухляди» на восьми листах. Самое ценное из утраченного имущества — 12 лошадей, две кобылы и четыре мерина.[417] Дьячья выпись, подклеенная под «Росписью», гласит: «А по государеву указу белогородцким и оскольским, и валуйским станичникам, которых погромят татаровя или черкасы, дают государева жалованья за изрон, за кони и за кобылы, за ногайские по 4 рубли, а

[412] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 25.— Л. 129.
[413] Там же.— Л. 207.
[414] Там же.— Л. 256.
[415] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 27.— Л. 117.
[416] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 25.— Л. 292—293.
[417] Там же.— Л. 301.

за мерина по 3 рубли. А побитых станичников изрон даван женам их и детям, а деньги посыланы с Москвы с челобитчики».[418] Практика компенсации государством ущерба, понесенного станичниками и другими жителями южной украйны, в России стала постоянной. Воеводам было велено о пострадавших служилых людях писать в Москву поименно, указывая, что у каждого было отнято.[419]

Источники говорят о возобновлении черкасских нападений на российские посольства, следовавшие в Крым, что было характерно для конца XVI в. Челобитная вдовы Михаила Миляева Авдотьи и выписи, сделанные дьяками Разрядного приказа при рассмотрении ее дела, свидетельствуют о гибели М. Миляева в 1620 г. Он был послан из Валуйки в Крым перед отправкой туда «денежной казны». «И на той де государевой службе, на степи, убили его черкасы»,[420] расхитив все бывшее при нем имущество.

В 1624 г. валуйский воевода Владимир Ляпунов писал в Разряд о том, что 25 марта в Валуйку пришли станичники и привели с собой ливенского вожа Андрея Сытникова. Сытников был послан в Крым в составе российского посольства. Посланники Яков Дашков и подьячий Василий Волков направили его и толмача (переводчика) Гаврилу Гильдеева в Россию для сопровождения татарина Денкула Батыева, везшего ханскую грамоту в Москву. По дороге «у Молочных Вод на Овечьем броду» все трое были захвачены запорожцами. После двух суток пребывания в плену А. Сытникову удалось бежать. Переводчик и татарин остались у черкас. В своей отписке воевода говорит, что Сытников сообщил ему о 700 черкасах, находящихся на р. Молочные Воды, и 800 — в верховьях Тора. Оба этих отряда дожидались «крымской размены»[421] (встречи русского и татарского посольств). Андрей Сытников из Валуйки был направлен в Москву, где его расспрашивали дьяки Разрядного приказа. Он показал, что видел в районе Святогорского монастыря пятерых черкас. Старцы рассказывали ему еще о четырех десятках, строящих суда на Донце. Но до этого, по словам монахов и судя по следам, под монастырем

[418] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 25.— Л. 302.
[419] СГГД.— Ч. III.— С. 257.
[420] РГАДА.— Ф. 141.— Оп. 1.— № 5.— Л. 249.
[421] Там же.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 11.— Л. 271.

находилось порядка 700 черкас.[422] Видимо, воевода неточно изложил полученную информацию, удвоив численность черкас, прибывших для нападения на посольство. Тем не менее, отряд из 700 человек являлся очень крупным и представлял значительную угрозу.

Распросные речи Сытникова, записанные в Разрядном приказе, позволяют также уточнить судьбу двух его спутников. Оказывается, самого А. Сытникова черкасы поймали первым, а за толмачом и татарином снарядили погоню. Вернувшиеся из погони черкасы рассказывали о захвате Гильдеева и Батыева. Но самих пленников Сытников не видел, ему показывали только их лошадей и верхнюю одежду.[423] Возможно, спутникам ливенского вожа повезло больше, и они сумели скрыться в лесу, бросив коней и свое имущество. При подобных нападениях такой прием применялся довольно часто.

Грамота из Валуйки была получена в столице 6 апреля. На следующий день было направлено распоряжение воеводе Никифору Плещееву в Оскол: «...тотчас послати к урочищам станицы и велеть про черкас проведывать подлинно, на Молочных Водах и на Тору и у Святых Гор многие ль люди черкасы стоят и отколе те черкасы, и сколь давно на те места пришли, и куды их походы чаять, и хто у них в полковников...».[424] В ответной отписке 25 апреля 1624 г. П. Плещеев докладывал, что послал станицу к Святым Горам. Черный поп (иеромонах) Афанасий и святогорские монахи подтвердили информацию, сообщенную А. Сытниковым. Но ко времени посылки оскольской сторожи черкасы уже ушли от монастыря. Оперативность предпринятых мер была неслучайной. Годом раньше «на Тору» появилось несколько сотен черкас. Они угоняли лошадей и захватывали в плен российских подданных, находившихся в этом районе для добычи соли.[425]

Согласно царской грамоте, посланной в Воронеж 13 июня 1630 г., воевода должен был выделить сто хорошо вооруженных стрельцов для охраны русских послов и турецкого посланника грека Фомы Кантакузина, ехавших в Константинополь. Из текста грамоты

[422] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 11.— Л. 408—409.
[423] Там же.— Л. 408.
[424] Там же.— Л. 272.
[425] Там же.— № 10.— Л. 419—420.

следует, что на Дону опасались только черкас, о татарах речь не шла. Видимо, летом 1630 г. татарские отряды не появлялись в тех районах, через которые проходил путь посольства.[426]

Вылазки совершались не только против станиц, сторож и посольств. В 1622 г., ночью, на четверых белгородских «гулящих людей», охотившихся в Бериецком юрту, напали черкасы. Несмотря на внезапность атаки, в ходе стычки из пищали было застрелено двое нападавших. Узнав о случившемся, воевода распорядился задержать своих подчиненных, участвовавших в столкновении, и доложил обо всем в столицу. Проясняет ситуацию царская грамота, посланная в ответ на отписку воеводы: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б к нам отписал подлинно: Ивашка Марденка с товарищи о которую пору черкас побили, и те черкасы нам служили, или они приходили из Запорог для грабежа? А Ивашка Марденкова вели дать на поруки с записями, что им из Белгорода до нашего указа не съезжать».[427] В грамоте сразу поднимался вопрос: какие черкасы были убиты — «воровские» или служилые? Очевидно, реакция правительства зависела от того, какие черкасы погибли. Если погибли служилые, то необходимо было детально разобраться в ситуации и наказать виновных. А если бой был с «воровскими», то вопрос снимался сам собой. Это объясняется тем, что российские власти воспринимали тех, кто не принес присягу на верность царю, как польских подданных и стремились не допускать их на свою территорию. Второй вариант в Москве представлялся более вероятным, т.к. содержавшиеся под стражей отпускались на поруки.

Воеводы Василий Ромодановский и Григорий Олябьев весной 1623 г., узнав о появлении в Новгороде-Северском 80 запорожцев, запретили путивльским торговцам ездить «в Литву», опасаясь за их жизнь и имущество.[428] В 1627 г. Никита Оладьин писал из Валуйки о расхищении черкасами запасов Святогорского монастыря: «...а приходили де они с Донца с Бахмутова, а на Бахмутове их человек с 70, а хотят де по Донцу и вверх по Осколу твоих государевых гулящих людей, которые ходят по Донцу и по Осколу для своих промыслов,

[426] Воронежские акты.— Воронеж, 1851.— Кн. I.— С. 81—82.
[427] АМГ.— Т. I.— № 149.— С. 174.
[428] Там же.— № 163.— С. 186.

побивать».[429] Согласно помете на отписке воеводе приказывалось посылать ратных людей и чинить над черкасами промысел, исходя из складывающейся обстановки.

О внимании, уделяемом российским правительством борьбе с «воровскими» черкасами, свидетельствуют царские грамоты, отправленные на Дон. Донским казакам запрещалось принимать к себе запорожцев, т.к. они присылаются польским королем (давним врагом Российского царства), чтобы поссорить Москву с Крымом.[430] Черкасы характеризовались как подданные враждебной державы, нанесшие значительный ущерб России.[431] Исходя из указанного положения, правительство требовало от донских казаков оставить дружбу с запорожскими и оберегать российские рубежи от вторжений. В мае 1628 г. с Польской украйны в столицу сообщили о возможном черкасском нападении. Царь указал «...в городах жити с великим береженьем, и х которому городу почают приходу, и тем городом велеть помогать ратными людьми и промысел чинити, и велел им жити в городех с великим береженьем, чтоб черкасы безвестно не пришли и не учинили б какова дурна».[432]

В ночь с 8 на 9 мая 1630 г. «воровские» черкасы напали на девятерых белгородцев, ловивших рыбу в р. Мерле, в 40 верстах от Белгорода. Бой длился около двух часов. Черкасы отошли, оставив одного раненого, который вскоре скончался.[433] В ноябре того же года в Севск из Польши вернулись лазутчики и сообщили, что «литовские люди» и черкасы, проживавшие в районе Новгорода-Северского и Трубчевска, готовятся по первому зимнему пути внезапно напасть на российскую приграничную территорию. Воевода передал полученные сведения в Москву. Разряд направил грамоты с соответствующими предупреждениями воеводам Брянска, Севска, Рыльска и Путивля.[434] Весной 1631 г. активизировались действия «воровских» черкас в районе Валуйки. Сначала появились небольшие группы пеших черкас (около десяти человек в каждой). Обнаружить их было трудно, поскольку пешие не оставляли, в

[429] АМГ.— Т. I.— № 189.— С. 207.
[430] ВУСР.— Т. I.— № 14.— С. 27.
[431] РИБ.— Т. XVIII.— Стб. 250; 275.
[432] Письма... Т. I.— № 227.— С. 177.
[433] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы разных столов.— № 125.— Л. 602.
[434] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 58.— Л. 109—112.

отличие от конных, хорошо различимый в степи след. Поэтому им удалось украсть лошадей у валуйских служилых людей, живших в пригородных слободах. В отписке, полученной в Разрядном приказе 22 апреля 1631 г., воевода Иван Колтовской докладывал, что от воровства таких небольших групп черкас, уже появлявшихся ранее, жителей слобод защитить невозможно. К грамоте приложен список украденных лошадей: у пеших стрельцов угнано шесть лошадей, у конных — пять, а у станичных ездоков — 17.[435] В мае отмечено прибытие уже более значительного отряда. Семеро белгородцев, ехавших из Белгорода в Валуйку 11 мая 1631 г., были ограблены черкасами. Придя в Валуйку 12 мая, пушкари Семен Маршалков и Иван Павлищев рассказали воеводе, что черкасы напали на них вечером, когда они находились возле «Огибного бояраку, от Валуйки верст за тритцать». Их двоих захватили, а остальным удалось бежать. Черкасы продержали их у себя до ночи, а затем отпустили. Черкас в лагере было 11 человек, а всего, судя по разговорам и по размеру стана, более шести десятков. С. Маршалков поведал о предмете особого интереса «воров»: «А спрашивали, государь, те черкасы ево, Сеньку, про Валуйский уезд и про слободы, и он де, Сенька, сказывал им, что валуйских деревень и слобод не знает. И те де, государь, черкасы ему, Сеньку, говорили, что узнаем де мы валуйских деревень и слобод сами».[436]

Погоня была послана немедленно. Одновременно воевода отправил сообщение в Москву. Больше всего его обеспокоил сбор черкасами сведений о селениях, расположенных в окрестностях города. Была весна, время сельскохозяйственных работ, и валуйчане не желали покидать свои поля и отсиживаться в остроге. В ответной грамоте И. Колтовскому было приказано организовать патрулирование окрестностей станицами. Обнаруженных черкас, по возможности, следовало уничтожать.[437]

Все меры, предпринимавшиеся российской администрацией, не могли оградить порубежные территории от проникновения черкас. Так, 28 сентября 1631 г. в Валуйки пришел валуйский станичный казак Тарас Колесников. Он сообщил воеводе, что, охотясь на

[435] РГАДА.— Столбцы Приказного стола.— № 48.— Л. 348—350.
[436] Там же.— Л. 338.
[437] Там же.— Л. 339—340.

р. Красной, был захвачен черкасами. Находился он в плену три дня, ночью смог развязаться и убежать. В его распросных речах перечислены цели воровских черкас: государева казна, посланная с окольничим для выкупа пленных у татар, слободы и деревни в окрестностях Валуйки. По словам этого казака, он ничего не сообщил черкасам, на что они ему сказали: «...знаем де мы и сами валуйские слободы и деревни, и Царьгородскую слободу и новую Ездочную слободу, а в Царьгородской слободе можно нам к ночи быть, да и опять отойти».[438] Приведенные данные дают возможность предположить, что речь идет о черкасах, которые уже появлялись под Валуйкой весной 1631 г. В мае они заявляли о своем желании выяснить расположение населенных пунктов Валуйского уезда, а за четыре прошедших месяца выполнили свое намерение и теперь планировали нападения на упомянутые селения.

Помимо мелких групп на Поле встречались и достаточно крупные отряды. Летом 1622 г. белгородскому воеводе Григорию Тюфякину стало известно о походе полковника Пырского с 2 тыс. черкас «под Посольскую дорогу» и о его намерении направиться в окрестности российских приграничных городов. Насколько опасались черкас, можно судить по тому, что воевода немедленно приказал жителям уезда «быть в осаду»,[439] т.е. в разгар сельскохозяйственных работ бросить свои поля и прибыть в город для обороны. Осенью 1631 г. черкасские отряды в районе Валуйки насчитывали порядка 200 чел. Они ожидали еще подкрепления и готовились идти под «государевы украинные городы, на слободы и на деревни»,[440] а также подстерегать русских и крымских послов. Валуйский воевода осознавал всю опасность сложившейся ситуации. Когда в ноябре 1631 г. не состоялась посольская размена, кн. С.В. Прозоровский поспешил сообщить в столицу: «...государеве казне на Валуйке зимовать для черкасского приходу опасно».[441] В приведенном примере речь идет о довольно значительном черкасском отряде. Численность определяла цели и за-

[438] АМГ.— Т. I.— № 316.— С. 335.
[439] Там же.— № 153.— С. 177.
[440] Там же.— № 316.— С. 335.
[441] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 61.— Л.434.

дачи нападавших. Это были уже не сторожи и станицы, как у мелких групп, а слободы, деревни и посольства.

Хорошо характеризует поведение черкас и действия российского правительства эпизод, связанный с переходом на русскую службу черкашенина Алексея Боровского в 1632 г.[442] Последний рассказал о том, что 38 черкас под командованием донского казака Мокея Шелудяка отправились в степь дожидаться татар. Не найдя крымцев, черкасы с Шелудяком пошли грабить казацкие поселения. Внезапным ударом им удалось захватить станицу Хопер, затем Медведицу. Далее этот отряд двинулся в Воронежский уезд, надеясь так же внезапно напасть на Борщев монастырь. В это время А. Боровской, по его словам, от черкас отстал и поехал «на государево имя». Из рассказа понятно, что в данной ситуации для черкас была важна добыча. Не найдя ее у татар, они решили поживиться за счет донцов и жителей российской окраины. В заключение можно добавить, что после допроса Алексей Боровской был направлен на службу в Казань.[443]

Российское правительство не ограничивалось сугубо оборонительными мерами. В 20-е годы XVII в. развернулась деятельность порубежной администрации по сбору информации о черкасах, проживающих на территории Речи Посполитой. Для этого уже в 1621 г. рыльскому воеводе Якову Дашкову было предписано направить лазутчиков под видом купцов в Киев и в города Днепровского Левобережья.[444] С такой же целью посылались в Киев путивльские торговые люди Иван Лужников с товарищами. В июле того же года в Путивль вернулись другие купцы — Никита Савостин и Григорий Татаринов. Они сообщили о гибели И. Лужникова и его попутчиков на обратном пути. На них напали «воры литовские люди» в Путивльском уезде, на «Пещаном броду».[445] Возможно, это было обычное нападение с целью грабежа, а может, польские власти таким способом ликвидировали русских лазутчиков.

Безусловно, столкновения дестабилизировали обстановку на границе, мешали укреплению России в данном регионе. Но еще

[442] АМГ.— Т. I.— № 346.— С. 359.
[443] Там же.— № 403.— С. 391.
[444] ВУСР.— Т. I.— № 9.— С. 18.
[445] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 25.— Л. 139.

больше тревожило российские власти продолжавшееся расселение украинцев на этой территории без принесения ими присяги. Не случайно вопрос о ситуации на границе был вынесен на обсуждение Земского собора, который должен был решить вопрос о разрыве перемирия и начале войны с Речью Посполитой. В «Речи царя и патриарха...», произнесенной на Соборе 12 октября 1621 г., говорилось: «...задоры с литовской стороны делаются многие, в Путивльском и во Брянском, и в Луцком, и в Торопецком уезде, и в иных во многих местех польские и литовские люди учали в их государеву землю вступаться, и слободы ставить, и села, и деревни, и леса, и воды в их государевой земле осваивать, и остроги, и слободы ставити, и селитру в Путивльском уезде в семидесяти местах варят, и будники золу жгут и рыбу ловят, и зверь всякий бьют, и их государевых людей побивают».[446] Ослабленному государству было трудно противостоять украинской колонизации. В этих условиях получили одобрение действия воевод кн. Василия Туренина и Сергея Собакина. Они сумели выселить черкас, добывавших селитру на территории Путивльского уезда. Государь приказал особо похвалить воевод за решение упомянутой задачи без применения силы. Описанный случай послужил поводом для запрещения сдавать землю под селитренный промысел лицам, не принявшим российское подданство.[447] Однако в дальнейшем расселение черкас на российской приграничной территории продолжалось. Не прекратили они и добычу селитры в Путивльском уезде.[448]

Из всей территории Северской и Польской украйны наибольшая активность черкасской колонизации была в Путивльском уезде. Объясняется это его близостью к уже освоенной украинцами территории Речи Посполитой и относительной защищенностью от татарских набегов. Так как русское население в указанном районе было довольно многочисленным, то и столкновения здесь происходили чаще. Показателен следующий эпизод. В 1626 г. к путивльским воеводам поступила тревожная информация. Русский торговец Андрей Тоболец был в Лубнах и видел, как собирались из Лубен, из Синеча, из Лохвицы и из Прилук

[446] СГГД.— Т. III.— С. 228.
[447] Письма... С. 314.
[448] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 647.— Л. 3—3об.

выписанные из реестра запорожцы во главе с полковником Пырским и Яцком Засульским. Собралось их более тысячи человек. Они двинулись на российскую территорию, на р. Псел, на Новое Городище для поселения. Кроме того, туда же направились «выписчики»[449] из других украинских городков. Черкасы двигались организованно. Перед походом в Лубнах состоялась рада, на которой было решено: «...им собрався<...> поставить на государеве земле, на том месте город вскоре для того, чтоб пришед государевы ратные люди с того Нового Городища не сослали их по прежнему».[450] Черкасы учли опыт столкновений с российскими войсками, которые выдворяли незаконных переселенцев за пределы России. Они решили закрепиться и оказать сопротивление, утвердя тем самым за собой эту территорию.

Получив тревожную информацию, воеводы сразу направили к границе отряд из пятисот путивльцев, черниговцев и курян. Отряду была поставлена задача: не допустить поселения черкас на Новом Городище. Однако посланным рекомендовалось обойтись без применения оружия. Из Москвы поступило распоряжение всем воеводам пограничных городов: направить письма к представителям польской порубежной администрации с требованием удерживать черкас от попыток переселения на территорию Российского царства.[451] В том случае, если предпринятые меры не дадут результата и имеющихся сил будет недостаточно, Разряд обещал немедленную помощь людьми.[452]

По всей видимости, оперативность, проявленная российскими властями, позволила уладить конфликт. Черкасам не дали поселиться на Новом Городище. При этом не произошло кровавых столкновений. Украинцы безуспешно пытались осесть на том же самом месте и в дальнейшем. Сведения об этом содержатся в отписке путивльских воевод от 25 мая 1632 г.[453] Но, тем не менее, значительное число черкас проживало в Путивльском уезде, не принимая

[449] «Выписчиками» черкасы называли казаков, исключенных из реестра (списка, по которому в Речи Посполитой казакам выдавалось жалованье). Невошедшие в реестр теряли права казака и должны были стать либо крестьянами, либо мещанами.
[450] РГАДА.— Ф. 141.— Оп. 1.— № 13.— Л. 2.
[451] Там же.— Л. 3—4.
[452] Там же.— Л. 6.
[453] Там же.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 118.— Л. 1—3.

российского подданства. Об этом свидетельствует распоряжение правительства, согласно которому для высылки «литовских людей» из Путивльского уезда и сжигания их поселений в 1627 г. направлялось пятьсот конных и сто пеших стрельцов, усиленных 280 служилыми людьми из разных городов.[454]

Как свидетельствуют донесения воевод, украинскую колонизацию земель, прилегающих к Путивлю, не удавалось полностью контролировать и в 30-е годы XVII в. В 1630 г. отряд казаков и детей боярских под командованием Якова Титова столкнулся с шестью «ворами», грабившими пасеки. В результате четверо «людей литовских» были убиты, а двое скрылись. В погоню за ними Яков Титов послал 20 человек с Григорием Титовым (вероятно, своим сыном) во главе. Ища убежавших, отряд Григория натолкнулся на «литовскую» пасеку с шестью пасечниками. Их стали «ссылать», завязался бой, трое черкас были убиты. Трех раненых взяли в плен, в том числе купца Свидригайло Лубенца. Остальные задержанные также назвались жителями Лубен. Опасаясь внезапного нападения, русские служилые люди добили раненых. Интересно, что среди имущества, найденного отрядом Г. Титова на черкасской пасеке, путивльцы опознали котел местной работы и топор, принадлежавшие раньше бортникам Степану и Сергею Кузюкиным. Годом раньше Кузюкины были найдены убитыми на своей пасеке на р. Псел, котел и топор тогда пропали.[455]

20 июня 1631 г. из Путивля в уезд был направлен отряд Ивана Мокидонова для высылки черкас, поселившихся на российской территории, в верховьях Хорола. Вернувшиеся служилые люди доложили об успешном выполнении приказа: «литовские люди» были изгнаны без применения оружия, а построенные ими дома сожжены. Спустя пять дней роменский урядник Сеножатский прислал в Путивль трех человек с «листом об управном деле». Урядник высказывал претензии по поводу нападения на «литовские слободы» в верховьях р. Хорол. Польский чиновник просил вернуть захваченных у черкас лошадей. Воевода допросил Мокидонова. Выяснилось, что имущество у согнанных с российской территории украинцев не

[454] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 20.— Л. 39.
[455] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 42.— Л. 107—109.

отнималось. Возвращаясь в Путивль, служилые люди натолкнулись на шестерых человек, грабивших бортные ухожья. Всех поймали и, согласно «государеву указу», убили. Черкасских лошадей взяли себе. Сеножатскому было отказано в удовлетворении иска на том основании, что имущество было отнято у польских подданных, разбойничавших на российской территории.[456]

Приведенные факты убедительно говорят о напряженности, связанной со столкновением российского и украинского колонизационных потоков. Во многом конфликты провоцировались особенностями, присущими порубежью. Отсутствие четкой границы создавало ситуацию, когда конкретную местность считали своей и Российское царство, и Речь Посполитая. В Путивльском уезде было особенно много случаев расселения черкас без приема присяги. Противостоять этому процессу пытались военными и дипломатическими средствами. Командирам российских военных отрядов приказывалось поселения жечь дотла, а их жителей выдворять за рубеж.[457] В результате таких действий больше всего страдало население сопредельных территорий.

Анализируя отношения на российско-украинском порубежье в 20-е годы XVII в., нельзя обойти вниманием случаи, когда сами российские подданные выступали инициаторами столкновений. Ситуацию в приграничной зоне можно проиллюстрировать отпиской белгородских воевод Василия Измайлова и Афанасия Мезенцева. 22 мая 1620 г. в город из «доезда» вернулась станица Григория Маканина. Станичники сообщили об охотившихся в верховьях р. Орели белгородских станичных атаманах Тимофее Репине с четырьмя товарищами. Охотники рассказали Г. Маканину о своей встрече с черкасами и добавили, что хотят напасть на них. Обеспокоенные станичники докладывали: «И только де, государь, они тех черкас побили и твоим де, государь, станицам от черкас проезду не будет».[458] По возвращении в Белгород Репин и его спутники были допрошены воеводой. В распросе и на очной ставке с Г. Маканиным Т. Репин отрицал намерение напасть на черкас. Тимофей Репин объяснял воеводам обвинения Г. Маканина бывшим между ними спором о землях и сенокосах. В подтверждение своей правоты Репин бил челом государю, прося послать на станы к тем черкасам, а если они уже ушли, то написать к польскому уряднику в город Черкасы.[459]

По всей видимости, Тимофей Репин говорил правду: на черкас он с товарищами не нападал, а был оклеветан. Но показательна ответная царская грамота.[460] В ней воеводам приказывалось не пускать своих подчиненных для охоты и промыслов близко к границе, чтобы тем самым уменьшить вероятность конфликтов. Такое решение продиктовано тем, что имели место случаи проникновения подданных российского царя на территорию Речи Посполитой, населенную украинцами. Так, 18 мая 1622 г. из Варшавы в Москву была направлена грамота, в которой есть следующие строки: «Порубежные державцы и приказные люди по многие разы безпрестанно пишут до королевского величества, што люди Московского государства завсегды людем королевского величества в боях, в грабежах, в татьбах, в захоженью земель и в ных безчисленных кривдах многие и великие обиды делают».[461]

Справедливость претензий польской администрации косвенно подтверждается отпиской белгородского воеводы Михаила Козловского, датируемой 19 октября 1628 г. В ней излагается грамота путивльских воевод Семена Прозоровского и Андрея Толбузина. Они сообщали в Москву о доносе Алексея Романовича Селитренника, встретившего в Белгородском уезде на р. Везенице белгородца Якушку Черкашенина с отрядом в 50 человек. По словам А. Селитренника, Я. Черкашенин с товарищами разорили селитренную варницу на польской территории. Селитренник жаловался на то, что из-за этого с его варниц разбежались работники, боясь ответного черкасского погрома.[462] М. Козловский опросил людей, обвиняемых А.Р. Селитренником. Они показали, что 10 июня 1628 г. были посланы на р. Коломак, т.к. ожидался большой поход лубенского, си-

[456] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 40.— Л. 358—361.
[457] Там же.— № 42.— Л. 112.
[458] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 77.— Л. 139—140.
[459] РГАДА.— Столбцы Севского стола.— № 77.— Л. 143.
[460] Там же.— Л. 147—146.
[461] Текст приведен по сохранившемуся современному русскому переводу: РГАДА.— Ф. 79.— Оп. 1.— № 40.— Л. 281а об.—282.
[462] Там же.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 32.— Л. 337—338.

нечского и других державцев под украинные российские крепости. На Коломаке Я. Черкашенин с товарищами обнаружили более тысячи литовских людей, которые, переправившись через реку Мерл, пошли за Ворсклу. Белгородцы поехали за ними, на сакме поймали черкашенина Сеньку и привели к воеводе. За рубеж они не ходили и никого там не грабили.[463] Изучение и анализ имеющихся в наличии документов пока не позволяют окончательно установить результаты расследования. Вопрос о том, ходил или нет Яков Черкашенин за рубеж, остается открытым.

А вот в другом случае все достаточно ясно. В Путивль 20 мая 1631 г. прибыли трое подданных Речи Посполитой из деревни Некрасовки Новгород-Северского уезда. Приехавшие жаловались на путивльца Матвея Железникова с товарищами, угнавшими у них шесть лошадей. Железников на допросе сознался в похищении лошадей и назвал соучастников. Ими были донские казаки, жившие в Путивле: Петр Иванов, Кондратий Усекин, Иван Медведь, Иван Рожнинин и Федор Горбунов. Они, собравшись вместе, обошли российскую сторожу и пробрались за границу, украли лошадей и по своим следам вернулись обратно. Перечисленные участники кражи признали свою вину. Лошадей у них забрали, но потерпевшим не вернули, поскольку не было соответствующего распоряжения из Москвы.[464]

Через пять дней поступила новая жалоба из Речи Посполитой. Пропало пять лошадей в дер. Хлоповой, и след опять вел к Путивлю. Представители польской стороны угрожали в случае отказа в возвращении лошадей украсть или отбить соответствующее количество коней в Путивльском уезде. В результате проведенного следствия, сын боярский Гаврила Домысленцов признался в краже двух лошадей. Кто украл остальных, неизвестно. Матвей Железников и Гаврила Домыслинцов были посажены в тюрьму, т.к. они и ранее были замечены в разбое за рубежом.[465]

В 20-е годы XVII в. впервые отмечены случаи высылки отдельных черкас в Сибирь. Так, 20 июля 1622 г. Боярская дума приговорила сослать в Сибирь восемь «выходцов черкас», сидевших за измену в

[463] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 32.— Л. 346—347.
[464] Там же.— № 40.— Л. 252—254.
[465] Там же.— Л. 255—259.

тюрьме Переяславля-Рязанского.[466] В 1626 г. под Валуйкой были задержаны пятеро черкас (Алексей Шафран с товарищами), утверждавших, что они заблудились по пути с Дона в Запорожье. По всей видимости, черкасы высказали желание служить российскому царю и сообщили «вести». Воевода Г. Константинов отправил их в Москву, откуда задержанные были высланы в Сибирь.[467] Спустя два года, в 1628 г., Шафран с товарищами били челом государю, прося освободить их из-под стражи. В том же году, 2 мая, было решено «...отписати в сибирских город х служилым иноземцом литвинцом черкасом, которые по государеву указу ссыланы в сибирские городы, и государя службу велено им служити в тех городех, что им учинены».[468] Приписка челобитчиков к служилым черкасам в сибирских городах свидетельствует о распространенности переселения черкас в Сибирь. Вероятно, ссылались присягнувшие, но провинившиеся черкасы, или те из них, которые были задержаны на территории Российского царства и выразили желание перейти в российское подданство, но не имели семьи и имущества.

Приведенные примеры позволяют сделать определенные выводы о характере российско-украинских взаимоотношений в 20-е годы XVII в. Несмотря на последствия Смуты и интервенции начала XVII в., позиции России на ее южных границах остались довольно прочными. Реформированная станичная и сторожевая служба в целом справлялась со своими задачами. Одной из ее целей было обнаружение и пресечение черкасских набегов на Северскую и Польскую украйны. Надо отметить сложность выполнения этой задачи. Черкасы представляли значительную угрозу. Они часто нападали на российских служилых людей на Поле. Хотя масштабы черкасских вторжений были меньшими, бороться с ними было труднее. Судя по всему, интенсивность таких столкновений возросла в начале 30-х годов XVII в. Кроме того, черкасы нападали также на посольства, перемещавшиеся между Москвой и Крымом, на населенные пунк-

[466] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 11.— Л. 209.
[467] Там же.— Ф. 124.— Малороссийские дела.— Оп. 1.— 1628.— № 2.— Л. 3—4; Выдержки из этого дела опубликованы в ВУСР.— Т. I.— № 37.— С. 70—72.
[468] РГАДА.— Ф. 124.— Оп. 1.— 1628.— № 2.— Л. 19.

ты, на жителей российского порубежья, занимающихся промыслами. При случае угоняли лошадей.

Российские власти пытались различными способами бороться с отрядами «воровских» черкас. Применялись военные меры, на польское правительство оказывалось дипломатическое воздействие. На территорию Речи Посполитой засылались лазутчики под видом торговцев. Однако желаемого результата достигнуть не удавалось. Особенно показателен Путивльский уезд, бывший в 20-е годы XVII в. местом наиболее интенсивных столкновений. В это время российская колонизация Поля приобретает государственный характер. Теперь в ней в равной мере стали сочетаться элементы правительственной и народной колонизации. Следовательно, заселение окраин со стороны России становится более интенсивным, что во многом объясняет рост числа конфликтов на порубежье. При этом инициаторами конфликтов, нападающей стороной являлись как украинцы, так и россияне. Упомянутые нападения происходили и на российской и на польской территории.

В рассматриваемый период возобновился прием черкас на службу. В это же время начала практиковаться ссылка провинившихся служилых черкас в Сибирь, где их верстали в службу наравне с другими российскими подданными.

§2. Участие черкас в боевых действиях на Поле во время Смоленской войны

Укрепление Российского государства к 30-м годам XVII в. позволяло, по мысли правительства, начать борьбу с Речью Посполитой за возвращение Смоленска. В Москве рассудили, что международная обстановка благоприятствует решению указанной задачи. Расчет исходил из того, что Речь Посполитая скована борьбой с Османской империей и Крымом. В то же время главные европейские державы были втянуты в Тридцатилетнюю войну и не могли активно вмешиваться в дела Восточной Европы. Кроме того, наметился военный союз Российского царства и Швеции. Вероятно, Россия рассчитывала на поражение Польши на западном фронте, от Швеции. Смоленская война должна была отвлечь польские силы на вос-

ток.[469] В итоге Речь Посполитая должна была принять выгодные для России условия мира. Тем не менее, в августе 1632 г. Российское царство начало войну с Польшей, так и не заручившись поддержкой Швеции и Турции. Смоленская война 1632—1634 гг. была ярким проявлением борьбы России и Речи Посполитой за гегемонию в Восточной Европе. Основные сражения развернулись под Смоленском, но события, происходившие на южном российском порубежье — Поле, оказали определенное влияние на результаты всей кампании в целом. Считалось, что если не решили, то, по крайней мере, существенно изменили ход войны набеги крымских татар на Польскую украйну России в 1632 и 1633 гг.[470] В.П. Загоровский упоминал о польско-литовских отрядах на окраине, но не рассматривал их состав и действия, согласившись в целом с мнением А.А. Новосельского.[471] Однако изучение материалов русского приказного делопроизводства дает основание для внесения коррективы в упомянутую оценку. Выяснение роли украинских казаков в военных действиях на южной российской границе позволяет охарактеризовать состояние российско-украинских отношений в один из сложных этапов их развития.

Накануне войны напряженность на порубежье возрастала. В марте 1631 г. в Путивль пришел курянин Алексей Васильев, проживший два года в Запорожье и столько же в Батурине. Он рассказал, что слышал от черкас о том, что они готовят поход в Россию. Черкасы получили распоряжение польского правительства ждать в приграничных городах прибытия на левый берег Днепра гетмана Конецпольского с войсками.[472] 16 июня 1631 г. в Путивль из Киева вернулся Григорий Гладкой. Он сообщил, что «...черкасы, государь, все поддались в королевскую волю. И по их де прошенью король велел их, черкас, выписывать на шесть тысеч. И на те де шесть тысеч король черкасом и гроши дал, а две де тысечи письменных черкас велел король к ним же прибавить, только тем де черкасом, дву ты-

---

[469] Подробнее см.: Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства.— М., 1976.

[470] См.: Новосельский А.А. Ук. соч.— С. 167; История внешней политики... С. 234—235.

[471] См.: Загоровский В.П. Белгородская... С. 66—69.

[472] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 40.— Л. 66.

служилых людей на службу никуда не посылана (так в тексте. — А.П.), все живут в городе, а про московские де люди в зборе что или нет, того де они на ведают». Черкасы отвели их от города на расстояние трех десятков верст и отпустили, предупредив, что под город пошли еще 50 пеших черкас для добычи. Воевода Яков Дашков добавлял, что эти черкасы уже убили четырех человек и украли несколько лошадей.[483] В приведенном примере речь идет уже не только о порубежном разбое, но и о подготовке Польши к войне, для которой использовались черкасы. Показательно стремление получить информацию об обороноспособности Белгорода — одной из важных крепостей региона. Можно предположить, что польские власти заранее продумывали план боевых действий на Поле, в котором определенное место отводилось черкасским отрядам.

Правительством были предприняты определенные шаги для подготовки приграничных крепостей к войне. Данный процесс проанализирован Е. Сташевским. Он пришел к выводу о том, что основные города Северской украйны к боевым действиям готовились, но предпринятые меры оказались недостаточными.[484] Сведений о состоянии Курска этому автору обнаружить не удалось, однако он смог охарактеризовать обороноспособность ряда других крепостей рассматриваемого региона России. Самым южным укрепленным пунктом была Валуйка. Укрепления этого населенного пункта состояли из рубленого города и острога. Периметр стен острога составлял 685 саж., а детинца — 247 саж. Вокруг острога был выкопан ров. Накануне войны в городовой крепости не было колодца, одна угловая башня была подмыта весенними водами и во многих местах отсутствовала кровля на обламах. Острог не имел обламов и катков,[485] многие башни подгнили, а ров осыпался.

Еще хуже было состояние укреплений Воронежа. Городовой острог пришел в ветхость, башни погнили, не имели обламов, на двух отсутствовала кровля. Был выстроен новый городовой острог, имевший 17 башен, в том числе семь проезжих. Периметр укреплений составлял 1056 саж. Перед острогом пролегал ров, но он был мелким и осыпавшимся.

Ливны имели только один ряд укреплений — острог, поставленный после разорения 1619 г. Он имел общую длину стен 309 саж., трое ворот и четыре башни. К 1632 г. острог был ветх и тесен.[486]

К рассматриваемому времени Белгород находился на левом низменном берегу Северского Донца. Крепость кратко уже описана выше. Для характеристики ее обороноспособности накануне Смоленской войны можно добавить, что первоначально башни детинца были «рублены в липовом лесу», но в 1630 г. четыре из них, наиболее сильно подгнившие, были перестроены из дуба. 15 башен острога были также сооружены из липы, но в том же, 1630 г., 11 из них было заменено дубовыми.[487] Из изложенного следует, что Белгород представлял собой вполне обороноспособную крепость, имевшую типичную для данного региона систему деревянных защитных сооружений.

Активные боевые действия с войсками Речи Посполитой, состоявшими в значительной мере из черкас, развернулись на южной окраине России в 1633 г. В царских грамотах последние наряду с поляками причислялись к «искони вечным врагам» России.[488] Такое определение отражает ситуацию на Польской украйне. Путивльские воеводы сообщали, что 14 мая 1633 г. «...пришли под Путивль полковник Песочинский, да Мурацкой, да Еремий Вишневецкой, да запорожские черкасы и вольных людей гетманы Дорошенко, да Тимошенко Рандоренко, а с ними польских и литовских людей, и запорожских черкас, и всяких вольных людей тысяч с пятьдесят и больше с нарядом...».[489] Штурм был отбит. (Определенное сомнение может вызвать слишком большая численность войск, осаждавших Путивль. Речь не может идти об ошибке подьячего, переписывавшего донесение из Путивля, т.к. это число подтверждается данными из Разрядных книг: «...приходили под Путимль 50000 черкас, и стояли под Путимлем пять недель, и приступы были многие, и на приступах черкас

---

[483] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 79.— Л. 203—205.
[484] Сташевский Е. Ук. соч.— С. 265—281.
[485] Катки — короткие бревна, предназначенные для сбрасывания со стен на головы штурмующего крепость противника.

[486] Сташевский Е. Ук. соч.— С. 288—295.
[487] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 58.— Л. 454—455.
[488] См.: ААЭ.— Т. III.— № 220.— С. 325; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 57.— Л. 639.
[489] АМГ.— Т. I.— № 529.— С. 503.

ногих побили, и убили шесть тысяч, и черкасы от Путимля прочь шли в свою землю»).[490] В это же время черкасы атаковали уже затый русскими войсками Новгород-Северский. В результате усшных действий воеводы Ивана Гавриловича Бобрищева-Пушкина падавшие были разбиты и частично пленены.[491] Вместе с тем, мая черкасы выжгли посад Рыльска и разорили уезд.[492]

Черкасам под командованием Якова Острянина весной того же да удалось захватить и разорить г. Валуйку. Успех операции, во мно-м, объясняется тем, что вражеский отряд появился под городом езапно, обойдя станицы и сторожи. Спустя некоторое время под вском был захвачен черкашенин Михаил Михайлов, участвовавший алуйском бое. Отправленный в Москву, он показал, что «...водил их ркас. — А.П.) под Валуйку изменник, русский человек Матюшка, й словет, того он не ведает».[493] Отписка оскольского воеводы Якова ущева проливает свет на некоторые подробности появления отряда трянина под Валуйкой. Черкасы пришли к крепости не по Муравой сакме, как ожидалось, а «с Поля», по посольской дороге, переавившись через Северский Донец у Святых Гор. После переправы и глухими местами, по которым сторожи не ездили. Хорошо проманный маршрут и отменное знание местности обеспечили вненость нападения. Черкасы подожгли острог, и воевода И. Колтовой с гарнизоном вынужден был идти из крепости на прорыв.[494] Пор был настолько силен, что пушки, стоявшие на башнях, расплавись в «медь дробную», которая впоследствии была доставлена в Мову на переплавку Алексеем Игнатьевым.[495]

С описанными событиями связан еще один интересный эпизод. пожара в воеводском амбаре Валуйки находилось 270 пудов со-После разгрома крепости русские служилые люди соль разворо-и. Было проведено расследование. К ответственности привлекли дее сотни человек[496] Кроме того, жители соседних городов угнали к себе скот, принадлежавший валуйчанам. Около полусотни коров попали в Белгород и около двух сотен — в Оскол. Когда сведения о произошедшем достигли столицы, Разрядный приказ распорядился провести расследование. Скот было велено вернуть хозяевам, а если он продан, то взыскать с виновных деньги. Всех, замешанных в воровстве, для назидания другим, наказали кнутом.[497]

От Валуйки черкасы пошли в Белгородский уезд. 4 апреля 1633 г. они разгромили белгородскую станицу на р. Боровой.[498] А 5 апреля на р. Корени произошла схватка между черкасским разъездом и белгородскими ратниками под командованием Данилы Везенина. Черкас разбили и захватили пленных.[499] Однако около 300 черкас 10 сентября разбили белгородскую сторожу на р. Боровой, примерно там же, где была разгромлена станица Сидора Маслова.[500] Чуть раньше на р. Польный Воронеж была разбита станица атамана Толмачева, который раненым попал в плен.[501]

После этого, согласно отписке белгородского воеводы М. Волынского, отряд Острянина предпринял попытку захватить Белгород. Обнаруженный «Список осадной белгородцов дворян, и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и пушкарей, и всяких служилых и жилецких людей, которые были в Белгороде в осаде от литовских людей в нынешнем, во 141-м (1633. — А.П.) году...»[502] в совокупности с источниками, уже введенными в научный оборот, позволяет составить довольно точное представление о ходе обороны Белгорода, что не только проливает свет на конкретный эпизод Смоленской войны, но и существенно расширяет представления об организации обороны в городах южной окраины России.

Отряд черкас Якова Острянина появился под Белгородом в июне 1633 г. и около месяца осаждал его, прежде чем начать решительный, но безуспешный штурм 20 июля. Судя по «Осадному списку...», защитники острога были сосредоточены в башнях. Расположение башен примерно через 80 м друг от друга и наличие перед

ДР.— Т. II.— Стб. 333.
Там же.
ГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 99.— Л. 369.
Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 60.— Л. 306.
Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 60.— Л. 46—48.
Там же.— Столбцы Севского стола.— № 117.— Л. 102.
Там же.— Столбцы Московского стола.— № 109.— Л. 14—31; 249—253.

[497] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 60.— Л. 447—451.
[498] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 60.— Л. 96.
[499] Там же.— Л. 90.
[500] Там же.— Л. 92—93.
Там же.— Л. 87.
[502] Там же.— № 50.— Л. 1—65.

острожной стеной рва и частика,[503] видимо, делало подобную схему обороны достаточно эффективной. Острог защищали как служилые люди «по прибору» — казаки, станичные вожи и ездоки (по всем башням — 330 человек, от 9 до 38 в каждой), так и «их дети, братья и племянники», т.е. еще не поверстанная в службу, лично свободная часть населения города (всего 264 человек, от 13 до 24 в башне). Кроме того, здесь же «государю служили и бились явственно» крестьяне, собранные в округе (всего — 586 «подымовных», в каждой башне от 20 до 56 человек). Следует отметить, что наибольший урон противнику нанесли служилые люди, поскольку в «Списке...» нет указаний на крестьян или родственников служилых, убивших хотя бы одного из нападавших, между тем как казаки, ездоки и вожи, державшие оборону в остроге, уничтожили 78 человек.

Судя по «Списку..», во время штурма черкасы также «приступали» к городу. В это время на стенах и в башнях детинца оборонялись 190 стрельцов (видимо, наиболее боеспособная часть гарнизона), а также 152 их неслужилых родственника и 264 крестьянина из посопной волости. Как и в остроге, урон противнику нанесли лишь служилые люди — стрельцы, убившие во время приступа 36 человек. Но наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли 365 человек. Под командованием осадного головы Федора Пищулина находилось 50 пушкарей, в том числе шестеро казенных кузнецов, в военное время обслуживающих затинные пищали. Всего по стенам и башням города располагалось две полуторные пищали, три александрийские пушки, две железные скорострельные пищали, четыре тюфяка, шесть полковых пищалей, в том числе одна, установленная на походном станке и предназначенная для огневого поражения противника в случае его прорыва через городские укрепления, а также «пищаль Собака» и шесть затинных пищалей, не считая пищалей кузнецов.

Во время штурма черкасами Разуменских ворот отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, не только отбив от стен крепости

[503] Частик — частокол из заостренных бревен.

туры, щиты, приметы и лестницы, но и уничтожив 78 врагов, а одного даже пленив. В вылазке участвовало 214 человек. По своему составу это была лучшая часть гарнизона: 24 станичных головы, 86 дворян и полковых детей боярских, 28 станичных детей боярских, девять стрельцов, 63 донских и два верстанных казака, а также стрелецкий сотник и подьячий съезжей избы Потап Степанов, лично сразивший в том бою трех человек.

Таким образом, по данным «Осадного списка...», в обороне Белгорода летом 1633 г. участвовало 2050 человек, причем 20% из них составляли родственники служилых людей, а 41% — крестьяне, но основную ударную силу представляли собой служилые люди и донские казаки, именно их действия, а также огонь крепостной артиллерии, нанесли противнику существенный урон, заставивший черкас снять осаду. После того как приступ был отбит, отряд Острянина отошел на территорию Польского королевства.[504] При этом черкасы прошли мимо Путивля и разграбили Комарицкую волость.[505]

В августе, 26 числа, черкасы под командованием полковников Пырского, Ловерко, Острянина и урядника Сеножатского атаковали Курск. Бой длился с четырех часов дня до вечера. Куряне отбили приступ без особого для себя урона, сгорела только Стрелецкая слобода. Удалось даже захватить 14 пленных. На допросе и под пыткой один из них — Федор Харитонов показал, что под Курском было 3 тыс. литовских людей и черкас, все остальные называли число в 1,5 тыс. человек.[506] Последние показания, видимо, следует признать более достоверными. Они подтверждаются информацией, сообщенной вышедшим в августе 1633 г. в Путивль из плена Семеном Ильиным. По его словам, сбор черкас происходил под Ромнами. Всего пришло около 3 тыс. человек. Под Курск с «отставленным гетманом» Яковом Остряниным, полковниками Пырским и Ловерко 19 августа двинулись примерно 2 тыс. человек. Остальные разошлись по своим городам.[507]

[504] АМГ.— Т. I.— № 538.— С. 517.
[505] Жемайтис С.Г. Источники по истории Смоленской войны (1632—1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг.— Л., 1988.— С. 48.
[506] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 13—20.
[507] Там же.— Л. 28.

В следующем году боевые действия польской армии на южной окраине России с участием черкас продолжались. К этому времени Российское царство сумело договориться с татарами. Крымский хан Джанибек-Гирей обещал свою дружбу московскому царю и подписал шертную грамоту, обязуясь соблюдать мир.[508] 10 января 1634 г. в Разрядном приказе получили отписку с сообщением о приходе в Новгород-Северский уезд 500 запорожцев, посланных для разведки из Прилук князем Вишневецким.[509] В начале 1634 г. поляки и черкасы вновь появились под Курском. Они разбили два табора под городом и с 13 по 15 января предпринимали безуспешные попытки захвата крепости.[510] С 1 по 7 марта 1634 г. другой русский город, Севск, тоже подвергся серьезному приступу. Штурм был отбит, несмотря на значительное количество атаковавших. Численность польских сил под Севском оценивалась современниками по-разному. Согласно отписке путивльских воевод, ссылавшихся на показания пленных, под Севском было: 800 поляков, 200 немцев и более 9 тыс. черкас.[511] В сообщении Ивана Колошинского из Комарицкой волости приводятся другие цифры: «Языки показали: польских людей и литовских Вишневецкого полка 4 тысячи, а с паном Желковским за 2 тысячи, а с гетманом запорожским и с его полковники запорожских черкас и казаков за 6 тысяч».[512] Здесь же поименно перечислены командиры отрядов черкас. Это гетман Ильяш, полковники Григорий Черкасский, Данила Каневский, Яцко Острянин (вероятно, полтавский полковник. — А.П.), Юрко Латыш Чигиринский, Филоненок Косынский и полковник Белецкий. Присланные в Москву из Севска пленные черкасы показали, что под Севском было до 30 тыс. человек при 20 орудиях.[513] А Григорий Михайлов (попавший в плен к черкасам в то время, когда Сагайдачный захватил Оскол), находившийся с ними под Севском, выйдя в Рыльск, говорил о 10 тыс. человек.[514] Несмотря на расхождения в оценке численности войск Речи Посполитой под

[508] Лашко Ф. Ук. соч.— № 41.— С. 56.
[509] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 330.
[510] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 102.— Л. 514.
[511] АМГ.— Т. I.— № 635.— С. 585.
[512] Там же.— № 636.— С. 587.
[513] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 101.— Л. 321.
[514] Там же.— Л. 336.

Севском, можно сделать вывод: силы эти были весьма значительны и не менее чем наполовину состояли из украинских казаков.

После неудачного приступа черкасы остались в районе Севска и Комарицкой волости. В это время пришло сообщение о готовящемся набеге татар на Речь Посполитую. Польские гетманы Жолкевский и Вишневецкий приняли решение передислоцировать войска для отражения вторжения. С таким планом не согласились запорожцы. По сведениям рыльского воеводы, полковники Ильяш Черный и Острянин заявляли, что «...им, запорожским и листровым (реестровым. — А.П.) казакам, с Желковским и Вышневецким на Корыжский перевоз не идти, а идти де им, запорожским и листровым черкасам, под Смоленск или на Муравский шлях».[515] Они действительно покинули Комарицкую волость и направились на юг. Однако на Поле черкасы не боролись с татарами, а воевали с российскими служилыми людьми. С 4 по 16 апреля 1634 г. двенадцатитысячный отряд гетмана Ильяша Черного, полковников Данилы Данилова и Яцко Острянина безуспешно пытался овладеть Курском. Черкасам удалось лишь выжечь слободы.[516] Судя по словам двух пленных, захваченных рылянами в апреле 1634 г., коронный гетман Конецпольский направил под российские украинные города 12 тыс. черкас под командованием Ильяша. Примечательно, что в распросных речах Ильяша именуют то полковником, то гетманом. Упомянутый отряд действовал в Комарицкой волости.[517]

Полтавские черкасы вновь появились под Белгородом в 20-х числах марта 1634 г. Первоначально белгородские станичники обнаружили сакму, а затем и самих черкас. Последние, в количестве около 2 тыс. человек, расположились в 70 верстах от города. В отсутствие Я. Острянина ими командовали полковники Филипп и Семен.[518] В дальнейшем Острянин вернулся в Полтаву. Узнав об их появлении, М.П. Волынский послал станицу под Полтаву. Станица Никиты Тарасова вернулась в Белгород 3 мая, привезя с собой язы-

[515] АМГ.— Т. I.— № 664.— С. 616—617.
[516] Там же.— № 663.— С. 616.
[517] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 101.— Л. 423—424.
[518] Там же.— Л. 343; Л. 361.

ка — черкашенина Семена Петрова. Он сообщил на допросе, что полтавский полковник Яков Острянин направил письма в Переяславль и другие «литовские порубежные городки» с предложением всем полковникам и урядникам сходиться к нему в Полтаву, а оттуда немедленно идти под Белгород.[519] В дальнейшем эти данные подтвердились. 13 мая 25 белгородцев под командованием Сидора Маслова разбили черкасский разъезд, состоявший из 15 человек. Захваченный из их числа черкашенин Василий Петров показал, что их послал Я. Острянин из Полтавы для добывания языков, поскольку он планирует поход под Белгород.[520] Местный воевода встревожился, ибо гарнизон был сильно ослаблен — много людей было убито и умерло от ран за предшествующий военный период. В письме к столичной администрации стольник Волынский сообщал, что большой острог нуждается в ремонте и серьезного приступа не выдержит.[521] Так и случилось. Черкасы под командованием Я. Острянина вновь, но теперь уже внезапно, появились под стенами Белгорода. Помимо Острянина черкасами командовали полковник Пырской и лубенский полковник Ловерко. Сбор отряда происходил в Лубнах. Его численность достигла семи тысяч человек. Из Лубен черкасы шли Бокаевым шляхом. Переправившись через Северский Донец возле устья Везелицы, они начали штурм крепости в 4 часа утра 8 июня 1634 г. К 5 часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться, уничтожив 230 нападавших.[522] Потеряв надежду на дальнейшее развитие первоначального успеха, черкасы ушли с полоном в пределы Речи Посполитой[523]

После отступления врага был составлен соответствующий осадный список,[524] что позволяет сравнить сведения из этого документа с данными, содержащимися в аналогичном списке за предшествующий год. Судя по «Осадному списку..», защитники острога в 1634 г., как и ранее, были сосредоточены в башнях. Острог защища-

[519] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 101.— Л. 499—501.
[520] Там же.— Л. 583—584.
[521] Там же.— Л. 525.
[522] Там же.— Л. 629—630.
[523] АМГ.— Т. I.— № 680.— С. 625.
[524] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 50.— Л. 66—111.

ли служилые люди «по прибору» — казаки, станичные вожи и ездоки (по всем башням — 304 человек против 330 в 1633 г., от 3 до 34 в каждой) и «их дети, братья и племянники», т.е. еще не поверстанная в службу, лично свободная часть населения города (всего 267 против 264 человек в 1633 г., от 13 до 27 в башне). Кроме того, здесь же «государю служили и бились явственно» крестьяне, собранные в округе (всего — 515 вместо 586 «подымовных» в 1633 г., в каждой башне от 17 до 57 человек). Наибольший урон противнику в 1634 г., как и в предшествующем году, нанесли служилые люди, поскольку в «Списке..» нет указаний на крестьян или родственников служилых, убивших хотя бы одного из нападавших, между тем как казаки, ездоки и вожи, державшие оборону в остроге, уничтожили 70 человек (в предшествующем году — 78 человек).

В 1634 г., как и предыдущим летом, во время штурма черкасы «приступали» к городу. В это время на стенах и в башнях детинца оборонялись 176 стрельцов (в 1633 г. — 190), а также 97 (против 152 в 1633 г.) их неслужилых родственников и 174 крестьянина из посопной волости (в предшествующем году — 264). В угловой башне находилось также 14 донцов. Как и в остроге, урон противнику нанесли лишь донские казаки и служилые люди — стрельцы, убившие во время приступа 31 человек. Но наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли около 250 человек. Под командованием осадного головы Федора Гавриловича Пищулина находилось 46 пушкарей, в том числе шестеро казенных кузнецов, в военное время обслуживающих затинные пищали. Самой мощной башней, имевшей раскат для установки тяжелой артиллерии, была угловая северо-западная башня детинца. На ней располагалась «пищаль Собака». Всего по стенам и башням города располагалось две полуторные пищали, три александрийские пушки, две железные скорострельные пищали, три тюфяка, четыре полковых пищали, в том числе одна, установленная на поворотном станке и предназначенная для огневого поражения противника в случае его прорыва через городские укрепления, а также шесть затинных пищалей, не считая пищалей кузнецов.

Во время штурма города черкасами отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, не только отбив от стен крепости туры, щиты,

приметы и лестницы, но и уничтожив 34 врага, а одного даже пленив. В вылазке участвовало 76 чел. Как и ранее, по своему составу это была лучшая часть гарнизона: 21 человек станичных голов, 27 полковых детей боярских, 25 станичных детей боярских, а также стрелецкий сотник, подьячие съезжей избы Потап Степанов и Федор Спесивцов, лично уничтожившие в бою по два человека.

Таким образом, в обороне Белгорода летом 1634 г. участвовало 1547 человек, что на 503 человек меньше по сравнению с предшествующим годом. Следовательно, белгородский гарнизон сократился на четверть, что сказалось на обороноспособности крепости. Причем в составе гарнизона увеличился процент неслужилых людей: 24 % составляли родственники служилых людей (ранее — 20 %), а 44 % — крестьяне, против 41 %. Как и ранее, основную ударную силу представляли собой служилые люди и донские казаки, действия которых, в совокупности с артиллерийским огнем, и нанесли противнику основной урон. Однако на этот раз крепость существенно пострадала.

Естественно, русская администрация предпринимала ответные шаги. На местах, по мере возможности, организовывался отпор, продолжалась станичная и сторожевая служба. Так, в 1632 г. отрядом головы Лариона Камышина немало черкас было побито в Воронежском уезде и 13 пленено.[525] На украйну из Москвы посылались дополнительные вооруженные силы. Весной 1633 г. в Северскую область был отправлен отряд во главе с воеводами Бутурлиным и Олябьевым для предотвращения разорения российских уездов черкасами. Стольнику Ф. Бутурлину приказывалось: «...на литовских людей и на черкас посылати голов с сотнями и велеть над ними промышляти всякими обычаи, чтоб над литовскими людьми и над черкасы поиск учинити, и у городов стоять, и уездов воевать не дать...».[526] В случае поимки черкасских и литовских языков их предписывалось «роспрашивать» и, как обычно в условиях войны для получения достоверных сведений, пытать. Успешно действовала станица атамана Андрея Федоровича Путятинова. Весной 1633 г. в Белгородский уезд, на реку Мож, пришли черкасы и разбили три станицы. Путятин с товарищами нашли черкас

[525] АМГ.— Т. I.— № 539.— С. 513.
[526] ААЭ.— Т. III.— № 220.— С. 326.

и разгромили их, захватив пленных.[527] В это же время несколько отрядов было отправлено за рубеж для захвата «языков». Походы русских служилых людей под Борзну и Ромны были успешными — пленных привели в Путивль.[528]

Помимо оборонительных мер северским и украинным воеводам было приказано посылать войска на города, принадлежавшие раньше Российскому царству и отошедшие к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. По замыслу правительства, такие действия должны были способствовать возвращению этих городов под юрисдикцию Москвы. Поэтому в 1633 г. от царского имени было направлено письмо к Семену Рагозину и другим детям боярским, донским казакам и служилым людям российских пограничных городов, которые самовольно, воспользовавшись обстановкой военного времени, пошли к черкасским городкам с целью грабежа и разбоя. В письме говорилось: «...на черкасские городки<...> северских и украинных городов воеводам нашим ходить и ратных людей до нашего указа посылать не велено, для того, что черкасы стоят за веру против еретиков, что польские люди у них веру нарушают и за то, что у них с польскими людьми за веру бои были великие, да и ныне есть».[529] Царское правительство предпочитало не провоцировать украинцев, надеясь, что, благодаря религиозным разногласиям с католиками и униатами, они втянутся в борьбу с поляками.[530] Однако русские служилые люди не ограничивались предписанным правительством районом действий. Так, осенью 1634 г. путивльский воевода Семен Волконский составил список городовых казаков, выбывших из службы в годы Смоленской войны.[531] В нем, помимо погибших в ходе осады Путивля и во время похода под Борзну в 1633 г., значатся три казака, погибших на службе под Ромнами еще в 1632 г. Значит, и в этом году русские войска действовали в районе городов, расположенных на украинских землях Речи Посполитой. И если это был не широкомасштабный поход, то, по крайней мере,

[527] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 102.— Л. 628.
[528] Там же.— Столбцы разных столов.— № 125.— Л. 1—5.
[529] АМГ.— Т. I.— № 486.— С. 448.
[530] Подробнее см.: Флоря Б.Н. Отношение... С. 36—51.
[531] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 103.— Л. 8—21об.

рейд разведывательного отряда. В пользу последнего предположения говорят последующие события. Из Путивля и Рыльска 10 января 1633 г. в Разряд прибыли гонцы с донесениями о походах объединенных сил путивльцев и рылян в район Ромен. В ходе этой военной экспедиции были взяты два острожка и выжжены посады.[532] Успех этой операции можно связать с тщательной предварительной разведкой. По всей видимости, Ромны были быстро восстановлены, т.к. спустя всего полгода, 23 июля 1633 г., отряд путивльцев снова сжег Роменский острог.[533]

Во время Смоленской войны отчетливо проявились особенности порубежья. Пограничные земли в предшествующий период входили поочередно в состав как Российского царства, так и Речи Посполитой. Это отразилось и на ходе боевых действий. Зимой 1632 г. русские войска подошли к костелу, стоявшему под Новгородом-Северским, и расположенному рядом с ним острожку. Указанный опорный пункт оборонялся сотней черкас и служилыми людьми, бывшими до 1618 г. российскими подданными. Воевода Баим Болтин предложил этим служилым людям не сопротивляться и перейти вместе с семьями «на государево имя». Получив согласие, воевода направил отряд к костелу. В результате ночного боя черкасы, оставшиеся без поддержки, были уничтожены, а укрепления захвачены.[534] В это же время путивльцы сожгли острог г. Батурина. При штурме захватили 48 пленных, а большая часть гарнизона погибла в огне.[535] 20 ноября 1633 г. в Белгород вернулись ратные люди из рейда по польской территории. Они сообщили воеводе Волконскому об отсутствии в Полтаве войск, готовых к походу, т.к. черкасы ушли в Лубны. Белгородцы доложили о взятии ими Полтавского города и острога, при этом «..многих литовских людей побили и большой острог и слободы и посады сожгли, а остальные литовские люди сели в малом острожке».[536] Объединенные силы из Рыльска, Путивля, Новгорода-Северского и Севска взяли и разорили город Борзну. Походу предшествовала разведка. Из Путивля в окрестности Борзны был направлен отряд черниговца Юрия Велесского, который смог захватить шестерых «языков». Пленные показали, что запорожцы в Борзну еще не пришли.[537] Только после этого, 19 декабря 1633 г., русские силы двинулись в поход. Большой и малый остроги, села, деревни и слободы в округе были сожжены. Языков, поляков и черкас, привели в свои города: в Рыльск — 17 человек,[538] в Путивль — 20.[539] О масштабах урона, причиненного неприятелю действиями российских войск, можно судить по числу разоренных дворов, которых в слободах возле г. Борзны в 1632 г. насчитывалось 300—400.[540]

Одной из трудных, но успешных экспедиций русских войск стал поход на Миргород осенью 1633 г. Ему предшествовала тщательная подготовка. Путивльские воеводы Никита Никитич Гагарин и Андрей Васильевич Усов отправили отряд путивльцев под командованием головы Владимира Григорьевича Черепова для захвата пленных. «Языков» добыли под г. Серебряным и только после их допроса ратные люди были посланы на Миргород.[541] Из Путивля отряд под командованием Ивана Бутурлина вышел 27 сентября 1633 г., а 30 числа того же месяца был предпринят штурм Миргорода. Большой острог был взят, в крепости захватили значительное количество пленных, а многие из оборонявшихся были убиты и ранены. Небольшой части гарнизона удалось отсидеться в «малом острожке», который не сумели взять, видимо, из-за нехватки времени. Пленные показали, что в Лубнах, расположенных в 30 верстах от Миргорода, находится отряд полковника Пырского, усиленный воинскими людьми и черкасами из других городков. Это обстоятельство обусловило торопливость действий русских войск. Стены крепости, башни, дворы, посад и прилегающие слободы сожгли. В качестве трофеев не стали брать даже крепостную артиллерию.

---

[532] ДР.— Т. II.— Стб. 311—312.
[533] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 117.— Л. 79.
[534] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 102.— Л. 62.
[535] Там же.— Л. 67.
[536] Танков А.А. Ук. соч.— С. 194.
[537] АМГ.— Т. I.— № 547.— С. 520.
[538] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 333.
[539] Танков А.А. Ук. соч.— С. 207; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 73.— Л. 1—2.
[540] Ткаченко Н.М. Очерки по истории крестьян Левобережной Украины XVII в. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук.— Киев, 1963.— С. 10.
[541] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 178.— Л. 47.

Пушки оставили на стенах, их «...сволочь не успели, потому что зажгли острог вскоре и сами пошли назад».[542]

В составе отряда И. Бутурлина были путивльские и черниговские дворяне, дети боярские, верстанные казаки, а также донские атаманы, есаулы и казаки. Точную численность отряда определить невозможно, сохранился только послужной список этого похода, в котором перечислены наиболее отличившиеся его участники.[543] Наибольший урон противнику нанесли дворяне и дети боярские, составлявшие, видимо, ударную силу отряда. Согласно списку 69 путивльских дворян и детей боярских убили 109 человек, а 54 служилых черниговца этой же категории — 74. Если сравнить количество уничтоженных врагов и перечисленных в списке служилых людей, то в первом случае получается соотношение, равное 1,58 в пользу победителей, а во втором — 1,37. В то же время 12 верстанных казаков, упомянутых в списке, убили только 10 человек, что дает соотношение 0,83, а 100 донских казаков уничтожили 68 человек (соотношение — 0,68).

На обратном пути, в 10 верстах от Миргорода, отряд И. Бутурлина настигли черкасы лубенского полковника Пырского. Вместе с ним действовали отряды лубенского урядника Позлатовского, лохвицкого полковника Турского и миргородского полковника Матяша Царенка. Отписка путивльских воевод, полученная в столице 20 октября 1633 г., сообщает о том, что бой с лубенскими черкасами произошел 1 октября. В ходе боя было захвачено около сотни пленных, убиты полковник и Пырской и Турской. В ходе этого сражения было побито более тысячи литовских людей и черкас. Численность погибших в этом сражении черкас весьма приблизительна, ее определяли «по смете», поскольку путивльцы спешили как можно быстрее покинуть опасный район. Весьма вероятно, воеводы преувеличили урон, нанесенный противнику, однако тот факт, что в схватке принимали участие значительные силы, подтверждается указанием на протяженность поля боя в три версты и медленным продвижением русского отряда в дальнейшем: за два дня он прошел 20 верст, что не вяжется с предшествующей спешкой. 3 октября возле места, именовавшегося «Пять могил», произошел бой с отрядом под командованием синицкого урядника пана Маркеева, в ходе которого противник потерял более 300 человек убитыми и ранеными, а пленными — 50. Перед сражением путивльцы убили пленных, захваченных в Миргороде и в бою 1 октября. Сделать это пришлось для того, чтобы высвободить людей, занятых их охраной. А черкасы, плененные 3 октября, показали, что 1 и 2 октября российские войска имели дело со значительными силами черкас — 3 и 2 тыс. человек соответственно.[544] Эти украинцы были приведены в Путивль, но впоследствии половина из них умерла от ран.[545] Большая смертность среди пленных позволяет предположить, что в бою были захвачены, в основном, тяжелораненые, а это свидетельствует об ожесточенности боевых действий. За такую службу царь Михаил Федорович «высказал похвалу» участникам похода.[546] Важно также сообщение воевод о том, что, согласно государеву указу, украинские крестьяне, захваченные во время походов 1633 г., «...отданы тем путивльским людем, хто их поимал».[547]

Узнав о разгроме Миргорода, из Нежина в район Ромен прибыл полковник Лаворской (Ловерко) с 1 тыс. черкас. Он разослал «листы» по всем украинским городкам, призывая всех желающих собираться для похода на Путивль.[548]

20 декабря 1633 г. русскими войсками был предпринят штурм Новгорода-Северского, обороняемого черкасами и поляками под командованием капитана Кунцевича. В ходе приступа удалось зажечь одну башню, от нее загорелась вся крепость. Город был взят, около 400 человек пленено. Воеводам Еропкину и Болтину поручили поставить на месте сгоревшего новый острог для обороны от «литовских людей» и черкас.[549]

Помимо крупных отрядов на украинские земли Речи Посполитой совершали рейды небольшие подразделения, высылавшиеся

[542] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 62.
[543] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 178.— Л. 45—66.
[544] РГАДА.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 61—63.
[545] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 117.— Л. 68—74.
[546] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 57.— Л. 636—639; Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 67—69.
[547] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 178.— Л. 46.
[548] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 155.
[549] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 95.— Л. 546—549.

воеводами русских крепостей «для разоренья» и «для языков». В июле 1633 г. такие отряды разгромили две деревни в округе Лохвицы, захватили языков на Роменском городище.[550]

Имеются также примеры продолжения самовольных походов жителей российской окраины на Украину. Так, в ноябре 1632 г. в Москве получили донесение Ф. Плещеева, в котором он докладывал о несанкционированном походе своих подчиненных за рубеж Жители Волхова и Севска в количестве 35 человек разграбили две деревни, несмотря на запрет «ходить в Литву». По возвращении они были доставлены в съезжую избу, где повинились в содеянном Помимо одежды, холстов и прочего имущества у них изъяли 12 лошадей, 25 коров, 33 овцы, девять кадушек меда.[551] В ноябре 1633 г. некоторые жители Валуйки, Оскола и Белгорода во главе с вдовым попом Микулой пошли в район Полтавы. Предприятие не увенчалось успехом, из 90 жителей Валуйки, отправившихся с Микулой, 10 было убито и пленено.[552]

Итак, на основании приведенных данных можно заключить: во время Смоленской войны 1632—1634 гг. на Северской и Польской украйне России развернулись активные боевые действия. Масштаб их был значителен. В отписках российских воевод и других документах называются цифры в 50, 5, 6 тыс. вражеских войск. Если учесть, что в начальный период войны под Смоленск правительством Михаила Федоровича было направлено около 32 тыс. человек,[553] то черкасские отряды, действовавшие на Поле, представляли значительную силу.

В ходе военных действий обе стороны активно захватывали пленных. Помимо уже упоминавшихся данных можно привести дополнительные сведения о них. Во время отражения приступа к Рыльску 20 мая 1633 г. взяли в плен 10 черкас.[554] Спустя год, 4 апреля 1634 г., под Рыльском захватили 13 человек.[555] В конце 1633 г. в 20 верстах от Новгорода-Северского голова Любим Люшин со служилыми людьми пленил пятерых черкас.[556] Во время стычки в том

[550] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 117.— Л. 78—79.
[551] Там же.— № 95.— Л. 213—216.
[552] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 53.— Л. 288.
[553] Акты XVI—XVII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым.— М., 1897.— С. 113.
[554] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 102.— Л. 553.
[555] Там же.— Л. 541.
[556] Там же.— Л. 356.

же уезде 3 июня 1634 г. был убит запорожский атаман Гиря Каневец и шесть черкас захвачено в плен.[557] В это время пленных после допроса, обычно сопровождавшегося пытками, отправляли в «понизовые города». Там их помещали в тюрьму.[558]

Уводились за рубеж и русские служилые люди. 27 мая 1633 г. была разгромлена станица, ехавшая из Рыльска по Путивльской дороге. Четверо станичников попали в плен. В их числе был и сын боярский Филипп Осколков, вернувшийся в Россию 22 августа 1634 г. После заключения мира он смог убежать из Ромен (раньше его держали в Черкасах).[559] В Рыльском же уезде 18 января 1634 г. попали в плен к черкасам еще четыре человека.[560]

Помимо служилых людей захватывали в плен и «пашенных мужиков», а также женщин и детей. В 1633 г. путивльским детям боярским предписывалось пленных держать подальше от рубежа. Делалось это для того, чтобы после заключения мира меньше было претензий с польской стороны, поскольку потеря населения серьезно задевала интересы шляхты. Правда, иногда столичная администрация шла на уступки служилым людям пограничных городов. Как явствует из пометы на челобитье тех же путивльцев, последним в 1634 г., учитывая их службу и разорение края во время войны, было позволено захваченных девок и малолетних детей держать у себя.[561]

Зачастую пленники содержались в тяжелых условиях (в тюрьмах, закованными в кандалы и т.д.) Известны примеры их уничтожения, причем не только в полевых условиях (о чем говорилось выше). Так в мае 1633 г., во время приступов к Путивлю, было захвачено 50 человек (преимущественно черкас). Путивльская тюрьма была переполнена, поэтому всех пленных убили, т.к. в условиях осады не хватало людей для их охраны.[562]

Более наглядное представление о захватах пленных во время боевых действий дает «Роспись 1634-го году белогородцом, побитым и раненым в приход литовских людей, и ково имянем литовские люди в

[557] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 102.— Л. 509.
[558] АМГ.— Т. I.— № 649.— С. 605.
[559] РГАДА.— Ф.210.— Столбцы Белгородского стола.— № 54.— Л. 58—59.
[560] Там же.— Л. 73.
[561] АМГ.— Т. I.— № 651.— С. 606.
[562] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы разных столов.— № 125.— Л. 6—12.

[illegible] и в нынешнем, во 1634-м году, и в прошлом во 1633-м, го[illegible] что у ково роду и племени побита и в полон жон их и детей, [illegible] и племянников и крестьян поимана»,[563] позволяющая уточнить ход боевых действий под Белгородом и определить тяжесть урона, нанесенного рассматриваемому региону в ходе войны. Этот документ был составлен белгородским воеводой стольником Михаилом Петровичем Волынским, получившим 30 июня 1634 г. соответствующее указание из Разрядного приказа. Осада города черкасами длилась с 8 по 12 июня, а отписка воеводы с приложением «Росписи...» была получена в столице 30 июля. Документ создавался по горячим следам и является весьма достоверными источником. Данным за 1633 г. также можно верить, поскольку и в этом году белгородским воеводой был тот же М. Волынский.

Проанализировав информацию, содержащуюся в «Росписи...», можно судить о степени разрушения города. Сгорела таможенная изба, были сожжены и разграблены два кабака. Пострадали монастыри и церкви: был сожжен Рождественский монастырь, сгорела церковь Никольского монастыря, церковь Успения Богородицы и церковь Успения Спасителя, Богоявленская церковь, Покровский храм и церковь Рождества Христова. Из других источников известно, что сгорел большой острог и тюрьма.

Кроме крепости, существенно пострадала территория Белгородского уезда. Были разорены все села и деревни Сажного стана, за исключением слободы Литовская деревня, расположенной в верховьях Липового Донца. Из поселений Раменского стана уцелела только дер. Шляхово. В Коренском стане остались с. Крапивенское, с. Маслова и дер. Устенка. Все села и деревни Корочанского стана были выжжены. Уцелели с. Стариково в верховьях р. Корочи и с. Городище.

Большой интерес представляет сравнение потерь, понесенных белгородцами в результате действий черкасских отрядов в 1633 и 1634 гг. Данные «Росписи...» неполные, вероятно, воевода собирал их, опрашивая тех жителей, которые находились в городе и уезде. Следовательно, он не мог получить сведений в том случае, если вся семья погибла или попала в плен. Так, в 1633 г. (по «Росписи...») от

[563] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 72.— Л. 7—49.

черкас пострадало 177 человек, в их числе упомянуто всего семь погибших. Список 1634 г. содержит имена 65 человек, из них трое убитых, двое раненых и один пленный.

Материальные и людские потери от боевых действий 1633 г. значительно превышают аналогичный урон 1634 г. В 1633 г. черкасы угнали практически всех коров и овец, которыми владели стрельцы, казаки, пушкари, станичные ездоки и вожи. По всей видимости, М.П. Волынский не смог собрать точных цифровых данных. А за 1634 г. количество угнанного скота определено точно: 301 корова и 194 овцы. По лошадям сведения имеются за оба года: 842 коня в 1633 г. и 319 в 1634 г. Схожая картина наблюдается при сравнении численности уведенных в плен членов семей белогородских служилых людей: в 1633 г. — 383 человек, а в 1634 г. — 62 человек.

Все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что в 1633 г. Белгородский уезд понес более значительные потери, чем в 1634 г. С одной стороны, это связано с тем, что в 1634 г. вражеские войска действовали на уже разоренной территории. С другой стороны, представляется вероятным следующее предположение: в 1633 г. боевые действия более активно протекали на территории уезда, а в 1634 г. основная масса людей и скота была захвачена в результате штурма Белгорода (в самом остроге и на посадах). В целом, ущерб, нанесенный Белгороду и уезду черкасскими отрядами во время Смоленской войны, следует признать весьма значительным, что свидетельствует об ожесточенности военных действий на Поле.

Из челобитной белгородских служилых людей известно, что в 1634 г. черкасы часть пленных (пожилых женщин) по дороге к границе отпустили. Те, кто остался в неволе, велели передать своим родственникам, «...что их повели в украинные городки: в Лубны, в Лохвицу, в Голтву, в Миргородок, в Варвар, в Сильчев, в Сорочин, в Плотаву» (так в тексте. — А.П.).[564] По окончании войны белгородские служилые люди били челом государю, прося разрешить им выезд за рубеж с телегами для того, чтобы забрать пленных. Челобитье было удовлетворено.

Дополнительную информацию о пленных дают росписи, составлявшиеся воеводами порубежных городов по окончании войны. Со-

[564] АМГ.— Т. I.— № 680.— С. 625.

гласно отписке путивльского воеводы Н. Плещеева, в 1633 г. в плен попало 100 человек. К весне 1633 г. 51 человек возвратился из Речи Посполитой, из них 20 убежали, 15 было выкуплено и 16 отпущено. Из этого числа 16 человек находились в плену в черкасских порубежных городках.[565] По донесению курского воеводы Д. Яковлева, за 1633 г. город и уезд потеряли пленными 389 человек. Вернулись на родину 25 человек. «по отпуску» и 16 человек. «бегом ушли».[566]

Во время Смоленской войны там, где для этого были силы, попытались решить проблему с украинскими поселениями, находившимися по российскую сторону границы. 17 декабря 1633 г. из Путивля был послан отряд в 300 человек под командованием головы Владимира Черепова. «И голова Володимир Черепов да атаман Гаврила Еремеев с ратными людьми в том походе литовских слобод, которые литовские люди поселились, было на государеве земле, выжгли 25 слобод и литовских многих людей побили и государеву землю Путивльского уезду многую очистили».[567] Но в целом, в тот момент сил у государства для удаления неприсягавших русскому царю черкас со своей территории оказалось недостаточно. Да и Смоленская война была проиграна. Обстановка на границе продолжала оставаться сложной и напряженной.

Для стабилизации, в первую очередь, необходимо было ликвидировать самое болезненное последствие войны — разрешить проблему возвращения пленных. Условия обмена оговаривались в Поляновском мире. В скорейшем проведении обмена были заинтересованы обе стороны. Много российских подданных находилось в Речи Посполитой еще со времен Смуты. Еще больше их оказалось в Польше после Смоленской войны. Польский современник писал по этому поводу: «A byio ich w Polsce i w Krakywie peino».[568] Мешала медлительность российской государственной машины. Так, валуйский воевода не отпускал подведомственных ему жителей на территорию Речи Посполитой для возвращения своих родственников, поскольку не имел соответствующего распоряжения из Разрядного

[565] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 62.— Л. 72—91.
[566] Там же.— Л. 103.
[567] АМГ.— Т. I.— № 547.— С. 519.
[568] Цит. по: Godziszewski W. Polska... S. 43.

приказа. Требуемый указ был получен в сентябре 1634 г., и валуйчане смогли начать соответствующие поиски.[569] А курский воевода В.П. Ромодановский не разрешал своим подчиненным отправиться за рубеж для вызволения родственников, т.к. не имел образца сопроводительной грамоты к польским должностным лицам.[570] В Белгороде в сентябре еще не получили грамоты об освобождении «литовского полону», содержавшегося в городе. Это обстоятельство мешало возвращению пленных белгородцев из Речи Посполитой.[571] Тем не менее, проблема пленных постепенно решалась.

Ход боевых действий на Поле во время Смоленской войны 1632—1634 гг. подталкивал российское правительство к принятию мер для укрепления обороны в данном регионе. Была осознана невозможность проведения активной политики на Западе без усиления своего положения на Юге. В целом довоенные позиции Российского царства в Днепро-Донской лесостепи были восстановлены довольно быстро. Детинец Белгорода, несмотря на ожесточенные бои, сохранил свою обороноспособность. В 1638 г. под руководством воеводы Петра Пожарского на старой насыпи были восстановлены острожные укрепления этого города. В этом году не успели сделать лишь кровлю на башнях. Однако в Белгороде не хватало служилых людей для несения караульной службы на стенах и башнях крепости. Город продолжал находиться на ногайской (левой) стороне Северского Донца, в низине между этой рекой и Белым Колодезем, «напротив островов». Как и раньше, в крепости был пятнадцатипудовый вестовой колокол, звон которого был плохо слышен в окрестностях, и сигнал тревоги подавали холостым выстрелом из пушки «Собаки».[572] Уже в марте 1634 г. был вновь выстроен детинец в Валуйке. Там не успели только покрыть башни, но был заготовлен лес для возведения острожных укреплений взамен сгоревших.[573]

Итак, в 1632—1634 гг. российско-украинское порубежье стало ареной широкомасштабных боевых действий. Активное участие в

[569] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 91.— Л. 46—47.
[570] Там же.— Л. 52—53.
[571] Там же.— Л. 22.
[572] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 134.— Л. 333; 340—342.
[573] Там же.— № 106.— Л. 197.

них принимали черкасы, составлявшие часть армии Речи Посполитой. В отличие от татар, они довольно успешно штурмовали российские крепости, чем оказали значительное влияние на ход всей кампании в целом. Приведенные факты показывают, что во время войны этнокультурная близость населения приграничной территории практически не проявлялась. Принадлежность украинцев к православной церкви в обстановке войны 1632—1634 гг., не удержала последних от участия в боевых действиях на стороне католической Речи Посполитой. На первое место выдвинулся политический фактор: антагонизм государств, на территории которых проживали русские и украинцы. Ожесточенные боевые действия серьезно деформировали их взаимоотношения. Механизмы, обеспечивавшие сосуществование населения российско-украинского порубежья, наметившееся в 20-е годы XVII в., в 1632—1634 гг. перестали функционировать.

Характеризуя российско-украинское порубежье в 20—30-е годы XVII в., можно отметить, что позиции России в данном регионе остались довольно прочными. В это время сохранялась опасность со стороны «воровских» черкас. Масштабы черкасских вторжений были меньшими, но бороться с ними было труднее, чем с татарскими. Судя по всему, интенсивность столкновений возросла в начале 30-х годов. В это время российская колонизация Поля приобретает государственный характер. В ней в равной мере стали сочетаться элементы правительственной и народной колонизации. Заселение окраин со стороны России становится более интенсивным, что во многом объясняет рост числа конфликтов на порубежье.

Таким образом, для границы между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в рассматриваемое время были характерны вооруженные столкновения и военные конфликты, порожденные пересечением двух колонизационных потоков. В 1632—1634 гг. они вылились в ожесточенные боевые действия, сопровождавшиеся захватом крепостей и уводом в плен жителей пограничья.

ГЛАВА 4.
МИГРАЦИЯ УКРАИНЦЕВ И ОБСТАНОВКА НА ПОРУБЕЖЬЕ (1634—1648 гг.)

§1. Вооруженные столкновения и военные конфликты после заключения Поляновского мира

Поляновский мирный договор, заключенный Россией с Речью Посполитой, привел к отказу Владислава IV от претензий на российский престол. Довоенное положение на границе между двумя странами осталось неизменным. Осознавая неизбежное приближение конца Тридцатилетней войны, Речь Посполитая стремилась сохранить стабильные отношения с восточным соседом. Более того, в 40-е гг. XVII в. в Восточной Европе вновь возникли планы антитурецкой войны. В это же время начинается обострение балтийского вопроса. Русские политики попытались методами дипломатического давления добиться от шведского правительства изменения условий Столбовского договора 1617 г. В таких условиях варшавский двор рассчитывал, что совместная борьба с Крымским ханством и Османской империей помогут обеспечить статус-кво в отношениях с Россией. В итоге, укрепится положение не только на юге Речи Посполитой, но и сохранится сложившаяся ситуация на границах с Российским царством.

В рассматриваемое время перед Россией стояло несколько важнейших внешнеполитических задач. В их числе возвращение потерянных земель в Прибалтике и на границе с Речью Посполитой, а также борьба с Крымом. Первоочередное решение той или иной задачи (одновременно их решить было невозможно) зависело от конкретной международной обстановки, от положения внутри страны и на ее рубежах. После заключения мира с Речью Посполитой в 1634 г., на российско-украинском порубежье начался процесс ликвидации последствий боевых действий. Как и до войны, обстановка в регионе продолжала оставаться тревожной. С весны 1635 г. в довоенном масштабе возобновилась сторожевая и станичная служба, основной задачей которой оставалось выявление татарских и черкасских отрядов.[574] Несмотря на мир, польские подданные — украинцы нападали на российские сторожи и станицы. Так, в августе 1636 г. в 40 верстах от Валуйки была разгромлена станица Бориса Мохонина. Двух станичников убили, двух ранили и отбили двух лошадей.[575] В июне 1640 г. разбили белгородских станичников: «...одново убили, а другово ранили, и лошадей, и ружье, и всякую рухлядь поимали».[576] Белгородская станица головы Василия Белова 24 сентября 1642 г. была разгромлена в четырех верстах от города. Погибло трое станичников, их имущество и лошади достались нападавшим.[577] Валуйская станица 6 июля 1644 г., не доехав 15 верст до Святогорского монастыря, обнаружила стан «воровских» черкас. При попытке определить их численность станичников заметили, но от погони они сумели уйти. По их мнению, последних было не менее 50 человек.[578] Тем же летом в Святогорском бору была разбита станица Логвина Бобылева. Все четверо станичников погибли.[579]

Этими столкновениями объясняется решение Разрядного приказа разместить в Святогорском монастыре вооруженный отряд, состоявший из служилых людей Чугуева, Белгорода и Валуйки. Гарнизон не должен был терять бдительность и если «...донецкие черкасы учнут к ним проситься в монастырь, для моленья и для иных каких дел, и они б черкас в монастырь не пускали и от них отговаривались всякими обычаем, чтоб над ними черкасы обманом какого дурна не учинили».[580]

Из распросных речей белгородского станичного головы Кармана Гвоздева можно понять, что немало станиц, ездивших к Сокольским горам, стало жертвой татарских и черкасских нападений. Планировали даже изменить маршрут «доезда», но голова не смог внести конкретных предложений,[581] и станицы продолжали патрулировать степь по прежнему пути. Такая станица вновь была разбита черкасами 21 марта 1646 г.[582] Еще две станицы, ехавшие к Сокольским горам, были погромлены черкасами в 1647 г. — 22 мая и 3 июня. Станичники лишились 19 лошадей, оружия и одежды.[583] В 20 верстах от Валуйки, на р. Сенной, 6 октября 1646 г. черкасы разбили и ограбили станицу. Четверых станичников полонили, один ушел; захватили 10 лошадей, оружие и платье.[584] Черкасами Григория Торского 19 мая 1647 г. была разбита белгородская станица на р. Осколе.[585] 28 июля 1647 г. в районе Боровского ерка черкасы разгромили станицу из Валуйки. По словам оставшихся в живых станичников, черкас было в этом районе порядка трехсот человек.[586] Неудивительно, что и в 1634—1648 гг. обнаружение «воровских» черкас продолжало оставаться одной из основных задач российской сторожевой и станичной службы. Практически во всех документах, связанных с отправкой сторожей и станичников в Поле, присутствует упомянутая задача[587] Имеются примеры вполне успешных действий станиц против черкас. 13 мая 1636 г. ольшанский воевода

---

[574] См. например: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 54.— Л. 479; Там же.— № 74.— Л. 289; 284.
[575] Там же.— № 74.— Л. 274.
[576] Там же.— № 127.— Л. 442.
[577] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 447.
[578] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 189.— Л. 300—302
[579] Там же.— № 165.— Л. 349.

[580] Цит по: Клеванов А.С. Святогорский монастырь // ЧОИДР..— 1865.— № 2.— Отд. V.— С. 121.
[581] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 247.— Л. 162.
[582] Там же.— Л. 465.
[583] Там же.— Л. 468—470.
[584] Там же.— Л. 521—522.
[585] Там же.— Л. 467—468.
[586] Там же.— Л. 471.
[587] См.: Там же.— № 165.— Л. 227; Л. 348; Л. 361—362; Л. 402; Там же.— № 247.— Л. 155; Л. 174; Л. 197—198; Л. 206; Л. 293; Л. 304—304 об.; Л. 314; Л. 518.

Федор Юрьевич Арсеньев отправил разъезд из 20 казаков для определения места переправы «воровских» черкас через р. Сосну. На броду, у Рыбного плеса, станица заметила черкас. Завязался бой. Несколько черкас было ранено, один захвачен в плен.[588]

Таким образом, в 1634—1648 гг. станицы и сторожи подвергались постоянным нападениям со стороны «воровских» черкас. Согласно отписке белгородского воеводы Ф. Хилкова, в Валках сторожа была поставлена специально для того, чтобы «...в станичной езде станичников воры черкасы не грамили...».[589] Следовательно, российское правительство предпринимало определенные меры для борьбы с черкасскими нападениями на сторожи и станицы, но эффективными их назвать нельзя.

Сохранялась опасность и для посольств. Ехавший в 1641 г. из Турции в Москву султанский посол по дороге был убит черкасами, до места назначения добрался только его брат Мустафа Чеуш.[590] 13 ноября 1642 г. у истоков р. Тор запорожцы напали на возвращавшихся из Москвы турецких и крымских послов. Пострадали и сопровождавшие их российские дипломаты. Они были не только ограблены, некоторые получили ранения, а часть членов русского посольства погибла.[591] Сложившуюся ситуацию хорошо иллюстрируют события, изложенные в донесении воронежского воеводы Василия Ромодановского, полученном в Москве 26 июля 1643 г., и в ответной царской грамоте, направленной в Воронеж 31 июля того же года.[592] Произошло следующее: 4 апреля 1643 г. в Воронеж из откупной вотчины, расположенной на реке Богучаре, приехал Евтюшка Матвеев с товарищами и доложил воеводе, что 29 марта заметил «воинских людей» (вероятно, татар. — А.П.), численностью более сотни человек. Поскольку в это время через Воронеж в Крым должно было проследовать посольство Ильи Милославского и дьяка Леонтия Лазаревского, то воевода незамедлительно направил на Дон стрелецкого и казачьего голову Василия Струкова со 150

[588] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 170.— Л. 269.
[589] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 247.— Л. 200.
[590] ДР.— Т. II.— Стб. 692.
[591] Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка... Ч. III.— С. 124.
[592] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 177. — Л. 153—160.

стрельцами и казаками. Отряду была поставлена задача оберегать посольство от татар и «воровских» черкас.

Струков со своими людьми прибыл на Дон и занял два «перелаза» (брода) — Казанский и Белянский. На Белянском перелазе остался Степан Пешеходов с 70 стрельцами и казаками. Сам голова с остальными людьми расположился на Казанском перелазе, В. Струков с 30 человеками стоял на ногайской стороне, а Максим Нос с 40 человеками находился на левом, казанском, берегу реки в укрепленном лагере. Обстановка в районе охранявшихся переправ была спокойной. 18 мая посольство проследовало в Крым. После проезда посольства, 20 мая, в полдень, с крымской стороны к лагерю Максима Носа подошло около двухсот конных черкас. Вероятно, они планировали перехватить посольство, которое везло с собой «денежную казну». Конники попытались с ходу захватить «городок», построенный стрельцами и казаками Носа, но получили отпор. Василий Струков, услышав стрельбу на другом берегу реки, приказал своим подчиненным форсировать Дон для оказания помощи осажденным. Черкасы открыли огонь по переправлявшимся, с лодок ответили. Завязалась ожесточенная перестрелка, в ходе которой многие стрельцы и казаки получили ранения. Плотный ружейный огонь не позволил высадиться на крымской стороне Дона. Струков с товарищами вернулся на свой берег и до вечера пытался интенсивной стрельбой из пищалей отвлечь атакующих. Тем временем черкасы продолжали штурмовать «городок». Нападавшие теряли людей, а укрепление взять не могли. Тогда вечером, в сумерках, они подожгли деревянные стены, «приметав» к ним хворост и камыш. Осажденным не осталось иного выхода, кроме прорыва. Выйдя с боем из укрепления, отряд М. Носа понес тяжелые потери (19 человек убитыми и семь ранеными). Следует отметить, что все ранения были огнестрельными; видимо, черкасы предпочли не сходиться в рукопашную, а расстреливать бегущих стрельцов и казаков из пищалей.

С наступлением ночи бой затих и наутро не возобновился. Вернувшиеся в Воронеж служилые люди получили денежное жалованье на лечение ран: за тяжелые раны — пять рублей, за средние — два, а за легкие — полтора рубля. Судя по царской грамоте к воеводе, отдельные участники сражения попали в плен. При возвращении этих и других воронежцев, захваченных черкасами ранее,

В.Г. Ромодановский был обязан их подробно допрашивать для выяснения времени и обстоятельств каждого черкасского нападения. При этом воеводе следовало выявить лиц, виновных в разгроме отряда и пленении российских подданных. Особое внимание уделялось выяснению имен гетманов, атаманов и сотников «воровских» черкас, мест расположения их отрядов. Полученные сведения необходимо было немедленно сообщать в Москву.

Летом 1644 г. сообщения о «воровских» черкасах поступили из Святогорского монастыря. 9 июля к монастырю пришло восемь черкас. Монахи и русские служилые люди не пустили их в обитель. В ходе переговоров удалось выяснить, что черкасы в количестве 70 человек, под командованием Ивана Безперстого, грабили мордву (вероятно в Тамбовском уезде. — А.П.). А теперь они пришли на Северский Донец, чтобы организовать засаду на «великом посольском крымском перевозе». Цель — захват крымских гонцов, российских посланников и посольств с обеих сторон.[593] Возможно, черкасы знали, что русский гарнизон в Святогорском монастыре немногочисленен, а значит, попытки силового прорыва для выхода в ближайшую российскую крепость не предпримет. Одиночного же гонца (если таковой будет) черкасы рассчитывали перехватить. Поэтому они и откровенничали, считая, что информация об их замыслах своевременно в Валуйку все равно не поступит.

В начале 1645 г. между реками Изюм и Оскол было замечено несколько сот украинцев, говоривших, что «они люди не воинские». Тем не менее, один из белгородских служилых черкас утверждал, что эти черкасы поджидают крымского посла.[594] После получения известий о возможном появлении «воров-черкас» посольства стали отправлять в сопровождении усиленных вооруженных отрядов.[595] Эти меры, однако, не привели к ожидаемому результату. Московское и крымское посольства, сошедшиеся в 1645 г. для размена пленных, были разгромлены. Судя по всему, это нападение совершил упомянутый выше отряд. Нападавшие захватили «казну», турецкого и крымского послов убили, уничтожили около 50 татар.

[593] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 189.— С. 308.
[594] Там же.— № 179.— Л. 368—369.
[595] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 637.

Погибло четверо русских служилых людей, остальные вместе с посланниками были захвачены живыми. Русские пленные, приведенные татарами для обмена, были отпущены на свободу. А вот имущество посольства (лошадей и прочее), как и государевых посланников, черкасы оставили у себя.[596] Наверное, за дипломатов надеялись получить выкуп. Можно предположить, что черкасами руководил Григорий Торской, хотя, по словам вольновских казаков, он не стал нападать на посольство, т.к. у него не собралось достаточное для такого предприятия количество людей.[597] В свете вышеизложенного, становятся понятными меры безопасности, предпринятые московским посольством, следовавшим в Крым в декабре 1647 г. Перед посольством была послана станица, которая осмотрела берега Северского Донца, пытаясь обнаружить следы засады. Кроме того, станичники расспрашивали жителей Святогорского монастыря про «воровских» черкас. Старец Иов Прохоров заявил им: «...на Донцу воровские черкасы есть, конные ездят и пешие ходят и пищальная стрельба в монастыре слышна почасту; в которых местах тех воровских черкас станы и много ль, того не ведает...».[598] В этом же году нападению черкас на р. Колодинке (притоке Северского Донца) подверглись русские служилые люди, возвращавшиеся из Крыма, куда они сопровождали посланника Тимофея Караулова.[599]

В это же время ожидали нападений черкас на пограничные города. Осенью 1637 г. в Путивль поступили сведения о сборе украинских казаков в Запорожье. По словам путивльского сына боярского Якова Шулешкина, вернувшегося из Прилук, запорожский гетман отправил письма во все казацкие городки с призывом к реестровым и нереестровым казакам собираться в совместный с татарами поход. Восемь тысяч крымцев Шин-Гирея уже стоят в Запорожье. После сбора черкас войско должно направиться на Путивль и двигаться степью между Белгородом и пограничными городками Речи Посполитой.[600] Из Речи Посполитой доходили слухи о возможных вторже-

[596] АМГ.— Т. II.— № 240.— С. 151.
[597] Там же.— № 242.— С. 152.
[598] Карпов Г. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого.— М., 1873.— С. 29—30.
[599] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 162.— Л. 32.
[600] РГАДА.— Столбцы Белгородского стола.— № 24.— Л. 379—380.

ниях черкас, организованных польскими магнатами и должностными лицами. Так, в июне 1639 г. в Рыльск «из Литвы» вернулись купцы и рассказали воеводе о том, что гетман Конецпольский с большим числом черкас переправляется через Днепр и «идет войной» под Путивль, Рыльск, Курск и Елец. Сообщение оказалось ложным. Из столицы написали о том, что опасаться похода не стоит.[601]

Небольшие отряды совершали налеты на жителей пограничных уездов. Много «воровских» черкас появилось в 30-е годы XVII в. на Дону, Северском Донце и в прилегающих к этим рекам территориях. В сентябре 1636 г. донской казак Федор Олябьев, приехав в столицу, сообщал: «...на Дону<...> учинилося воровство великое от черкас».[602] В апреле 1639 г. черкасы напали на десятерых донцов, ехавших в Воронеж. Восемь казаков погибло. Один из уцелевших, Яков Якимов, уверял воронежского воеводу, что на них напали черкасы, вооруженные казенными пищалями немецкого производства, и жили раньше упомянутые «изменники» в недавно построенной крепости Белгородской черты — г. Усерде.[603]

Ситуация не изменилась в 40-е годы XVII в. Весной 1641 г. при впадении р. Богучар в Дон на пятерых воронежцев напали 18 черкас. Трое были убиты, а двоих нападавшие привели в свой лагерь, в котором находилось еще два десятка черкас. Затем пленным удалось убежать и сообщить о нападении властям.[604] Михаил Засецкий, ехавший с царской грамотой на Дон из Валуйки, по его словам, был атакован сотней запорожцев. Засецкий вместе со спутниками окопались в лесу, обложили вырытую яму трупами своих убитых лошадей и отстреливались в течение дня. Несколько человек из числа оборонявшихся было убито и ранено. От нападавших удалось отбиться, а вот послание, предназначавшееся Войску Донскому, попало в руки запорожцев. Пришлось содержание царской грамоты излагать устно. Далее на Дон ехали «глухой степью», держась подальше от поймы Донца и других рек, т.к. везде по рекам «засели» черкасы.[605] Спустя некоторое время удалось выяснить, что на Засецкого нападал атаман Мокейка с 30 конными и восьмью пешими черкасами. Прозвище атамана и город, из которого пришли воровские черкасы, тогда установить не удалось.[606]

Как и в 20-е годы XVII в., от черкасских нападений страдали жители российских окраин, занимавшиеся хозяйственными промыслами в уездах и ездившие степными дорогами по хозяйственным делам. Порой в столкновениях с «воровскими» черкасами на стороне Российского царства выступали черкасы служилые. На Северском Донце 5 июля 1636 г. произошло столкновение оскольских служилых черкас с «воровскими». В результате, четверо оскольцев были убиты.[607] В своей отписке валуйский воевода Федор Голенищев-Кутузов излагал донесение черкасского атамана Василия Маркова, который с товарищами в сентябре-октябре 1640 г. ловил рыбу на Северском Донце, где и встретил отряд из 50 «воровских» черкас. Испугавшись, валуйские черкасы не признались, что служат Российскому царству, а назвались «литовскими людьми». «Воровские» черкасы приглашали их с собой в поход громить казаков и мордву под Шацк. Хвастаясь, говорили, что ходят туда уже два года «А в те годы взяли они, сто человек, на человека по сту лисиц да по десяти копканов (так в тексте. — А.П.), да по семи лошедей на всякова человека».[608] За эту информацию валуйские черкасы были пожалованы: атаман получил два рубля, остальные по рублю.[609] В конце апреля 1642 г. трое жителей Валуйки: Дмитрий Михайлов, Степан Яковлев и Яков Иванов отправились охотиться на р. Жеребец. Здесь их поймали черкасы и привели в свой лагерь, располагавшийся при впадении Жеребца в Северский Донец. В плену россияне пробыли четыре недели. Ночью 27 мая двоим из них удалось бежать. Вернувшись в Валуйку, они указывали, что число «воровских» черкас составляет 700 человек. Возглавлял отряд полковник Григорий Торской и атаман Василий Рябуха. Во время пребывания в плену Д. Михайлову и С. Яков-

[601] АМГ.— № 174.— С. 112—113.
[602] РИБ.— Т. XVIII.— Стб. 502.
[603] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 112.— Л. 140—151.
[604] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 96.
[605] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 364; Материалы для истории Войска Донского.— Новочеркасск, 1864.— С. 81.
[606] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 433.
[607] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 387—388.
[608] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 140.— Л. 154—157.
[609] Там же.— Л. 176.

леву давелось подслушать разговоры черкас, обсуждавших план набега в район Валуйки и других российских украинных городов, а также планировавших дожидаться и «громить» на Донце турецких и крымских послов. Полученные данные воевода немедленно направил в Белгород, Яблонов, Оскол и Усерд.[610]

Примерно в это же время валуйский стрелец Ефим Иванов, ходивший на Северский Донец ловить рыбу, встретился с черкасами Рябухи и спокойно вернулся назад. Он же сообщил, что Рябуха пытался поймать черкас, громивших М. Засецкого, но Мокейке с товарищами удалось скрыться в неизвестном направлении. Е. Иванов был свидетелем прибытия еще 230 черкас «из Литвы». Прибывшими командовали Семен Забузский и некий Трошевский. Несмотря на мирное поведение черкас в последнем случае, воеводам порубежных российских городов предписывалось стараться не контактировать с этими черкасами, не конфликтовать и опасаться их.[611] Несмотря на такое приказание, станичники, ездившие на Поле из Валуйки, общались с черкасами. Вернувшийся из «доезда» 18 июня станичный атаман Максим Гвоздев привез лист со списком имен и городов, в которых проживают «литовские» черкасы, нападавшие на Михаила Засецкого.[612]

Войсковая отписка, присланная 4 июля 1642 г. донскими казаками в Москву, указывает на повышение активности «воровских» черкас в междуречье Донца и Дона. Направление провожатых с дворянином Федором Олябьевым, возвращавшимся с Дона после раздачи царского жалованья, объясняется опасностью «...от литовских воровских людей с украинных городов, потому, государь, что стало от них по Дону и по Донцу воровство большое: пришли из Литвы немалые люди, более семисот человек, нас, холопей твоих, в разъезде и всяких чинов твоих государевых людей громят и рубят и Дон реку пересекли, а на Донце, государь, лежат многие люди, а беглецы от них к нам уходят и в распросех нам, холопем твоим, сказывают, что вестовщики меж ими беспрестани перебегают, а дожи-

[610] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 431—432.
[611] Там же.— Стб. 433—436.
[612] Там же.— Стб. 434.

даютца де они твоего государева дворянина с послами, как они от нас приедут вверх по Дону на Воронеж».[613]

В конце июня 1644 г. в Воронеж приехал донской казак Юрий Марченко, он рассказал, что около 500 черкас стоят по обе стороны Дона, и по реке в Воронеж пройти невозможно. В своей отписке воевода интересовался, посылать ли ему воронежцев для охраны послов Милославского и Олябьева, сопровождавших турецкого посланника в Москву.[614] Можно предположить, что в этот раз черкасы ушли с Дона, т.к. сведений о столкновениях с ними в дальнейшем нет. В 1644 г. Ф.А. Олябьев передал царское распоряжение донским казакам: выделить охрану для российского и турецкого послов. Посольство до Воронежа сопровождало более 50 донцов. Опасаясь засады, они вели суда вдоль берегов Дона, а сами прочесывали пространство по обе стороны реки.[615] То ли эти меры оказались эффективными, то ли помог случай, но посольство благополучно добралось до Воронежа, а оттуда до Москвы.

Весной следующего года обстановка в регионе не улучшилась. Андрей Васильевич Бутурлин сообщал из Воронежа о погроме черкасами стрельца Ивана Самарина с десятью товарищами. Нападение произошло в полночь, 8 апреля 1645 г., напротив «Амбросимова караула». В атаке принимали участие конные, пешие черкасы и «черкасы в судах». Один человек был убит, трое попали в плен, остальные семь вернулись в город. Нападавших было примерно 300 человек. Те же черкасы, в том же месте, рано утром следующего дня поймали крестьянина Гаврилу Кузьмина и двух его спутников, ехавших с Дона. Крестьяне, приведенные в стан, были подвергнуты допросу. Черкас интересовало, есть ли казаки в своих городках. Допрашиваемым предлагали выполнить роль проводников к городкам с зажиточным, но слабо вооруженным населением (туда, где находится мало казаков), а также отвести черкас к государевым украинным городам, богатым селам и деревням. Кроме того, черкасы спрашивали, ведают ли о них на Дону и не собираются ли казаки на них в поход. После допроса пленных решили убить, двух зарубили, а упомянутому Гавриле удалось бе-

[613] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 550—551.
[614] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 189.— Л. 289.
[615] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 577—578.

жать.[616] Такое отношение к захваченным российским подданным нетипично. Обычно черкасы спустя некоторое время отпускали пленников. Вероятно, в последнем случае они не собирались покидать лагерь еще длительное время, поэтому уничтожали свидетелей для сохранения в тайне места своей дислокации.

Доведя до сведения правительства тревожные сообщения, воронежский воевода предложил конкретный план борьбы с «воровскими» черкасами. По его мнению, необходимо было послать Доном судовую рать из Воронежа, а конному войску из всех украинных городов идти степью на «воров-черкас». Иначе, считал воевода, нельзя обеспечить безопасность посольств и русских людей, занимающихся промыслами в воронежских откупных вотчинах.[617] Источники не сообщают, состоялся поход или нет. Известно только, что черкасские нападения в Донецко-Оскольской лесостепи и Подонье продолжались. Те же триста черкас, что разбойничали в районе «Амбросимова караула», 11 июня разорили казацкий городок Решетов, в котором захватили пятерых воронежцев (Савку Сорокина с товарищами). Атаман Петрушка требовал, чтобы пленные проводили черкас к Борщеву монастырю и селу Усмани. Сорокин с товарищами не согласились, были отпущены, а черкасы пошли в степь.[618] В данном случае они меняли место дислокации и поэтому отпустили пленных.

5 июня 1646 г. воронежский сын боярский Тимофей Колчанин с товарищами сутки отбивался от черкас на р. Айдаре.[619] Из 120 нападавших около трех десятков было ранено в ходе схватки. А у донцов, ехавших вместе с Т. Колчаниным, черкасы убили и захватили 27 верховых и вьючных лошадей.[620] Видимо, с этим же разбойничьим отрядом 17 июля в шесть часов вечера столкнулись 30 донских казаков под командованием атамана Дмитрия Гаврилова. Бой длился до заката, с наступлением темноты черкасы отошли в степь к Айдару.[621] В августе 1646 г. их следы в степи и самих воровских черкас видел атаман Леонтий Пушкинский, ехавший с Дона в Валуйку.

[616] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 643.
[617] Там же.— Стб. 645—646.
[618] Там же.— Стб. 1109.
[619] Там же.— Стб. 897.
[620] Там же.— Стб. 56.
[621] Там же.— Стб. 84.

Благодаря принятым мерам предосторожности ему с товарищами удалось избежать нежелательной встречи.[622] В начале июля 1645 г. на валуйских служилых людей, косивших сено, напали шестеро черкас во главе с атаманом Антоном Барабанщиком. Они смогли захватить большое количество лошадей, пищалей и одежды валуйчан. Но при этом четверо из нападавших сами оказались в плену. Вместе с добычей смогли ускользнуть атаман и двое черкас. Пленные сообщили важные сведения. По их словам, на территорию Российского царства черкас направлял урядник г. Зенкова пан Луконской. Он подчинялся краковскому воеводе Станиславу Конецпольскому, а непосредственным начальником Луконского был миргородский урядник Станислав Гульчевский. Последнему, по словам «воровских» черкас, были известны все случаи отправки должностными лицами Речи Посполитой своих подчиненных в Россию для разбоя.[623]

Отписка воронежского воеводы А.В. Бутурлина от 6 октября 1646 г. проясняет особенности тактики «воровских» черкас и намечает радикальные меры для предотвращения пограничных разбоев. Бутурлин сообщал, что последние небольшими силами перекрыли Дон. Воевода расспрашивал усманьских беломестных атаманов, хорошо знающих эти места. Они сказали: «...что меж де, государь, Боучару и казанского перелазу, на реке на Дону, городу быть мошно». От себя воевода добавлял: «А как де, государь, в тех местех город будет, и черкасской де ход в мордовские и в черемисские места и татарские перелазы по реке по Дону отымет; и воровства от черкас по реке по Дону не будет. И прежде сево, государь, в тех местех заставные люди для воровских черкас и татар стаивали».[624] Показателен факт: для борьбы с воровскими черкасами предполагалось выстроить крепость. Иными словами, успешный опыт борьбы с крымцами стал использоваться для решения еще одной проблемы российского порубежья.

[622] РИБ.— Т. XXVI.— Стб. 166.
[623] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 163.— Л. 248—249.
[624] РИБ.— Т. XXVI.— Стб. 210—211.

Для обеспечения безопасности торговые караваны с Воронежа на Дон передвигались с воинским сопровождением. В ноябре 1646 г. воронежские торговцы под охраной сотни служилых людей направились на Дон. Как можно судить из донесений воевод, в этот раз встречи с «воровскими» черкасами не произошло.[625] Из других источников известно, что отряд «воровских» черкас численностью около 500 чел. совместно с татарами разбойничал в районе притоков Дона: р. Хопер и Медведицы.[626] Не случайно Трофим Михнев, которому было поручено доставить государеву казну из Воронежа к донским казакам, решил в ноябре 1646 г. не отправляться в путь. Он опасался наступления холодов, в результате которых струги могут быть зажаты льдом, что сделает их легкой добычей «воровских» черкас или татар.[627] Однако нападения на небольшие группы, передвигавшиеся по Полю, продолжались. Так, 30 декабря 1646 г. на трех донских казаков и трех валуйских станичников, возвращавшихся в свой город и ночевавших на р. Глубокой, напало около двух десятков черкас. В результате схватки один донец получил ранение, черкасы отбили шесть коней.[628]

Конфликты происходили не только в Подонье. Непростая ситуация сложилась в районе Чугуева. Об этом свидетельствует отписка П. Щетинина от 1 июля 1640 г., в которой говорилось, что 9 апреля «воровские» черкасы отняли у чугуевских, ехавших в Белгород за хлебом, 16 лошадей. С 14 по 20 апреля разграбили три пасеки, семерых пасечников убили.[629] В октябре 1643 г. «воровские» черкасы вновь появились в окрестностях Чугуева. 15 числа они в трех верстах от города убили и ограбили десятника полковых казаков Ивана Звегинцева. У него не взяли ничего, кроме трех лошадей, т.к. Звегинцев ехал в лес за дровами и другого ценного имущества при себе не имел. А на следующий день был разбит обоз стрельцов, возвращавшихся в Чугуев из Белгорода с купленным хлебом. Нападение произошло примерно в 50 верстах от города. Стрельцов было

[625] РИБ.— Т. XXVI.— Стб. 552.
[626] Царские... № 63.— С. 49.
[627] РИБ.— Т. XXVI.— Стб. 220.
[628] Там же.— Стб. 573—576.
[629] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Поместного стола.— № 121.— Л. 212.

десять человек, «воровских» черкас — в два раза больше. Обоз разграбили, но зерно и телеги нападавшие не тронули. Взяли лошадей, оружие и одежду чугуевцев, жестоко избив последних. Нужно обратить внимание на одно обстоятельство, о котором упоминал чугуевский воевода в своей отписке в Москву. Он указывал, что постоянно направляет служилых людей для поиска «воров». Однако черкасы при встрече с русским отрядом уходят в лес, разделяясь по одному, и поймать их в чаще невозможно.[630] Напрашивается предположение, что это разбойничали бывшие жители Чугуева, хорошо знавшие его окрестности.

Обстановку в окрестностях Белгорода летом 1641 г. характеризует донесение Замятни Леонтьева. Он сообщал о непрерывных черкасских разбоях в Белгородском уезде, по Северскому Донцу и «запольным рекам». Воевода с тревогой докладывал, что черкасы полностью блокировали дорогу в Чугуев.[631] В июле 1641 г. «воровские» черкасы угнали 12 лошадей из села Старикова Корочанского уезда.[632] В сентябре убили и ограбили трех валуйских служилых черкас, после чего отбили шесть лошадей у валуйских «гулящих людей» на р. Айдар[633]

В январе 1642 г. четыре десятка черкас пошли в Шацкий уезд громить мордву.[634] О подобных набегах уже упоминалось. Судя по всему, такие экспедиции «воровские» черкасы совершали постоянно. Отписка Ф. Голенищева, полученная в Разряде 23 февраля 1642 г., свидетельствует о появлении упомянутых «воров» в Алатырском уезде в 1641 г. Тогда они угнали 50 лошадей. Характерно, что польский урядник города Устинова, куда последние пригнали добычу, ничего не предпринял для наказания нарушителей. Руководил этим походом атаман Иван Германок. Он был схвачен российскими властями и повешен в полуверсте от Валуйки, на Донецкой дороге.[635]

[630] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 181.— Л. 365—366.
[631] См.: Там же.— Л. 455—456.
[632] Там же.— № 154.— Л. 41.
[633] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 250—251, 256.
[634] Там же.— Л. 296.
[635] Там же.— Л. 311—313.

В конце сентября 1642 г. черкасы напали на белгородцев, везших хлеб в Чугуев. Двух человек убили, остальные разбежались.[636]

В апреле 1643 г. черкасы вместе с татарами приходили в Козловский уезд. Отряд состоял из 600 татар и 200 черкас. Воевода Иван Ляпунов организовал погоню, стремясь отбить полон. Сражение произошло 1 мая и длилось с полудня до вечера. Решающую роль сыграло огнестрельное оружие черкас. Многие козловцы получили ранения, а 12 было убито из пищалей. Потери не позволили продолжить преследование. Отбили всего двух пленников, 10 лошадей, 10 коров, церковное и другое имущество.[637] Сохранилось ценное наблюдение Осипа Емельянова, попавшего в плен, но сумевшего убежать. По его словам, оторвавшись от погони, черкасы и татары разделили добычу и пошли в разные стороны. Первые получили одежду и лошадей, вторые оставили себе людей.[638]

Корочанский воевода В. Апраксин сообщал 14 октября 1643 г., что «воровскими» черкасами «чинится большая поруха» местным жителям, промышлявшим на реках и в степи. Черкасы приходят в пчельники и в окрестности русских поселений, угоняют стада.[639] В ответ был получен приказ: организовать преследование и поимку преступников, не пересекая при этом границу. Пойманных тщательно допрашивать, выясняя: «...какие они люди и которых литовских городов, и под чьею справою они в литовских городех живут, и собою ли они для воровства в нашу сторону приехали или по чьему веленью, и давно ли они для воровства в нашу сторону приходят...»[640] Полученные данные воевода должен был направить в Посольский приказ, а пленных держать в тюрьме под строгой охраной. Видимо, правительство планировало решать проблему на межгосударственном уровне. На это указывает предписание: выяснить, каких лошадей и имущество, кому из представителей администрации польских городов было отдано.[641] В районе Святых гор в марте 1644 г. переправились через Северский Донец около 200 «воровских» черкас, в

[636] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 446.
[637] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 144.— Л. 272—374. 400—404.
[638] Там же.— Л. 351.
[639] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 170.— Л. 509.
[640] Там же.— Л. 650.
[641] Там же.

то же время еще 50 во главе с атаманом Богуном пошли под российские украинные города.[642] В марте 1645 г. «воровские» черкасы были разбиты в 12 верстах от Чугуева, на р. Мож.[643] В июне 1646 г. черкасы ограбили четырех чугуевцев, ловивших рыбу в 10 верстах от города. Спустя несколько дней черкасы напали на пятерых чугуевских стрельцов, рыбачивших на р. Мож. Четверо попали в руки нападавших, а один смог убежать.[644]

Ольшанские дети боярские и казаки 13 июля 1646 г. разгромили группу «воровских» черкас, двух убили, а одного взяли живым. Пленный оказался жителем Миргорода Афанасием Степановым и дал очень ценные показания. По его словам, 80 черкас, с ведома державца Гульчевского, пошли из Миргорода промышлять над татарами. В степи встретили еще три сотни во главе с атаманом Марком Петрухненком. Объединившись, стали «громить государевых людей» на Дону и на Богучаре, захватили шесть человек. Заставили одного из них быть проводником к Борщеву монастырю. Черкасы переправились через р. Тихую Сосну. При форсировании реки они разломали надолбы, защищавшие брод, но этот поход не увенчался успехом, т.к. отряд заблудился в болотах.[645]

В октябре 1647 г. хотмыжский воевода докладывал: «...в ночи пришли на стан воровские литовские люди, и те, государь, литовские люди казака Артюшку Дучина убили до смерти, а станичника Мартюшку Бордукова, убив, сожгли, а сын боярский Сенька Смольянинов да казак Ромашка Анциферов у тех литовских воровских людей ушли из рук; драгунских и их лошадей и всякую рухлядь поимали те литовские воровские люди».[646] Следует отметить, что благодаря внезапности нападавшие захватили хорошую добычу: помимо личного имущества служилых людей еще и драгунских лошадей. Внезапность также позволила им «уйти в Литву» от посланной из Хотмыжска погони. В том же октябре 1647 г. валуйский воевода Ф. Байков докладывал: «А воровство, государь, от черкас около города безпрестани, по гумнам и по

[642] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 189.— Л. 98—99.
[643] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 162.— Л. 366.
[644] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 211.— Л. 35—36.
[645] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 170.— Л. 262—266.
[646] АЮЗР.— Т. III.— № 127.— С. 123.

слободам крадут лошадей и людей побивают; ходят немалыми людьми, человек по сороку и по пятидесяти и больши».[647]

О масштабах черкасских нападений в 40-е годы XVII в. позволяет судить «Список обидный, которые обиды вчинились в царского величества в порубежных городах его господарства людем з королевского величества стороны от польских и от литовских людей, а сыска и управы в тех, во всех обидных делах, по ся место не вчинено».[648] Сохранилась польская копия, снятая с русского оригинала в 1644 г. Даже даты в указанном документе записаны арабскими цифрами, но счет лет ведется «от сотворения мира», как было принято в России, а не «от Рождества Христова», как в Польше. Список состоит из четырех частей. В первой перечислены конфликты в районе Путивля, которые произошли в 1640—1642 гг. Это многочисленные вторжения «литовских людей» на территории Путивльского уезда. Речь идет о разграблении русских поселений и нападениях на купцов. Во второй части говорится об окрестностях Белгорода (Biel Horod). Здесь упоминается об ограблении станичного вожа Иванова атаманом Ивашкой Богуном из Гадеча в 1637 г., о погроме станичников на Муравском шляхе в 1639 и 1640 гг. (в последнем случае некто Саган с товарищами из Голтвы отбили 17 коней, имущество и оружие станичников). Осенью того же года на Муравской сакме есаул Григорий Коровянский с товарищами из Кодака уничтожили станицу Ивана Яковина. В 1641 г. отмечены не только нападения на станицы, но и ограбление жителей Белгородского уезда. Черкасы захватывали мед и угоняли лошадей. Нападения нередко вели к гибели белгородцев. Кроме того, 30 мая 1641 г. была уничтожена селитренная варница Михаила Лиморова и Семена Родионова, находившаяся на р. Балаклее. На нее напали 50 человек под командованием голтвенского казака Федора Темника. Из числа работников шесть чел. погибли и 15 получили ранения. Надо заметить, что в этот раз «воры» захватили значительную добычу: 12 котлов для варки селитры, 18 пищалей, 18 волов, 40 рабочих лошадей, 18 топоров, 45 пудов свинца, два пуда серы, а также другое имущество и более 150 руб. денег.

[647] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 247.— Л. 522.
[648] См.: Там же.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 597.— Л. 49—52.

В июне — июле 1642 г. под Белгородом разбойничали отряды из Сенчарова и Кобыляка. Последствием стала гибель двух белгородцев и кража 35 лошадей. В 1643 г. у белгородского станичного головы Тита Резедина, возвращавшегося с солью с р. Тор, отбили семь лошадей. На Северском Донце уже упоминавшийся атаман Ивашка Богун ограбил вдового попа Тимофея. Как и ранее, в этом году пострадало несколько станиц, а также за рекой Липовый Донец были ограблены белгородские стрельцы.

За 1644 г. приведен только один случай нападения на территорию Белгородского уезда. Это разграбление одной из деревень отрядом из Миргорода. В 1645 г., судя по «Списку..», действовал отряд из Сенчарова. Была разгромлена станица Семена Чмутова, украдены несколько лошадей, а в Коренском лесу ограблен и сожжен заживо монах-отшельник.

Третья часть документа озаглавлена «Город Чугуев». В ней упоминается о том, что в мае 1641 г. «воры-черкасы» угнали за рубеж 417 лошадей с 75 жеребятами, 350 меринов и коней, 470 коров и 234 овцы. Обращают на себя внимание сведения за 1645 г. В них упоминается об отряде в 500 человек из Миргорода, которым командовал Григорий Торской. После присоединения к Г. Торскому 60 черкас из города Жигмонтова отряд двинулся на Северский Донец, намереваясь перехватить суда, идущие на Дон. В последней части «Списка» перечисляются нападения на купцов в районе Рыльска.

Необходимо подчеркнуть, что в приведенном источнике подданные Речи Посполитой называются по-разному: «польские люди» («polskiie ludi»), «литовские люди» («litowskiie ludi») и «черкасы» («czerkasy»). Однако, исходя из упоминаемых личных имен и населенных пунктов, из которых приходили подданные Польской короны для разбоя, можно предположить, что, преимущественно, речь идет об украинцах.

Для времени между Смоленской войной и восстанием под руководством Б. Хмельницкого характерны не только грабительские набеги украинцев на окраины Российского царства. В источниках зафиксированы случаи проникновения российских подданных на территорию соседнего государства с аналогичной целью. Летом 1636 г. в Белгород поступили жалобы от урядников Полтавы, Лубен и Лютени. В них белгородские «нововыезжие» черкасы обвинялись

в краже лошадей. Воевода А. Тургенев начал расследование. Узнав об этом, двое черкас — Андрей Семенов и Ефрем Яковлев — убежали за рубеж. Остальные преступники — два украинца и два русских жителя Белгорода — сознались в краже. Все они были наказаны и отданы на поруки.[649] Осенью 1638 г. в Путивле по подозрению в ограблении зарубежных пасек были задержаны 12 человек, в том числе трое «нововыезжих» черкас. На допросах они дружно отрицали свою вину. Столичные дьяки указали воеводе Н. Плещееву пытать подозреваемых, чтобы выяснить правду, а в дальнейшем предпринимать все возможные меры для предотвращения подобных походов путивльцев в Речь Посполитую.[650] Тем не менее, судя по «Росписи выезжих черкас..», составленной путивльским воеводой Г. Пушкиным в июне 1639 г., путивльские черкасы продолжали незаконные походы на территорию Речи Посполитой. Десять черкас во главе с Федором Алексеевым напали на зимовье в Прилуцком уезде. Они заперли и сожгли в погребе шесть жителей зимовья, а их имущество, в том числе лошадей и волов, забрали себе. Под пыткой Ф. Алексеев с товарищами во всем сознались и были отданы под охрану приставов. 8 сентября атаман Сергей Сидоров и Иван Водопьян организовали нападение 14 черкас на шестерых купцов из Прилук. Путивльские черкасы признались в этом ограблении и были посажены в тюрьму. Кроме того, четверо путивльских нововыезжих черкас сидели в тюрьме за ограбление прилуцких пасек. Еще десять человек, Григорий Красовский с товарищами, зимой грабили «литовские пасеки». Они разбили пчельники, забрали лошадей, волов и одежду. Черкашенин Семен Каденик с пятью сообщниками также громили зарубежные пасеки. Они признались в убийстве польского подданного и присвоении его имущества.[651]

В 1639 г. Афанасий Тургенев отправил из Белгорода в Оскол (видимо, для дальнейшей пересылки в Москву) десять провинившихся черкас. Последние говорили воеводе, что идут на Поле охотиться, а сами «ходили под черкасские городки» и крали лошадей. Помимо них, двое черкас убежали, узнав, что А. Тургенев начал ро-

[649] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 379—382.
[650] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 135.— Л. 62—68.
[651] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 112.— Л. 456.

зыск по жалобам из Полтавы, Аубен и Любеча. Расследование показало, что вместе с черкасами за рубеж с целью воровства ходили двое русских жителей Белгорода. Из 12 похищенных лошадей воевода нашел семь.[652] В апреле этого года воеводой были задержаны еще двое белгородских черкас — Григорий Шевченков и Филипп Анисимов. На допросе они сознались в краже лошадей на территории Речи Посполитой. Показательно, что до приезда в Белгородский уезд в 1638 г., они жили в районе Сорочина. Туда же они и ходили воровать скот в 1639 г.[653]

Анализ вышеприведенных фактов свидетельствует о том, что ситуация, сложившаяся на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией после Смоленской войны, была сходной с обстановкой 20-х годов XVII в. Задачи сторожевой и станичной службы не изменились, станицы и сторожи также страдали от столкновений с «воровскими» черкасами. Продолжались нападения на посольства и на подданных Российского царства, проживавших на окраине. Учитывая предшествующий опыт, по окончании Смоленской войны 1632—1634 гг. Российское государство развернуло строительство Белгородской черты. Сооружение этой оборонительной линии обусловило окончательное закрепление России в данном регионе и позволило вывести отношения с соседями на новый уровень.

§2. Украинская народная колонизация и политика российских властей

После Смоленской войны активизировалась народная украинская колонизация Поля. Причины данного явления, в первую очередь, следует искать в действиях властей Речи Посполитой. Правительство Владислава IV попыталось сократить численность казачества на своей территории. Количество последних заметно увеличилось во время Смоленской войны, когда варшавский двор использовал их для рейдов на территорию Российского царства. По-

[652] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 332—333.
[653] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 140.

скольку казаки сыграли довольно значительную роль в боевых действиях, они стали претендовать на получение особого сословного статуса. Противная сторона не хотела признавать такое желание законным. После заключения мира с восточным соседом польское правительство, местные власти и шляхта стремились как можно больше украинских казаков превратить в крестьян и мещан — людей, подчиненных либо государству, либо отдельным феодалам. Конфликт между основной массой населения украинских земель Речи Посполитой и государством не исчерпывался только социальным противостоянием. Острое недовольство вызывали попытки силой распространить на православных власть униатской церкви.[654]

Эти два конфликта, социальный и религиозный, спровоцировали не только ряд казацких восстаний в Речи Посполитой, но и стимулировали отток населения за ее пределы. Основная масса украинцев направлялась в южные уезды Российского царства. Часть поселенцев хотела жить на российской территории незаконно, не принимая российского подданства. В царской грамоте, направленной 4 ноября 1643 г. в Корочу, воеводе предлагалось черкас, приходящих в корочанские угодья для хозяйственной деятельности, высылать (в отличие от «воровских», которых ловили).[655] В одновременном указе чугуевскому воеводе Денису Ушакову было предписано строго следить за тем, чтобы зарубежные черкасы не оседали на российской территории и не осваивали угодья в его уезде. Вместе с тем, силу по отношению к ним применять запрещалось. Незаконных мигрантов следовало выдворять исключительно мирными средствами, а также использовать дипломатические меры.[656]

В 1646 г. из Белгорода для осмотра российской приграничной территории был направлен Степан Сухотин. 30 октября он составил «Роспись литовских пасек в Вольновском уезде и под Хотмыжском...». В данном документе перечислено 20 черкасских пасек. В их числе шесть пасек, на которых во время осмотра не было пасечников, но имелись все необходимые для промысла постройки.[657]

[654] Подробнее см.: Флоря Б.Н. Отношения... С. 36—46.
[655] Царские... № 8.— С. 7.
[656] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 181.— Л. 179—181.
[657] Там же.— № 256.— Л. 119—124.

С. Сухотин произвел достаточно масштабное обследование («сыск»). Отчет, составленный им, говорит о наличии на «государевых землях» (между городами Вольным, Хотмыжском, Белгородом и Чугуевым) более чем трехсот черкасских пасек. В этом, итоговом документе Сухотин ведет речь уже о более чем 30 пасеках в Вольновском уезде. Тут же отмечается рост разбоев и убийств на порубежье по вине украинских пасечников.[658] Судя по отписке белгородского воеводы, составленной на основании опроса жителей Вольного, в следующем году положение не изменилось. Число незаконных пасек не сократилось. На каждой пасеке жило по пять-шесть человек. В ответ на отписку воевода получил предписание: бортников изгнать «без бою и без задору».[659] Подобные указания были направлены воеводам других приграничных городов. Например, путивльский воевода в отписке от 28 декабря 1647 г. сообщал о распоряжении, данном им голове Дмитрию Кирееву: «А будет впредь литовские люди впрямь учнут на твоей государевой земле за межою селитца, и он бы оберегал того накрепко, литовским бы людем за межою селитца не давал».[660]

В условиях постоянного перемещения украинского населения по Северской и Польской украйне и продвижения русской колонизации в глубь Поля особую остроту приобретал вопрос установления границ России и Речи Посполитой. Первые сведения о посылке на рубеж межевых судей и о попытке уточнения границ содержатся в Вельском летописце под 1603 г. Попытка оказалась неудачной, т.к. «.. литовские люди, наруша мирное поставленье, рубежей разводить не дали. А положили рубежи мимо договора своим произволом, зашедчи многие места московских городов».[661] В условиях Смутного времени Российское царство не смогло отстоять свои интересы. В дальнейшем положение изменилось. В наиболее заселенных пограничных районах размежевание территории началось после подписания Деулинского перемирия. Так, в 1619—1622 гг. была

[658] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 242.— Л. 69—70.
[659] Миклашевский И.Н. К истории... С. 127.
[660] АЮЗР.— Т. III.— № 105.— С. 103.
[661] ПСРЛ.— Т. XXXIV.— С. 240.

установлена российско-польская граница в Комарицкой волости.[662] Даже после Смоленской войны вытеснить Россию с Поля Речь Посполитая не сумела. Летом 1634 г. было проведено размежевание тех земель между Путивлем, Новгородом-Северским, Трубчевском, Стародубом, Почепом и Черниговом, по государственной принадлежности которых не возникало разногласий. Межевые комиссары решили съехаться к 1 июня следующего года для решения вопроса о спорных территориях.[663] В 1635 г. от литовско-польских послов последовало следующее предложение: «...абы межи великими господарями ссоры вперед не было, того надобе, абы великие господари оба на разграниченье судей межовых, людей богобойных и умных выслали, и абы водлуг договорных посолских записов границы шли по старых рубежах; а то што король его милость пан наш, и Речь Посполитая, за первым подаяньем, в перемирные лета через чотырнадцать годов спокойно держали, абы вжо в жадную вонтпливость привожено не было: бо то до великих трудностей и новых заводов причину и оказию дать бы могло, яко ж уже путимляне хочут собе присваивати не только кгрунты, але и некоторые городы и места, которые завжды до короны Речь Посполитая польская держала...».[664] При размежевании путивльских и новгород-северских земель в этом же году возникли споры по поводу государственной принадлежности 15 городков, 10 острогов, двух «осад», 19 слобод, 32 сел и 21 деревни. Определить границу между Новгород-Северским поветом Речи Посполитой и Рыльским уездом Российского царства смогли только до р. Сейм. Около 420 км границы, пролегавшей южнее, остались недемаркированными, т.к. возникли неразрешимые споры.[665]

Несмотря на вышеизложенное обстоятельство, процесс размежевания вылился в длительный территориальный спор между Россией и Речью Посполитой. Стороны использовали любые средства для достижения выгодных им результатов. В 1637 г. литовско-польские радные паны писали московским посланникам кн. Семену

[662] Godziszewski W. Granica... S. 8—9.
[663] Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка... Ч. III.— С. 70.
[664] АЗР.— Т. V.— № 11.— С.21.
[665] Godziszewski W. Granica... S. 18—20.

Шаховскому и дьяку Нечаеву: «А как мы можем верить вашим старожилам? Мужик то говорит и такой рубеж проводит, как ему велят межовые судьи царского величества. Как же нам верить вашим книгам писцовым, когда вы грамоты старинной и печати государя своего про рубеж Вилежский за свидетельство принять не хотели?»[666] Скорее всего, упреки поляков справедливы. Но ведь и представители Речи Посполитой доказывали, что Чернигов и Путивль были отвоеваны ими у татар, и на этом основании предъявляли на них свои права, а с этим не могла согласиться российская сторона.

В 1638 г., после продолжительных споров, была проведена русско-польская граница между Северскими и Полтавскими землями. По ее линии были установлены межевые знаки: выкопаны разделительные рвы, поставлены кресты, сделаны затеси на деревьях. Иногда на деревьях высекали буквы: «W» (Владислав. — А.П.) — с польской стороны и «ЦМ» (царь Михаил. — А.П.) — с русской.[667] А вот размежевание в районе Новгород-Северский — Чернигов — Черкасы (Речь Посполитая) и Брянск — Путивль (Российское царство) в 1644 г. прекратилось из-за невозможности разрешить земельные споры.[668]

Длительные дискуссии о месте пролегания границы являлись отражением многолетней борьбы двух государств за гегемонию в рассматриваемом регионе. Польский историк В. Годжишевский предположил, что захват Азова донскими казаками, при поддержке запорожцев, сделал реальной возможность ответного удара Турции по России и Речи Посполитой. Данное обстоятельство способствовало сближению двух вышеназванных держав и привело к объединению их усилий на своих южных границах.[669] Однако несмотря на изменение международной обстановки, которое подталкивало Россию и Речь Посполитую к сближению, в течение последующего десятилетия вопрос о границах продолжал оставаться нерешенным. Так, только в 1647 г. была определена граница Путивльского уезда с черниговскими и черкасскими землями, относившимися к Королевству

[666] АЗР.— Т. V.— № 15.— С. 33.
[667] Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины // Русская история в очерках и статьях.— Киев, 1916.— Т. III.— С. 574—575.
[668] См.: Godziszewski W. Granica... S. 40; РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 597.— Л. 14об.—26; Кн. 598.— Л. 223—288.
[669] Godziszewski W. Polska... S. 66.

Польскому.[670] При этом Недрыгайлов был уступлен России, за что И. Вишневецкий получил большую территориальную компенсацию в бассейне р. Хорол. Граница прошла по Ворскле. Во владения Российского царства попали г. Олешня и городище Ахтырка. Южнее граница четко не маркировалась. Она оканчивалась на линии Муравского шляха. Далее простирались степи, на которые предъявляли свои права Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство.[671]

Нетрудно заметить стремление Речи Посполитой сохранить выгодно сложившиеся для нее границы. Однако Россия не отказывалась от претензий на некоторые земли, находившиеся под властью Польского королевства. Выдвижение варшавским двором предложения о размежевании логично связать с началом работ по строительству Белгородской черты. Видимо, польское правительство осознало, что создание Российским царством сети мощных укреплений значительно усилит его позиции в регионе, что может поставить под угрозу территориальные приобретения, произведенные Речью Посполитой в предшествующее время. Надо полагать, необходимость решения вопроса о границе понимали обе стороны, но поступаться своими интересами для урегулирования проблемы никто не хотел. То, что часть пограничных земель являлась предметом спора между двумя государствами, сказывалось на положении жителей этих территорий. Обе стороны были заинтересованы в заселении их своими подданными, чтобы обеспечить свой суверенитет над окраинными землями.

Однако достижение договоренности по поводу спорных территорий не исчерпывало весь комплекс противоречий, осложнявших отношения между двумя странами. Так, 2 декабря 1647 г. князь Иеремия Вишневецкий направил письма к чугуевскому и белгородскому воеводам. В них он жаловался на поведение чугуевского воеводы Дениса Степановича Ушакова, приказавшего ратных людей Вишневецкого, пришедших на российскую территорию за кречетами, как «...воров-разбойников порезать и поколоть». Князь сообщал, что русские люди, виновные в нападении, живут в Чугуеве. От

[670] Акты, относящиеся к Малороссии. Из документов Московского архива министерства юстиции.— Без тит. л.— № 1.— С. 1; РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 650.— Л. 2—14.
[671] Godziszewski W. Granica... S. 41—79.

белгородского воеводы польский магнат требовал: «...тех непотребных людей сыскать и моему Федору Чигирину и Петру Петровичу, который изранен ушел, нападавших на них выдать, а если не выдавать, то все убытки: 12 рублей платья и уголовщину вели за убытки заплатить».[672]

По жалобе было проведено расследование. В январе 1648 г. новый чугуевский воевода Яков Волконский сообщал о том, что, по государеву указу, стрельцы, дравшиеся со слугами Вишневецкого, найдены и допрошены. Они показали: Д. Ушаковым было послано 30 стрельцов для изгнания «литовских людей» с российской территории без использования силы, а если они окажут сопротивление, то «с боем». По словам русских служилых людей, черкасы первыми открыли огонь, ранили одного стрельца, и поэтому против них было применено оружие. По утверждению допрошенных, имущество черкас не расхищалось.[673] Видимо, русское правительство посчитало действия воеводы и стрельцов правомерными, и на этом дело было завершено.

Другой пример: путивльский воевода 20 декабря 1647 г. информировал царя о действиях польского урядника Станислава Гульчевского, отнявшего товары на сумму 380 руб. у находившихся в Миргороде четырех путивльских купцов. Самих купцов урядник отпустил, передав с ними письмо.[674] В письме говорилось, что товары конфискованы для компенсации потерь от разбоев черкас, находящихся на русской службе. Видимо, несмотря на ущерб, нанесенный русским купцам, из Путивля ответа не последовало. Поэтому в январе 1648 г. письмо с жалобами было послано белгородскому воеводе. Гульчевский обвинял ольшанского воеводу в том, что «...он, князь Юрья Никитич Борятинский, на прямую мою пасеку за рубеж воров наслал и с моего погреба шесть сот пчелы выбили; и я к нему писал, что пчелы с погреба выбиты, и пасечник зарезан, и мед к нему в Олешню привезен; и тех воров он с Олешни повыпускал прочь, а мед затаил, и управы нет; а у меня ныне есть мужик, который в то время с теми ворами был и пчелы мои бил, а мед воевода

[672] АЮЗР.— Т. III.— № 96.— С. 91.
[673] Там же.— № 110.— С. 108.
[674] ВУСР.— Т. I.— № 282.— С. 481.

ольшанский отобрал».[675] Обвинения серьезные и вряд ли безосновательные, поскольку урядник ссылается на имеющегося свидетеля. Впрочем, есть небольшая вероятность, что свидетель подставной. Об этих жалобах Долгорукий отписал в Москву. Правительство смогло договориться с польскими властями, и имущество купцов было полностью возвращено.

В уже упоминавшемся письме к белгородскому воеводе С. Гульчевский также обвинял в «воровстве» белгородцев «Орешенко с товарищами», которые: «...в пасеках одних пчел как на точках, тако ж и с погребов, на пять тысяч ваши воры выбили, пасечников и иных людей, которые на честную добычю на зверя ходили<...> позарезали и побили 12 человек<...> позарезали и замучили и все лошади и добычю побрали разбойническим явным воровством...».[676] Опять-таки, обвинения серьезные, материальный ущерб значительный. Русская администрация не могла не отреагировать на такое заявление. Был задержан и допрошен один из обвинявшихся в разбое — Иван Путятин, по прозвищу Орешонок. Как явствует из его распросных речей, приложенных к отписке белгородского воеводы Т. Бутурлина, Иван все отрицал и обвинения объяснял так: «...Станислав Кгульчевский писал на ево, на Ивана, за то, что де он в государева пожалования в свою вотчину литовских людей из-за рубежа для звериных добыч и для всякого промысла гулять не пускает; что де те литовские люди приходят из-за рубежа и ево вотчину пустошат, и зверь бьют, и рыбу ловлют, и пчелу дерут, и государевых людей побивают до смерти и граблют».[677]

На основании имеющихся данных сказать точно, насколько правдивы заявления сторон, не представляется возможным. Вполне вероятен такой вариант: случаи разбоя имели место по отношению к обеим сторонам, а в споре заинтересованные лица приводили только факты, выгодные им.

Таким образом, установлению границ и нормализации жизни порубежья мешало не только заселение польскими подданными окраин России (совершенно незаконное с точки зрения московского правительства, власти Российского царства мирились с присутствием переселенцев лишь в том случае, если последние принимали российское подданство), но также и вымогательство и разбои россиян на территории соседнего государства.

Конфликты и проблемы, порожденные соприкосновением населения двух государств в условиях порубежья, отражались в деятельности дипломатов России и Речи Посполитой. В рассматриваемое время дипломатический обмен был весьма активным. Московское правительство посылало посольства с требованием унять черкасские разбои, прекратить нарушения границы и не допускать искажения царского титула в переписке.[678] Можно обратить внимание на один показательный эпизод из истории дипломатических взаимоотношений Российского царства и Речи Посполитой. В 1638 г. в Москву поступили сведения о подготовке очередного крымского вторжения. На этот раз в набеге предполагалось участие запорожцев, которые якобы получили соответствующую санкцию от короля. Этот вопрос был поднят русским посольством в Варшаве весной 1638 г. В ответ правительство Речи Посполитой заявило, что подобных разрешений никогда не давало. В том случае, если запорожские казаки самовольно примут участие в походе крымского хана в Россию, то они будут наказаны.[679]

Переселение украинцев вызывало недовольство варшавского двора. Начиная с Деулинского перемирия 1634 г. Речь Посполитая постоянно требовала выдачи перебежчиков. Были случаи, когда в России очень неласково принимали польские посольства. Так, в начале 1637 г. королевские посланники, требовавшие усмирения пограничных разбоев и выдачи черкас, переселившихся в Россию, жаловались на жестокое обращение с ними.[680] Польские дипломаты приводили различные аргументы в пользу возврата подданных, переходивших через границу, но всегда получали решительный отказ.[681] Московские бояре и воеводы приграничных городов мотивировали свое решение так: «А в посольском договоре и в господарском вечном докончаньи о перебещиках, что их назад отдавать, и о

[675] АЮЗР.— Т. III.— № 112.— С. 110.
[676] Там же.
[677] Там же.— № 126.— С. 121.

[678] См. например: РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 598.— Л. 40—40об.
[679] Там же.— Л. 81.
[680] См.: АЗР.— Т. V.— № 13.— С. 23.
[681] См.: РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 597.— Л. 10об.—11.

сносных животах ничего не написано. А чего в посольском договоре и в вечном докончаньи не написано, о том и вспоминать не пригоже».[682] Показательна трактовка поляками вопроса о переселенцах: «В прошлое время многие войны, разоренья, несходства к доброму делу и ссоры бывали, и в ту пору было пленников много с обоих сторон; и которые достались на московскую сторону, тех губили, а иных в неволе тяжкой, в голоде и нужде держа, приневоливали крест целовать».[683] Послы ничего не говорят о добровольном переселении. С их точки зрения, все черкасы, живущие в России, попали туда либо по подговору русских людей, либо были насильно оставлены после плена. Такая трактовка и без того сложной проблемы способствовала лишь нарастанию напряженности, а не решению спорных вопросов. Тем не менее, можно отметить и сближение позиций российской и польской дипломатии по отношению к черкасским разбоям. В 1644 г. московский двор обвинил власти Речи Посполитой в бездействии по отношению к черкасам, которые вторгаются на российскую территорию. Возмущение царского правительства вызвал масштаб пограничных вторжений. По словам русских дипломатов, черкасы приходили большими отрядами, со знаменами, убивали и грабили российских подданных, угоняли скот, а также нападали на посольства. В ответ паны-рады Речи Посполитой заверили, что часть виновников уже наказана и приграничным властям велено найти и покарать остальных.[684]

Еще один аспект деятельности российской дипломатии, связанный с порубежьем, раскрывает царская грамота корочанскому воеводе Никифору Прокофьевичу Воейкову от 9 августа 1646 г.[685] Документ содержит инструкции, которым необходимо следовать при сношениях с польской администрацией. В случае получения в Короче грамот из «литовских порубежных городов» с требованием вернуть переселенцев, на них следовало отвечать отказом, т.к. в договоре с Речью Посполитой нет условия о взаимной выдаче перебежчиков. Если «литовские державцы» станут присылать к воеводе

[682] ВУСР.— Т. I.— № 147.— С. 254.
[683] АЗР.— Т. V.— № 13.— С. 27.
[684] РГАДА.— Ф. 389.— Оп. 1.— Кн. 597.— Л. 7об.—8; Л. 32.
[685] Царские... № 49.— С. 34—35.

русских людей, которые, перебежав, живут в Польском королевстве, «...а своих начнут просить к мужам жон, а к женам мужей, или к отцам и к матерям детей, и ты [б] их в нашу сторону не принимал, а говорил, как они, забыв Бога, и православную христианскую веру, и наше государское крестное целованье, нам, великому государю, изменили, перебежали в литовскую сторону, и они б держали их у себя, где хотят, а в нашу сторону они не надобны». Можно предположить, что российской дипломатией был выбран наиболее верный курс. Поток украинских переселенцев в Россию был гораздо более мощным, чем обратное движение за рубеж русских изменников. В этих условиях можно было поступиться возможностью наказания собственных перебежчиков.

Необычное событие в истории российско-украинских порубежных отношений произошло в августе 1634 г. Полтавский полковник Матьяш Царенок направил два «листа» в Белгород. В одном из них написано: «Слышачи то, что там в Севере вашей наши воруют [о]коло бортей, сами таких сыскать не можем, и вы б, хотя одного вора такова изымав, пришлете к нам своими послами, и, выспрошав, пошлете имянно всех, на ково вам жалоба и на ково скажут, таковех мы перед вашими послами изымав казним или вам выдадим...».[686] Однако воеводы не могли вести переговоров непосредственно с черкасами, т.к. это нарушало суверенитет Речи Посполитой. Письмо от них еще можно было принять, но предъявлять претензии надлежало только представителям официальных польских властей. К примеру, осенью 1641 г. белгородский голова Иван Рыжков и голова разгромленной черкасами станицы Амбросим Русаков ездили к гетману Потоцкому с просьбой от имени воеводы вернуть имущество русских станичников. Гетман дал соответствующую грамоту к подстаросте города Черкасы пану Синявскому. Таким образом, удалось отыскать шесть из 16 угнанных черкасами лошадей.[687] Кроме того, удалось установить виновных в разгроме селитренной варницы в Белгородском уезде летом 1641 г. Это были 50 черкас из разных польских городов. Командовали ими атаман Федор Темник (казак из Голтвы), сын беглого чугуевского

[686] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 54.— Л. 115.
[687] Там же.— № 127.— Л. 448.

сотника Розсохи и поляк Крачевский. Была обнаружена часть имущества, похищенного с варницы: 24 вола, 40 пищалей и котлы для варки селитры. Все добро находилось у того же арендатора «Яцко-жида», у которого были и возвращенные станичные лошади. Остальным имуществом и лошадьми владели голтовские казаки.[688] Белгородский воевода Федор Хилков направил стрелецкого сотника Петра Прохорова в Лохвицу к Иеремии Вишневецкому. Прохоров должен был отыскать имущество, захваченное черкасами у стрельцов, ехавших 12 октября 1645 г. из Белгорода в Карпов.[689] Из челобитной Прохорова и ответного писма Вишневецкого следует, что князь распорядился соответствующим образом. В результате сотник привел с собою шесть лошадей, обнаруженных им в Миргороде и Голтве.[690]

Как уже говорилось, отношения с Речью Посполитой начинают нормализовываться с воцарением Алексея Михайловича. В 1647 г. Владислав IV направил пограничным урядникам грамоту, в которой писал: «По сем жестоко наказываем, чтобы рубежей меж государствы нашими и Московскими, через межевых судей вопчих учиненных, нихто б не дерзался и не смел нарушать и портить; а на останок, чтобы станицы казаки, в поле ходячие, от разбивания сторожи московской усмирены были, а которые в таком разбое и грабеже и устройстве виноваты находилися, чтоб сужены без поноровки, против уложения права нашего на разбойним описанного, однолично караны были..».[691] 4 августа 1647 г. в Москву прибыли польские послы киевский каштелян Адам Кисель и писарь Пац. Кисель показал себя искусным дипломатом. В своей речи он разбил историю славян на три эры: первая — счастливая эпоха, когда славяне жили вместе (до разделения Рима и Константинополя); вторая — существование славян на отдельных территориях, эра самостоятельных славянских государств и третья — настоящее время, которое характеризуется установлением мира между Российским царством и Речью Посполитой. Тем не менее, когда переговоры коснулись вопроса о границе

[688] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 229—230.
[689] Там же.— № 184.— Л. 196.
[690] Там же.— Л. 198, 203.
[691] АЮЗР.— Т. III.— № 95.— С. 90.

между Россией и украинскими землями Речи Посполитой, диалог стал очень напряженным. Польскому послу не удалось добиться от московского двора решения о выдаче украинских переселенцев назад. Напротив, ему пришлось использовать все свое дипломатическое искусство для нейтрализации претензий, которые высказали бояре по отношению к князю Вишневецкому, развернувшему освоение бассейна рек Сула и Уды.[692] Как уже говорилось, активизация колонизационного процесса приводила к увеличению числа конфликтов на порубежье и обостряла территориальный вопрос. Вместе с тем, миссия Адама Киселя увенчалась определенным успехом. Можно даже говорить о начале принципиально нового этапа во взаимоотношениях двух государств. В результате переговоров, длившихся более месяца, были достигнуты соглашения о совместной борьбе с Крымом, об исследовании взаимных обид и «о наказании черкас».[693]

Таким образом, польским правительством были сделаны реальные шаги для улучшения отношений с Российским царством. Предпосылкой сближения стала необходимость совместной борьбы с крымскими татарами. Первые шаги сделала польская сторона. Так, еще 28 октября 1646 г. в Вольном было получено послание подстаросты г. Олешни Войцеха Сиблиевского, содержащее предупреждение о подготовке татарами похода на Русь.[694] В 1648 г. А. Кисель подписал с боярами договор, согласно которому: «...ежели Крымская Орда не усмирится, великие государи наши, будучи себе братья, заодно стоять будут<...>, и ясновельможные паны, гетманы Коруны польской и великого князя Литовского с воеводами его царского величества, а воеводы с панами гетманами всегда ссылку чинить будут, и, как в вечном докончаньи сказано и крестным целованьем закреплено, один другого оберегать будут, через земли свои не пропускать будут и заодно против общих врагов стоять».[695]

Договор стал воплощаться в жизнь. А. Кисель и польские урядники информировали российскую сторону о действиях и предпола-

[692] Sysyn F.E. Between... P. 133—137.
[693] Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор... Ч. III.— С. 126; Godziszewski W. Polska... S. 69.
[694] Царские... № 55.— С. 40—41.
[695] АЮЗР.— Т. III.— № 134.— С. 128—129.

гаемых планах татар.[696] В свою очередь, российские воеводы посылали аналогичные сообщения и заявляли о готовности к совместным операциям против Крыма.[697] Но старые противоречия остались, тот же Кисель продолжал требовать у царского правительства возвращения 20 тыс. украинцев, переселившихся в Россию после подавления антипольского восстания 1637—1638 гг.[698] Вместе с тем, можно привести примеры успешного решения порубежных проблем властями России и Польши. В январе 1648 г. в Ахтырском уезде была обнаружена незаконная черкасская пасека и «буда» для получения золы, используемой для изготовления пороха. Соответствующие претензии были направлены Станиславу Броневскому, державцу соседнего г. Гадеча. Державец сообщил, что весной нелегальные поселенцы будут немедленно вывезены, т.к. зимой перемещение пасеки и «будьі» повлечет большие убытки.[699] Однако, судя по разрядным документам, такое положение не устраивало московский двор. Путивльскому воеводе в начале 1648 г. было велено обратиться к И. Вишневецкому с просьбой о вывозе своих крестьян с российской территории по зимнему пути. Пасечников же, которые останутся после установленного срока, полагалось выслать силами путивльского гарнизона. Украинцев, перешедших «на государево имя», было велено назад не отдавать. Их следовало приписать в город или уезд, никуда при этом не отпуская.[700]

После окончания Смоленской войны вновь активизировалась народная украинская колонизация Поля. Массовое движение черкас на российские земли вынуждало правительства Михаила Федоровича и Алексея Михайловича искать адекватные меры. На этом фоне во второй половине 40-х годов XVII в. заметно оживление дипломатических отношений и сближение Российского царства с Речью Посполитой. Активизировался процесс размежевания земель и

[696] См. примеры подобной переписки: АЮЗР.— Т. III.— № 107.— С. 106; № 124.— С. 120; № 133.— С. 128; № 164, 166.— С. 167—170; № 182.— С. 189—190; АМГ.— Т. II.— № 288.— С. 179—180; РИБ.— Т. XXVI.— Стб. 109—112; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 184.— Л. 196—197.
[697] См.: АЮЗР.— Т. III.— № 128.— С. 123—124; № 149.— С. 146—147; № 194.— С. 204.
[698] Слюсарский А.Г. Ук. соч.—— С. 41.
[699] АЮЗР.— Т. III.— № 116.— С. 114.
[700] Там же.— № 148.— С. 145—146.

разрешения споров по поводу территорий, располагавшихся на границе двух государств.

В целом, можно констатировать: в рассматриваемое время для российско-украинского порубежья характерны вооруженные столкновения и военные конфликты, порожденные пересечением российского и украинского потоков колонизации Поля. По окончании Смоленской войны 1632—1634 гг. Российское государство развернуло строительство Белгородской черты, что обусловило окончательное закрепление его в данном регионе, позволило не только эффективно бороться с вторжениями татар, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией. В этот же период произошло сближение между Россией и Речью Посполитой, в основу которого лег договор о совместной борьбе с татарами и другими общими врагами. Стабилизации взаимоотношений двух держав способствовал процесс демаркации границ, протекавший медленно, но, тем не менее, приносивший определенные результаты.

ГЛАВА 5.
УПОРЯДОЧЕНИЕ СЛУЖБЫ ЧЕРКАС ПОСЛЕ СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

§1. Активизация перехода черкас на службу в Россию

Как говорилось в предшествующей главе, в период между Смоленской войной и восстанием Б. Хмельницкого продолжалось расселение черкас на Польской и Северской украйнах России. Переселенческое движение в это время значительно расширилось. Активизация миграции украинцев в южные уезды России в конце 30-х годов XVII в. объясняется не только внутриполитической обстановкой в Речи Посполитой, но и началом возведения Белгородской черты, потребовавшим увеличения численности военно-служилого сословия на границе России. Боевые действия на территории южных уездов страны, как указывалось ранее, в определенной степени повлияли на неудачный для Российского царства исход войны 1632—1634 гг. Старая система защиты государства с юга, которая состояла из сочетания укрепленных городов, сторожевой службы и ежегодного расположения войск на берегу Оки, не оправдала себя. Следствием стало развернувшееся с 1635 г. строительство Белгородской черты.[701]

[701] Подробнее см.: Загоровский В.П. Белгородская... С. 70—159.

Результаты увеличения числа переселенцев отражены в царской грамоте, направленной в Путивль, Брянск, Севск, Рыльск, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Курск, Белгород, Валуйку, Оскол и Усерд. В ней было велено отказывать перебежчикам из Речи Посполитой (особенно не имеющим имущества и семей), заявляя, что «...без службы их в Московское государство принимать не для чего».[702] Более того, в 1636 г. воеводы российских приграничных крепостей получили указание не принимать на службу большие группы переселенцев из Речи Посполитой. Такое решение было вызвано необходимостью сохранения мирных отношений с Польшей, обострять которые, после проигранной Смоленской войны, было для Российского царства опасно. Воеводы могли разрешать селиться на подведомственной им территории только небольшим группам черкас с имуществом и семьями. Строжайше запрещалось предпринимать какие-либо меры для переманивания украинцев из-за рубежа.[703] Поводом для рассылки упомянутого указа послужила измена белгородских «нововыезжих» черкас.[704] Из Белгорода 25 июля 1636 г. побежали четверо черкас с семьями. Преследовали их черкасы Якова Гаврилова. Двое беглецов ушли, один погиб, остальных привели в Белгород. Изменника Юрия Змиюсского черкасы не отдали воеводе, а вывели на «старое городище» и хотели расстрелять. Посланный к ним подьячий Потап Степанов уговорил черкас не вершить самосуд и забрал пленных для допроса.[705] Показательно, что Я. Гаврилов с шестью товарищами бросился в погоню за изменниками самостоятельно, узнав о побеге от купцов, которые встретили Павла Писаренко и Юрия Змиюсского по дороге из Белгорода. Следует заметить, что черкасы забрали себе имущество изменников (два коня, пищаль, зипун и сукно) и не соглашались отдать его воеводе.[706]

Часто, перед тем как перейти на службу к российскому государю, украинцы стремились завязать переговоры с воеводами пограничных городов. Так, в марте 1639 г. путивльский воевода С. Волын-

[702] АМГ.— Т. II.— № 171.— С. 110—111.
[703] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 31; 465—467.
[704] См.: Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 82.— Л. 2—6.
[705] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 395—397.
[706] Там же.— Л. 415.

ский докладывал о приехавшем черкашенине: «И в распросе, государь, запорожский казак Михайло сказал: послали де, его нарочито запорожские казаки, сотники Иван Иржищевский да Иван же Иржищевский Ворыпас со своими сотнями запорожских казаков с тайным словом, что их, запорожских казаков, в городе Черкасах в заговоре с 300 человек, хотят переезжать на твое государево имя с женами и с детьми. И чтобы ему, Михаилу, доведаться у меня, холопа твоего, в Путивле тайно, как они, запорожские казаки, приедут в Путивль с женами и с детьми, и ты, государь, их пожалуешь, велишь ли принять в Путивле на свое государево имя, и повелишь ли им на твоей государевой земле поселиться особно своею слободою на татарском шляху, с которой стороны ждут на твои, государь, украинные городы татарский приход, и не выдашь ли ты, государь, их, казаков, с своей, государь, земли польскому королю».[707]

В условиях настойчивых требований Речи Посполитой вернуть назад своих подданных, вполне естественно желание черкас предварительно выяснить, примут ли их на службу и не выдадут ли обратно. Одновременно посланный черкашенин оговаривал главное условие перехода, а именно — отдельное компактное проживание в Путивльском уезде. Забегая вперед, можно отметить, что компактное поселение украинцев в России стало традиционным. К примеру, черкас, переведенных в 1647 г. из Курска в новый город Белгородской черты — Царев-Алексеев, было велено поселить особой слободой.[708] Впрочем, отдельной слободой обычно селились и русские «сведенцы» из одного города. Первоначально все просьбы черкас были удовлетворены. Прием такого значительного числа переселенцев в Путивль объясняется тем, что они переехали, спасаясь от репрессий поляков за участие в восстании 1637—1638 гг.

Однако на новом месте, как свидетельствуют выявленные документы, переселенцы вели себя вызывающе, конфликтовали с местными жителями, «бегали за рубеж». Это привело к тому, что 10 мая 1639 г. русское население Путивля подало коллективную челобитную, в которой горожане просили избавить их от соседства с черкасами.[709] В дальнейшем, 18 июля 1639 г., в Путивль воеводе Г. Пушкину была послана грамота, в которой говорилось: «А велено выходцам-черкасам, которые ныне в Путивле, сказать, что по нашему указу велено их на вечное житье устроить на Орле да в Новосили, а в Путивле им для ссоры с порубежными людьми жить не пригоже».[710] Путивльских черкас не переселили сразу в другие города. Задержку воевода объяснял тем, что еще не завершено расследование их разбоев за рубежом, куда они ходили, уже став российскими подданными. Совершивших наиболее тяжкие преступления казнили, остальных пытали и наказывали батогами и кнутом. В результате розыска более 50 черкас признались в убийствах, совершенных на территории Речи Посполитой уже после их переезда в Путивль. За это время от их рук погибло в общей сложности 24 человека.[711]

Ссоры с «порубежными людьми» — только одна из причин. Помимо нее переселение черкас подальше от границы устраняло возможность их возвращения в Речь Посполитую. Особенно ненадежны были холостяки и переселенцы, приходившие без семей. Такие выходцы, приехавшие в Путивль весной 1638 г., пожив немного, покинули город.[712] В результате, всех «нововыезжих» черкас переселили из Путивля, в том числе и тех, кто находился в тюрьме за «воровство, измену и задоры». После наказания они полностью восстанавливали свой статус российского служилого человека. В Новосили и Орле их устраивали на службу и жительство точно так же, как и других непровинившихся черкас.[713] В то же время царское правительство предписывало своим воеводам ограничить прием украинцев, отдавая предпочтение семейным, стараясь тем самым не только принимать лишь наиболее надежных переселенцев, но и не нагнетать напряженность в отношениях с Польшей.[714] Аналогичным образом были переселены нововыезжие черкасы из Хотмыжска.[715]

---

[707] ВУСР.— Т. I.— № 98.— С. 166.
[708] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 231.— Л. 245—264.

[709] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 112.— Л. 186—190.
[710] ВУСР.— Т. I.— № 166.— С. 278.
[711] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 129.— Л. 10—11.
[712] См.: ВУСР.— Т. I.— № 114.— С. 189.
[713] Там же.— № 166.— С. 277.
[714] См. например: Там же.— № 135.— С. 224.
[715] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 139.— Л. 191.

Те черкасы, которые были поселены на Поле, получали землю и наравне с русскими людьми начинали нести службу. Привыкшим к вольной жизни черкасам было трудно безоговорочно подчиняться требованиям русских властей. Однако этим проблемы переселенцев не исчерпывались. Имели место случаи покушений российских должностных лиц на имущество украинцев. В начале 1636 г. белгородский «нововыезжий» черкашенин Григорий Шахворостов, будучи в Москве, жаловался на воеводу Афанасия Тургенева. По его словам, последний не только завладел всем имуществом Шахворостова, но и, узнав о его намерении бить челом государю, посадил переселенца в тюрьму. Чтобы показать законность своих действий, воевода обвинил Г. Шахворостова в воровстве, пьянстве и игре в кости. Из тюрьмы Григория выпустили на поруки. Он, нарушив поручную запись, самовольно поехал в столицу искать справедливости. Челобитчик просил провести расследование злоупотреблений воеводы и вернуть свое имущество.[716] Дознание длилось несколько лет. Дьячья запись 1639 г. раскрывает начальный момент рассматриваемого дела. В 1636 г. в Белгород приехал отец челобитчика Федор Шахворостов. Он привел с собой две лошади, девять волов, 50 овец, было у него и другое имущество. Свое достояние Ф. Шахворостов оставил на хранении в Белгородском уезде у помещика Ивана Путятина и сына боярского Никиты Филатова, а сам вернулся в «Литовскую сторону». Роспись имущества переселенец передал белгородскому воеводе. Вероятно, в Польше у него оставались еще пожитки, которые он планировал забрать с собой. Однако Федору Шахворостову не повезло. На польской территории его поймали и казнили. Что было причиной — переезд в Россию или нечто другое — неизвестно. После этого воевода забрал имущество по росписи в казну.[717] Разбирательство для Григория Шахворостова завершилось благоприятно. 9 августа 1639 г. белгородский воевода Петр Пожарский получил грамоту с распоряжением отдать добро Ф. Шахворостова его сыну. Вся собственность, полагавшаяся Г. Шахворостову по росписи, была ему немедленно выдана.[718]

[716] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 519—519об., 545—545об.
[717] Там же.— № 124.— Л. 183—184.
[718] Там же.— Л. 304—305.

В 1639 г. черкашенин Андрей Федоров бил челом на путивльского воеводу Г. Пушкина, обвиняя его в присвоении своего имущества и «животов» своих товарищей. Если судить по челобитной, то у выходцев из-за рубежа было отобрано: 880 овец, 12 лошадей, 13 волов, семь коров и другого имущества на общую сумму 970 руб.[719] По утверждению Гаврилы Северинова, переехавшего из Польши в Чугуев 15 августа 1645 г., его ограбил воевода Денис Ушаков. Последний забрал у черкашенина трех лошадей, сбрую и одежду, а самого Гаврилу посадил в тюрьму, лишив пищи и воды.[720] В то же время российская администрация стремилась по мере возможности учитывать особенности переселенцев. Например, в апреле 1636 г. белгородские черкасы (51 человек) обратились в Разрядный приказ с челобитной. В ней они просили позволить им «служить государеву службу» по татарским шляхам, устраивая засады на крымцев, что было им привычно. Разрешение было получено, и Разрядный приказ направил в Белгород соответствующую грамоту.[721] В июле 1639 г. подобным образом удовлетворили просьбу атамана Я. Иваницкого, бившего челом государю, прося не вызывать черкас к Туле, а оставить их на украйне, поскольку: «...нам, холопем твоим, твоя государева береговая служба не за обычай».[722]

Тем не менее, достаточно серьезные конфликты между украинскими переселенцами и представителями российской администрации продолжали возникать. В качестве примера можно привести запутанный эпизод из взаимоотношений валуйских черкас и местного воеводы. Он достаточно подробно освещен в отписках валуйского воеводы М. Квашнина и разрядной документации, возникшей по этому поводу.[723] 7 апреля 1640 г. черкасы под предводительством Лавренко Борзяка (Лавр Петрович Борзяк) собрались «в круг» возле съезжей избы. О сборе они не предупредили воеводу Мелентия Квашнина и не подали необходимую в таком случае челобитную на государево имя. По словам воеводы, Борзяк был пьян. Квашнин по-

[719] ВУСР.— Т. I.— № 166.— С. 278.
[720] Царские... № 13.— С. 196.
[721] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 64.— Л. 43—45.
[722] ВУСР.— Т. I.— № 169.— С. 281.
[723] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 77.— Л. 358—307об.

слал к нему стрельца Покида Колоскова с распоряжением узнать, в чем дело. Черкасский атаман заявил стрельцу: «...воеводы де мы не слушаем, хто у нас виноват, тово мы караем». Затем Л. Борзяк пришел на двор к воеводе. М. Квашнин стал упрекать атамана за несанкционированный сбор черкас, пьянство и рукоприкладство по отношению к подчиненным. В ответ Борзяк заметил, что в указаниях он не нуждается, как хочет, так и делает. После этих слов воевода велел последнего посадить в съезжую избу до того времени, пока тот протрезвеет. Запертый Лавренко долго кричал и нецензурно бранил воеводу, за что на следующий день был отправлен в тюрьму. После этого к воеводе прибыла делегация черкас во главе с Яковом Иваницким. Они просили отпустить Л. Борзяка на поруки, заявляя, что больше он не будет совершать подобных проступков. Воевода сделал провинившемуся внушение и выпустил его на свободу.

19 апреля 1640 г. трое черкас: Л. Борзяк, Андрей Молчанков и Сава Савинский уехали из Валуйки в неизвестном направлении. Перед этим, по утверждению воеводы, Л.П. Борзяк провоцировал переселенцев из Украины, мешая им обзаводиться хозяйством. Тем из них, кто начал строить жилье и пахать пашню, он говорил: «...станем хлеб есть готовой и во дворех жить в готовых». Сразу после этого воевода собрал черкас. Он велел им начинать обрабатывать пашню и выдал зерно для проведения весеннего сева. Но черкасы заявили ему, что пашню пахать «не смеют», да и лошадей у них для этого нет. В заключение своей отписки, полученной в Москве 3 мая, воевода добавлял, что черкасы так и не принялись пахать, а только пьют беспрерывно в кабаке. По словам воеводы, он распорядился выгонять их оттуда силой, но переселенцы нашли выход из этой ситуации. Они стали покупать водку тайком от воеводы и устраивать попойки по ночам.

Свет на дальнейшие события проливает грамота из Разрядного приказа в Вязьму. В ней сообщается о побеге 26 мая 1640 г. из Москвы черкасского атамана Лавренка, Петрова сына, по прозвищу Борзяк. В грамоте перечисляются приметы беглеца (среднего роста, волосы русые, лоб с залысинами, борода стриженая, лицо полное, глаза карие, нос прямой) и предписывается его задержать, т.к., вероятно, он направился в Речь Посполитую. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что валуйский атаман ездил в столицу жаловаться на воеводу, но в своих стараниях не преуспел и решил бежать. Запутывают это дело показания стрельца П. Колоскова. Во время проведения расследования он утверждал, что М. Квашнин его не посылал в казачий круг и возмутительных речей Л. Борзяк ему не говорил.

Один из городов Белгородской черты, а именно Короча, благодаря ряду обстоятельств был заселен преимущественно украинцами. Дело в том, что начало строительства укреплений Белгородской черты на Изюмской сакме (Короченский и Яблоновский участки) весной 1637 г. совпало с занятием Азова донскими казаками. Кроме того, властями учитывался опыт заселения Козлова в 1635 г. Тогда много зависимых крестьян сумело записаться в казаки и стрельцы, что вызвало резкое недовольство помещиков. Теперь правительство требовало верстать в службу только лично свободных людей.

Строительными работами на Изюмской сакме летом 1637 г. руководил стольник А.В. Бутурлин. По его предложению, утвержденному Разрядом, 9 июня 1637 г. силами московских стрельцов было начато возведение новой крепости на Красной горе, на правом берегу р. Корочи. Считалось, что из-за отсутствия воды на меловой горе место для города было признано неудачным, и поэтому в начале июля А.В. Бутурлин, не завершив работы, перевел стрельцов на строительство земляного вала.[724] Это вызывает определенные сомнения, поскольку перед началом строительных работ обычно проводилась разведка местности, и воевода не мог начать закладку города на заведомо непригодном месте. А.В. Бутурлин 10 мая 1637 г. прислал в Разряд отписку с сообщением о проведении осмотра. В этом документе содержалось предложение о сооружении жилого острога у р. Корочи, поскольку в этом месте, по мнению А.В. Бутурлина, имелись естественные укрепления, была хорошая вода, много земли под пашню и сенокосы. Отсюда неплохо просматривалась степь. По замыслу воеводы, крепость на Короче должна была замкнуть линию укреплений на этом участке.[725] 21 октября 1640 г. валуйскому воеводе С.В. Прозоровскому и дьяку К. Акинфиеву было поручено осмотреть состояние укреплений Короченского участка

[724] Загоровский В.П. Белгородская... С. 96.
[725] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 78.— Л. 665—670.

Белгородской черты. В наказе излагалось содержание отписки А.В. Бутурлина и сообщалось о санкционировании строительства, после которого «Ондрей Бутурлин на реке на Короче, на Красной горе, город обложил и городовые башни были срублены, и тот город на Короче, на Красной горе, сожгли и розметали татаровя, как в 146-м (1637. — А.П.) году, в сентябре, приходили крымской Нурадын царевич».[726] Факт предварительного осмотра местности подтверждается также отпиской от 10 июня 1637 г.[727] Кроме того, сохранилась отписка А.В. Бутурлина, полученная в Москве 5 июля 1637 г. В ней сообщается о получении 5 мая 1637 г. грамоты из Разряда с распоряжением устроить жилой город на Короче и набрать туда на службу «вольных охочих людей». Далее говорится о челобитных детей и племянников детей боярских разных городов, желающих служить на Короче.[728] Следовательно, к 5 июля 1637 г. крепость на Красной горе уже была построена. Городские стены и башни были поставлены, но Короча еще не была заселена. Об этом свидетельствует отписка А.В. Бутурлина, полученная в Разрядном приказе 9 июля 1637 г. В ней говорилось, что после того, как «Корочевской Красной город устроитца», т.е. заселится, там необходимо возвести церковь.[729] Отписка от 2 августа 1637 г. определенно говорит о записи стрельцов и казаков на службу по Короче,[730] чего не могло быть в том случае, если бы крепость не была построена.

Таким образом, строительство Корочи было завершено летом 1637 г., и она начала заселяться. Высказанное предположение подтверждается бытованием в разрядной переписке необычного названия этой крепости — «Красный город на Короче». Большинство названий городов Белгородской черты тесно связано с топонимикой. Чаще всего в названии крепости отражалось имя реки, городища или возвышенности, на которой возникал населенный пункт. В рассматриваемом случае произошел своеобразный симбиоз: в названии одновременно отразились и Красная гора и р. Короча. Впо-

[726] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 131.— Л. 177—179.
[727] Там же.— № 84.— Л. 125.
[728] Там же.— Л. 120.
[729] Там же.— Л. 209.
[730] Там же.— Л. 243.

следствии город, перенесенный с горы на берег реки, стал называться просто «Короча».

Весной 1638 г. руководителем строительных работ был назначен Д.П. Львов. Поскольку крепость на Красной горе была разрушена, ему предстояло решить: восстановить острог на старом месте или построить на другом. Д.П. Львов критически отозвался о Красной горе и предложил строить острог внизу у реки. Предполагалось, что крепость с одной стороны будет прикрыта рекой, с другой — болотом, с третьей — лесом, а с напольной стороны сооружался вал Белгородской черты. В Разрядном приказе не возражали, рекомендовав, однако, воеводе посоветоваться с «дворянами и начальными людьми». «Совет» поддержал предложение Д.П. Львова. Строительство на новом месте завершилось 24 июня 1638 г., и перед воеводой встала задача формирования гарнизона. Планировалось набрать 520 человек: 300 конных казаков, 200 стрельцов и 20 пушкарей. Однако без привлечения крестьян и донских казаков, занятых в 1638—1641 гг. обороной Азова, задача оказалась трудноразрешимой. В результате, значительную часть корочанского гарнизона составили украинские переселенцы. Летом 1638 г. в Белгород пришли черкасы Я. Острянина, бежавшие из Речи Посполитой после поражения восстания. Согласно отписке Д.П. Львова, многие из них высказали желание жить в Короче.[731] Видимо, их просьба была удовлетворена. На первое марта 1639 г. в Короче служили: 19 детей боярских, 213 конных черкас, 155 конных казаков, 14 стрельцов и 17 пушкарей.[732] Этой же весной прибыло еще 40 человек с семьями.[733] В феврале 1641 г. число черкас в Короче достигало уже 500 человек,[734] а в декабре в Короче получили жалованье 367 черкас.[735] В 1639 г. они били челом, жалуясь на то, что у них отобрали лучшие земли, расположенные возле города, и отдали корочанским детям боярским Титу Дударову с товарищами. По государевой грамоте, поместья черкасам вернули, но дети боярские подали свою чело-

[731] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 105.— Л. 411.
[732] Там же.— № 107.— Л. 392.
[733] Там же.— Л. 389.
[734] ВУСР.— Т. I.— № 194.— С. 319.
[735] РГАДА.— Ф. 210.— Книги Денежного стола.— № 295.— Л. 1—21.

битную, оспаривая правоту черкас.[736] Дело закончилось тем, что между угодьями черкас и русских, живших в Короче, устроили специальные «грани и межи», которые позволяли в дальнейшем избегать конфликтов.[737] Даже во время этого межевания корочанские дети боярские пытались ущемить черкас, стремясь провести границу так, чтобы большую часть земель отделить в свою сторону. Судя по царской грамоте от 15 февраля 1640 г., эта попытка была пресечена.[738] Подобное размежевание в 1639 г. провели в Козлове.[739]

За счет привлечения черкас удалось решить проблему укомплектования гарнизона нового города служилыми людьми, но возникли непредвиденные сложности, связанные с ненадежностью черкас. Близость территории Речи Посполитой давала переселенцам возможность вернуться на прежнее место жительства в случае возникновения трений с российской администрацией. Так, 6 июля 1639 г. шесть корочанских черкас бежало «в Литву», избив и ограбив своего товарища, не захотевшего ехать вместе с ними.[740] Осенью 1640 г., получив жалованье, скрылись еще девять корочанских черкас. Посланные в погоню служилые черкасы и русские люди догнали бежавших и четырех привели назад, остальные ушли. Изменники утверждали под пыткой, что решили бежать сами, без «подговора» зарубежных черкас. По государеву указу, зачинщик, сотник Фома Евсеев, был казнен в Короче. Остальных, вместе с семьями и имуществом, отправили в столицу, а оттуда в Сибирь.[741] Отписки яблоновского воеводы В. Львова, проводившего следствие по этому делу, и распросные речи изменников позволяют достаточно подробно рассмотреть данный эпизод.[742] Упомянутые черкасы были выбраны для сопровождения русского посольства на размену с крымским. Учитывая это обстоятельство, корочанский воевода Семен Львов выдал черкасам жалованье досрочно — 15 октября. В тот же день черкасы бросили свои семьи в Короче и побежали «в Литву». За ними была снаряжена погоня: корочанские черкасы под командованием Федора Бододуха и семьдесят русских казаков. Изменников догнали на Донце, четверых, в том числе и зачинщика Ф. Евсеева, поймали. Пятеро других беглецов бросили лошадей и пешком скрылись в лесу.

[736] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 121.— Л. 619.
[737] Там же.— № 131.— Л. 303.
[738] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 129.— Л. 383, 385.
[739] См.: Там же.— № 134.— Л. 230—231, 238.
[740] Там же.— № 129.— Л. 55.
[741] Там же.— Л. 182—190.
[742] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 140.— Л. 328—339.

В ходе допросов Фомы Евсеева, Трофима Ващенко и Григория Васильева выяснилось, что бежать из Корочи также хотел черкасский атаман Павел Волковицкий. Однако последний не принял участия в измене, т.к. у него не оказалось хорошей лошади. Выяснилось, что у П. Волковицкого есть вторая семья в Польше. Поэтому свою семью в Короче он собирался бросить. После пересечения границы черкасы планировали направиться в г. Сорочин. Изученные источники не дают оснований для заключения о наличии у других черкас семей на территории Речи Посполитой. Тем не менее, факт оставления беглецами своих жен и детей в Короче делает подобное предположение вполне вероятным. Особенно если учесть, что на украинских землях Речи Посполитой действовала гражданская регистрация брака, а в России — только церковная.[743] Впрочем, Н.Ш. Коллманн отметила «подвижность» брачных союзов и в России, утверждая со ссылкой на Г. Фриза,[744] что институт брака полностью установился лишь к концу XVIII в.[745]

В августе 1641 г. вновь изменили корочанские черкасы. Всего побежало шесть человек с семьями и столько же, покинув свои семьи в городе. Посланные вслед казаки с черкасами догнали беглецов и часть привели назад. Характерно, что в той же отписке яблоновский воевода Гаврила Пушкин сообщал о боязни посылать служилых черкас для выполнения боевых заданий на Поле.[746] После расследования возглавлявший побег Никифор (по другим источникам Михаил. — А.П.) Швец был повешен в полуверсте от города, по литовской дороге, а остальные отправлены в Москву для переселения. Имущество изменников отдавалось тем, кто ходил за ними в пого-

[743] См.: Bardach J. Ibid.— S. 263—279.
[744] Freeze G. Bringing Order to the Russian Family // Journal of Modern History.— 1990.— N. 62.— P. 709—746.
[745] Коллманн Н.Ш. Соединенные честью.— М., 2001.— С. 132 (прим. 35).
[746] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 140.— Л. 30—33.

ню.[747] Осенью того же года в Москву из Корочи отправили еще десять семей черкас, пытавшихся бежать в Польшу.[748] В столице решили перевести этих изменников в Козловский уезд для размещения в Челновском остроге и в районе р. Польный Воронеж. Было велено устроить их в стрелецкую службу. Козловский воевода Афанасий Константинович Беклемишев должен был не только тщательно следить за тем, чтобы у этих черкас не было контактов с посторонними лицами, но и приказать стрелецкому голове предотвращать возможное ущемление переселенцев на новом месте.[749] В 1643 г. в Москву из Корочи было велено отправить жену черкашенина Константина Дьяченкова Авдотью с детьми и со всем имуществом. И в этом случае речь идет о семье изменника. Сам К. Дьяченков был задержан в Белгороде по доносу белгородского служилого черкашенина Захара Скрыпченко. Последнему за службу было выдано два рубля. Под пыткой бывший житель Корочи сообщил, что в 1641 г. пошел вместе с двумя товарищами на охоту. По словам Дьяченкова, спутники насильно увели его с собой за рубеж. А теперь он стремился попасть на Дон, поэтому и оказался в Белгороде.[750] Объяснения не очень убедительные. В результате Константина Дьяченкова отправили, для дальнейшего переселения, в Москву. Затем туда последовала и его семья из Корочи.

Судя по переписке корочанского воеводы с Разрядным приказом, в начале 1642 г. в Корочу вернулись беглые черкасы Матвей Стадник, Степан Кожуховский и Григорий Григорьев. Причем два первых пришли вместе со своими семьями. Все они были задержаны, вместе с семьями и имуществом отправлены в Москву, а оттуда — в Сибирь.[751] 15 июля 1645 г. еще четверо черкас бежали из Корочи. Их жены, несмотря на отрицание факта измены своих мужей (они утверждали, что последние поехали с челобитной в Москву), были посажены воеводой под домашний арест.[752]

[747] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 39—40.
[748] Там же.— Столбцы Поместного стола.— № 24.— Л. 277—280; № 21.— Л. 275—2756.
[749] Там же.— № 21.— Л. 285—288.
[750] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 256.— Л. 79—88.
[751] См.: Там же.— № 552.— Л. 85—90.
[752] Царские... № 1.— С. 189.

Побеги отдельных черкас не могли изменить общее соотношение между различными категориями населения Корочи. К 1645 г. в ней служило уже 440 черкас.[753] Но, в результате, порой возникали очень драматичные ситуации. Так, 27 декабря 1646 г. корочанский воевода Иван Милославский получил, в общем-то, достаточно обычное распоряжение из Разряда — выслать в Москву жену изменника Василия Нережева Анастасию. Однако с выполнением этого указания возникли непредвиденные трудности. Анастасия уже успела повторно выйти замуж за корочанского же черкашенина Григория Куприянова. Его челобитная и другие разрядные документы проливают свет на обстоятельства этого запутанного дела.[754] Оказывается, о побеге В. Нережева донесла его жена. Василий и его спутники были пойманы и отправлены в Москву. Задержали их не по пути к границе, а при возвращении в Корочу. Беглецы признались в своих намерениях. Они сообщили, что заблудились и решили вернуться назад. Анастасии пожаловали четыре аршина синего сукна и десять рублей. По указанию Разряда, воевода Василий Апраксин вручил государево жалованье Анастасии в присутствии всех жителей Корочи — русских и черкас. Несмотря на челобитную Г. Куприянова, в которой он просил не лишать его жены и вполне резонно утверждал, что Нережев добивается возвращения супруги только для мести ей за донос, решение было принято в соответствии с утвердившейся традицией. Не помогла даже челобитная от имени 426 служилых черкас Корочи. В ней они не только указывали на то, что отправка Анастасии к ее первому мужу послужит отрицательным примером для всех, кто собирается доложить властям о незаконных действиях своих родственников, но и подчеркивали тот факт, что у Василия Нережева это уже шестая жена. Незадачливую супругу, вместе с ее дочерью от первого брака и всем имуществом, отправили в столицу. Оттуда все участники рассматриваемых событий были сосланы в Казань, где их определили в стрелецкую службу. В дальнейшем удача все-таки улыбнулась Анастасии Нережевой. Ее дело было рассмотрено царем и митрополитами, и женщине было разрешено жить со вторым мужем. Из Мо-

[753] Царские...— № 5.— С. 191.
[754] См.: Там же.— № 24—25.— С. 204—205; Там же.— № 42.— С. 217—218; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 163.— Л. 270—273; 442—453; 483—488.

сквы ее отпустили назад в Корочу. Рассмотренный пример свидетельствует об еще одном аспекте трудностей, возникавших у переселенцев из Речи Посполитой при их укоренении в России. Это различие в традициях обычного права и юридического оформления брака и развода. Если на прежнем месте «полюбовный» развод оформлялся гражданским судом, то в России православный брак расторгнуть было практически невозможно.[755]

Несмотря на то, что численность гарнизона была более чем на сто человек меньше по сравнению с планировавшейся, по мнению воеводы Тимофея Бутурлина, назначенного в Яблонов в 1639 г., Корочанский острог был мал. Он не обеспечивал защиту пригородных слобод, поскольку находился в «лесу», в окружении господствовавших над местностью высот. Воевода предлагал перенести крепость на первоначальное место. Для решения вопроса о расположении Корочи и была организована экспедиция С.В. Прозоровского, о которой уже упоминалось. Ее руководитель осмотрел окрестности Корочи. Планы перенесения острога на Красную гору вызвали отрицательную реакцию местных жителей, подавших челобитную с предложением построить дополнительные укрепления на старом месте, но не переводить их на безводную гору.[756] Короча осталась на прежнем месте, хотя неудобство ее расположения отмечалось и позднее. Планы перенесения крепости на Красную гору вновь возникали в дальнейшем. Так было, например, в 1647 г., когда в результате осмотра Красной горы воеводой Никифором Воейковым в Разряде было принято решение о постройке нового земляного города на горе. Соответствующая грамота была получена в Короче 14 июня 1647 г. По непонятной причине это решение не было реализовано. Важно свидетельство Н. Воейкова: «...на том городище в колодезях вода будет, и ключевые воды, и колодези по тому городищу есть..», подтверждающее правильность первоначального выбора А.В. Бутурлина[757]

Приведенные данные позволяют определить дату основания Корочи — 9 июня 1637 г. В 1638 г. город был перенесен на другое место, во многом благодаря мнению нового воеводы Д.П. Львова.

[755] См.: Bardach J. Ibid.— S. 279—297.
[756] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 144 — Л. 195.
[757] Там же.— № 236.— Л. 573—574; 675—683; 907.

Внешнеполитическая обстановка и стремление правительства строго придерживаться сословно-крепостнического принципа при комплектовании гарнизонов новых крепостей привели к заселению Корочи черкасами, оказавшимися не всегда надежными служилыми людьми, что, видимо, послужило причиной для отказа от такой практики в дальнейшем.

В научной литературе бытует представление о том, что в российских порубежных городах (Чугуеве, Валуйке, Осколе, Белгороде, Короче, Курске, Воронеже, Ливнах, Путивле и др.) в 30—40-е годы XVII в. проживала значительная масса украинских переселенцев.[758] Данных о численности служилых черкас в российских городах не так уж много. Несмотря на их фрагментарность, уточнить вышеизложенное утверждение можно. К осени 1636 г. в Белгороде служило 37 черкас Показательна грамота, направленная из Разрядного приказа воеводе А. Тургеневу 28 февраля 1636 г. В ней ограничивается численность украинских переселенцев в Белгороде шестью десятками человек. Лишних следовало отправлять в Оскол и Ливны.[759] А летом этого же года, как следует из отписки оскольского воеводы К. Пушина, в этом городе было 35 черкас. 25 из них были присланы из Москвы, а 10 из Белгорода. Всем им было выделено по 100 четвертей земли и по 5 руб. денежного жалованья. Несмотря на полученное жалованье, «иноземцы» вели себя беспокойно. Переселенцы расположились во дворах коренных осколян. Отмечены частые конфликты постояльцев как с хозяевами, так и с их семьями. Более того, черкасы «...и иных твоих государевых людей бьют, и по сабакам (так в тексте. — А.П.) ис пищалей и из луков стреляют, и грозят многим людем убойством до смерти»,— писал воевода Применить же репрессии по отношению к переселенцам без специального разрешения из Москвы он не решался.[760]

Разрядная книга 1637—38 гг. сообщает следующие сведения: в Ливнах было 57 выезжих черкас (для сравнения: по этому городу служило 882 сына боярских), в Белгороде числилось переезжих черкас 102 человека, в Курске — 31 конный и 257 пеших черкас с пищалями, а в Михайлове было 82 конных черкашенина. В то же время в Осколе,

[758] См. например: Мышко Д.И. Экономические... С. 70.
[759] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 116—120.
[760] Там же.— Л. 354—355.

Валуйке, Ряжске, Данкове, Ельце, Лебедяни, Воронеже, Севске, Рыльске, Путивле и Яблонове черкасы в числе служилых людей не значатся.[761] Несколько иные данные содержатся в росписи выдачи жалованья станичникам за 1638 г.[762] В Белгороде — 60 черкас и 400 станичников, на Осколе — 33 черкашенина и 400 станичников, в Валуйке — 144 станичника, а черкас не значится. Судя по челобитной, в 1638 г. в Хотмыжске было поверстано на службу десять черкас.[763] А в 1641 г. их было 23 чел. и двое уже числились в бегах.[764] В этом же году Разрядный приказ принял решение о переводе черкас из Хотмыжска. Первоначально их планировали разместить в Новосили, но затем направили в Карпов. Воеводе запретили принимать украинских перебежчиков на постоянное жительство и службу, поскольку Хотмыжск располагался слишком близко к польской границе.[765] Такое решение, думается, следует связать с изменой чугуевцев, произошедшей в этом году (о чем будет сказано ниже). В 1639 г. в Белгороде получили жалованье 247 черкас. В это число входят выходцы с Украины и члены их семей, прибывавшие в этот город, а затем рассылавшиеся в другие населенные пункты. В этом году в Черни числилось 15 черкас, в Кромах — 42, на Валуйке — 113 чел. В Короче числился 391 человек, в Усерде — 180 черкас, в Ливнах — 59, на Осколе служило 29 переселенцев из Украины, в Валуйке — 87, а в Курске — 300 черкас.[766] И.Н. Миклашевский приводит несколько иные данные за этот год: Курск — 300 человек, Чернь — 130 семей, Кромы — 49 рядовых, сотник и атаман. Кроме того, в 1639 г. в Белгороде было поселено 57 черкас и около полутора сотен переселенцев из Украины были устроены в с. Костенках Воронежского уезда.[767]

К сентябрю 1640 г. в Воронеже служило 166 черкас, в том числе два атамана и два есаула.[768] В Яблонове (соседнем с Корочей, о которой подробно говорилось выше) в 1641 г. числилось 577 человек. Из них:

[761] РК 1637—38 г.— М., 1983.— С. 95—111.
[762] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 74.— Л. 320—324.
[763] Там же.— № 132.— Л. 75.
[764] Там же.— № 151.— Л. 281.
[765] Там же.— № 139.— Л. 193—194.
[766] Там же.— № 138.— Л. 130—139; Там же.— Книги Денежного стола.— № 283.— Л. 8—9об.
[767] Миклашевский И.Н. Ук. соч.— С. 167—168.
[768] Воронежские акты. Кн. II.— Воронеж, 1852.— № 12.— С. 181.

сотников — 5, детей боярских — 24, казаков и сведенцев — 408 чел., стрельцов — 118, пушкарей — 20, кузнецов — 2. Кроме того, к городу был приписан 31 казак из Голубинской слободы, и в нем несли службу 414 человек из других городов: сто детей боярских из Рыльска, 184 донских и яицких казака, 130 конных городовых казаков из Михайлова, Опошни, Белева, Гремячева, Печерников и Карачева.[769] Другими словами, среди более тысячи человек, несших службу в Яблонове, построенном в 1638 г., т.е. практически одновременно с Корочей и находившемся совсем рядом с ней, черкас не было. Значит, состав корочанского гарнизона следует рассматривать как исключение из общего правила формирования населения крепостей юга России.

В 1641 г. в Валуйке получили жалованье 92 служилых черкашенина.[770] Судя по спискам раздачи денежного жалованья, в 1643 г. в Белгороде служило всего 50 черкас, а в Валуйке — 96.[771] В Козлове в этом году находилось 72 украинских казака.[772] И.Н. Миклашевский проанализировал численность жителей ряда горов Белгородской черты, построенных в 30-х — начале 40-х годов XVII в.:[773]

Таблица 2

Численность различных категорий «жилецких людей» в городах Белгородской черты в 1643 г.

Город / категории служ. людей	Яблонов	Короча	Усерд	Чугуев	Хотмыжск	Вольный
дети боярские	24	42	19	132	252	—
казаки	548	190	330	223	—	217
стрельцы	118	26	—	103	136	46
пушкари	20	20	23	31	23	20
кузнецы	2	—	—	2	1	—
иноземцы	4	—	—	—	—	—

[769] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 144.— Л. 12—14.
[770] Там же.— Книги Денежного стола.— № 98.— Л. 44—51об.
[771] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 257.— Л. 9—14.
[772] Там же.— Книги Денежного стола.— № 186.— Л. 2—46.
[773] Миклашевский И.Н. Ук. соч.— С. 141.

сотники	4	—	—	—	—	—
черкасы	—	446	200	—	—	—
станичные головы, атаманы и вожи	—	—	50	50	—	—
воротники	—	—	—	5	6	5

В 1645 г. в Белгороде численность черкас оставалась прежней — 50 человек. При этом их было запрещено посылать на сторожи. Им не доверяли этой службы, поскольку сторожи располагались недалеко от границы с Речью Посполитой.[774] В городе Ольшанске в 1645 г. 17 черкасам было велено служить в детях боярских.[775] За 1645 г. удалось выявить следующие данные о численности служилых черкас в российских украинных городах: Оскол — 31 человек, Короча — 408, Ливны — 65, Орел — 37, Кромы — 46, Усерд — 166, Белгород — 66, Валуйка — 70, Козлов — 52 человек. В 1647 г. в Ливнах было 64 черкашенина, а на Осколе — 70, в Белгороде — 64.[776] По другим документам, в 1645 г. в Валуйке получили жалованье 65 черкас, а в Усерде — 153.[777] Достаточно близкое совпадение численности черкас в разных источниках свидетельствует в пользу достоверности приведенных выше данных.

12 апреля 1648 г. состоялся приговор Боярской думы о сооружении российской крепости на р. Тор, возле соляных варниц. Для постройки города планировалось выделить служилых людей из большинства российских полевых городов. В этой связи была составлена роспись гарнизонов этих крепостей.[778] Анализ ее данных, сведенных в таблицу, в совокупности со сведениями таблицы 2, дает основания для заключения о значительности украинского населения в этих городах.

[774] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 163.— Л. 195—196.
[775] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. — Воронеж. 1889.— Вып. 16.— № 722.— С. 1610.
[776] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 231.— Л. 1—7; 82· 97· 162.
[777] Там же.— № 15.— Л. 1—24.
[778] Там же.— № 255.— Л. 29—37.

Таблица 3

Соотношение черкас и других категорий служилых людей в гарнизонах российских крепостей по росписи 1648 г.

Город	Численность гарнизона	В том числе черкас	Соотношение в %
Белгород	1158	60	5,2
Оскол	754	21	2,8
Елец	1379	—	—
Ливны	1273	58	4,7
Новосиль	806	—	—
Чернь	487	—	—
Орел	835	—	—
Курск	1289	—	—
Ефремов	864	60	6,9
Кромы	413	49	11,9
ВСЕГО:	9258	248	2,7

В 1651 г. широкомасштабные работы по постройке вала Белгородской черты проводились силами жителей Царева-Алексеева. В связи с чем был составлен список служилых людей этого города. В нем значилось: дворян 168 человек, станичников (голов, атаманов, вожей и ездоков) — 48 человек, драгун — 281 человек, беломестных казаков — 64 человек, полковых казаков — 412, стрельцов — 219 человек, пушкарей и воротников — 56, а черкас — 103 человек.[779] Следовательно, в этом случае черкасы составляли 8,3 % от общей численности служилых людей данного города, что соответствует общей тенденции.

Таким образом, анализ численности служилых черкас и соотношение последних с количеством других категорий служилых людей в гарнизонах крепостей южной окраины России не позволяют утверждать, что в середине XVII столетия черкасы составляли значительную часть военно-служилого населения данного региона. А в это время именно эта категория населения доминировала в рассматриваемой местности. Исключение составляют отдельные населенные пункты, такие как Короча или Острогожск. В последнем городе в мае

[779] РГАДА.— Ф. 210.— Книги Белгородского стола.— № 26.— Л. 10—55.

1653 г. служило 989 черкас.[780] Тем не менее, активизация переселения черкас в Россию в 30—40-е годы XVII в., поступление их на службу заложили базу для формирования особой категории военно-служилого населения юга России — служилых черкас. В подавляющем большинстве случаев выходцы из Украины не смешивались с населением приграничных российских крепостей. Как правило, они образовывали отдельную служилую корпорацию. По обязанностям и жалованью служилые черкасы занимали промежуточное положение между детьми боярскими и городовыми казаками.

§2. Перелом во взаимоотношениях служилых черкас и Российского государства

Легко заметить, что с увеличением числа живущих в России черкас возросло число их побегов со службы. Так, восемь черкас убежало из Оскола 18 августа 1636 г., украв у осколян 14 лошадей.[781] 11 августа 1638 г. из того же города убежали еще четверо переезжих черкас. При побеге они украли лошадей оскольских служилых людей.[782] В начале 1639 г., ночью, из Белгорода в «литовскую сторону» убежал поп Мартын с попадьею, бросив свой двор и имущество. Погоня не принесла результата. Показательно, что в Разрядном приказе заинтересовались, почему в погоню за священником отправили только черкас. Воевода отвечал, что все русские служилые люди были разосланы, и преследовать беглецов, кроме черкас, было некому.[783] Весной 1639 г. из Белгорода бежал черкашенин Герасим Михайлов. Он воспользовался заинтересованностью своего пристава пушкаря Афанасия Щенина в дармовой рабочей силе. Щенин взял Михайлова на свое гумно для обмолота хлеба. Гумно находилось неподалеку от «литовского рубежа». Герасим выбрал удобный момент и ускользнул за границу.[784] Летом 1639 г. рас-

[780] РГАДА.— Ф. 210.— Книги Белгородского стола.— № 31.— Л. 1—118об.
[781] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 407.
[782] Там же.— № 124.— Л. 7—8.
[783] Там же.— № 108.— Л. 264—266.
[784] Там же.— Л. 123—126.

крылся заговор белгородских черкас, замышлявших побег. Во главе него стоял Федор Рой. Воевода А. Тургенев произвел следствие, в ходе которого было допрошено и пытано 38 человек. Из них пятеро повинились в измене, 12 знали о подготовке побега, но своевременно не сообщили администрации, и 21 человек не признал свою вину. Все допрошенные единодушно отрицали сговор с чугуевскими, корочанскими, курскими или зарубежными черкасами.[785] По окончании следствия Федора Роя повесили в Белгороде.[786]

В мае 1640 г. из Валуйки убежал черкашенин Андрей Гаврилов, прихватив лошадь своего земляка Федора Миронова.[787] В 1641 г. трое черкас, оставив своих жен, дочерей валуйских стрельцов, убежали «в Литву». Женщин, как всегда в таких случаях, хотели отправить в Москву, а затем в Сибирь, но по челобитью их родственников оставили жить с родителями.[788]

Осенью 1642 г. вольновскими служилыми людьми были перехвачены черкасы, бежавшие из Курска. Их предводитель Петр Васильев был отправлен в Москву, откуда после допроса его переслали в Курск с повелением повесить в полуверсте от города.[789] Еще двое черкас с семьями бежали из Курска 17 августа 1643 г.[790] Таким образом, уходы черкас с российской службы стали постоянным явлением. Можно отметить, что сложился даже своеобразный ритуал казни предводителя изменников, которого вешали в окрестностях города, на дороге, идущей в том направлении, куда черкасы пытались бежать. Так казнили не только изменников. Подобным образом поступали и с «воровскими» черкасами, пойманными на территории Российского царства.[791]

Представители местных российских властей пытались путем установления жесткого контроля предотвращать побеги. В свою очередь, черкасы если задумывали побег, то шли на различные ухищрения. Например, в сентябре 1640 г. пятеро черкас убежали из

[785] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 124.— Л. 218—226.
[786] См.: Там же.— Л. 250.
[787] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 140.— Л. 152.
[788] Там же.— Л. 192—193.
[789] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 135.— Л. 158—159.
[790] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 168.— Л. 15.
[791] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 264—266.

Валуйки, сказав воеводе, что едут в Курск для покупки хлеба.[792] Дело в том, что воевода настороженно относился к украинским переселенцам, т.к. трое уже черкас убежали из его города в августе 1640 г. Посланная за ними погоня успеха не принесла.[793] Валуйские же черкасы в 1641 г., получив разрешение пойти на Северский Донец ловить рыбу, переехали «в Литву».[794] А шестеро корочанских черкас, о побеге которых в 1639 г. уже говорилось выше, ушли из города, отпросившись по ягоды.

24 августа 1640 г. атаман белгородских черкас Матвей Хондагай доложил воеводе Замятне Леонтьеву о ночном побеге из пригородной Литовской слободы «переезжего» черкашенина Матвея Борисова с семьей. В погоню была брошена станица Ивана Ушакова. Спустя два дня станичники вернулись в Белгород. Им удалось захватить жену и детей беглеца. Сам М. Борисов сумел скрыться в ночном лесу. На допросе Прасковья Борисова утверждала, что согласилась на побег «в Литву» под угрозой физической расправы со стороны мужа и не знает, собирался ли кто-нибудь еще из белгородских черкас бежать за границу.[795] В октябре 1640 г. переселенец из Украины Герасим Федоров сообщил валуйскому воеводе, что черкашенин Иван Васильев подговаривает его не целовать крест государю, а бежать обратно. Васильев на допросе и под пыткой признал свою вину, выдав двух сообщников. За донос Г. Федорову пожаловали все имущество Васильева.[796] Сотник корочанских черкас Федор Бододух и десятник Василий Кирилов подали 28 июля 1641 г. челобитную, в которой извещали о сговоре восьми своих земляков для побега. Воевода арестовал и допросил изменников. Однако он, нарушая традиции расследования подобных дел, не проводил очной ставки подследственных с доносчиками. Черкасы, обвинившие своих товарищей в заговоре, опасались, что если откроются их имена, то другие черкасы их убьют.[797] 8 августа 1641 г. валуйские черкасы, атаман Степан Волошенин с товарищами, привели в свой город

[792] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 140 — Л. 208—209.
[793] Там же.— Л. 255—257.
[794] Там же.— Л. 294.
[795] Там же.— Л. 171—173.
[796] Там же.— Л. 211—218.
[797] Там же.— № 154. — Л. 23—25.

Ивана Семенова, черкашенина станицы Л. Борзяка. Семенов «бегал за рубеж» и уже оттуда пришел в Валуйку, где его задержали местные черкасы.[798] Убежавший в 1640 г. и вновь появившийся в Валуйке в 1642 г. черкашенин Тимошка был опознан своим служилым соотечественником Степаном Остроженим.[799]

10 февраля 1646 г. атаман валуйских черкас Петр Данилов сообщил воеводе П. Колтовскому о подготовке побега Матвеем Костиковым. Этот валуйский черкашенин предлагал своему соседу Федору Иванову «не надсаждать свой живот работаю на Валуйке», а вернуться «в Литву». В качестве примера успешного побега он приводил уход из Валуйки черкашенина Дмитрия Михайлова со своей семьей и имуществом. М. Костиков предлагал в перспективе вернуться назад, но уже за поживой, на пчельники и для кражи лошадей. По его словам, за время жизни в Валуйке он хорошо узнал расположение угодий в ее окрестностях. При этом Костиков произнес показательную фразу: «Пуще де я прежнего изменника Онтошки Борабанщика валуйчаном стану, нигде де от меня волуйчаном проезду не будет». Таким образом, можно предположить, что упоминавшийся ранее атаман воровских черкас А. Барабанщиков в свое время жил в Валуйке. По докладу П. Данилова, изменник М. Костиков был арестован, закован в кандалы и, после проведения очной ставки, в ходе которой обвинения подтвердились, отправлен в Москву для дальнейшего расследования. Затем Матвея Костикова поселили в Уфе.[800]

Приведенные факты говорят о разделении, происходившем среди служилых черкас. Одни верой и правдой стали служить новому государю, а другие не очень рьяно выполняли свои обязанности, имея возможность бежать на прежнее место жительства. Подтверждением высказанному предположению может служить эпизод 1638 г., когда белгородские черкасы били челом на своих нерадивых товарищей, не желавших обустраиваться дворами и пахать пашню.[801] А путивльские переезжие черкасы 5 марта 1638 г. «извещали» воеводе Плещееву на запорожцев, тайно ходивших в «литовскую сторону» воровать лоша-

[798] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 25.— Л. 82—83.
[799] Там же.— № 257.— Л. 175.
[800] Там же.— № 163.— Л. 395—424; 466.
[801] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 82.— Л. 339—340.

дей. По этому докладу было проведено дознание и выяснилось, что действительно, за рубеж ходило 10 человек, и там они украли 16 лошадей.[802] В мае того же года переселенец Иван Грибов сообщил воеводе о намерении своих товарищей бежать «в Литву».[803]

В целом, в рассматриваемое время черкасы продолжали оставаться еще не очень надежной частью военно-служилого населения Польской и Северской украйны. К примеру, севский воевода Петр Безобразов летом 1638 г. боялся пускать в город черкас, живших на посаде и уже присягнувших государю.[804] Однако нужно заметить, что в 30—40-е годы XVII в. прием черкас на российскую службу не прекращался. Многие участники антипольских восстаний бежали в Россию. Так, 12 июня 1638 г. в Белгород пришел отряд Якова Острянина. По словам гетмана, вместе с женами и детьми, черкас было более 3 тыс. человек.[805] По списку, составленному 19 октября, числилось 672 человек.[806] Однако перечень черкас, служивших в Чугуеве в феврале 1639 г. под командованием воеводы Петра Ивановича Щетинина, содержит всего 379 имен, включая самого гетмана Яцко Острянина и его сына Андрея. Но на следующий год жалованье в Чугуеве выдавалось уже 948 черкасам.[807] Несмотря на разорение отрядом Острянина Белгорода и Валуйки во время Смоленской войны, черкасы были приняты на службу и поселены в Чугуеве. Российское правительство и местные власти внимательно отнеслись к пожеланиям черкас, которые не желали разделяться. Им было предложено на выбор два места для поселения: Чугуевское городище или Карпово сторожевье. Острянин с товарищами предпочли первое, т.к. Карпово сторожевье находилось близко к территории Речи Посполитой.[808] Свою роль сыграли обстоятельства перехода Я. Острянина на русскую сторону: выходцы опасались мести с польской стороны.

[802] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 82.— Л. 437—439.
[803] Там же.— Л. 523—526.
[804] Там же.— № 99.— Л. 23—24.
[805] ВУСР.— Т. I.— № 178.— С. 294.
[806] Там же.— С. 295.
[807] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 108.— Л. 368—381; № 138.— Л. 129.
[808] См.: ВУСР.— Т. I.— № 145.— С. 248—252.

Видимо, для более быстрого сооружения укреплений Чугуев строили не только украинские переселенцы, но и русские служилые люди. Из позднейшей челобитной курских детей боярских известно об их участии в возведении этой крепости.[809] Вполне возможно, что привлекалось и население других городов, например, расположенных ближе к месту проведения строительных работ Белгорода и Валуйки.

В связи с описанным переселением черкас можно вспомнить эпизод, относящийся к 1635 г. 9 мая этого года в Валуйку вернулся находившийся в плену в г. Черкасах Максим Картавый. По пути домой, в г. Лохвице, он слышал от многих «литовских людей» и черкас, что Я. Острянин с семью сотнями черкас покинул Полтаву. По слухам, черкасы взяли с собой семьи и сожгли свои дворы. По словам жителей Лохвицы, Острянин направился на Царьгородское городище, намереваясь принять российское подданство. Получив такие известия, валуйский воевода передал их в Разряд и направил в район бывшего Царева-Борисова станицу. Она должна была проверить полученные сведения. Ответная приказная грамота была послана 30 мая 1635 г. Из нее следует, что правительство не возражает против приема этих переселенцев на службу. Однако полностью доверять им не стоит. Черкас (если они появятся под Валуйкой) следует разместить в нескольких верстах от города, разрешив им разбить укрепленный лагерь для защиты от татар. В крепость же их пускать нельзя. Кроме того, необходимо принять меры безопасности, остерегаясь тайных намерений украинских казаков.[810] В дальнейшем вышеизложенные факты не подтвердились. Выехавшие 14 июня 1635 г. в Белгород лубенские казаки Иван Шелюский с товарищами сообщили: «...нынешней де зимы поднялся де была из городка, ис Плотавы (так в тексте, здесь и далее. — А.П.), полковник Яцко Остренин со всеми плотавцы на государево имя, а городок де Плотаву хотел зжечь, и ляхи де, приехав, разговорили им, добром уняли, одноконечна де тесненья впредь не будет, и они де за тем и не пошли».[811] В 1635 г. Яков Острянин в Россию не переселился. Истоки

[809] АМГ.— Т. II.— № 186.— С. 119.
[810] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 54.— Л. 409—414.
[811] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 99.— Л. 5—6.

слухов о его переходе в московское подданство следует искать в событиях, связанных с антипольскими казацкими восстаниями на Украине. По утверждению тех же казаков, зимой этого года прошла рада в Каневе. На ней гетман Тарас сложил с себя полномочия. По его словам, причиной стал отказ запорожцев поднять восстание против поляков. Бывший гетман сжег свой двор, разорил хозяйство и ушел в степь. Не совсем понятно, какие реальные события послужили основанием для появления данных сообщений. Возможно, речь шла об одном из «гетманов», выбранных, подобно Я. Остряниину, восставшими нереестровыми казаками в 1634—1635 гг.[812] Или эти слухи являются отражением предшествующего восстания Тараса Федоровича (Трясилы). В позднейшее время упомянутые слухи послужили, вероятно, основой для утверждения о том, что семьи Острянина и других участников восстания 1638 г. заранее были переправлены в Россию.

Поскольку в 1638 г. черкасы уходили от преследования польских властей после поражения в битве с коронными войсками, российская администрация могла рассчитывать на верность переселенцев. Высказанное предположение основывается на анализе ряда документов. 11 августа 1638 г. в Белгород к воеводе П. Пожарскому полтавский урядник Сокольский прислал «лист», в котором требовал выдачи Я. Острянина с черкасами. Пожарский отправил полученную грамоту в Разряд. Сам он не имел полномочий для принятия соответствующего решения.[813] В феврале 1639 г. в Чугуев приехал миргородский черкашенин Савва Сергеев, сообщивший о готовящемся войске из 2 тыс. гусар и 4 тыс. немцев, «...чтобы Чугуев разорить и гетмана и казаков побить». Белгородский воевода довел эти сведения до дьяков Разрядного приказа. В конце апреля поступили данные о разведывательном походе под Чугуев полтавского полковника Вороны с четырьмя сотнями черкас. В то же время черкасы в Полтаве говорили: «...мирное постановление нарушить, а Острянина де и Розсоху с товарищами де им на Чугуеве доступить».[814] В Путивль 23 мая 1639 г. поступили сведения о состояв-

[812] См.: Щербак В.О. Яків Острянин // УІЖ.— 1997.— № 6.— С. 72.
[813] ВУСР.— Т. І.— № 146.— С. 252—253.
[814] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 54.— Л. 416—417.

шейся в Чигирине раде реестровиков. По словам Федора Ляхова и Степана Хромого, посылавшихся для разведки в Польшу, на раде было приговорено идти войной на черкас, поселившихся в Чугуеве. Весной вторжения не произошло, черкас отговорили их полковники, опасаясь перерастания этого похода в войну между Россией и Речью Посполитой.[815] О возможности нападения на город докладывал чугуевский воевода.[816] Эта информация дает основания для предположения о том, что в столице могли быть уверены в невозможности возвращения переселенцев назад.

Спустя некоторое время поход черкас под Чугуев все же состоялся. Двухтысячный отряд из Любеча, Миргорода и Голтвы, ведомый чугуевским изменником Данилой Писарем, в сентябре 1639 г. остановился в трех верстах от города. Черкасы готовились к приступу, но из крепости к ним перебежал черкашенин Захарко, который сообщил, что в городе знают об их появлении и готовы к отражению штурма. Черкасы ушли назад, по дороге разорив уезд.[817] Такое развитие событий предотвратило перерастание этого пограничного конфликта в широкомасштабные военные действия. Нужно заметить, что подобный вариант был вполне вероятен. Еще весной 1639 г. в Курск, Яблонов, Усерд и Оскол были посланы грамоты с приказанием в случае вторжения с территории Речи Посполитой собрать войска и выбить противника с российской земли.[818]

Уверенность столичной и местной администрации в надежности Якова Острянина и его людей способствовала тому, что российские должностные лица относились к ним так же, как к русским служилым людям, а вот черкасы не всегда реагировали на действия воевод так, как большинство жителей Российского царства. Кроме того, черкасы, сменив подданство, не могли сразу осознать свое новое положение и иногда продолжали вести себя как самовольные запорожцы, а не как члены российской служилой корпорации. Так, пришедшие с Я. Остряниным черкасы в первый год после своего переселения из Польши опустошили расположенные рядом с Чу-

[815] ВУСР.— Т. І.— № 163.— С. 274—275.
[816] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 108.— Л. 411—415.
[817] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 94—95.
[818] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 108.— Л. 420—423.

гуевым откупные вотчины и бортные ухожьи белгородцев. Мало того, судя по донесениям станичников и других жителей Белгородского уезда, чугуевские черкасы постоянно совершали набеги за рубеж, откуда везли мед и гнали скотину.[819] В апреле 1640 г. десять детей боярских из Белгорода было направлено в Чугуев. Не доезжая четыре версты до места назначения, они были ограблены «воровскими» черкасами. Разбойников настигли посланные воеводой гетман Я. Острянин и полковник Розсоха. Они отбили все имущество, но не вернули его владельцам, а оставили себе в качестве трофеев.[820] Воевода хотел выкупить лошадей за символическую плату и вернуть хозяевам. Услышав это предложение, черкасы заявили: «...будет де укажешь у нас те лошеди, что мы у воров отбили, поимать и мы де за воры впредь ходить не станем, де те лошеди доставали головами своими, вели де у нас им выкупать ценою, почему мы межи себя лошадям цену платили по пяти рублев».[821]

Уже в следующем после поселения в России (1639) году отмечены случаи бегства черкас из Чугуева за рубеж. Один из них описан в донесении П. Щетинина, полученном в Москве 5 июня. Побежали двое черкас, подговорив с собой двух чужих жен. Изменники были настигнуты черкасами, посланными за ними воеводой. Один беглец был убит, остальных привезли в Чугуев. Далее воевода добавлял, что Полтава недалеко, поэтому нет возможности удержать черкас от побега. А 16 мая к нему приходили черкасы всем войском и просили казнить изменников смертью, т.к. иначе невозможно остановить поток беглецов, уводящих с собой их дочерей и жен.[822] В приведенном примере важна не бытовая сторона (увод чужих жен и дочерей беглецами), а указание на то, что из Чугуева бежало много черкас, и побеги эти не прекращались. Особого внимания заслуживает мнение местного воеводы, считавшего, что виной всему была близость польской границы. В этом же году из Чугуева пытался бежать Герасим Михайлов. О побеге донесла его собственная жена Марья. За беглецами послали в погоню чугуевских черкас под командованием сотника Богдана Матюшенко. Михайлова поймали. За службу сотник был пожалован отрезом тафты и пятью рублями. Жена изменника получила за донос пять руб. По указанию Разряда, жалованье велено было выдать в Чугуеве публично, в присутствии гетмана и всех чугуевских жителей. Вероятно, подобным образом российская администрация стремилась обеспечить предотвращение побегов в дальнейшем. Тем не менее, в следующем году ситуация не изменилась. Известно, что 3 сентября 1640 г. город покинули четверо чугуевцев (трое с семьями, а один, оставив жену). Двое из них были пастухами, поэтому беглецы прихватили с собой десять лучших лошадей, и сотник Розсоха не смог догнать изменников. Примечательно, что поводом к побегу послужили слухи о якобы принятом в столице решении о расселении чугуевских черкас.[823]

Еще в 1639 г. от черкас поступила жалоба на белгородского воеводу Пожарского, который, вопреки царскому указу, не прислал хлеба в Чугуев. Челобитчики просили царя выделить зерно, а также вооружение с боеприпасами, в противном случае они угрожали покинуть государеву службу.[824] Вероятно, реакции на челобитную своевременно не последовало, и черкасы отказались выполнять свои служебные обязанности. Сам Острянин докладывал об этом так: «...и я потому на татар в поход не пошел, что не с кем, и в том государьска воля, то моя сказка, и впредь мне от их непослушанья поиску над татарами учинить не суметь».[825] В то же время не прекращалось переселение украинцев из Польши, в том числе и в Чугуев. Летом 1640 г. вышло 40 черкас во главе с атаманом Михаилом Карповым, все они получили жалованье и поселились в городе.[826]

Под Чугуевым 18 октября 1640 г. появился большой отряд черкас. Сохранившиеся документы не позволяют точно установить, откуда они пришли, хотя ясна их цель — кража лошадей. Видимо, меры, предпринятые чугуевским воеводой и воеводами других пограничных городов, заставили «воровских» черкас вернуться в

[819] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 83.— Л. 1—3.
[820] Там же.— Столбцы Поместного стола.— № 21 — Л. 173—174.
[821] Там же.— Л. 215—216.
[822] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 108.— Л. 136—139.
[823] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 133.— Л. 212—213; 216.
[824] См.: Багалей Д.И. Материалы... № III.— С. 14—15.
[825] Там же.— № V.— С. 17.
[826] ВУСР.— Т. I.— № 189.— С. 312—313.

Польшу без добычи.[827] Насколько серьезно отнеслись к черкасскому походу, можно судить хотя бы по тому, что только яблоновский воевода выслал к Чугуеву отряд из 500 человек.[828] Вероятно, к Чугуеву были переброшены войска и из других пограничных крепостей.

Отношения чугуевских черкас с воеводами (чугуевским и белгородским) в последующем не улучшились. Опасаясь черкас, воевода неоднократно обращался с просьбой усилить гарнизон Чугуева русскими служилыми людьми.[829] Помимо побегов власти тревожили приезды в Чугуев черкас, оставшихся польскими подданными. По словам воеводы П. Щетинина, черкасы прибывали под видом торговцев, но товара привозили очень мало, с одним возом приезжало по два-три человека. Воевода предполагал, что они приходят не для торговли, а к своим родственникам.[830] Опасения были не напрасными. Как выяснилось впоследствии, полтавский урядник Станислав Гульчевский писал к сотнику Гавриле Розсохе: «...жалеючи о том, что удалился в дальние страны от имения своево, и для того нарочно посылаю к вам с тем листом моим, чтоб еси в свое имение возвратился, обещаю вам в том моим добрым шляхетцким словом, что ваш наименьший влас с головы не спадет, потому что я узнал правду вашу и ведаю о том добре, что еси то по неволе учинили, постереглись здоровья своево, что те самовольники неодиножды мало вас не убили, и для тово ничево не опасался, да и жена ваша никакова зла от меня; и то все, что еси оставил, все в целе вас ждет, я приказал, чтоб ничего не истеряли до вашего приезду».[831] В следующем письме польский урядник добавлял: «...всякий из вас, а хотя и сам Острянин ничево не опасаясь, хотя б и большое что провинились, чтоб безо всякого опасенья воротились и шли на Опошлинский перевоз в слободу, где мне то место дано, и там бы селились и разживались, а льготы на 30 лет неотменно, в том вам и лист свой дам..».[832]

Очередные чугуевцы, пытавшиеся убежать, были задержаны 3 октября 1640 г. В ходе расследования выяснилось, что к побегу их

[827] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 118.— Л. 322—324.
[828] Там же.— № 144.— Л. 216.
[829] См.: Там же.— № 133.— Л. 18
[830] Там же.— Л. 235.
[831] Там же.— Л. 252—253.
[832] Там же.— Л. 254.

подговаривали купцы, приезжавшие в Чугуев. Купцы вели свою пропаганду не только устно, с собой они также привозили «листы».[833] Такую же агитацию вели многие черкасы, приезжавшие из Польши и говорившие воеводе, что пришли на «вечное житье» в Россию. Правительство указало не принимать в Чугуев «нововыезжих» черкас, а направлять их в Москву, где определяли дальнейшее место их службы[834]

Приведенные примеры свидетельствуют об изменении политики польской администрации в отношении своих подданных, переехавших в Российское царство. Теперь черкас начали переманивать обратно и создавать условия для их возвращения. Первыми отреагировали те, у кого в Польше осталось имущество и земельные владения. В 1640 г. убежал сотник Гаврила Розсоха, оставив в Чугуеве 56 голов крупного рогатого скота и 16 свиней.[835] Дело закончилось тем, что 26 апреля 1641 г. чугуевские черкасы захватили башни и ворота крепости, убили Якова Острянина, ограбили воеводскую денежную казну и освободили заключенных из городской тюрьмы. Воевода Григорий Кокорев организовал оборону возле порохового погреба. Черкасы не смогли выбить служилых людей с занимаемых позиций и подожгли окрестные строения. Сотник Иван Крюков со стрельцами атаковал повстанцев в Московских воротах, очистив тем самым путь подкреплению. После прибытия ратных людей из пригородных слобод черкас выбили из города, и они ушли на территорию Речи Посполитой. В результате боя было убито 119 русских служилых людей и 56 ранено, восставшие потеряли 272 человека.[836] Изменили не все черкасы, часть из них даже сражалась вместе с воеводой.[837] Успеху черкасского восстания способствовала малочисленность русских служилых людей в Чугуеве. По спискам 1640 г., в городе числилось 814 черкас и 300 русских служилых людей.[838]

О дальнейшей судьбе бывших жителей Чугуева можно узнать из отписки путивльского воеводы Петра Волконского, излагавшего

[833] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 133.— Л. 261.
[834] Там же.— Л. 396—297.
[835] Там же.— Л. 475.
[836] Там же.— № 195.— Л. 20—51.
[837] См. например: Там же.— Столбцы Поместного стола.— № 24.— Л. 359—361.
[838] ВУСР.— Т. I.— № 190.— С. 314.

слова своих соглядатаев: «...чугуевские черкасы, Яцка Острянина сын ездили к гетману Концупольскому (здесь и далее сохранено написание фамилии, имеющееся в тексте. — А.П.) бить челом об указе, и от гетмана де приехали, и гетман де Конецполской велел им, черкасом, селиться под своим городом, под Полтавою и в иных своих городах и слободах, а льготы де, государь, им черкасом, велел дать на шесть лет...».[839] По словам лазутчиков, в разные пограничные города Речи Посполитой черкас из Чугуева переселилось около 700 человек.[840] Урядник Гульчевский, расселив чугуевских черкас в Полтаве, Миргороде, Гадече, Зенкове, Ромнах и Сорочине, установил им льготы на 20 лет и запретил их называть изменниками.[841]

Администрация Речи Посполитой приняла черкас, бежавших из России, позволила им поселиться совместно, даже предоставила льготы. И это, учитывая участие упомянутых черкас в антипольском восстании 1637—1638 гг. Вероятно, переманить последних из России и тем самым ослабить ее позиции на Поле было важнее разрешения старых недоразумений. О том, насколько были заинтересованы польские власти в возвращении переселенцев, можно судить также по последующим событиям. После измены чугуевцев в Речи Посполитой ожидали начала военных действий со стороны Москвы. Начали даже укреплять остроги и углублять рвы вокруг городов, расположенных вдоль границы с Россией.[842] Тем не менее, украинцев, которые убежали из Российского царства, принимали и давали понять, что такая политика будет продолжена. В Чугуеве 3 мая 1641 г. был пойман черкасский лазутчик Ерема Игнатьев, сообщивший под пыткой о готовящемся побеге черкас из Оскола и Курска.[843] В свою очередь, русские лазутчики выяснили в разговорах с бывшими чугуевскими жителями, что перед побегом они договаривались о совместных действиях с оскольскими и корочанскими черкасами, а теперь ожидают их к себе в Польшу.[844] По этим вестям яблоновский воевода отправил в Корочу дополнительную сотню стрельцов

[839] АЮЗР.— Т. III.— № 49.— С. 54.
[840] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 118.— Л. 375.
[841] Там же.— Л. 428.
[842] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 273—274.
[843] Там же.— Л. 372.
[844] Там же.— Л. 429.

и выставил заставу в Белгородском уезде.[845] Такие меры преследовали цель перехвата черкас, которых могли направить из Речи Посполитой в Корочу для агитации украинцев к уходу из этого российского города.

Разрядный приказ предпринял ряд мер для успокоения служилых черкас, остававшихся в России после измены чугуевцев. Так, 14 мая направили грамоту в Воронеж, объявляя царскую милость воронежским черкасам и гарантируя, что измена чугуевцев никак не скажется на отношении к оставшимся верным черкасам.[846] Подобную грамоту получил курский воевода, строго выполнивший все содержавшиеся в ней предписания.[847] Точно такая же грамота была направлена в Валуйку. Воевода зачитал ее черкасам, которые в ответ заверили его в своей преданности и сообщили, что ничего не знают о письмах и людях, призывающих бежать за рубеж.[848] В связи с чугуевской «изменой» от имени валуйских черкас атаман Василий Марков летом 1641 г. подал воеводе Федору Голенищеву-Кутузову коллективную челобитную. В ней валуйские служилые черкасы просили освободить себя от поруки по черкасам Ивану Павлову с 18 товарищами, переведенными в Валуйку из Тамбова. Челобитная была вызвана тем, что Павлов и другие холостые украинцы не строили дворов и не разбивали огородов на Валуйке, а значит, легко могли сбежать. Воевода удовлетворил просьбу челобитчиков, освободил их от ответственности за действия нерадивых товарищей. При этом последних поместил в тюрьму. После чего В. Марков с валуйскими черкасами подали новую челобитную. Только теперь они просили выпустить заключенных из тюрьмы и ручались за них «голова в голову».[849]

Уход значительного числа черкас — случай не единичный. Аналогично чугуевским, в 1638 г. были определены для проживания черкасы в Курском уезде. Всего тогда вышло из Речи Посполитой 865 человек. Из них мужчин, поверстанных в службу — 277 человек, женщин —

[845] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 646.
[846] Воронежские акты.— Воронеж, 1851.— Кн. I.— С. 100—103.
[847] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 118.— Л. 656—660.
[848] Там же.— № 140.— Л. 197—205.
[849] Там же.— Л. 317. Одну из отписок Ф. Голенищева-Кутузова, связанную с рассматриваемым эпизодом, опубликовал И.Н. Миклашевский в приложении к своей монографии. (См.: Миклашевский И.Н. Ук. соч.— С. 308—310).

232 человек и 356 детей.[850] В Черкасской слободе было велено быть «сыну боярскому доброму». Главная его задача — защита черкас от возможных обид и притеснений. Он же должен был наблюдать за поведением самих переселенцев. Курскому воеводе И.В. Бутурлину предписывалось строго следить за тем, чтобы никто из жителей Курска и его округи не обижал черкас, не отнимал у них имущество. Вместе с тем, он должен был пресекать любые нарушения со стороны переселенцев.[851] Видимо, подобные инструкции получили все воеводы городов, в которых были размещены выходцы из Поднепровья.[852] Тем не менее, у переселенцев возник ряд проблем, основная причина которых указана в челобитной, поданной курскими черкасами осенью 1640 г. В ней говорится о спорах между черкасами и русскими помещиками по поводу земельных наделов. Причину челобитчики сформулировали так: «А мы, холопи твои, люди новыя, русково обычая не знаем и не приобычимся...». В ответной грамоте из Разряда воеводе было приказано оберегать черкас от притеснений.[853] Конфликт был исчерпан, и не он послужил причиной ухода курских черкас «в Литву», ею стала информация, распространенная И. Холоденко. Вернувшийся из Москвы черкасский сотник Иван Холоденко распустил слух, что всех курских черкас собираются побить на Успеньев день (15 августа), и соответствующий указ из столицы уже послан.[854] Холоденко был отправлен в столицу с челобитной от черкас и, будучи в Москве, часто слышал, как русские служилые люди жалуются на то, что им за несколько лет не выплачено жалованье, в то время как «иноземцам-черкасам» оно выдается регулярно. Сотник утверждал, что если черкасы останутся в России, тогда «...за то им от русских людей быть побиту». Речам Холоденко придавало убедительности то обстоятельство, что, после измены чугуевцев, воевода изъял у курских черкас казенные пищали. 8 июня 1641 г. в Курск пришло распоряжение о возвращении оружия. В отписке от 4 июля 1641 г.

[850] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 138.— Л. 133—134.
[851] Там же.— № 99.— Л. 81—85.
[852] См. например: наказ воеводе Усерда 1648 г. (РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 302.— Л. 95); грамоту на Корочу 1647 г. (Там же.— № 231.— Л. 73) и др.
[853] РГАДА.— Ф.210.— Столбцы Белгородского стола.— № 140.— Л. 348—350.
[854] Там же.— № 154.— Л. 83.

Г. Образцов доносил, что приказал отдать черкасам пищали.[855] Последующие события позволяют предположить, что его указание не было выполнено своевременно, либо воевода недостаточно оперативно его отдал.

В 1641 г., 13 августа, черкасы покинули службу и направились в сторону Речи Посполитой. Возглавил мятеж Лукьян Вдовиченко. Изменили не все, часть («лучшие люди») остались. Воевода поднял всех служилых людей Курска и бросил их в погоню. Немедленно были поставлены в известность воеводы близлежащих российских крепостей.[856] Хотмыжский воевода сообщал 13 августа 1641 г. о том, что послал «...на тех государевых изменников курских черкас для промыслу из Хотмысково голов с ратными людьми и велел идти к тем изменникам, говорить им, чтоб они, черкасы, помня твое крестное целованье и жалованье, поворотили назад в Курск и вину свою к тебе принесли, а будет они назад не поворотятся и вины своей к тебе не принесут, я велел головам твоим государевым над теми изменниками черкасами делом промышлять, сколько милосердный Бог помочи подаст, чтоб изменников в литовскую сторону не пропустить...».[857] Кроме хотмыжан, на изменников посылали ратных людей из Вольного и Путивля.[858] Беглецов настигли 16 августа на Бокаевом шляхе, в 20 верстах от Хотмыжска («напротив Левиных яруг, у Выварено кургана»). Вернуться они не согласились. Тогда в Хотмыжск послали за подкреплением. Вероятно, первый хотмыжский отряд был конным, поскольку теперь для штурма укрепленного черкасского обоза Федор Пушкин направил пехоту и артиллерию. Вечером, после подхода дополнительных сил, изменникам вновь предложили сдаться. Они ответили стрелами и пулями. После этого начался штурм лагеря повстанцев. Многие черкасы и члены их семей были ранены. Части беглецов удалось вырваться из окружения. Они смогли продвинуться еще несколько верст в сторону границы. В верховьях р. Ольхи изменники опять «засели в обозе» и вступили в бой с преследовавшим их отрядом. Уже ночью черкас-

[855] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 140.— Л. 326—327.
[856] Там же.— Л. 82.
[857] Цит. по: Танков А.А. Ук. соч.— С. 200.
[858] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 59—61; 191.

ский табор был разгромлен.[859] Бой прекратился в темноте из-за дождя. Благодаря этому обстоятельству части черкас удалось скрыться налегке.[860] Лагерь беглецов, в котором остались женщины и дети, был захвачен. Пленных отвели в Хотмыжск.

Дополнительные сведения, связанные с уходом черкас из Курска, содержатся в воеводских отписках из Путивля. Вечером 16 августа, в 7 часов, служилые люди, присланные из Вольного, сообщили путивльскому воеводе П. Волконскому об измене курских черкас. Из Путивля было немедленно послано 200 человек. К сражению они не успели, но перехватили черкас, бежавших по Сагайдачному шляху. Десять пленных привели с собой. На допросе последние сообщили, что из-под Курска бежало их около 150 человек, а если считать с семьями, то примерно 700.[861]

В конце августа курский воевода Григорий Образцов составил списки изменивших и оставшихся верными черкас. Изменили жители двух черкасских слобод — ближней и дальней (возможно, называвшейся Рождественской или Черкасской), располагавшейся в 20 верстах от города. Из дальней слободы ушли: атаман Михаил Деряга, шесть сотников, пять есаулов и 138 рядовых.[862] В слободе остались: поп Василий и три атамана, имевших жалованье 250 четей земли и 9 руб. деньгами (причем двое из них были ранены при бегстве своих товарищей), два сотника (жалованье — 200 четей и 6 руб.), один есаул и десять рядовых с жалованьем, как у сотника, трое рядовых, имевших по 150 четей и 5 руб. и четверо с жалованьем в 100 четей и 4 руб.; всего — 23 человек.[863]

Список бежавших из ближней слободы обнаружить не удалось, имеется только перечень черкас, оставшихся верными: один сотник (200 четей и 6 руб.), 38 рядовых с таким же жалованьем, 25 получавших по 150 четей и 5 руб., 25 имевших по 100 четей и 4 руб. деньгами; всего — 89 человек (по подсчету документа — 87).[864]

[859] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 184—188.
[860] Там же.— Л. 47.
[861] Там же.— Л. 48—52.
[862] Там же.— Л. 103—109.
[863] Там же.— Л. 94—96.
[864] Там же.— Л. 97—102.

Виновные понесли наказание, некоторых для острастки повесили, остальных с семьями и имуществом выслали через Москву в Сибирь и понизовые города.[865] Изменников отправляли в столицу как сразу после побега (например, из Хотмыжска — 12 человек, из Вольного — 9 человек,[866] из Путивля — 12 черкас с 8 женами и детьми),[867] так и на протяжении всего следующего 1642 г. Объясняется это тем, что захвачено было довольно много беглецов. Для размещения их всех городских тюрем не хватало, поэтому часть из них отдали под охрану служилым людям указанных городов. После получения приказа о высылке изменников в Москву местным воеводам приходилось разыскивать последних,[868] а это не всегда было легко. Отмечены случаи продажи и попытки похолопить пленников. Так, служилые люди Хотмыжска получили разрешение использовать «изменничьих жон и детей» как своих холопов. Основанием для такого решения послужила челобитная хотмыжан. В ней они указывали на свою бедность и ссылались на отсутствие другого вознаграждения за бой с восставшими черкасами.[869] Судя по челобитной жены одного из курских изменников-черкас, захваченной вместе с детьми во время «измены» 1641 г., действия, направленные на закабаление пленников, были характерны не только для жителей Хотмыжска. В последнем случае курянин Афанасий Разинков заневолил сына челобитчицы Григория. Другой житель Курска, сын боярский Никита Зеванин, захватил ее дочь Агафью. Справедливости ради нужно добавить, что по просьбе матери дети были освобождены.[870] Стремясь увеличить число своих холопов, Афанасий Михайлович Таранов привез в свою деревню жен трех курских изменников-черкас. Женщины били челом государю, прося отправить их к своим мужьям в низовья Волги.[871]

В то же время черкасы, сохранившие верность государю, продолжали жить и нести службу на прежнем месте, правда, к ним

[865] См. например: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 67.
[866] Там же.— Л. 252.
[867] Там же.— Л. 278.
[868] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 135.— Л. 163—164.
[869] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 161.— Л. 113—117.
[870] Там же.— № 339.— Л. 74—74об.
[871] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 135.— Л. 281.

стали относиться более настороженно. В свою очередь последние всячески старались доказать свою преданность. Осенью 1641 г. два десятка черкас, оставшиеся в Черкасской слободе под Курском, подали челобитную. В ней они просили записать их в службу отдельно от черкас, проживавших на посаде Курска. Свое желание они обосновывали боязнью измены со стороны этих поселенцев.[872] Спустя год, 8 апреля, двое изменников пришли в Черкасскую слободу под Курском за своими семьями, но были опознаны служилыми черкасами, выданы воеводе, допрошены и отосланы в Москву.[873] Еще двое курских черкас, Семен Захарченко и Яков Савельев, были задержаны в Белгороде летом 1642 г. На допросе и под пыткой они рассказали, что во время «курской измены» были на сенокосе. Узнав о том, что их семьи вместе с беглецами оказались в Речи Посполитой, они последовали за ними. Своих родственников Захарченко и Савельев не нашли и решили вернуться в Россию. Задержанные утверждали, что не собирались подговаривать оставшихся черкас к побегу в Польшу. Они же говорили, что курские выходцы пришли в г. Бобрик, а оттуда расселились по разным местам Левобережья. По их словам, должностные лица Речи Посполитой перебежчиков ограбили и королевского жалованья им не выдали. В Разрядном приказе, судя по сохранившейся наказной памяти, С. Захарченко и Я. Савельева было решено «устроить в службу, куда пригодитца».[874] В документе не отмечено, планировалось ли их выслать в понизовые города или Сибирь или разрешалось оставить жить на прежнем месте. Дальнейшая судьба этих украинцев и их семей неизвестна.

Особо следует остановиться на действиях курского воеводы, связанных с распоряжением собственностью изменивших черкас. Сам по себе подобный случай неординарен и не имел прецедентов. Бежавшие оставили свое имущество, по первоначальным, проведенных второпях, подсчетам воеводы: 109 быков и коров, 33 теленка, 54 овцы, 160 ягнят, 13 свиней, 37 поросят.[875] Следовательно, встал вопрос сохранности брошенного скота и ухода за ним.

[872] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 251.
[873] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 135.— Л. 143—146.
[874] Там же.— № 257.— Л. 69—78об.
[875] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 6.

Имеется роспись пожитков, брошенных в дальней слободе. В этом документе Г. Образцов приводит уточненные данные. Всего осталось пустыми 122 двора, через некоторое время после побега была собрана вся скотина, обнаруженная во дворах и найденная на дороге. В «Росписи..» числится 118 быков, коров и двухлетних телят, 33 годовалых теленка, 249 овец и ягнят, 70 коз.[876] Эту скотину воевода раздал на хранение курским посадским и жилецким людям. О своих действиях Г. Образцов донес в Разряд, подчеркнув, что у жителей курского посада нет возможности содержать скот зимой, после того как кончится трава на летних пастбищах. Кроме того, от хозяйств изменников осталось 110 свиней, из которых две трети были поросята возрастом не старше полугода. Все они были проданы, за них выручили 14 руб. 3 алтына 4 деньги.[877] Помимо сохранения скота воеводе пришлось организовывать уборку урожая на ставших бесхозными участках. В общей сложности, было сжато 139 копен ржи, 182 копны овса и 23 копны пшеницы. Зерновые были обмолочены, при этом получили: ржи — пол-осьмины из копны, овса — осьмину с верхом, пшеницы — неполную осьмину из копны.[878] Урожай пошел в казенную житницу. Скот, по распоряжению Разряда, был роздан курянам, яблоновцам и чугуевцам в собственность. Куряне получили 83 коровы и 20 телят, чугуевцы — пять коров, по одной корове получили стрелецкий пятидесятник из Яблонова и курский черкашенин Василий Лебедянченко. Конец списка розданной скотины отсутствует, поэтому нельзя установить, как были распределены овцы и козы. Известно только, что часть скота осталась и была продана. От этой операции выручили 51 руб. 15 алтын 2 деньги.[879] Также можно отметить, что побег стимулировал негативное отношение даже к тем черкасам, которые сохранили верность присяге и остались жить в Курском уезде. Последние в челобитной, полученной в Разрадном приказе 24 января 1645 г., жаловались на притеснения со стороны курских дворян, детей боярских и пушкарей. Надо заметить, что российские власти стремились пресекать развитие

[876] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 235.
[877] Там же.— Л. 235.
[878] Там же.— Л. 236.
[879] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 552.— Л. 156—157.

подобных тенденций. В ответ на черкасскую челобитную курский воевода получил грамоту с указанием оберегать украинцев от любых притеснений со стороны русских соседей. Вероятно, после получения этих распоряжений проблемы из жизни курских черкас не ушли. Еще одна челобитная, аналогичная по содержанию предыдущей, была ими подана в декабре того же года. На нее также было выдана грамота с запрещением притеснять украинцев.[880]

Ситуация, схожая с описанными выше событиями, имела место в Воронежском уезде, где в начале 1640 г. в селе Костенки было поселено 130 черкас.[881] Затем их численность выросла до 160 человек.[882] Ко времени размещения в нем украинцев село уже запустело, но в нем находились полевые наделы воронежских помещиков. Черкасы подали челобитную, прося разрешить им жить в Костенках одним, т.к. «...они люди иноземцы, и меж бы ими ни с кем брани и ссоры не было». Челобитье было удовлетворено. Воронежцам отмежевали другие участки в селе Терновом, которое находилось в том же Борщевском стане Воронежского уезда, что и Костенки.[883] Переселенцы стали выполнять обычную городовую службу, но прожили всего полтора года. Как следует из челобитной атамана Михаила Рябухи с товарищами, воронежские пушкари и затинщики захватили часть земель, выделенных черкасам. По распоряжению правительства, взамен им пожаловали р. Красную Девицу с угодьями.[884] Но на этом сложности, связанные с адаптацией этих переселенцев в России, не закончились. В 1640 г. они подавали челобитную с жалобой на воеводу. Как и в предыдущих случаях, реакция московской администрации челобитчиков не удовлетворила, и они «пошли в Литву». В Костенках осталось всего около десятка семей черкас.[885]

Имеет смысл рассмотреть данный эпизод более подробно. Воронежский воевода Андрей Солнцев-Засекин 27 августа 1641 г. узнал о замышляемом побеге от костенковского черкашенина Семена Гаврилова. Воевода послал в Костенки сына боярского Кондратия

[880] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 163.— Л. 124—126; Л. 340—342.
[881] ВУСР.— Т. I.— № 164.— С. 275.
[882] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 138.— Л. 139.
[883] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 132.— Л. 80—84.
[884] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 115.— Л. 586, Л. 589.
[885] Там же.— № 154.— Л. 198.

Михайлова с приказом выслать черкас в город. Узнав об этом, последние взбунтовались и в полдень 28 августа 1641 г., вместе с семьями и имуществом, покинули село. Всего ушло около 170 служилых черкас. Командовал ими атаман Еремий Михайлов.[886] За три дня они прошли около 120 км, были настигнуты между реками Тихой Сосной и Черной Калитвой отрядом воронежских служилых людей под командованием воронежского стрелецкого и казачьего головы Плакиды Тимирязева Изменники стали укрепленным лагерем при впадении р. Ольховой в Черную Калитву. На помощь воронежцам ко 2 сентября подоспели 200 валуйских русских служилых людей и черкас. Командовали этим отрядом сын валуйского воеводы Иван Федорович Голенищев и валуйский стрелецкий и казачий голова Михаил Тяникин. На день раньше к устью Ольховой прибыл отряд из Усерда. К сожалению, точная его численность неизвестна. Командовал им лично усердский воевода стольник Емельян Бутурлин. Данное обстоятельство позволяет предположить, что отряд представлял собой значительную силу. Черкасы оборонялись два дня, но, с приходом к осаждавшим подкрепления, сдались. Было взято 119 пленных, не считая женщин и детей.[887] Видимо, для предотвращения возможности повторного мятежа пленных разделили. Судя по данным воеводских отписок, в расположенный на расстоянии 60 верст от места сражения Усерд отправили 66 человек. В Воронеж повели 53 пленника.[888] Меры предосторожности оказались не напрасными. По пути в Воронеж, во время последнего ночлега, черкасы попытались бежать. Завязалась схватка, в ходе которой большинство пленных было уничтожено. До места назначения доставили только восемь человек.[889] Оставшиеся в Костенках черкасы были помещены под надзор приставов. В октябре 1641 г. в Воронеж из Разрядного приказа было отправлено распоряжение об освобождении воронежских (костенковских. — А.П.) черкас, не участвовавших в побеге. Их вместе с семьями отпустили.

[886] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 113—114.
[887] Загоровский В.П. Белгородская... С. 115.
[888] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 117—125.
[889] Там же.— Л. 196—197.

Как следует из царской грамоты на Усерд, судьба воронежских изменников не отличалась от участи курских. Пятерых повесили в полуверсте от Усерда (вдоль дороги, идущей на запад), а часть отправили в Москву.[890] Восемь женатых и четверо холостых черкас были высланы в Переяславль-Рязанский. Всего, вместе с членами семей, в этот город прибыло 42 человека. Всех их отправили на постоянное поселение в понизовые города.[891] Данные, полученные воронежским воеводой в ходе допросов костенковских черкас, свидетельствуют о наличии сговора между ними и усердскими черкасами. Побег планировался совместный, изменники должны были соединиться за р. Тихой Сосной, выше г. Усерда.[892] По-видимому, к побегу имела непосредственное отношение польская администрация, т.к. у сдавшихся черкас усердские служилые люди отобрали «семьдесят два листа литовского и польского письма с печатьми, а иные без печатей».[893]

И в этом случае побег стимулировал негативное отношение русских жителей порубежья к оставшимся черкасам. Атаман воронежских черкас Михаил Садоченко подавал челобитную, прося запретить жителям Воронежа своих подчиненных «...лаять и позорить, изменниками называть».[894] Как часто бывает в таких случаях, никто не вспоминал о том, что оставшиеся 12 черкас сами пострадали от изменников. Последние забрали все имущество тех, кто не присоединился к побегу. Это привело к разорению костенковских хозяйств.[895] А вот о собственных хозяйственных интересах воронежские служилые люди не забывали. Они подавали челобитные, прося оставить пленников, захваченных на черкасской измене, у себя. Соответствующее разрешение было получено.[896] Кроме того, челобитные костенковских черкас дают основания для предположения, что в основе враждебности воронежских детей боярских по отношению к черкасам лежали имущественные интересы. Воронежцы стремились дискредитировать черкас, чтобы было легче заполучить их владения.[897]

Можно привести еще один пример усиления негативного отношения к черкасам со стороны их русских соседей. Вернувшиеся в мае 1641 г. из похода под Чугуев старицкие казаки организовали настоящую травлю шестерых неслужилых черкас, батрачивших в с. Старикове Корочанского уезда. Одного черкашенина сильно избили и хотели утопить. В результате, четверо черкас убежали за рубеж.[898] Вероятно, агрессивность казаков была вызвана событиями, связанными с изменой чугуевцев. Местные власти постарались оперативно погасить конфликт. Однако, несмотря на меры российской администрации, часть переселенцев покинула Корочу. В 1642 г. в этом городе числилось 29 дворов беглых черкас.[899]

Эти примеры позволяют сделать определенные выводы. Нередко у украинских переселенцев возникали проблемы с местными российскими властями. Столичная администрация не могла вникнуть во все досконально, и ее реакция на черкасские жалобы, как правило, запаздывала. В ответ на притеснения воевод черкасы покидали пределы России. Поскольку после принятия присяги они являлись подданными Российского царства, то такие их действия расценивались как государственная измена. Соответственно, к изменникам применялась сила. В рассматриваемое время в российском законодательстве шло формирование понятия государственной измены. В Судебнике 1550 г. в статье 61, перечислявшей наиболее опасные преступления, такого понятия еще нет. Однако в ней, наряду с «государьским убойцей», «коромольником», «церковным и головным татем», «зажигальщиком», перечисляются два новых наименования преступников: «градской здавец» и «подметчик».[900] Сдача города неприятелю и подмет — политические преступления, связанные с предательством интересов государства его подданными, т.е. с государственной изменой. В Соборном уложении 1649 г. по сравне-

[890] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 127—128; 221—222.
[891] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 552.— Л. 94—103.
[892] Там же.— Л. 179.
[893] Там же.— № 135.— Л. 74.
[894] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 154.— Л. 321.
[895] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 257.— Л. 96.
[896] Там же.— № 552.— Л. 109—112об.
[897] См.: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 231.— Л. 424—425.
[898] Там же.— № 154.— Л. 18—20.
[899] Там же.— № 158.— Л. 259—262.
[900] См.: Российское законодательство X—XX веков.— М., 1985.— Т. 2.— С. 108 (далее — РЗ).

нию с Судебником 1550 г. государственные преступления систематизированы, перечень их расширен. Определению состава каждого преступления и процессуальным нормам по таким делам посвящена вторая глава Уложения, состоящая из 22 статей. В этом кодексе уже используется понятие «измена».[901] Специфика порубежья оказала влияние на действия государства по отношению к изменникам-черкасам. Судебник 1550 г. предусматривал единственный вид наказания для изменников — смертную казнь. Соборное уложение распространило эту норму и на семью преступника в том случае, если родственники знали о его замыслах. Кроме того, Уложение установило дополнительное наказание в виде конфискации имущества. Но приведенные выше примеры показывают, что смертная казнь применялась достаточно редко и, обычно, по отношению к зачинщикам. Как правило, пойманных изменников направляли в Поволжье или Сибирь на службу (вместе с их имуществом). Таким образом, меры, применявшиеся к черкасам, пытавшимся бежать за рубеж, были ближе не к каре за государственную измену, а к наказанию убежавшего со службы воина, предусмотренного статьей 9 седьмой главы Соборного уложения «О службе всяких ратных людей Московского государьства».[902]

Показательно, что бежавшие из России в том же году вновь появились на Поле, но уже в качестве «воровских» черкас. Как следует из отписки валуйского воеводы кн. А.И. Солнцева-Засекина, 18 июня 1641 г. на валуйских служилых людей, добывавших соль на Тору, напало около трех десятков черкас. Валуйчане (служилые люди и черкасы) отбили нападение, убив восьмерых человек и поймав одного раненого. Пленный показал: «...пришли они из литовского города Плотавы, атаман черкашенин Васька Кокон с товарыщи, 80 человек, для воровства на Сиверский Донец (здесь и далее сохранено написание, имеющееся в тексте документа. — А.П.) и на иные запольные речки, на реку на Дон, побивать русских людей и не пропущать с Руси рекою Доном и Сиверским Донцом в Азов твоих государевых русских людей и из Азова на Русь. А воровать де, государь, тем черкасом по Сиверском Донце и по иным рекам ныне во все лето и до

[901] РЗ.— Т. 3.— С. 86—88.
[902] Там же.— С. 94.

осени».[903] Поскольку черкасы разбойничали не в районе Белгорода или Чугуева, то уместно предположить, что их поход не имел своей целью месть российским властям или русским соседям за плохое обращение. Он ничем не отличался от подобных походов за добычей других черкас, не являвшихся ранее подданными Российского царства. Таким образом, черкасы, убежавшие из России, нередко становились участниками вооруженных столкновений в приграничной полосе. Так, более 200 черкас, бывших жителей Чугуева и Курска, под командованием урядника Кристофа Якубовского 30 сентября 1641 г. «выбили» российскую заставу со спорной территории в районе Ахтырского городка, сожгли имущество путивльцев, находившихся там, а их самих били и гнали несколько верст.[904]

Массовое бегство черкас в 1641 г. подтолкнуло российскую администрацию к принятию ряда мер, направленных на упорядочение службы черкас на порубежье. Благодаря этому случаев ухода черкас целыми селениями или служилыми корпорациями больше не было, но продолжались побеги небольшими группами и уход отдельных черкас. Нередко изменники вновь появлялись на российской территории, но уже для того, чтобы поживиться имуществом жителей окраины. К примеру, под Белгородом 8 июня 1643 г. был задержан черкашенин Гаврила Мезенин, в 1642 г. убежавший из Корочи. В «распросе» пойманный рассказал, что после побега жил на Северском Донце вместе с атаманом Василием Рябухой. Зиму провел в Полтаве, откуда весной вместе с черкасами, жившими раньше в Чугуеве, пошел красть лошадей в Белгородский уезд. На р. Короче, под селом Стариковым, они попытались угнать лошадей, но были разгромлены местными казаками. Подлинность показаний проверили пыткой: «И с пытки он, Гаврила Мезенин, винился в том, что де послал иво ис Плотавы города урядник пан Лукомской в Белгородцкой уезд лошадей красть: ты де все в московских украйных городех знаешь, там жил. А которые лошеди в украйных городех крадучи воры черкасы приводят в Литву, и те де лошеди емлют на себя державцы».[905]

[903] РИБ.— Т. XXIV.— Стб. 241—242.
[904] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 124.— Л. 214.
[905] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 168.— Л. 4—9.

Помимо столкновений с всеводами пограничных городов, у «нововыезжих» черкас возникали проблемы с русскими жителями украйны. Например, известен конфликт, связанный с тем, что черкасы, поселенные в Усерде, в 1639 г. завладели вотчиною воронежского попа Савелия и полкового казака Василия Казакова.[906] Или вот выдержка из челобитной 1647 г.: «...бьют челом холопы твои белогородские черкасы иноземцы 62 человека. По твоему, государь, указу дано нам, холопам твоим, в Белгороде, вверх по Сиверскому Донцу Белую Плату, сенные покосы с устья до верху. И теми, государь, сенными покосами завладели насильством белогородцы дети боярские Юрья Беседин да Илья Суворов деревни Щелоковы с товарищами..».[907] Из приведенного текста следует: дети боярские самовольно захватили земли, выделенные черкасам. Об аналогичных событиях рассказывает челобитная воронежских черкас, атамана Яковлева с 25 товарищами. Воронежские дети боярские отобрали у них сенные покосы на берегах Дона.[908] Особое внимание нужно обратить на то, как именуют себя авторы челобитной — «черкасы-иноземцы». Такое самоназвание стало устоявшимся термином в челобитных первой половины XVII в. и вошло в употребление среди российских должностных лиц.[909] Черкасы, юридически являясь такими же служилыми людьми, как и русские дети боярские или казаки, фактически ощущали себя иностранцами. Поэтому их легко было ущемить в правах, особенно в первое время после переселения (до присяги), когда они уже переставали быть польскими подданными, но еще не стали российскими.

Имеются и противоположные примеры, когда русские жители порубежья жаловались на своих соседей черкас. В апреле 1645 г. белгородские дети боярские сетовали на то, что 68 черкас в Белгороде получили такое же, как и они денежное и земельное жалованье, но участвуют только в военных походах, в то время как упомянутые дети боярские еще и стоят на заставах, посылаются в сторожи и работают на «городовом строительстве».[910] В 1647 г. белгородские дети боярские Григорий Овсянский и Лаврентий Кривцов неоднократно били челом на черкашенина Павла Ломаку, который, построив мельницу, затопил их владения.[911] В этом же году возник земельный спор между жителями г. Олешни (полковыми казаками и черкасами). Для предотвращения конфликтов решили использовать уже апробированные способы. Разряд распорядился провести размежевание, наделив спорящих участками по справедливости.[912]

Приведенные факты позволяют заметить отличительную особенность этого периода — широкомасштабное переселение украинцев на территорию Днепро-Донской лесостепи и увеличение числа их побегов со службы, в том числе и имевших массовый характер в 1641 г. Приведенные факты свидетельствуют, что черкасы перед побегом уже обзавелись хозяйством, обрабатывали землю. Уход с обжитого места, сопровождавшийся оставлением ценного имущества, был вызван серьезными опасениями за свою безопасность. На это обстоятельство не могли не обратить внимание российские власти. Следствием подобных «черкасских измен» стала корректировка деятельности центральной и местной российской администрации в отношении черкас. Сложившееся положение привело к упорядочению службы черкас на порубежье, проведенному российским правительством в 40-е годы XVII в. Правительственные меры позволили предотвратить дальнейшие массовые измены служилых черкас и способствовали их укоренению на российской приграничной территории.

Нужно отметить изменение политики Речи Посполитой после Смоленской войны и ряда антипольских восстаний украинских казаков в 30-х годах XVII в. в отношении черкас, переселявшихся в соседнюю страну. Теперь польское правительство и должностные лица не только требовали выдачи переселенцев, но и стремились переманить их обратно. Центральные и местные российские власти предпринимали энергичные контрмеры. После упорядочения службы черкас в 40-е годы XVII в. московский двор смог более эффективно проводить свою политику в регионе и, в конечном счете, использовать людские ресурсы, прибывающие с украинских земель Речи Посполитой, в своих интересах.

---

[906] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 112.— Л. 449.
[907] ВУСР.— Т. I.— № 274.— С. 463.
[908] См.: РГАДА.— Ф. 210 — Столбцы Белгородского стола.— № 168.— Л. 86.
[909] См. например: Там же.— № 83.— Л. 654; № 231.— Л. 265.
[910] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 163.— Л. 194.
[911] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 169.— Л. 138; 142.
[912] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 219.— Л. 232—280.

ГЛАВА 6.
ОБСТАНОВКА НА ПОЛЬСКОЙ И СЕВЕРСКОЙ УКРАЙНАХ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1648—1654 ГГ.

§1. Разрешение пограничных проблем в условиях перехода власти в руки казацких полковников (1648—1650 гг.)

На соотношение сил и направление внешней политики государств Восточной Европы существенно повлияла Освободительная война 1648—1654 гг., развернувшаяся на Украине. Особенность международного положения в рассматриваемый период заключается в том, что большинство европейских держав были истощены Тридцатилетней войной. Поэтому они не могли сразу вмешаться в развернувшиеся в Речи Посполитой события. Турция в это время вела затяжную изнурительную войну с Венецией и терпела в ней серьезные неудачи. В силу этого Османская империя не участвовала в решении европейских проблем. Вместе с тем, заключение Вестфальского мира 1648 г. создавало потенциальную возможность обострения старых противоречий на востоке Европы. При таких условиях особое значение приобретала позиция России, в частности, ее взаимоотношения с Речью Посполитой.

В 1648—1650 гг., в период национально-освободительной войны и попытки создания собственной государственности, формирующийся украинский народ впервые выступает как самостоятельная политическая сила. С этого момента наблюдается четкое отделение русско-украинских отношений от русско-польских. В это же время происходит политическое сближение Российского царства с Речью Посполитой. Данное обстоятельство отразилось и на состоянии российско-украинских порубежных отношений. В России продолжали принимать на службу черкас, одновременно стараясь вытеснить в Польшу тех, кто не желал приносить присягу. Польские власти теперь стали способствовать удалению своих подданных с чужой территории.[913] Выполнялся договор, заключенный между Россией и Польшей. Ссылаясь на него, Адам Кисель писал к польским чиновникам, чтобы их подчиненные не нарушали российских границ. Правда, в ответ он получил жалобы на российских воевод Ахтырки, Ольшанского и Бобрика, по приказу которых были разорены пасеки и пострадали многие подданные Речи Посполитой.[914]

Однако с началом повстанческого движения в 1648 г. администрация Речи Посполитой на порубежье перестала функционировать, ее место заняли казацкие полковники. Для России ситуация изменилась не в лучшую сторону. Например, стали перехватывать российских гонцов к полякам. Так, был задержан Григорий Климов, ехавший из Севска к А. Киселю. Черкасы, определив, что он русский, направили его к Б. Хмельницкому, который забрал у него грамоты, к Адаму Киселю не пустил, дал ему от себя два письма и отправил в Севск.[915] В своих письмах украинский гетман просил у московского правительства помощи деньгами и людьми. Подобным образом был задержан путивлец Яков Шулежкин, возвращавшийся в Россию с письмом от А. Киселя. Письмо было изъято, а сам посланник отпущен.[916]

Судя по царской грамоте, направленной 21 мая 1648 г. хотмыжскому воеводе С.Н. Хованскому, несмотря на начало казацкого

---

[913] См.: ВУСР.— Т. II.— № 4.— С. 12.
[914] Там же.— № 5.— С. 13—14.
[915] ВУСР.— Т. II.— № 16.— С. 40.
[916] АЮЗР.— Т. III.— № 232.— С. 242.

движения, российское правительство не отказывалось от идеи совместной с Речью Посполитой борьбы против татар. В случае соответствующего обращения Адама Киселя или администрации других приграничных городов Польши, Семен Никитич Хованский должен был с подчиненными ему силами пересечь государственную границу и действовать против татар на польской стороне, в бассейне рек Ворскла, Псел и Хорол. Воеводе рекомендовали быть осторожным, попусту не рисковать и выступать против крымцев только совместно с коронными войсками. У захваченных пленных следовало выяснять не только численность татарских отрядов, но и «...сколько к ним воровских людей черкас прислано». Одного из пленников воевода должен был отправлять в Москву, а остальных — к польским державцам. К подобным действиям должны быть готовы служилые люди и воеводы не только Хотмыжска, но и Севска, Рыльска, Путивля, Белгорода и Вольного.[917]

В целом, начало Освободительной войны встревожило российскую администрацию. Нужно отметить, что конфигурация границы между украинскими землями Речи Посполитой и Россией после 1648 г. не изменилась. Только теперь с Россией граничили не польские староства, а земли Черниговского, Миргородского и Полтавского полков.[918] Воеводе Путивля было приказано повысить бдительность, были предупреждены об опасности Рыльск и Севск, усилили гарнизоны Хотмыжска и Недрыгайлова. На случай внезапной тревоги от татар и самовольных черкас российским войскам предписывалось собираться в Яблонове.[919] Освободительная война на Украине шла вразрез с планами российского правительства, направленными на закрепление сближения с Польшей и избранием Алексея Михайловича на польский престол. Поэтому на начальном этапе восстания Хмельницкого российские власти не оказывали помощи черкасам. Однако с реализацией планов династической унии опоздали, польским королем стал Ян-Казимир.[920]

---

[917] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 571.— Л. 204; 217.
[918] Крип якевич І.П. Адміністративний поділ України 1648—1654 рр. // Історичні джерела та їх використання.— Київ, 1966.— С. 125.
[919] ВУСР.— Т. II.— № 23.— С. 53.
[920] См.: Лызлов Г.М. К вопросу... С. 108—109: Он же. Польско-русские отношения в начальный... С. 70—77.

Польское правительство, ссылаясь на договор 1648 г., пыталось привлечь Россию к борьбе против восставших черкас. Предпосылки для этого были, т.к. Б. Хмельницкий заключил союз с крымским ханом. Союз антипольский, но Крым был давним противником России. Против Крымского ханства был направлен упоминавшийся ранее договор Российского царства и Речи Посполитой. Кроме того, формулировка русско-польского соглашения предусматривала совместную борьбу «с общими врагами», а не только с татарами. При этом из Крыма доходили слухи о том, что одним из условий союза татар с запорожцами было обязательство Хмельницкого выставить 10 тыс. казаков на помощь хану, если он предпримет поход на Москву.[921] О вероятности прихода российских войск на помощь польским свидетельствует обеспокоенность Турции, которая требовала от крымского хана прекращения набегов на территорию Речи Посполитой.[922]

Возможность включения России в борьбу с восставшими украинцами тревожила Богдана Хмельницкого. Это первым отметил еще Д.Н. Бантыш-Каменский.[923] Гетман расценивал сношения русских воевод с польскими как подготовку к совместному выступлению против восставших казаков. Об этом неоднократно писал он сам.[924] Ему отвечали, что российские войска находятся на границе для отражения вторжений татар. «А что будто на вас хотим стоять, и то нехто вместил вам неприятель християнские веры, хотя тем самым в православной християнской вере ссору учинить. И вы б вперед от нас такого не мыслили и опасения никакого не имели; и от вас никакова дурна не чаем и опасения не имеем, потому что вы с нами одное православные християнские веры».[925] Письма с подобными ответами направлялись запорожскому гетману неоднократно.[926] Данное обстоятельство свидетельствует о серьезной обеспокоенности, которую испытывали черкасы. О получении одного такого письма рассказывается в отписке хотмыжского воеводы Семена Болховского от

---

[921] АМГ.— Т. II.— № 234.— С. 201.
[922] Внешняя политика... С. 243.
[923] Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России.— М., 1842.— Ч. I.— С. 218—219.
[924] См. например: АЮЗР.— Т. III.— № 210.— С. 222, № 218.— С. 228.
[925] Там же.— № 211.— С. 223.
[926] См. например: ВУСР.— Т. II.— № 39.— С. 74.

25 августа 1648 г. По государеву указу, к Б. Хмельницкому с грамотой был отправлен Тимофей Милков. Гетман велел прочитать полученный царский «лист» перед всем войском. После его оглашения черкасы на радостях учинили стрельбу в воздух, говоря, что они: «...всем войском рады, что от твоих государевых ратных людей на их Украину войны не будет». Воспользовавшись хорошим настроением гетмана, Т. Милков смог добиться освобождения путивльцев Якова Сулежина с товарищами. Ранее эти российские подданные были перехвачены при возвращении с грамотами от А. Киселя и кн. Вишневецкого. До прибытия гонца из Хотмыжска их собирались зарубить или продать крымцам.[927]

На самом деле, Россия не собиралась включаться в борьбу против восставших, дипломатично отклоняя просьбы королевского двора. Варшаву заверяли лишь в том, что не будут помогать повстанцам, которые опасны не только для Речи Посполитой, но и для Российского царства.[928] Воеводам пограничных крепостей было указано идти на помощь войскам Речи Посполитой против татар только в том случае, если у поляков с черкасами не будет войны.[929] Такое указание свидетельствует о гибкости политики российского правительства, стремившегося не нарушить заключенный договор, но в то же время не оказаться втянутым в польско-украинскую междоусобицу.

На территории самого Российского царства продолжались нападения на станицы и сторожи. В феврале 1648 г. голова Иван Беляев с товарищами, отправившись на охоту в Белгородский уезд, встретили и разгромили «воровских» черкас, устроивших засаду на маршруте белгородских станичников. Черкасы первыми напали на стан русских людей, но получили отпор. Все шестеро нападавших были убиты, их раздели и тела опустили в речную прорубь. Имущество и лошадей белгородцы забрали себе. Показательно, что отписка Т. Бутурлина, содержащая доклад об этом столкновении, была заслушана Боярской думой, которая постановила сделать выговор за

[927] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 569.— Л. 36—38.
[928] ВУСР.— Т. II.— № 135.— С. 321.
[929] См. например: РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 569.— Л. 166—169.

ограбление черкас и велела воеводе, для соблюдения тайны, ответную грамоту держать в своем ящике и не давать читать ее даже подьячему. Делалось это для поддержания хороших отношений с соседним государством.[930]

Весной 1648 г. в Валуйку поступил царский указ о направлении станиц на Поле. Перед ними была поставлена задача обнаружения «воровских» черкас на реках Северском Донце и Тору. О татарах не упоминалось. Станицы были посланы, черкас не обнаружили. Но черкасские отряды продолжали появляться на российской окраине.[931] Чугуевский воевода 19 апреля 1648 г. сообщал в Москву: «...посланы были на сторожу для прихода воинских людей татар чугуевцы, дети боярские Тимофей Погожий, Василий Пыхтин, Артем Вожаев, Ларион Павлов<...> начали они стоять на стороже, тут выскочили к ним из лесу воры черкасы человек с 8 конных и начали по ним стрелять из пищалей, и они с той сторожи побежали в лес, а те черкасы отбили у них четверо лошадей, и они едва отошли от них лесом».[932] В этом же году, 18 июля, отмечено черкасское нападение на русскую сторожу, стоявшую на притоке р. Мож, в трех верстах от Можевского города. На трех сторожей напали двое черкас — Дмитрий и Осип. Они ранили одного из сторожей — Герасима Волобуева. Двое других сторожей бросили свое оружие, лошадей и пешком побежали за помощью к чугуевской стороже, стоявшей неподалеку, у «новых надолбов». О столкновении сообщили можевскому воеводе. Тот направил в погоню десять белгородцев во главе со станичным головой Осипом Белевым. Станичники подобрали раненого, но из-за темноты не смогли нагнать черкас, хотя и напали на их след.[933]

Отписка хотмыжского воеводы кн. Семена Болховского, написанная в то же время, что и документы, приведенные выше, свидетельствует о том, что набеги черкас в рассматриваемое время не были эпизодическим явлением. Нападения происходили во многих местах Польской украйны: «...в твоего царского величества стороне

[930] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 567.— Л. 142—146.
[931] Там же.— Л. 238—240.
[932] АЮЗР.— Т. III.— № 178.— С. 186.
[933] Там же.— № 207.— С. 219.

делается многое злое воровство: служилых людей и станичников в станичной службе, и в лесах, и в угодьях всяких чинов людей литовские люди и черкасы громят и до смерти побивают, тако же и близко от городов в уездах воруют, крадут и людей до смерти побивают, и всякое дурное делают. А ныне, в марте месяце, проходили близко к городскому острогу из литовской стороны воры черкасы, человек за 20 нарядным делом<...> и те воры многих русских людей переграбили и лошадей поимали..».[934]

Возле «Боровского ерка» 22 апреля 1648 г. 13 черкасами была разгромлена валуйская станица атамана Дмитрия Бабенкова, сам он был ранен, а одежда и лошади станичников достались нападавшим. Ограбив, черкасы отпустили служилых людей.[935] В том же году черкасами при нападении на российскую станицу, ехавшую к Усерду, был убит атаман Василий Лазарев.[936] 18 августа 1650 г. русский разъезд обнаружил следы черкасского отряда, переправившегося выше Каменного брода через р. Нежеголь. На перехват были брошены служилые люди и дети боярские. Они настигли «воровских» черкас на притоке Северского Донца, р. Старице. В результате разгоревшейся схватки удалось отбить восемь лошадей. Сами черкасы скрылись в лесу.[937]

Меры, предпринимавшиеся российскими властями, были такими же, как в предшествующий период. Весной 1648 г. валуйский воевода получил грамоту, в которой его обязывали тщательно расследовать все случаи нападения на станицы, выясняя время, место, тактические приемы, примененные при нападении, и размер материального ущерба.[938] Задачи сторожевой и станичной службы в это время оставались такими же, как и в предшествующий период. Только с началом восстания на Украине особое внимание стало уделяться своевременному обнаружению черкасских отрядов.[939]

Помимо небольших, в 1648—1650 гг. на порубежье промышляли и более крупные черкасские отряды. В 1648 г., со слов сына бо-

[934] АЮЗР.— Т. III.— № 188.— С. 193.
[935] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 247.— Л. 447.
[936] Там же.— Л. 455.
[937] Там же.— № 323.— Л. 597.
[938] Там же.— Л. 453.
[939] См. например: Там же.— Л. 414.

ярского Федора Осетрова, хотмыжский воевода писал в Москву о подготовке черкасами очередного нападения на посольство. По словам Осетрова, в Миргород с Северского Донца пришел черкашенин Гришка Торской. Этот Гришка сообщил о готовящейся посольской размене и стал собирать людей. Набралось порядка 2 тыс. черкас. Они пошли в степь для подготовки нападения на посольства.[940] Сведения других источников позволяют усомниться в столь большом размере разбойного отряда. Т. Бутурлин 3 мая 1648 г. доносил в столицу: «И по твоему, государь, указу, я, холоп твой, из Белогорода в станицы к урочищам и на вести по городам посылаю беспрестанно. И в проезде, государь, белогородских станичников на Поле и на реке Осколе, усть реки Осиновца, воры черкасы побивают, станичные кони и ружья грабят и станиц, государь, до урочищ не допускают. А сказывали, государь, мне, холопу твоему, белогородские станичники: нынешней де весной, государь, пришли из литовской стороны, из Миргорода, державы Концапольского воровские черкасы, атаман Гришка Торской, на реку на Донец для воровства, а с ним де, государь, воров черкас 200 человек; да из литовской стороны пришел черкашенин атаман Забузской, а с ним ляхов и черкас 70 человек, татар 30 человек, а все ехали о двуконь и стали на реке Донец в разных местах. И от тех, государь, воров чинится воровство многое и впредь, государь, от тех воров черкас к урочищам станичникам проехать немочно».[941]

Приведенные документы расходятся в оценке численности упомянутого отряда, но, в любом случае, речь идет о значительном количестве вооруженных людей, проникших на российскую территорию с целью грабежа и разбоя. Показателен состав отряда: и поляки, и черкасы, и даже татары объединились вместе. Они были хорошо подготовлены как к нападению, так и к уходу от погони. Об этом свидетельствует наличие запасных лошадей. Ранее имя Г. Торского не раз фигурировало среди черкас, разбойничавших на Северском Донце. Значит, в указанном случае речь идет о человеке, постоянно промышлявшем разбоем на российских окраинах, причем

[940] АМГ.— Т. II.— № 306.— С. 190.
[941] АЮЗР.— Т. III.— № 183.— С. 190—191.

участвовавшем и, видимо, организовывавшем как погромы российских посольств, так и нападения на жителей пограничных уездов.

Сохранявшаяся черкасская опасность обуславливала неизменность задач пограничной службы. Станичники продолжали собирать информацию о татарских и черкасских отрядах, стараясь уточнить цель прибытия черкас: «... не для городовой ли заимки и селитьбы пришли?»[942]

На порубежье продолжали опасаться черкасских вторжений. Дело в том, что и в изучаемый период на южной российской окраине продолжали действовать небольшие группы воровских черкас: «...3 апреля (1648 г. — А.П.) пришли сын боярский Семен Самылов, бит и поколот в руку рогатиной, да с ним же пришел стрелец Васька Толоконцо — ехали с Москвы в Чугуев и, как были между Белгородом и Чугуевом в Напраснитцком лесу, громили их, государь, черкас 8 человек, и, их поимав, держали у себя связанными два дня и всякую их рухлядь и лошадей забрали, да у них же, государь, взяли твое государево жалование, что было послано с ними в Чугуев, в соборную церковь: два ведра церковного вина да 6 фунтов ладана и спрашивали, государь, их, в которые места ездят города Чугуева станицы и поскольку человек ездят в станице».[943] Приведенный отрывок подтверждает, что во время восстания под руководством Хмельницкого вторжения черкас продолжались.

На следующий день, в 20 верстах от Белгорода, напротив Муравской Яруги, произошло очередное нападение. Белгородский воевода писал об этом так: «...пушкаря Апашку Пашина с четырьмя товарищами побили до смерти, а взяли черкасы на том погроме трех лошадей, две телеги, пять пищалей и, погромя их, пошли в степь; а было на том погроме черкас десять человек».[944] Судя по захваченному имуществу, нападению подверглась не сторожа и не станица, ибо пострадавшие ехали на телегах, а не верхом, как обычно передвигались военные отряды.

Как и раньше, нападениям подвергались люди, направлявшиеся за покупками или возвращавшиеся с ними домой. 3 апреля 1648 г.

[942] АМГ.— Т. II.— № 329.— С. 204.
[943] АЮЗР.— Т. III.— № 190.— С. 197—198.
[944] Там же.— № 175. — С. 183.

«...чугуевской казак Гераська Садовников поехал из Чугуева в Белгород для хлебной покупки, и поймали его черкасы в Напраснитцком лесу, человек с 30, и держали у себя связанным и день и ночь, и били его, лошадь и всякую рухлядь забрали, а чает он, Гераська, что атаман их Ивашко, твой государев изменник, чугуевской жилец».[945] Итак, во главе черкасского отряда стоял бывший российский подданный. Из текста документа не ясно, кем он был во время жизни в Чугуеве — русским служилым человеком или служилым черкашенином, но последнее, учитывая события 1641 г., более вероятно. В любом случае, он хорошо знал маршруты станиц и дороги, по которым ездили из города в город жители российского порубежья. По словам Г. Садовникова, «...черкасы ему сказывали, были де они под дорогами, что ведут в новый Царев-Алексеев город и на Валуйку, там де многих твоих государевых людей громили и лошадей и погромную рухлядь везут с собою».[946] В апреле 1648 г. в районе Святых гор воровскими черкасами был захвачен Данила Чичеринов, выкупленный в Крыму российским посланником и отправленный им в Москву. Его отвели в верховья Тора, но ему удалось убежать в Святогорский монастырь, а оттуда перебраться в Белгород.[947]

Согласно отписке Федора Арсеньева, черкасы 16 мая 1648 г. отогнали 34 лошади у вольновских служилых людей.[948] На следующий день от черкас пострадали стрелец Иван Михайлов и неслужилые люди Игнат Раздоборов, Трофим Костин, Родион Лешкорев, рыбачившие на Северском Донце. «Громили их черкасы 12 человек, а Трошку Костина ранили из пищали в ногу и ружье их и платье забрали».[949]

Черкасские вторжения, подобно татарским, лишали земледельцев домашнего и тяглого скота. «Чугуевцы, дети боярские Макар Беляев, Андрей Шемякин в роспросе мне, холопу твоему, сказали»,— писал чугуевский воевода 26 мая 1648 г.,— «...были де они, государь, на пашне, за рекою Удаем, на Кобяковой поляне и того ж,

[945] АЮЗР.— Т. III.— С. 199.
[946] Там же.— С. 199.
[947] ВУСР.— Т. II.— № 7.— С. 19—20.
[948] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 573.— Л. 284.
[949] АЮЗР.— Т. III.— № 190.— С. 198.

государь, числа в другом часу дня громили их черкасы пять человек и взяли у них шесть лошадей, ружье и платье». В процитированном документе есть место, в котором говорится о традиционном объекте черкасских нападений: «И спрашивали их те черкасы: о кою пору ездят станичники в доезды и около города разъезжают, и где под городом ходят конские и животные стада».[950]

Две группы «воровских» черкас были замечены донскими казаками на Донце и его притоках в апреле 1650 г.[951] Летом 1650 г. 500 черкас захватили ольшанских детей боярских, охотившихся в верховьях р. Богучара. Пострадавшие писали в челобитной: «...нас, холопей твоих, переграбили донага, лошадей, и платья, и всякую рухля[дь] у нас побрали, и нас, холопей твоих, перевязали, и били, и мучили разными муками. А велели нам, холопем твоим, под твои государевы городы весть себя для конных и животных стад». Далее челобитчики сообщали о сохранении верности и о том, что четверо суток находились связанными в плену, а потом смогли убежать.[952] Еще об одной стычке докладывал В.А. Репнин. Она произошла между десятью черкасами, форсировавшими Нежеголь, и посланными на них белгородскими служилыми людьми 20 августа 1650 г. В результате боя удалось отбить восемь лошадей, угнанных у белгородцев, но сами черкасы скрылись в лесу.[953]

Русской администрацией во время Освободительной войны 1648—1654 гг. предпринимались попытки стабилизировать обстановку на границе. На Северщине сделать это было проще, поскольку населения здесь, а следовательно, и служилых людей было больше. Да и сами Северские земли находились ближе к центральным районам Российского царства. Так, в июне 1648 г. для «обереганья» от прихода черкас и татар севские воеводы «...учинили в Комарицкой волости, в порубежных деревнях от литовского рубежа, сотни и велели им стоять день и ночь беспрестанно с великим береженьем...». Таким образом была создана непрерывная оборонительная линия. Войска, расположенные вблизи границы, могли быстро пре-

[950] АЮЗР.— Т. III.— С. 197.
[951] РИБ.— Т. XXIX.— Стб. 497.
[952] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 314.— Л. 53.
[953] Там же.— № 323.— Л. 594.

сечь вторжение любых вражеских сил. В этой же отписке содержится информация, относящаяся к событиям, происходившим на Украине. 16 июня 1648 г. в деревню Рожкович Севского уезда приехало около полусотни черкас. Драгуны, находившиеся в деревне, вооружившись, вышли к ним навстречу, ожидая нападения. Но прибывшие черкасы сказали, что «...от запорожского войска указ им учинен такой, что с твоими государскими людьми не велено задираться ни за что, и все де они войском запорожские казаки тебе служить рады».[954] В условиях войны с поляками гетману не выгодно было конфликтовать с мощным восточным соседом. Тем не менее, черкасы также требовали не принимать на российскую территорию бегущих от них польских подданных, обещая в противном случае изрубить пять-шесть деревень «государевых крестьян».[955] Российское царство не стремилось к конфронтации с восставшими черкасами. Польских подданных было решено не пропускать через заставы и возвращать назад.

Однако взвешенная и твердая политика российских властей вызывала недовольство запорожского гетмана. Так, посланные с письмом в Чигирин Василий Буров и Марк Антонов передали путивльским воеводам слова, якобы произнесенные в их присутствии Хмельницким: «Вы де все за дубье, да за пасеки говорите, а я де все и городы московские и Москву сломаю». Так запорожский гетман реагировал на отказ России оказать непосредственное военное содействие восставшим. Стремясь получить необходимую поддержку, он шантажировал правительство Алексея Михайловича угрозами. Его высказывания свидетели излагали так: «А он де, гетман, с тобою, государем, не мирился и креста ни в чем не целовал<...> Да и то де, государь, им Василью и Марку, он, гетман, сказал, что говорит он им про то не тайно, что подлинно де идет он на твое Московское государство войною тотчас под Путивль и на иные твои украинные городы и под Москву». Серьезность намерений подтверждали слова некоего киевлянина Лукашки, ссылавшегося на разговор с батуринским полковником Небабой. Во всех черкасских городках, через которые возвращались из Чигирина в Путивль В. Буров и М. Антонов,

[954] АМГ.— Т. II.— № 329.— С. 229.
[955] АЮЗР.— Т. III.— № 213.— С. 225.

черкасы открыто вели речь о подготовке к походу.[956] Информация подтверждалась другими источниками. Это вызывало тревогу в Путивле, который, по мнению его воевод, не мог устоять в случае черкасского удара.[957] В сентябре 1649 г. слухи о подготовке гетманом «большой войны» с «Москвой» стали известны в Севске. В качестве причины назывался отказ России прийти на помощь запорожцам во время их борьбы с поляками. Воеводы немедленно сообщили полученные сведения в Разрядный приказ.[958] В ноябре этого же года сведения о подготовке запорожцев к походу в Россию подтвердили лазутчики, посланные в Речь Посполитую из Недрыгайлова.[959]

Как следует из донесения хотмыжского воеводы К. Арсеньева, вернувшиеся из Речи Посполитой торговцы рассказали ему о том, что более тысячи черкас в начале мая 1649 г. пошли «для воровства» под государевы украинные города. Цель набега — конские и животные стада.[960] В том же году из Путивля поступили данные о готовящемся приходе на Путивльский уезд 10 тыс. татар и 8 тыс. черкас без ведома гетмана.[961] Путивльские лазутчики, вернувшиеся из Миргорода, сообщили подробности плана вторжения: татары и черкасы сначала должны были «сбить» донских казаков с Дона, а затем идти войной на российские границы.[962] Обеспокоенные такими вестями донцы направили в Запорожье трех казаков. Вернувшиеся посланцы сообщили, что в беседе с ними Хмельницкий досадовал на Войско Донское, которое не оказало ему помощи в войне с поляками. Гетман заявил о своем союзе с крымским ханом, о том, что хан готовит поход на Дон и стоит на Молочных Водах, ожидая помощи из Запорожья. Посланцы рассказали, что еще во время их пребывания в Сечи гетман отправил к крымцам 12 тыс. запорожцев.[963] 30 апреля 1650 г. на Дон прибыло посольство от Б. Хмельницкого. Оно потре-

[956] ВУСР.— Т. II.— № 115.— С. 253.
[957] См.: Там же.— № 121.— С. 284; АЮЗР.— Т. III.— № 294.— С. 377; № 295.— С. 377—378; № 296.— С. 378—379.
[958] АЮЗР.— Т. III.— № 282.— С. 357.
[959] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 304.— Л. 180—182.
[960] ВУСР.— Т. II.— № 81.— С. 198.
[961] АЮЗР.— Т. III.— № 287.— С. 362.
[962] См.: Там же.— № 297.— С. 380.
[963] РИБ.— Т. XXIX.— Стб. 442—443.

бовало прекращения действий донских казаков, направленных против Крыма и Турции.[964] Донцы воздержались от походов, вторжение не состоялось, но напряженность на границе сохранялась и в дальнейшем. В апреле 1650 г. в Москву поступили известия о подготовке совместного похода гетмана Богдана Хмельницкого и короля Яна-Казимира, заключивших к этому времени мир.[965] Вернувшийся в Рыльск 23 мая 1650 г. русский лазутчик Василий Харин подтвердил подлинность изложенных выше известий. Ссылаясь на сотника Войта из Барыловки, он добавлял, что польские войска во главе с королем первыми вторгнутся на территорию России.[966] Примерно о том же докладывал белгородский сын боярский Родион Павлов, вернувшийся из разведки. Он более определенно говорил об отказе украинского гетмана от похода, т.к. во время войны с поляками Россия помогала черкасам продовольствием. В то же время, по словам жителей Гадеча, гетман отправил сотника Трофима и есаула для определения численности войск, находящихся в Белгороде.[967] Однако возвратившийся в октябре 1650 г. в Вольный из Киева черкашенин Семен Назаров подтвердил, что Б. Хмельницкий с запорожцами и татарами совершит вторжение на российские украинные города после начала Филиппова поста (15 ноября. — А.П.). Он же перечислял главные объекты удара — Путивль и Белгород. В качестве причины называлось разорение донцами крымских улусов, в то время как татары помогали Хмельницкому сражаться с поляками.[968]

Посланный для сбора информации белгородский сотник Петр Прохоров доложил 7 ноября 1650 г. воеводам Б. Репнину и Д. Карпову о том, что черкасы не собираются нападать на приграничные города. Однако «...иные де, черкасы, напився пьяны, по корчмам говорят: не зарекаютца де, государь, они, черкасы, твои государевы украинные городы воевать и зипуны твоих государевых русских людей носить».[969] Сообщение Прохорова подтверждалось словами усердского черкашенина Исаи Маркова, бывшего по своим делам в

[964] РИБ.— Т. XXIX.— Стб. 517; Стб. 521.
[965] См.: ВУСР.— Т. II.— № 148.— С. 358—359.
[966] Там же.— № 151.— С. 362—363.
[967] Там же.— № 164.— С. 378—379.
[968] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Поместного стола.— № 39.— Л. 262—264.
[969] ВУСР.— Т. II.— № 192.— С. 466—467.

Гадече и Миргороде.[970] То же самое утверждали три севских лазутчика,[971] рылянин Иван Лагутин, путивльцы Петр Шестов, Кузьма Тишин и Максим Свиридов.[972] А черкашенин Михаил Родионов говорил, что поход состоится после того, как замерзнут реки. Он также указывал и два главных объекта, по которым нанесут основной удар черкасы с татарами — Белгород и Путивль.[973] Информацию подтвердили вольновские торговые люди Роман Дульсиков и Алексей Климов, торговавшие в украинских городках.[974] О том же говорил хотмыжский казак Данила Подшивал, ссылаясь на знакомого черкашенина Матвея Матвеева, проживавшего в Речи Посполитой.[975] Согласно царскому указу от 29 октября 1650 г., воеводам украинных городов следовало быть готовым к совместному черкасско-татарскому вторжению, которое ожидалось на Филиппов пост.[976] Одновременно и белгородский воевода предупреждал об опасности воевод других украинных городов.[977]

Заслуживает внимания следующее происшествие: 10 ноября 1650 г. в Ромны прибыли двое черкас из Чигирина, которые привезли приказ гетмана задержать всех российских купцов, торговавших на ярмарке. Приказ был добросовестно выполнен. Убежать смогли лишь двое путивльцев. По словам беглецов, остальных купцов схватили, а имущество их разграбили. Черкасам было строго наказано никого не упустить, а если от кого русский торговец убежит, то виновного надлежало казнить. По приказу гетмана, черкасы готовили пушки, коней и провиант к походу на Россию.[978] Слова путивльцев подтверждаются показаниями двух рылян: Федора Белевцева и Алексея Локтева. В отписке Алексея Измайлова, в которой излагаются события в Ромнах, указано примерное число задержанных: семеро рылян и 20 путивльцев.[979]

Приведенные факты позволяют предположить, что Богдан Хмельницкий действительно готовился к походу на Польскую и Северскую украины Российского царства, поэтому и распорядился задержать купцов, среди которых, возможно, были лазутчики. Правительство объективно оценивало поступавшие с границ России известия. Об этом свидетельствуют грамоты к воеводам приграничных крепостей.[980] Организация обороны на пути черкасско-татарского набега была поручена Б.А. Репнину. Осенью 1650 г. в Белгород для усиления гарнизона этой крепости были направлены дополнительные силы: 500 человек из Козлова, 500 драгун из Доброго и Оскола и 200 человек из Воронежа.[981] Вести о возможном походе беспокоили не только воевод российских крепостей, которые должны были принять на себя основной удар. Особенно волновались воеводы тех городов, где проживало много украинцев. Например, корочанский воевода И. Ржевский боялся «сидеть в осаде», поскольку в его крепости большинство гарнизона составляли служилые черкасы.[982]

Хмельницкий, по словам лазутчиков, в ответ на упреки по поводу вторжений черкас на российские украйны, грозился сам возглавить поход на порубежные города.[983] Среди украинских казаков распространялись слухи о подготовке гетманом похода, если царь не пришлет жалованье запорожцам.[984] Данный факт позволяет предположить, что Богдан Хмельницкий использовал военные приготовления как средство оказания давления на правительство Алексея Михайловича. Предполагая, что варшавский двор не удовлетворится невыгодными для Речи Посполитой условиями Зборовского договора 1649 г., гетман пытался склонить Россию к оказанию ему

---

[970] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 640.
[971] Там же.— Л. 653—656.
[972] Там же.— Л. 680.
[973] Там же.— Л. 645—646.
[974] Там же.— Л. 616—617.
[975] Там же.— Л. 720.
[976] Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое.— СПб., 1830.— Т. I.— № 49.— С. 248 (Далее — ПСЗ).
[977] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 610.
[978] Там же.— Л. 621—623.
[979] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 585—586.
[980] См. например: Там же.— Л. 537; 628; 663—664; 672—673; 740—744; Там же.— Столбцы Севского стола.— № 143.— Л. 55—56.
[981] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 691.
[982] См.: ВУСР.— Т. II.— № 187.— С. 454; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 314.— Л. 17.
[983] См.: АЮЗР.— Т. III.— № 280.— С. 353.
[984] См.: ПСЗ.— Т. I.— № 49.— С. 248.

действенной помощи. При этом он подкреплял дипломатические заявления демонстрацией воинственных намерений.

Между тем мир, заключенный между запорожцами и польскими властями, заставлял вернуться к оценке черкас как польских подданных и позволял использовать дипломатическое воздействие на Речь Посполитую в целях прекращения нападений запорожцев на российские окраины.[985] Дипломатические заявления не принесли желаемого результата, поскольку польское правительство не могло из-за претензий соседнего государства осложнять и так непростые отношения с украинскими казаками.

Продолжались побеги черкас, уже принятых на российскую службу. Об этом 13 сентября 1649 г. писал в своей отписке корочанский воевода Никита Доможиров: «В прошлом, во 156-м (1648), и в нынешнем, во 157-м (1649), году короченские черкасы из службы и от отцов дети многие воруют, за рубеж отъезжают...». Далее воевода сообщал о побеге трех черкас 4 августа 1649 г.[986] Отписка козловского воеводы Василия Волынского, полученная в Москве 4 мая 1649 г., рассказывает о попытке побега, предпринятой козловскими черкасами. Воевода смог задержать 23 человека. Холостых отправили в столицу для переселения, а женатых отпустили на поруки и разрешили продолжать службу на прежнем месте.[987] Не прекращались побеги черкас из Корочи. В 1650 г. под предлогом поездки за хлебом из города скрылся Ефим Свиридов с товарищами. В погоню были посланы черкасы десятка Ефима, которые в свое время поручились в его верной службе. Изменника удалось задержать. Его объяснения (беглец утверждал, что он просто отправился навестить племянника в г. Борзну, прихватив с собой свое имущество только потому, что его не на кого было оставить в Короче) были признаны неубедительными. Тем более, что при побеге он бросил в Курске лошадь с подводой, груженной зерном. Свиридова было решено переселить в Сибирь.[988]

[985] См.: ВУСР.— Т. II.— № 184.— С. 450—451.
[986] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 314.— Л. 199—200.
[987] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 573.— Л. 140—141.
[988] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 314.— Л. 18; Столбцы Поместного стола.— № 39.— Л. 213; 284—286.

Во время боевых действий против поляков, развернувшихся в ходе Освободительной войны, переселение украинцев в Россию не прекратилось. Продолжалось и несанкционированное освоение ими порубежных земель. Ответная реакция была прежней — выселение (его стремились производить мирно).[989] К примеру, по приказу вольновского воеводы в феврале 1648 г. с р. Мерла было выслано 48 пасечников-черкас.[990] Летом следующего года российские власти выдворили черкас с территории Путивльского уезда. А в конце 1649 г. вольновский воевода Федор Арсеньев в своей отписке сообщал о неэффективности мирного вытеснения украинцев с территории своего уезда. Те пасечники, которые были удалены с р. Мерла и Мерчика, вернулись вновь на прежние места. В этот раз они не собирались мирно покидать территорию своих, незаконных с точки зрения Российского царства, промыслов. По словам воеводы, на многих пасеках были сооружены укрепления («острожки»), в которых пасечники отсиживались от российских служилых людей, а порой и открывали по последним огонь из пищалей.[991] Тем не менее, российские власти настойчиво продолжали проводить политику по вытеснению украинцев со своей территории. Подобные действия вызвали возмущенное письмо конотопского городового атамана Василия Горбины. В ответном послании путивльский воевода пояснил, что «литовских людей» согнали с российской территории, на которой они осели незаконно, нанеся значительный хозяйственный ущерб Российскому государству.[992] По этому поводу тот же воевода писал 1 октября 1649 г.: «...черкасы<...> земли распахали многую (так в тексте. — А.П.), в длину верст 15, а поперег верст на 10, и хлеб сеяли оржаной и яровой, и сена покосили, и пасеки поставили, и лес хоромной и дровяной, и бортная деревья посекли, и межы и копцы перепахали, и грани попортили...».[993] 19 декабря 1649 г. хотмыжский воевода Кирилл Арсеньев сообщал о появлении черкасских пасек на притоке Ворсклы р. Грайвороны. Кроме пасечников, в Хотмыжском уезде часто встречались зарубежные черкасы. Они ловили рыбу, охотились, рубили

[989] См.: ВУСР.— Т. II.— № 186.— С. 453—454.
[990] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 571.— Л. 47—48.
[991] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 304.— Л. 194—195.
[992] АЮЗР.— Т. III.— № 269 и 270.— С. 327—339.
[993] ВУСР.— Т. II.— № 113.— С. 247.

лес и занимались другими промыслами. Частыми стали стычки черкас с российскими подданными.[994] Таким образом, налицо широкомасштабное освоение украинцами русских земель в нарушение всех предыдущих договоров России и Речи Посполитой. В тех условиях польская администрация власти над черкасами не имела, а попытки русских воевод сослать незаконных колонистов с захваченных земель успехом не увенчались.

О случившемся написали Богдану Хмельницкому, который приказал разобраться в проблеме полковнику Небабе. К последнему были отправлены русские служилые люди, пострадавшие от черкас. Их претензии не были удовлетворены: «...полковник Небаба в том твоим государевым людям сыску и расправы не учинил<...> да он же де, полковник, на них крычал и помещика Микифора Яцына лаял матерны, и за саблю примался, хотел иво сечь, и вперед де, государь, на него, Микифора с товарыщи, похвалялся убойством».[995] С проблемами, порожденными самовольным переселением черкас, лишенных контроля польской администрации, столкнулись представители российской власти г. Недрыгайлова. Черкасы, появившиеся 1 сентября 1649 г., стали притеснять «государевых людей». Они начали пахать землю, опустошать угодья, красть лошадей, жечь дворы и гумна. Как и в предыдущем случае, жалобы, обращенные к черкасскому сотнику Тихону, не достигли цели. Он с черкасами, приехав в Недрыгайлов, «...говорили невежливые слова и грозят убойством: коли де твоим государевым людем в Недрыгайлове от них, черкас, теснота, и твои б де государевы люди отошли от них прочь».[996] И это несмотря на заверения Богдана Хмельницкого, утверждавшего, что им под страхом строжайшего наказания, вплоть до смертной казни, запрещено переходить границу и нападать на российских подданных.[997]

Вероятно, Хмельницкий проводил двойственную политику. Ему приходилось маневрировать, чтобы не испортить отношения с российским правительством и сохранить поддержку населения собст-

[994] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 304.— Л. 189—190.
[995] ВУСР.— Т. II.— № 122.— С. 286.
[996] Там же.— С. 287.
[997] См.: АЮЗР.— Т. III.— № 271.— С. 339; № 276.— С. 344.

венных приграничных земель. В конце 1649 г., в результате выселения с российской территории, пострадали хозяйственные интересы полтавских казаков. Отвечая на жалобы последних в январе 1650 г., гетман просил немного потерпеть, обещая, что после того, как он разделается с поляками, то «очистит» для них пасеки и угодья, вплоть до реки Сейм.[998]

В июне 1650 г. воевода Григорий Болшев писал о расселении значительного количества черкас в Чугуевском уезде. По его словам, переселенцы построили пасеки по Донцу, Удам и Мжу, били и грабили чугуевцев. Посланные воеводой служилые люди мирно выслать черкас за рубеж не смогли, а применить силу без государева указа не посмели.[999] В это время Хмельницкий заключил мир с польскими властями, и в Белгород направили грамоту с приказанием обо всех обидных делах и незаконных поселениях писать к киевскому воеводе Адаму Киселю. Чугуевский воевода должен был сообщать в Белгород данные о конфликтах и захватах земель в своем уезде.[1000]

Приведенные примеры показывают, что обстановка на российско-украинском порубежье кардинально не изменилась с началом Освободительной войны на территории Украины. Напротив, положение осложнилось, поскольку была нарушена система польского государственного управления в указанном регионе, а к черкасам российская администрация, учитывая постоянные порубежные конфликты и их вольное переселение, относилась настороженно. Особую тревогу вызывали сообщения о подготовке черкас к походу в Россию. Такое положение, вероятно, способствовало тому, что правительство медлило с принятием решения по вопросу о прямой военной помощи Хмельницкому.

[998] РИБ.— Т. XXIX.— Стб. 364.
[999] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 291.— Л. 316.
[1000] Там же.— Л. 318—321.

§2. Ситуация на порубежье после изменения курса российского правительства в отношении Украины (1650—1653 гг.)

Согласно исследованию Г.М. Лызлова, решение о подготовке к войне с Польшей за Украину было принято московским правительством в конце 1650 г.,[1001] когда в очередной раз осложнились взаимоотношения Варшавы и Москвы в результате претензий последней на Смоленск и северские города, находившиеся в составе Польши. Даже после принятия принципиального решения об изменении курса в отношении Украины, которое влекло неизбежную войну с Польшей, осторожное царское правительство не спешило разрывать мирный договор и оказывать прямую военную помощь Богдану Хмельницкому. С другой стороны, когда правительству Речи Посполитой стало ясно, что московский двор не будет посылать войска против восставших черкас, польские дипломаты стали настаивать на российском походе в Крым.[1002] В России прекрасно понимали, что такой поход неминуемо приведет к столкновению с восставшими украинцами, поскольку гетман Б. Хмельницкий находился в союзнических отношениях с крымским ханом. Поэтому правительство Алексея Михайловича весной 1651 г. выдвинуло непременное условие для осуществления совместного похода: «...чтобы его королевская милость силой или милостью совершенно успокоил казаков и ликвидировал союз с язычниками (подразумевается договор Б. Хмельницкого с крымским ханом. — А.П.)».[1003] Таким образом, в очередной раз удалось, не нарушая заключенных ранее соглашений, разрушить планы по втягиванию России в невыгодную для нее войну.

В то же время, Хмельницкого раздражал отказ России в непосредственной военной помощи. По сообщению монаха Павла, находившегося при нем, 10 мая 1651 г. гетман клялся, смотря на икону: «Будет, на Москву не пойду и не разорю пуще Литвы; я де посылаю ото всего сердца своего, а они лицу моему насмехаютца!»[1004] Российское правительство предпринимало меры по подготовке к отражению возможного нападения. Еще в феврале 1651 г. чугуевскому воеводе было велено объявить служилым людям, чтобы они были готовы к боевым действиям против татар и черкас. Чугуевцам запрещалось ездить в Москву для суда, во всех «судных делах» им давалась отсрочка.[1005] Аналогичное указание получил воевода г. Оскол.[1006] По-видимому, подобные распоряжения были разосланы и в другие приграничные крепости, но до нашего времени не сохранились. Наказ, данный в октябре 1651 г. послу В. Унковскому, предусматривал возможность того, что гетман будет угрожать войной за отказ Алексея Михайловича помочь деньгами и войсками. Посол должен был уговорить последнего не допустить враждебных действий против «единоверных православных християн».[1007]

Вероятно, сказывался Белоцерковский договор, заключенный между Яном-Казимиром и Богданом Хмельницким в сентябре 1651 г. Гетман осознавал необходимость внешней помощи. Крымское ханство оказалось очень ненадежным союзником. Ведь в сражении под Берестечком татары не только покинули поле боя, но и увели с собою Хмельницкого, чем обрекли украинцев на поражение. Наиболее эффективным союзником могло стать Российское царство, но его правительство никак не соглашалось непосредственно включиться в боевые действия. Побудить Алексея Михайловича к принятию положительного для гетмана решения могли только веские причины. В том числе и угроза серьезных осложнений на южных рубежах государства. В этой связи становится понятным возобновление весной 1652 г. слухов о подготовке Хмельницким похода на Россию. В Гадече о походе проговорился черкашенин Андрей Безручкин.[1008] А в Полтаве между собой черкасы рассуждали, что если у них не будет схваток с поляками, то им следует организовать поход

[1001] Лызлов Г.М. К вопросу... С. 110; Он же. Польско-русские отношения в период... С. 66.
[1002] См.: Документы об освободительной войне украинского народа. 1648—1654 гг.— Киев, 1965.— № 18.— С. 47; № 20.— С. 53 (далее — Документы об освободительной войне...).
[1003] Документы об освободительной войне... № 166.— С. 425.
[1004] ВУСР.— Т. III.— № 25.— С. 67.
[1005] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 275.— Л. 74.
[1006] Там же.— № 281.— Л. 80.
[1007] ВУСР.— Т. III.— № 68.— С. 149.
[1008] РГАДА — Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 246.— Л. 147—148.

на российские украинные города.[1009] В результате, гарнизоны крепостей на Польской украйне были усилены. Туда направили казаков, драгун и московских стрельцов.[1010] А донские казаки, опасаясь похода объединенных сил турок, крымцев и черкас, разослали грамоту по своим городкам, находившимся в верхнем течении Дона, с предложением их населению «бежать в осаду на Дон».[1011]

Как следует из царских грамот к воеводам украинных городов, основной задачей станичной службы в 1650—1653 гг. было обнаружение «воровских» черкас.[1012] Объяснить это можно двумя причинами: во-первых, татары активно принимали участие в событиях на Украине и меньше нападали на российские земли, а во-вторых, отсутствием контроля над черкасами в приграничных с Россией землях. Учитывая союз последних с крымцами, белгородскому воеводе Б.А. Репнину было велено посылать станицы не только на Поле, но и к Полтаве с тем, чтобы к Белгороду и Валкам «...татаровя и черкасы на наши украины безвестно не пришли и дурна какова не учинили».[1013]

Весной 1653 г. вольновские станичники били челом, прося изменить маршрут «доезда». Объясняли они свою просьбу тем, что им приходится проезжать по территории, на которой зарубежные черкасы пасут скот и косят сено. Каждый раз черкасы гонялись за станичниками и угрожали им смертью. По-видимому, территория с черкасскими сенокосами являлась спорной, но, до перехода власти из рук польской администрации к казачьему старшине, препятствий для станиц в этом районе не возникало. Изменение маршрута привело бы к выходу из-под контроля ряда шляхов, по которым было возможно проникновение врага на российскую территорию.[1014] Указанный случай является примером одного из вариантов порубежного конфликта: станичники не могли изменить путь, а черкасы не желали пропускать их через спорные земли. Для разрешения проблемы необходимы были дипломатические меры. Но перегово-

[1009] АМГ.— Т. II.— № 494.— С. 305; РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 246.— Л. 267—268
[1010] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Московского стола.— № 246.— Л. 149.
[1011] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 349.— Л. 56.
[1012] См. например: Там же.— № 247.— Л. 224, 232—233, 243, 256.
[1013] Там же.— Л. 264.
[1014] Там же.— Столбцы Севского стола.— № 147.— Л. 293—294.

ры с украинским казацким старшиной и самим гетманом было вести труднее, чем с польскими чиновниками, поскольку у казаков не было соответствующего опыта государственного управления и внешнеполитической деятельности. Кроме того, сами черкасы в условиях восстания не склонны были выполнять невыгодные им распоряжения гетманской администрации.

В этих условиях возросла ценность сообщений о положении дел на Украине. Для получения достоверной информации о событиях в зоне восстания российские власти применили новый тактический прием. Если раньше в качестве лазутчиков использовали русских людей (преимущественно купцов), то теперь белгородскому и яблоновскому воеводам было приказано отправить для разведки за рубеж по два или три черкашенина. Объясняется это тем, что черкасы не доверяли русским, в каком бы качестве они ни появлялись на Левобережье, считая их всех соглядатаями. Так, еще в декабре 1649 г. из Вольного для разведки за рубеж были тайно отправлены служилые черкасы Алексей Мисевряд и Григорий Семенов.[1015] В 1651 г. яблоновскому воеводе предписывалось, подобрав среди служилых черкас лазутчиков, направить их за рубеж. Одной из целей разведки было прояснение вопроса: не собираются ли черкасы с татарами на российские украйны?[1016] На роль соглядатаев избрали корочанских черкас Федора Бододуха и Якова Цыгуля. Они согласились выполнить поставленную задачу. При этом черкасы обратили внимание воеводы на неубедительность традиционной в таком случае легенды, которую предложили им использовать. Они заявили, что в «Литовской стороне» их многие знают как людей военных. Если они появятся на Левобережье, в расположении войск Хмельницкого, под видом купцов с товарами, то их моментально разоблачат. У запорожцев возникнет резонный вопрос: почему купцы с товарами (известные как служилые люди Российского царства!) приехали в военный лагерь, а не организовали торговлю в тех украинских городах, через которые пролегал их путь?

В конце октября 1650 г. для разведки за рубеж из Белгорода отправился черкашенин Алексей Севр. Он обрил себе голову, оставив

[1015] РИБ.— Т. XXIX.— Стб. 361.
[1016] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 69—70, 255.

«хохол», как у запорожца, и пошел на территорию, контролировавшуюся восставшими украинцами. Вернулся Алексей 7 ноября того же года. По его словам, он на р. Берестовой встретил татарина, угостил его сухарями и в завязавшейся беседе выведал, что крымцы готовятся к набегу на российские украинные города совместно с черкасами. Получив нужные сведения, лазутчик отсек татарину голову и вернулся в Белгород.[1017]

В это же время в Валки пришел на поселение житель Полтавы Дмитрий Родионов. Он сообщил о готовящемся походе запорожцев и татар на российскую украину. Воевода Мелентий Квашнин привел его к присяге и отправил назад в Полтаву для уточнения сообщенных им сведений. Вечером 2 ноября 1650 г. Д. Родионов вернулся в Валки. Он показал, что информация о подготовке похода на территорию Российского царства осенью этого года, после ледостава, подтверждается словами многих полтавских черкас, городского судьи Василия и татар, с которыми он говорил, находясь за рубежом. С этими вестями Дмитрий Родионов был отправлен в Москву.[1018]

Российские власти продолжали использовать и традиционные формы разведки на Поле. 26 сентября в Белгороде воевода Б.А. Репнин получил очередное приказание из Разряда. В грамоте речь шла о появлении шести тысяч черкас на Дону. Донским казакам они заявили, что пришли на Кальмиусскую сакму, чтобы подкараулить татар. Однако донцы усомнились в истинности их слов, о чем и сообщили в Москву. В войсковой отписке казаки предполагали, что на самом деле запорожцы их обманывают и планируют вместе с татарами ударить по Войску Донскому. Для выяснения истинных обстоятельств в степь был отправлен белгородский сотник Петр Прохоров.[1019]

Задача организации разведки ставилась правительством перед пограничными воеводами и в следующем году. Лазутчикам давалось довольно приличное жалованье: от 6 до 8 руб. При необходимости они обеспечивались лошадьми. Для соблюдения секретности лазутчики не должны были знать о своих товарищах, посланных воеводой

[1017] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Белгородского стола.— № 323.— Л. 647.
[1018] Там же.—Л. 675—677.
[1019] Там же.— № 323.— Л. 685.

с аналогичной целью в Речь Посполитую.[1020] Размер жалованья зависел и от конкретных задач разведчика. Так, «иноземцу» Лукьяну Климовскому, направленному в апреле 1651 г. в г. Черкасы, было выдано 15 руб. деньгами и шесть пар соболей.[1021] Легенда, придуманная для лазутчиков-черкас, была очень правдоподобной: возвращение на родину для участия в войне с поляками.[1022] Приведенный факт говорит также о появлении определенного числа таких черкас, которым власти могли полностью доверять. Это свидетельствует о прочном укоренении части переселенцев в России. Практика отправки черкас-лазутчиков была продолжена и в дальнейшем.

В 50-е годы XVII в., как правило, прием переселенцев производился в соответствии с выработанными ранее принципами. Небольшие группы (от 20 до 200 человек) семейных черкас размещали в городах Белгородской черты, одиноких отсылали на Дон, а большие отряды решено было сразу отправлять в низовья Волги.[1023] В 1651 г. по городам Белгородской черты, а также в Путивль, Брянск и Севск было разослано распоряжение. В нем сообщалось о некоторых изменениях в механизме приема черкас в российское подданство. Теперь группы переселенцев (численностью до двухсот человек) в сопровождении приставов было велено направлять в Яблонов. Здесь воевода Борис Александрович Репнин должен был распределять их на поселение в Коротояк, Воронеж или Козлов. В случае появления более значительных масс украинцев, их следовало сразу посылать в Поволжье.[1024]

Как и раньше, имели место побеги черкас, расселенных ранее на южной окраине России. В августе 1651 г. трое корочанских черкас сказали своим женам, что поехали косить сено, но назад не вернулись. Воевода решил, что последние ушли за рубеж, и велел дать их семьи на поруки, стремясь предотвратить возможный побег.[1025] Приведенный пример свидетельствует, что, несмотря на изменение внешнеполитической обстановки, политика российской администт-

[1020] АМГ.— Т. II.— № 474.— С. 295.
[1021] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 275.— Л. 362.
[1022] ВУСР.— Т. III.— № 35.— С. 82—83.
[1023] См.: ВУСР.— Т. III.— № 44.— С. 93—94; № 50.— С. 100—101.
[1024] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 143.— Л. 440—441.
[1025] Там же.— Столбцы Приказного стола.— № 281.— Л. 15.

рации в отношении черкас не изменилась. Однако с началом Освободительной войны усилился поток черкас, бежавших из России к себе на родину. Правительство даже было вынуждено предпринять соответствующие меры. Летом 1651 г. яблоновскому воеводе Б.А. Репнину приказали послать по Белгородской черте дворян и подьячих, велев им подробно переписать все «погосты, поместные и вотчинные села, деревни, починки, пустоши». Переписав, передать их жителям государев указ: ловить бегущих черкас. За каждого пойманного обещалось вознаграждение, а за укрывательство или содействие беглецу — смертная казнь. Поскольку в Валуйском, Чугуевском и Валковском уездах не было населенных пунктов, кроме пригородных слобод, то указ был передан городским воеводам.[1026]

В середине XVII столетия процесс адаптации черкас, служивших российскому царю, еще не завершился. Например, отписка оскольского воеводы Ивана Языкова, полученная в столице 24 января 1652 г., сообщала о черкасах, которые «...государево денежное жалованье пропивают, а твои государевы никакие службы не служат, на вести, и на сторожи, и в станицы не ездят и валового дела не делают, и на валу не стаивоят (так в тексте. — А.П.)».[1027] Истома Сухотин, ольшанский воевода, в 1652 г. писал о затруднениях, связанных со сбором хлеба в государеву житницу. В 1651 г. ольшанские черкасы были освобождены от указанного сбора. Сделано это было для облегчения обзаведения ими хозяйством на новом месте. Переселенцы восприняли разовое распоряжение как длительную льготу (по аналогии с порядками, принятыми в Речи Посполитой) и отказались сдавать рожь и на следующий год. В Разряде возмущенным ольшанским черкасам дали соответствующие пояснения и велели хлеб сдать.[1028] Процитированные документы свидетельствуют о продолжавшихся сложностях, связанных с тем, что черкасы не до конца осознавали себя служилыми людьми Российского государства и зачастую не до конца понимали те порядки, при которых им предстояло жить.

[1026] РГАДА.— Ф.210.— Столбцы Поместного стола.— № 39.— Л. 35—41.
[1027] Там же — Столбцы Приказного стола.— № 281.— Л. 81.
[1028] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 332.— Л. 82.

В то же время имеются примеры очень дисциплинированного поведения служилых черкас. Летом 1651 г. крестьяне из Белгородского уезда скосили сено во владениях корочанских черкас, когда те были на службе (строили вал Белгородской черты). Вернувшиеся черкасы не стали применять силу, а подали челобитную, подчеркивая, что без «государева указа» не смеют трогать это сено. В ответ на челобитную яблоновскому воеводе было отдано указание определить количество скошенного русскими крестьянами у черкас сена и охранять его до получения особого распоряжения. Сена оказалось 1120 копен, собранных в 56 стогов. В дальнейшем оно было возвращено черкасам, а нарушителей наказали батогами.[1029] Подобным образом действовали оскольские черкасы в 1652 г., когда их земли были отданы сыну боярскому Савелию Павлову. Павлов, прося выделить себе участок, обманул воеводу, назвав черкасские сенные покосы «порожжими землями».[1030] В этом же году, в результате расследования, начатого после подачи служилыми черкасами челобитной, был установлен факт нарушения прав черкас при размежевании их земель с владениями русских казаков и пушкарей в Короче. В 1649 г. воевода Никита Доможиров передал часть черкасской пашни пушкарям. В результате, стали возникать постоянные конфликты. После расследования спорные земли были возвращены черкасам.[1031]

Продолжалось неконтролируемое правительством освоение черкасами земель, приписанных к российским уездам. Как и раньше, черкасы приходили, в основном, для промыслов, селясь, не принимали российского подданства. Как и раньше, незаконных мигрантов пытались выселять, но безрезультатно. Изложенное хорошо иллюстрирует «Роспись литовским пасекам..», присланная в Яблонов из Ольшанского уезда. В ней перечислено девять пасек, отмечено, что черкасы не желают покидать места своих промыслов до окончания сезона.[1032] Из отписки вольновского воеводы А. Щепотева от 10 июня 1651 г. следует, что пасечники-черкасы, высланные ранее из Вольнов-

---

[1029] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Приказного стола.— № 281.— Л. 44—83.
[1030] Там же.— Л. 126.
[1031] Там же.— Столбцы Московского стола.— № 252.— Л. 30—31.
[1032] ВУСР.— Т. III.— № 63.— С. 138—139.

ского уезда, вновь поселились в тех местах, где жили раньше.[1033] Только в одной Тенецкой волости Путивльского уезда Семен Черепов, посланный воеводой проверить жалобы русских жителей этой территории, насчитал 12 нелегальных пасек.[1034] Черкас не остановил даже указ Богдана Хмельницкого, который запретил своим подчиненным переселяться на российские земли и «чинить на порубежье задоры» под страхом смертной казни.[1035]

Пасечники оставались в Вольновском уезде и в 1652 г. Присягу на верность царю Алексею Михайловичу они принимать не хотели, но и уходить обратно не собирались. Яблоновскому воеводе Г.С. Куракину было приказано выслать их, не применяя силу. Нелегальных жителей, которые откажутся уехать, следовало «привести ко кресту», а если не захотят принимать подданство, но и не покинут российскую землю, то нужно было выдворить их насильно.[1036] Как свидетельствует отписка вольновского воеводы Владимира Новосильцева, черкасы не покинули уезд. 15 июня в «доезд» был послан стрелецкий сотник О. Сырой, который составил список пасек. Согласно этому документу пасечников послал полтавский полковник Мартын Пушкаренко и опошинский сотник Сергей Топличенко.[1037]

Много черкас появилось в Путивльском уезде в феврале 1652 г. Они занимали пашни и луга путивльских дворян и детей боярских, что служило причиной многочисленных конфликтов.[1038] Настороженно относились к появлению черкас на соляных варницах р. Тор. Из отписки яблоновского воеводы Г. Куракина следует, что 12 мая 1653 г. к нему поступило распоряжение об отправке станицы из Валуйки для уточнения численности черкас на варницах, выяснения, с семьями они пришли или нет, чем занимаются и имеются ли укрепления у их лагеря. Вернувшись, станичники доложили, что черкас около 400 человек (без семей), они варят соль и селиться не собираются.[1039]

[1033] РГАДА.— Ф. 210.— Столбцы Севского стола.— № 129.— Л. 583.
[1034] Там же.— Столбцы Белгородского стола.— № 338.— Л. 6.
[1035] Там же.— Л. 588—589.
[1036] Там же.— № 333.— Л. 404—405.
[1037] Там же.— Л. 474—479.
[1038] ВУСР.— Т. III.— № 89.— С. 196—197.
[1039] Там же.— № 167.— С. 318.

Даже в 1653 г., когда вопрос о вхождении Украины в состав Российского царства был практически решен, на порубежье происходили различные столкновения. Учитывая обстановку, Богдан Хмельницкий стремился предпринимать меры для разрешения порубежных проблем. Например, 14 июля 1653 г. гетман издал универсал, которым предписывал почепскому сотнику освободить российских подданных, находящихся в тюрьме, и вернуть отобранное у них имущество.[1040]

Приведенные примеры говорят о сохранении тревожной обстановки на российско-украинском порубежье в начале 50-х годов XVII в. Можно отметить сокращение числа пограничных конфликтов, но также необходимо подчеркнуть, что, несмотря на принятое Земским собором 1653 г. решение о включении Украины в состав Российского царства, местные власти продолжали сохранять настороженность по отношению к черкасам. Кроме того, украинцы, жившие на российской земле и уже служившие государству, еще не полностью адаптировались к новым для себя условиям, что создавало дополнительные сложности в российско-украинском взаимодействии на порубежье.

Анализ обстановки на российско-украинском порубежье в 1648—1653 гг. позволяет заключить, что с началом Освободительной войны в 1648 г. обстановка на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией осложнилась, и до конца 1650 г. тенденция к сближению сторон не прослеживается. Принятый в Москве курс на вхождение Украины в состав Российского царства не изменил принципиально ситуацию в зоне непосредственного контакта населения смежных территорий. Настороженность в отношении черкас сохранялась вплоть до 1654 г. Причиной этому было ослабление контроля за черкасами в приграничном с Россией регионе, вызванное ликвидацией польской администрации на Левобережье. В сравнении с поляками, Богдан Хмельницкий, в целом, был настроен по отношению к России более лояльно, но хуже контролировал ситуацию. Кроме того, союз с крымцами накладывал на гетмана определенные обязательства. Хмельницкому приходилось

[1040] ВУСР.— Т. III.— С. 331.

проявлять чудеса дипломатической изворотливости для сохранения необходимого ему союзника, в том числе и неоднократно заверять хана в готовности совместно с татарами выступить против России. Кроме того, слухи о возможном черкасском нападении на Россию позволяли запорожскому гетману оказывать давление на московский двор, побуждая его к более решительным действиям. Вместе с тем, по всей видимости, Богдан Хмельницкий не решился бы на подобный поход, поскольку в тех условиях он был невыгоден Украине.

В то же время политика, проводившаяся Российским царством на порубежье в отношении украинцев, стала более жесткой. Усилились меры, направленные на обеспечение безопасности границ от черкасских вторжений, тщательнее стал осуществляться контроль за принятием переселенцами российского подданства, энергичнее проводились репрессии по отношению к черкасам, пытавшимся бежать на Украину.

Таким образом, российско-украинские отношения, вплоть до объединения, определялись политическим расчетом и соображениями государственной безопасности. Новым явлением стали прямые переговоры с Украиной, признанной де-факто обладателем суверенных прав. Однако это обстоятельство не изменило отношения к черкасам в приграничной зоне. Они по-прежнему рассматривались как иностранные подданные и как постоянный источник угрозы для российских владений. Ситуация изменилась только после последовавшей за Переяславской радой 1654 г. присягой запорожцев и всех жителей Левобережья на верность российскому государю, в результате чего все они стали подданными Российского царства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XVI — первой половине XVII вв. на южных рубежах России — в Днепро-Донской лесостепи — встретились потоки российской и украинской колонизации. Их взаимодействие, как об этом свидетельствуют результаты проведенного исследования, было сложным и противоречивым. Конкуренция в освоении новых пространств развернулась на фоне постоянных татарских набегов. Именно необходимость борьбы с последними подтолкнула Российское царство к продвижению в Поле. При его освоении российские служилые люди и руководившие ими должностные лица столкнулись с неожиданным препятствием — украинскими казаками-черкасами. Анализ русских посольских книг и дипломатических материалов Литовской метрики второй половины XVI в. показывает, что до 80-х годов XVI в. постоянных контактов с подданными Речи Посполитой — черкасами — у россиян не было. Они начались с середины 70-х годов XVI в., когда Российское государство организовало сторожевую службу на южной окраине страны. Но действительно регулярными контакты стали с середины 80-х годов XVI в., когда на Поле стали появляться российские крепости. Наплыв украинских переселенцев был настолько значительным и их вооруженные вторжения на заселяемую русскими территорию были настолько частыми, что игнорировать фактор противоборства между представителями двух народов невозможно. Связанные с этим противоборством явления влияли на жизнь региона и опреде-

ляли проводившуюся в отношении Поля политику России не меньше, чем татарские набеги, подробно рассмотренные в отечественной исторической литературе.

Вместе с тем, наблюдения над источниками не дают основания соглашаться с выдвигавшимся в украинской историографии тезисом о приоритете украинской колонизации исследуемого региона. Заселение осуществлялось одновременно с севера и с запада.

Вооруженные конфликты на границе между Россией и украинскими землями Речи Посполитой были постоянным явлением. При столкновениях обладавшие хорошими военными навыками и вооружением черкасы представляли для российских служилых людей опасность большую, чем татары. К тому же небольшие черкасские отряды были трудноуловимы, поскольку нападали внезапно, из засад, тщательно готовили свои акции, изучая местность и маршруты передвижения российских сторож, станиц, посольств, служилых и жилецких людей. Под воздействием международной обстановки небольшие порубежные конфликты перерастали в широкомасштабные военные действия. Так было во время Смуты и Смоленской войны. Особо следует подчеркнуть, что черкасы, в отличие от татар, с успехом штурмовали российские крепости. Во время войн между Российским царством и Речью Посполитой черкасские отряды, составлявшие часть польской армии вторжения, захватывали российских подданных в плен. В остальное время черкасы довольствовались имуществом, вооружением и скотом, который угоняли из российских окраин.

Значительные массы украинцев пытались основать постоянные поселения в районах, уже считавшихся российским правительством своими. В этой ситуации проявилось преимущество российской колонизации. Она осуществлялась государством, строившим города-крепости, распространяя тем самым свой суверенитет на новые земли. Опираясь на создаваемые здесь вооруженные силы, Российское царство вытесняло украинских поселенцев с занимаемой ими территории.

По окончании Смоленской войны Россия развернула строительство Белгородской черты. Создаваемая сеть укреплений обусловила окончательное закрепление ее в данном регионе, позволила не только эффективно противостоять татарским набегам, но и усилить

контроль над народной украинской колонизацией и сделала бесперспективными польские планы, направленные на возвращение этих территорий. Таким образом, колонизационная политика, последовательно проводившаяся Россией, оказалась более результативной, чем спонтанное переселенческое движение с Украины, не имевшее государственной поддержки.

Однако в конфликте между Российским государством и украинскими колонистами было найдено место компромиссу. Этот компромисс оказался жизнеспособным и послужил основой для последующего сосуществования двух народов на одной территории, позволил России на протяжении первой половины XVII в. успешно продолжить колонизацию Поля. Предпосылкой к его достижению стала совместная борьба с татарскими набегами. Основу составило поступление черкас на российскую службу, в результате чего за несколько десятилетий на южной окраине России сформировался особый слой населения — служилые черкасы. Начиная с последнего десятилетия XVI в., в приказных документах и отписках российских воевод прослеживается разделение черкас на служилых и «воровских». Выделяясь среди русских служилых людей и крестьян, служилые черкасы, благодаря этнокультурному родству и общему православному вероисповеданию, быстро адаптировались к существованию в России. Вместе с тем, в первой половине XVII в. эта адаптация еще не была полной. Нередкими были конфликты служилых черкас с местными властями и русскими соседями. Порождались указанные конфликты не этническими, а имущественными и правовыми противоречиями. Проявлялись они, в основном, в неповиновении властям и уходе за пределы Российского царства. Такие «черкасские измены» вызывали жесткую реакцию российской администрации, т.к. уход населения обратно в Речь Посполитую ослаблял российские позиции на Поле и усиливал последнюю. Но, по мере накопления опыта совместного проживания на границе и использования черкас в качестве российских служилых людей, центральная и местная власть смогла выработать политику, обеспечившую укоренение переселенцев на новом месте. Суть ее состояла в упорядочении службы, повышенном внимании к черкасам, превентивных мерах, направленных на раскрытие готовящихся «измен», и перемещения наиболее мобильных, а потому самых нена-

дежных, холостых и малоимущих черкас подальше от границ с украинскими землями Речи Посполитой. После упорядочения службы черкас, в 40-е годы XVII в., российское правительство смогло более энергично проводить свою политику в регионе и, в конечном счете, использовать людские ресурсы, прибывающие с Днепровского Левобережья, в своих интересах.

Учитывая, что противоречия, присущие столкновению российской и украинской колонизации, развивались накануне Освободительной войны 1648—1654 гг., а в ее ходе интенсивность конфликтов убавилась, но напряженность в приграничной зоне сохранилась, нельзя абсолютизировать тезис о стремлении двух народов к воссоединению своих исторических судеб. В то же время, опыт совместного проживания, выработанный в ходе взаимодействия подданных России и переселенцев с украинских земель Речи Посполитой в процессе колонизации Днепро-Донской лесостепи, в дальнейшем сыграл положительную роль в становлении русско-украинских отношений в рамках единого государства. После Переяславской рады 1654 г., провозгласившей вхождение Левобережья в состав Российского царства, ситуация в регионе кардинально изменилась. Жители Украины стали российскими подданными, а рассматриваемая территория перестала быть приграничной зоной. Традиции совместной борьбы с вторжениями татар были продолжены в дальнейшем, что, в конечном счете, обеспечило полную ликвидацию крымской опасности на юге России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук;
АЕ	—	Археографический ежегодник;
АЗР	—	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею;
АИ	—	Акты исторические, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею;
АМГ	—	Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук;
АРП	—	Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества (собрал и издал А. Юшков);
АЮЗР	—	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею;
ВИ	—	Вопросы истории;
ВУСР	—	Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах;
ДАИ	—	Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею;

ДР — Дворцовые разряды;

ДРВ — Древняя российская вивлиофика;

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения;

КПМВКЛ — Книга посольская метрики Великого княжества Литовского;

КС — Киевская старина;

ОИ — Отечественная история;

ПИВЕ — Памятники истории Восточной Европы;

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое;

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей;

РД — Русский дипломатарий;

РЗ — Российское законодательство X—XX веков;

РИБ — Русская историческая бибилиотека, издаваемая Археографическою комиссиею Академии наук;

РК — Разрядная книга;

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества;

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел;

СРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв.

УІЖ — Український історичний журнал;

ЧОИДР — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете;

HUS — Harvard Ukrainan Studies.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

1. Ф. 79. Посольский приказ.— Оп. 1.— Кн. 17; 18; 20; 21; 22; 32; 35; 40.
2. Ф. 124. Малороссийские дела.— Оп. 1.— № 2.
3. Ф. 141. Приказные дела старых лет.— Оп. 1.— №1; 2; 5; 13.
4. Ф. 210. Разрядный приказ:

Дела десятен.— № 214.

Книги Белгородского стола.— № 15; 31; 26.

Книги Денежного стола.— № 99; 189; 283; 295.

Книги Московского стола.— № 2; 12; 18.

Столбцы Белгородского стола.— № 11; 20; 24—25; 35; 50; 53; 54; 60; 62; 64; 74; 82; 83; 103; 107; 108; 115; 118; 121; 127; 131—133; 138—139; 140; 144; 151; 154; 158; 161; 165; 168; 170; 177; 179; 181; 184; 189; 195; 211; 219; 231; 242; 247; 255—256; 291; 302; 304; 314; 323; 332; 333; 338—339; 349.

Столбцы Московского стола.— № 11; 27; 58; 61; 75; 79; 101; 102; 134—135; 246; 252.

Столбцы Поместного стола.— № 21; 24; 39; 121.

Столбцы Приказного стола.— № 5; 25; 32; 40; 42; 48; 57; 60; 72; 91; 99; 124; 129; 132; 134; 135; 144; 162—163; 169; 170; 257; 275; 281; 567; 569; 571; 573.

Столбцы разных столов.— № 125.

Столбцы Севского стола.— № 77; 95; 112; 117; 118; 124; 129; 143; 147.

5. Ф. 389. Литовская метрика.— Оп. 1.— Кн. 580—581, 587; 593—594; 597—598; 647; 650.
6. Ф. 1209. Архив прежних вотчинных дел.— Оп. 1.— Кн. 15817.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

1. Ф. 28. Коллекция актов И.Д. Беляева.— Картон 8.— Д. 15; 18.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ УКРАИНЫ

1. Ф. 1791. Чугуевская приказная изба.— Оп. 2.— Д. 19.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. (Собрал и издал А. Юшков).— М.: Унив. тип., 1898.— Ч. I.— 417 с.
2. Акты XVI—XVIII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым.— М.: Унив. тип., 1897.— 131 с.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб.: Тип. Экспедиции заготовл. гос. бумаг, 1841.— Т. II.— 442, 29 с.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб.: Тип. Экспедиции заготовл. гос. бумаг, 1841.— Т. III.— 520 с.
5. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук.— СПб.: Тип. Акад. наук, 1980.— Т. I.— XLIV, 767 с.
6. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук.— СПб.: Тип. Акад. наук, 1894.— Т. II.— XLV, 773 с.

7. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб.: Тип. Праца, 1853.— Т. V.— VII, 288, 21 с.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.— СПб.: Тип. Кулешова, 1861.— Т. III.— I, 561 с.
9. Акты, относящиеся к Малороссии. Из документов Московского архива министерства юстиции.— Без тит. л. и обл.— 48 с.
10. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук.— СПб.: Тип. II отделения, 1836.— Т. IV.— 500, 21 с.
11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской Академии наук.— СПб.: Тип. II отделения, 1836.— Т. II.— 392, 19 с.
12. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи, археографическою экспедициею императорской Академии наук.— СПб.: Тип. II отделения, 1836.— Т. III.— 496, 24 с.
13. Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII вв.— М.: Изд-во МГУ, 1967.— 541 с.
14. Багалей Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний.— Харьков: Тип. Счасны, 1890.— Т. II.— XV, 222 с.
15. Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею.— III.— Б.м и г.— Ч. I.— VIII, 458 с.
16. Баранов К.В. Акты XVI — начала XVII века из местнических дел // РД.— М.: Древнехранилище, 2001.— С. 35—51.
17. Боплан Г. Описание Украйны.— СПб.: Тип. Крайя, 1832.— XX, 179 с.
18. Боплан Г.Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з іхніми звичаями, способом життя і ведення воєн.— Київ: Наук. думка, 1990.— 254 с.
19. Он же. Описание Украины, нескольких провинций королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн.— Киев: Наук. думка, 1990.— 112 с.
20. Буссов К. Московская хроника. 1584—1613.— М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.— 400 с.
21. Воронежские акты. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Изд. 2-е.— Воронеж: Тип. губ. правления, 1851.— Кн. I.— 108, 94 с.

22. Воронежские акты. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Изд. 2-е.— Воронеж: Тип. губ. правления,1852.— Кн. II.— 202, 99, VIII с.
23. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— Т. I.— 587 с.
24. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— Т. II.— 559 с.
25. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— Т. III.— 645 с.
26. Дворцовые разряды.— СПб.: Тип. II отделения, 1850.— Т. I.— XXXVI, 1124, XII стб.
27. Дворцовые разряды.— СПб.: Тип. II отделения, 1850.— Т. II.— IV, 976, II стб.
28. Дневник Марины Мнишек.— СПб.: Дмитрий Буланин,1995.— 201 с.
29. Документы об Освободительной войне украинского народа. 1648—1654 гг.— Киев: Наук. думка, 1965.— 826 с.
30. Документы Печатного приказа (1613—1615 гг.).— М.: Наука, 1994.— 479 с.
31. Донские дела.— Кн. I. // РИБ.— СПб., Изд-во Акад. наук., 1898.— Т. XVIII.— 1006 стб.
32. Донские дела.— Кн. II. // РИБ.— СПб., Изд-во Акад. наук., 1906.— Т.XXIV.— 1112 стб., 69 с.
33. Донские дела.— Кн. III. // РИБ.— СПб., Изд-во Акад. наук., 1909.— Т.XXVI.— 1022 стб.
34. Донские дела.— Кн. IV. // РИБ.— СПб., Изд-во Акад. наук., 1913.— Т.XXIX.— 1013 стб.
35. Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею.— СПб.: Тип. Праца, 1846.— Т. I.— III, 400, 18, 14 с.
36. Древняя российская вивлиофика.— М.: Компания типографическая, 1790.— Ч. 14.— 496 с.
37. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века.— Л.: Наука, 1986.— 262 с.
38. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год).— М.: Унив. тип., 1843.— Т. 1.— XX, 482 с.
39. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год).— М.: Унив. тип., 1843.— Т. 2.— II, 285, V с.

40. Краткая повесть о злополучии и счастии Дмитрия, нынешнего князя Московского // ЧОИДР.— 1875.— №3.— Отд. IV.— С. 1—12.
41. Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси.—М.: Обществ. польза, 1877.— Т. I.— XVIII, 323 с.
42. Летопись историко-родословного общества в Москве.— Вильна: б. изд., 1910.— Вып. 2—3.— VIII, 105 с.
43. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.— Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1891.— IX, 206 с.
44. Литовская метрика. Отд. I. Ч. I. Т. 1 // РИБ.— СПб.: Сенатская тип., 1910.— Т. XXVII.— IX, 38 с., 872, 151 стб.
45. Литовская метрика. Отд. I. Ч. II. Т. 1 // РИБ.— СПб.: Сенатская тип., 1903.— Т. XX.— 50 с., 1566, 258 стб.
46. Литовская метрика. Отд. I. Ч. III. Т. 1 // РИБ.— СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1915.— Т. XXXIII.— II с., 1387 стб.
47. Литовская метрика. Отд. I—II. Ч. III. Т. 1 // РИБ.— СПб.: Сенатская тип., 1914.— Т. XXX.
48. Литовская метрика.— Vilnius: Mokslor enciklop. Ieidybos inst., 1998.— Кн. 1.— 207 p.
49. Мархоцкий Н. История Московской войны.— М.: РОССПЭН, 2000.— 223 с.
50. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты.— Новочеркасск: Войсковая тип., 1864.— 332 с.
51. Материалы по истории Воронежской и соседних губерний.— Воронеж: Тип. губ. правления, 1889.— Вып. 16.— 1607—1813, IV с.
52. Новый документ о Самозванце // КС.— 1899.— Вып. 1.— Отд. II.— С. 8—13.
53. О денежных доходах с городов Ельца, Ливен и Лебедяни до черкасского разоренья 1618 г. // ЧОИДР.— 1909.— № 2.— Отд. IV.— С. 40.
54. Описи царского архива XVI века и архива посольского приказа 1614 г.— М.: Изд-во восточной лит., 1960.— 195 с.
55. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Т. I. // Сб. РИО.— М.: Тип. Леснера и Совко, 1882.— Т.35.— VI, XXII, 869, 87 с.
56. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Т. IV. // Сб. РИО.— М.: Тип. Леснера и Совко, 1912.— Т.137.— 808 с.
57. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством. Т. V. // Сб. РИО.— М.: Тип. Леснера и Совко, 1913.— Т. 142.— 770 с.

58. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3-е // РИБ.— Л.: Изд-во АН СССР, 1925.— Т. XIII.— Вып. 3.— 900 стб.
59. Памятники истории Восточной Европы.— М.-Варшава: Археограф. центр, 1995.— Т. I.— 160 с.
60. Памятники, относящиеся к Смутному времени // РИБ.— СПб., 1872.— Т. I.— 846 стб.
61. Писцовые книги Рязанского края. 2-е изд.— Рязань: Рус. слово, 1996.— Т. 1.— Вып. 1.— 664 с.
62. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. — М.: Синодальная тип., 1915.— XXIV, 238 с.
63. Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографическою комиссиею.— М.: Унив. тип., 1848.— Т. I.— VIII, 326, 22 с.
64. Повествование о Дмитрии Самозванце, собранное Бореццо Борецци // ЧОИДР.— 1848.— №5.— Отд. III.— С. I—VI, 1—22.
65. Повесть об осаде города Михайлова гетманом Сагайдачным в 1618 г. // КС.— 1885.— № 12.— С. 684—689.
66. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое.— СПб.: Тип. имп. канцелярии, 1830.— Т. I.— 1029 с.
67. Полное собрание русских летописей.— М.: Наука, 1978.— Т.XXXIV.— 303 с.
68. Разрядная книга 1475—1598 гг.— М.: Наука, 1966.— 614 с.
69. Разрядная книга 1475—1605 гг.— М.: Изд-во АН СССР, 1987.— Т. III.— Ч. I.— 232 с.
70. Разрядная книга 1475—1605 гг.— М.: Изд-во АН СССР, 1987.— Т. III.— Ч. II.— 236 с.
71. Разрядная книга 1475—1605 гг.— М.: Изд-во АН СССР, 1989.— Т. III.— Ч. III.— 228 с.
72. Разрядная книга 1550—1636 гг.— М.:, 1975.— Вып. 1.— 242 с.
73. Разрядная книга 1550—1636 гг.— М.:, 1976.— Вып. 2.— 242—429 с.
74. Разрядная книга 1559—1605 гг.— М.:, 1974.— 436 с.
75. Разрядная книга 1598—1636 гг.— М.: Изд-во АН СССР, 1974.— 398 с.
76. Разрядная книга 1637—1638 года.— М.: Изд-во АН СССР, 1983.— 187 с.
77. Российское законодательство X—XX веков. В 9-ти т.— М.: Юрид. лит., 1985.— Т. 2.— 520 с.
78. Российское законодательство X—XX веков. В 9-ти т.— М.: Юрид. лит., 1985.— Т. 3.— 512 с.
79. Рукопись Жолкевского.— М.: Унив. тип., 1835.— X, 348 с.
80. Синбирский сборник.— М.: Тип. А. Селина, 1845.— Т. I.— разд. паг.

81. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.— СПб.: Тип. Всеволожского, 1819.— Ч. II.— VIII, 19, 610 с.
82. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.— СПб.: Тип. Всеволожского, 1822.— Ч. III.— III, 540, 12 с.
83. Сторожев В.Н. Материалы для истории русского дворянства.— М.: Изд-во ОИДР, 1909.— Вып. II.— IV, 222, 56 с.
84. Флетчер Д. О государстве Русском.— М.: Захаров, 2002.— 168 с.
85. Царския грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР.— 1859.— № 2.— Отд. 2.— С. I—II, 1—54, 1—254.
86. Lietuvos metrika.— Vilnius: Mokslo ir encikl. leidybos inst., 1998.— Kn. N. 25.— XXII, 460 p.
87. Lietuvos metrika.— Vilnius: Zara, 1998.— Kn. N 3.— 166 p.
88. Lietuvos metrika.— Vilnius: Zara, 1999.— Kn. N 530.— 116 p.
89. Lietuvos metrika.— Vilnius: Vilniaus univ. l-kla.— 1999.— 8-oji Teismu bylu knyga.— XCIV, 305 p.
90. Lietuvos metrika.— Vilnius: Zara, 2000.— Kn. N 51.— 485 p.
91. Lietuvos metrika.— Vilnius: Zara, 2001.— Kn. N 532.— 156 p.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Абрамович Г.В. Князья Шуйские и российский трон.— Л.: Изд-во Ленинградского госуниверситета, 1991.— 190 с.
2. Аверьянов К.А. Генеалогический анализ состава воронежских служилых людей начала XVII в. // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1991.— С. 31—33.
3. Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI — первой половине XVII веков.— Саратов: Изд-во Саратовского госуниверситета, 1961.— 271 с.
4. Александров В.А. Организация обороны южной границы Российского государства во второй половине XVI—XVII вв. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв.— М.: Наука, 1979.— С. 159—173.
5. Алексеев Л.В. О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь.— М.: Наука, 1968.— С. 245—250.
6. Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков.— М.: Стройздат, 1989.— 216 с.

7. Андреев А.Р. История Крыма.— М.: Межрег. центр отрасл. информатики, 1997.— 255 с.
8. Анхимюк Ю.В. В.И. Буганов и источниковедческие проблемы исследования разрядных книг // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).— М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001.— С. 37—48.
9. Апанович Е.М. Переселение украинцев в Россию накануне Освободительной войны 1648—1654 гг. // Воссоединение Украины с Россией.— М.: Изд-во АН УССР, 1954.— С. 78—104.
10. Артемьев А.Г. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII века и типы оборонительных сооружений // ОИ.— 1998.— № 5.— С. 140—147.
11. Артюшевский О.П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии.— Киев: Вища шк., 1987.— 155 с.
12. Архангельский С.И. Украинский вопрос и Польша в середине XVII в. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая.— Горький: Изд-во Горьковского госуниверситета, 1957.— Вып. 48.— С. 79—88.
13. Багалей Д.И. К истории заселения степной окраины Московского государства. Ч. I—II // ЖМНП.— 1886.— № 5.— С. 87—105.
14. Он же. К истории заселения степной окраины Московского государства. Ч. III—IV // ЖМНП.— 1886.— № 6.— С. 250—287.
15. Он же. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства.— М.: Изд-во ОИДР, 1887.— 4, XVI, 614 с.
16. Он же. Очерки из русской истории.— Харьков: Тип. Зильберберга, 1913.— Т. II.— I, 374 с.
17. Багалій Д.І. Історія Слобідської України.— Харків: Дельта, 1993.— 256 с.
18. Баненис Э.Д. Литовская метрика и архив Великого княжества Литовского // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков.— М.: Ин-т ист. СССР, 1990.— С. 27—29.
19. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России.— М.: Изд-во Логвинова, 1842.— Ч. I.— 318, 80 с.
20. Баранович А.И. Украина накануне Освободительной войны середины XVII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 210 с.
21. Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам.— СПб.: Тип. Стасюлевича, 1902.— IX, 611 с.

22. Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича.— М.: Унив. тип., 1846.— 56, 86 с.
23. Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича.— СПб.: Тип. Х. Гинце, 1831.— Ч. 1.— 316 с.
24. Он же. Царствование царя Алексея Михайловича.— СПб.: Тип. Х. Гинце, 1831.— Ч. 2.— 270 с.
25. Он же. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие.— СПб.: Тип. Х. Гинце, 1832.— Ч. 1.— V, 301 с.
26. Он же. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие.— СПб.: Тип. Х. Гинце, 1832.— Ч. 2.— III, 260, V—IX с.
27. Битюгин К.И., Ильин А.И. Эволюция укреплений средневекового Белгорода (1596—1785 гг.) // Белогорье. Краеведческий альманах.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 2001.— С. 25—41.
28. Бойко И. Переяславская рада и ее историческое значение.— Киев: Госполитиздат УССР, 1954.— 136 с.
29. Бойко И., Голобуцкий В., Гуслистый К. Воссоединение Украины с Россией.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 112 с.
30. Борисенок Ю.А., Лобач В.А. Формирование белорусско-российского порубежья // ВИ.— 2002.— № 4.— С. 143—146.
31. Брехуненко В.А. Из опыта комплексного анализа источников о связях донского и запорожского казачества в первой половине XVII века // Теория и методика историографических и источниковедческих исследований. — Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1989.— С. 192—197.
32. Он же. О классификации Донских дел как источников о связях донского и запорожского казачества в первой половине XVII века // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1988.— С. 93—96.
33. Буганов В.И. Освободительная война украинского и белорусского народов в середине XVII в. против иноземного угнетения. Воссоединение с Россией // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России.— М.: Наука, 1968.— С. 56—72.
34. Он же. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV — первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории.— М.: Наука, 1980.— С. 206—218.
35. Он же. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 263 с.

36. Он же. «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 год.— М.: Наука, 1976.— С. 252—258.
37. Бухало Г.В. Польская историография о воссоединении Украины с Россией // Советское славяноведение.— 1979.— № 2.— С. 102—104.
38. Буцинский П.Н. О Богдане Хмельницком.— Харьков: Тип. Зильбенберга, 1882.— VI, 240, VI с.
39. Бычкова М.Е. Русский феодал в глазах иностранцев. XVI—XVII вв. (Методы источниковедческого анализа) // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков.— М.: Ин-т ист. СССР, 1990.— С. 33—34.
40. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в.— Воронеж: Изд-во Воронежского госпединститута, 1974.— 237 с.
41. Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины // Русская история в очерках и статьях.— Киев: 1916.— Т. III.
42. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма.— М.: Наука, 1978.— 343 с.
43. Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. Археология. Этнография.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1998.— Вып. 12.— С. 50—71.
44. Востоков А. Первые сношения Богдана Хмельницкого с Москвой // КС.— 1887.— № 8.— С. 714—744.
45. Восточные славяне в XVII—XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие. Материалы «круглого стола» // Славяноведение.— 2002.— № 2.— С. 3—35.
46. Гейл Ф. Историческая роль Русского централизованного государства в Восточной Европе и национально-освободительная борьба украинского и белорусского народов за воссоединение в едином государстве с Россией в середине XVII в. // Национальный вопрос в дореволюционной России и его решение после Великой Октябрьской социалистической революции.— М.: Изд-во Московского госуниверситета, 1984.— С. 73—78.
47. Голенченко Г.Я. Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в.— Минск: Наука и техника, 1989.— 283 с.
48. Голобуцкий В. Россия и Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг.— Киев: Госполитиздат УССР, 1954.— 100 с.

49. Голобуцкий В.А. Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. — Киев: Госполитиздат УССР, 1962.— 360 с.
50. Он же. Запорожское казачество. — Киев: Госполитиздат УССР, 1957.— 462 с.
51. Он же. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648—1654 гг.). — М.: Госполитиздат, 1954.— 160 с.
52. Горобец В.Н. Украинско-российские отношения и политико-правовой статус Гетманщины (вторая половина XVII — первая четверть XVIII века) // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М.: Школа «Языки русск. культ.», 1997.— С. 77—87.
53. Готье Ю.В. Заметки по истории защиты южной границы Московского государства // Исторические известия, издаваемые историческим обществом при Московском университете.— М.— 1917.— № 2.— С. 47—57.
54. Греков И., Королюк В., Миллер И. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г.— М.: Госполитиздат, 1954.— 112 с.
55. Грушевский М.С. История украинского казачества до соединения с Московским государством.— Киев: Тип. 1-й Киевск. артели печ. дела, 1913.— Т. I.— 408 с.
56. Он же. История украинского казачества до соединения с Московским государством.— Киев: Тип. 1-й Киевск. артели печ. дела, 1914.— Т. II.— 476 с.
57. Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. (2-е изд.).— Київ: Наук. думка, 1993.— Т. 4.— 544 с.
58. Он же. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. (2-е изд.).— Київ: Наук. думка, 1994.— Т. 5.— 704 с.
59. Он же. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. (2-е изд.).— Київ: Наук. думка, 1995.— Т. 6.— 680 с.
60. Он же. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. (2-е изд.).— Київ: Наук. думка, 1995.— Т. 7.— X, 624, 4 с.
61. Он же. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. (2-е изд.).— Київ: Наук. думка, 1995.— Т. 8.— 856 с.
62. Он же. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. (2-е изд.).— Київ: Наук. думка, 1996.— Т. 9.— Кн. 1.— 869 с.
63. Он же. Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці.— Київ-Львів: Друк. С.В. Кульженко, 1912.— 248 с.

64. Гудзенко П. Братская помощь русского народа украинскому народу в Освободительной войне 1648—1654 гг. // Великая дружба.— Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1954.— С. 86—104.
65. Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории.— М.: Экопрос, 1992.— 336 с.
66. Гуслистий К., Апанович О. Запорозька Січ та її прогресивна роль в історії українського народу.— Київ: Держполітвидав, 1954.— 87 с.
67. Гуслистый К.Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа.— Киев: Изд-во АН УССР, 1963.— 148 с.
68. Дашкевич Я.Р. Большая граница Украины // Этноконтактные зоны в европейской части СССР.— М.: Изд-во ин-та этногр., 1989.— С. 7—21.
69. Дворецкий Е.В. О достоверности летописной даты основания Белгорода, Оскола и Валуек // Историография и источники по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.— Курск: Изд-во Курского госпедуниверситета, 1989.— С. 13—14.
70. Дворецкий Е.В., Папков А.И. Основание первых русских городов на «крымской украине» и в Сибири: опыт сопоставления // Западная Сибирь: история и современность.— Тюмень, Изд-во Ю. Мандрики, 2001.— С. 19—22.
71. Дзюба Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским.— Киев: Наук. думка, 1987.— 131 с.
72. Дорошенко Д.І. Нарис історії України в 2-х томах.— Київ: Глобус, 1991.— Т. І.— 230 с.
73. Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура».— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1998.— С. 19—22.
74. Он же. Разрядные книги конца XVI — начала XVII вв. о возникновении Белгорода (хронологический комментарий) // Материалы международной научной конференции, посвященной 850-летию г. Ельца.— Елец: • Изд-во Елецкого госпединститута, 1996.— С. 23—26.
75. Дьяченко М.Т. Етапи заселення Слобідської України в XVII — першій половині XVIII ст. // УІЖ.— 1970.— № 8.— С. 41—51.
76. Дядиченко В., Стецюк Е. Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией.— Киев: Госполитиздат УССР, 1954.— 142 с.
77. Ефименко А.Я. История украинского народа.— СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905.— 316 с.

78. Она же. История украинского народа.— Киев: Либидь, 1990.— 511 с.
79. Она же. История Украины и ее народа.— СПб.: Обществ. польза, 1907.— 175 с.
80. Жемайтис С.Г. Источники по истории Смоленской войны (16321634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг.— Л.: Изд-во Гос. публ. библ., 1988.— С. 41—50.
81. Заборовский Л.В. Некоторые спорные и малоисследованные проблемы источниковедения внешнеполитической истории России XVII в.: статейные списки (по материалам середины 50-х гг.) // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков.— М.: Ин-т ист. СССР, 1990.— С. 83—86.
82. Он же. Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М.: Школа «Языки русск. культ.», 1997.— С. 39—49.
83. Он же. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.— М.: Мысль, 1981.— 180 с.
84. Загоровский В.П. Белгородская черта.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1969.— 304 с.
85. Он же. Возникновение и развитие городов в Воронежском крае в XVII—XVIII вв. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета,1987.— С. 62—72.
86. Он же. Воронеж: историческая хроника.— Воронеж: Центр.-Черн. кн. изд-во, 1989.— 256 с.
87. Он же. Из истории городов на Белгородской черте // Из истории Воронежского края.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1966.— Вып.2.— С. 3—33.
88. Он же. Историко-географические и историко-демографические последствия Ливонской войны для территории современного Центрального Черноземья // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.— М.-Курск: Изд-во Курского госпедуниверситета, 1994.— С. 35—42.
89. Он же. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1991.— 272 с.
90. Он же. Некоторые вопросы ранней народной колонизации полевой окраины России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г.— Л.: Наука, 1972.— С. 37—40.

91. Он же. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1987.— С. 3—26.
92. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени.— М.: Мысль, 1972.— 452 с.
93. Он же. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки.— 1955.— Т. 52.— С. 336—347.
94. Илляшевич Л.В. Краткий очерк истории харьковского дворянства.— Харьков: Тип. Зильберберга, 1885.— 166, 36 с.
95. Иловайский Д.И. История России.— М.: Тип. Кушнарева, 1899.— Т. 4.— Вып. 2.— VII, 375 с.
96. Он же. История России.— М.: Тип. Сытина, 1905.— Т. 5.— 663 с.
97. Он же. Смутное время Московского государства.— М.: Тип. Волчанинова, 1894.— 342 с.
98. История внешней политики России. Конец XV—XVII век.— М.: Междунар. отношения, 1999.— 448 с.
99. История СССР с древнейших времен до наших дней.— М.: Наука, 1966.— Т. II.— 632 с.
100. История СССР с древнейших времен до наших дней.— М.: Наука, 1967.— Т. III.— 748 с.
101. История Украинской ССР. В 10-ти т.— Киев: Наук. думка, 1982.— Т. II.— 587 с.
102. История Украинской ССР в 2-х т.— Киев: Изд-во АН УССР, 1953.— Т. I.— 838 с.
103. Історія України в особах: IX—XVIII ст.— Київ: Україна, 1995.— Т. I.— 348 с.
104. Історія України: нове бачиння.— Київ: Україна, 1993.— 395 с.
105. Історичне значення возз'єднання України з Росією.— Київ: АН УРСР, 1954.— 300 с.
106. Каманин И.М. Богдан Хмельницкий, гетман.— Киев: Тип. ун-та, 1888.— 18 с.
107. Каманин И.М. К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого.— Киев: Тип. Корчак-Новицкого, 1894.— 4, 2, 60, 24 с.
108. Каманин И.М. Очерк гетманства Петра Сагайдачного.— Киев: Тип. Фиха, 1901.— IV, 85 с.
109. Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI—XIX вв. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв.— М.: Б/и, 1994.— Ч. 2.— С. 215—225.
110. Он же. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М.: Школа «Языки русск. культ.», 1997.— С. 115—124.
111. Он же. Россия — многонациональная империя.— М.: Традиция — Прогресс-традиция, 2000.— 344 с.
112. Карамзин Н.М. История государства Российского.— Калуга: Золотая аллея, 1993.— Т. IX—XII.— 592 с.
113. Карпов Г. В защиту Богдана Хмельницкого.— М.: Унив. тип., 1890.— 104 с.
114. Он же. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого.— М.: Тип. Гречева и К°, 1873.— IV, 259 с.
115. Касименко А. Воссоединение Украины с Россией и его историческое значение.— Киев: Госполитиздат УССР,1954.— 73 с.
116. Касименко А.К. Из истории русско-украинских взаимоотношений в 1651 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.— М.: Восточная лит-ра, 1963.— С. 253—259.
117. Касименко О.К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 — початку 1651 р.— Київ: Изд-во АН УРСР, 1955.— 431 с.
118. Каштанов С.М. К вопросу о понятии «достоверность» в применении к актовым источникам // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков.— М.: Ин-т ист. СССР, 1990.— С. 103—106.
119. Он же. О подлинности и достоверности актовых источников // О подлинности и достоверности исторического источника. — Казань: Изд-во Казанского госуниверситета, 1991.— С. 24—41.
120. Кириллов В.В. К проблеме изучения древнерусского города XVI—XVII вв. // Русский город.— М.: Изд-во Московского госуниверситета, 1984.— С. 4—39.
121. Кирпичников А.Н. Кремли России // Кремли России.— М.: Оруж. палата, 1999.— С. 8—9.
122. Клеванов А.С. Святогорский монастырь // ЧОИДР.— 1865.— № 2.— Отд. V.— С. 116—141.
123. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. Курс русской истории.— М.: Мысль, 1988.— Т. III.— Ч. 3.— 414 с.
124. Ковальский Н.П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.).— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1985.— 64 с.
125. Он же. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1979.— 73 с.
126. Ковальский Н.П., Мыцык Ю.А. Анализ отечественных источников по истории Освободительной войны украинского народа 1648—

1654 гг.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1986.— 80 с.
127. Они же. Украинские летописи // ВИ.— 1985.— № 10.— С. 81—94.
128. Козаченко А.И. Борьба украинского народа против иноземных поработителей, за воссоединение с Россией. — М.: Знание, 1952.— 40 с.
129. Он же. Воссоединение Украины с Россией. — М.: Учпедгиз, 1954.— 108 с.
130. Коллманн Н.Ш. Соединенные честью: Государство и общество в России раннего нового времени.— М.: Древнехранилище, 2001.— 459 с.
131. Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М. История археографии в дореволюционной России.— М.: Изд-во МГИАИ, 1969.— 227 с.
132. Королюк В.Д. К вопросу о посольстве в Москву от запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1620 г. // Славянский архив.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— С. 34—38.
133. Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий.— М.: Чарли, 1994.— 768 с.
134. Он же. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия.— М.: Чарли, 1994.— 800 с.
135. Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 287 с.
136. Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы.— М.: Наука, 1987.— 236 с.
137. Крип`якевич І.П. Адміністративний поділ України 1648—1654 рр. // Історичні джерела та їх використання.— Київ: Наук. думка, 1966.— С. 123—148.
138. Кром М.М. Меж Русью и Литвой.— М.: Археогр. центр, 1995.— 304 с.
139. Кулиш В.А. Присоединение Украины к России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.— 16 с.
140. Кулиш П.А. История воссоединения Руси.— СПб.: Обществ. польза, 1874.— Т. I.— III, III, 363 с.
141. Он же. История воссоединения Руси.— СПб.: Обществ. польза, 1874.— Т. II.— XII, 457 с.
142. Он же. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654).— М.: Унив. тип., 1888.— Т. I.— 283 с.
143. Он же. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654).— М.: Унив. тип., 1888.— Т. II.— 399 с.
144. Он же. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654).— М.: Унив. тип., 1889.— Т. III.— 415 с.

145. Кусова И.Г. Кремль Переяславля Рязанского в XVI—XVII веках: социально-функциональная топография // Кремли России.— М.: Оруж. палата, 1999.— С. 68—70.
146. Кучернюк Н.Ф. Источники о русско-украинских политических связях в годы Освободительной войны украинского народа (1648—1654 гг.) Автореф. дисс. ...канд. ист. наук.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1975.— 26 с.
147. Он же. Статейные списки русских посольств на Украину 1649 — начала 1654 гг. как источники по истории русско-украинских политических связей // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1972.— С. 137—151.
148. Легкий В.И. Крестьянство Украины в начальный период Освободительной войны 1648—1654 гг.. — Л.: Изд-во Ленинградского госуниверситета, 1959.— 175 с.
149. Лисовский В.И. Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией.— Киев: Изд-во Киевского госуниверситета, 1954.— 92 с.
150. Лисянский А.С. Конец Дикого поля.— Донецк: Донбасс, 1973.— 127 с.
151. Лызлов Г.М. К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. // Ученые записки Казахского государственного университета. Т. 39.— Алма-Ата: Изд-во Казанского госуниверситета, 1959.— С. 103—113.
152. Он же. Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648 — 1654 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— № 24.— С. 58—82.
153. Он же. Польско-русские отношения в период от Зборовского мира до Земского собора 1651 г. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— № 27.— С. 45—67.
154. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией.— М.: Тип. Любимова, 1909.— 405 с.
155. Он же. Наступление на степь.— М.: Практич. знания, 1918.— 36 с.
156. Он же. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.— 688 с.
157. Мавродин В.В. Происхождение русского народа.— Л.: Изд-во Ленинградского госуниверситета, 1978.— 184 с.

158. Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ.— М.-Л., 1948. — Вып. 20.— С. 3—28.
159. Маркевич Н. История Малороссии в 5-ти т.— М.: Тип. Сената, 1842.— Т. I.— 387, X с.
160. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства.— М.: Тип. Иноходцева, 1894.— Ч. I.— 310 с.
161. Мишко Д.І. Українско-російські зв`язки в XIV—XVI ст.— Київ: Изд-во АН УРСР, 1959.— 176 с.
162. Мышко Д.И. Экономические, политические и культурные связи между Украиной и Россией в XV — первой половине XVII в. // Великая дружба.— Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1954.— С. 55—85.
163. Мыцык Ю.А. Анализ источинков по истории Освободительной войны украинского народа 1648—1654 годов.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета.— 89 с.
164. Назаренко Ю.В. Освещение русско-украинских связей периода Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в советской историографии середины 50-х — начала 60-х годов XX века // Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР.— Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского госуниверситета, 1973.— Вып. 4.— С. 181—193.
165. Народы мира: историко-этнографический справочник.— М.: Сов. энциклопедия, 1988.— 624 с.
166. Никулов А.П. Старый Оскол.— Курск: ГУИПП «Курск», 1997.— 576 с.
167. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.— 448 с.
168. Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в.— М.: Пам. ист. мысли, 2000.— 447 с.
169. Она же. К изданию и изучению записных разрядных книг XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.— М.: Ин-т ист. СССР, 1988.— С. 87—100.
170. Оглобин Н. Воеводские вестовые отписки XVII в. как материал для истории Малороссии // КС.— 1885.— № 7.— С. 365—416.
171. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— СПб., Тип. Сената, 1869.— Кн. 1.— XXXVIII, 46, XXVI, 430, II, 9 с.
172. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— СПб., Тип. Сената, 1872.— Кн. 2.— 576 с. разд. паг.

173. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Унив. тип., 1876.— Кн. 3.— VI, 349, II, 220 с.
174. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. А.Ф. Снегирева, 1884.— Кн. 4.— II, 192, VIII, 534 с.
175. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1888.— Кн. 5.— XIII, 507, 156 с.
176. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1889.— Кн. 6.— 706 с. разд. паг.
177. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1890.— Кн. 7.— XII, 214, 426 с.
178. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1891.— Кн. 8.— IX, 131, 459, XI с.
179. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1894.— Кн. 9.— VI, 361, 161 с.
180. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1896.— Кн. 10.— VI, 526, 38 с.
181. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1899.— Кн. 11.— XIII, 509, 55 с.
182. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. тов. И.Н. Кушенерев и К°, 1901.— Кн. 12.— 551, 76 с.
183. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. И.Н. Кушнерев и К°, 1903.— Кн. 13.— 546, 82 с.
184. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Унив. тип., 1905.— Кн. 14.— 338, 84 с.
185. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тип. имп. Московского ун-та, 1908.— Кн. 15.— 533, 154 с.

186. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Синодальная тип., 1910.— Кн. 16.— 518, 184 с.
187. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Синодальная тип., 1912.— Кн. 17.— XVI, 452, 160 с.
188. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Синодальная тип., 1913.— Кн. 18.— 410, 110 с.
189. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Синодальная тип., 1914.— Кн. 19.— 278 с.
190. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Государств. изд-во, 1921.— Кн. 20.— 1-я половина.— 246 с.
191. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.— М., Тов-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1916.— Кн. 21.— XXVIII, 562 с.
192. Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией.— Киев: Изд-во АН УССР, 1954.— 350 с.
193. Очерки истории Воронежского края.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1961.— Т. I.— 521 с.
194. Очерки краеведения Белгородчины.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 2000.— 471 с.
195. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове.— СПб.: Наука, 1992.— 279 с.
196. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди.— СПб.: Гос. тип., 1898.— V, 330 с.
197. Падалка Л.В. Очерки по истории Западной Руси и Украины // Русская история в очерках и статьях.— Киев: Изд. Оглобина, 1916.— Т. III.— VI, 591 с.
198. Папков А.И. «Измена» курских черкас 13 августа 1641 года // Проблемы истории и археологии Украины.— Харьков: Изд-во Харьковского национального ун-та, 2001.— С. 141—143.
199. Он же. Актуальные проблемы научного проектирования экспозиции регионального краеведческого музея // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI веков / Труды ГИМ. Вып. 127.— М.: Изд-во ГИМ, 2001.— С. 433—448.
200. Он же. Бой российских служилых людей с черкасами на Дону 20 мая 1643 г. // Армия в истории России.— Курск: Изд-во РОСИ, 1997.— С. 17—19.

201. Он же. Взаимодействие России, Речи Посполитой и Крымского ханства в Днепро-Донской лесостепи во второй половине XVI века // Черноземная лесостепь — контактная зона. Проблемы археологии и истории.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 2001.— С. 79—88.
202. Он же. Деятельность местной администрации по урегулированию украинской колонизации на южной границе России (конец XVI — первая половина XVII вв.) // Государственное управление: история и современность.— М.: Университетский гуманитарный лицей, 1998.— С. 95—96.
203. Он же. Изменение курса российского правительства в отношении Украины и обстановка на порубежье (1651—1653 гг.) // Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов НИИ социально-политических проблем Белгородского госуниверситета.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1998.— С. 96—104.
204. Он же. Качество жизни населения российско-украинского пограничья и исторические знания (терминологический аспект) // Качество жизни: теория и практика социальной экономики.— Белгород: Изд-во БелГТАСМ; М.: Мобилизация и развитие, 2002.— С. 25—32.
205. Он же. Ключевые проблемы истории региона и их научная разработка при проектировании экспозиции Белгородского государственного историко-краеведческого музея // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев.— М.: Изд-во Гос. ист. музея, 2002.— С. 260—269.
206. Он же. Колонізація Донецького лісостепу й російсько-українські зв`язки наприкінці XVI — на початку XVII ст. // Актуальні проблеми історії та права України.— Харьків: Від-во ХВУ, 1996.— С. 12—21.
207. Он же. Оборона Белгорода от черкас летом 1633 года // Малые города России. — Курск-Рыльск: Изд-во Курского госпедуниверситета, 2000.— С. 28—30.
208. Он же. Оборона Белгорода от черкас летом 1634 года // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII—XX вв.: Мат-лы междунар. конф.— Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.— С. 263—266.
209. Он же. Обстановка на российско-украинском порубежье в 1648—1650 годах // Россия и Украина на пороге XXI века. Пути сочетания национальных интересов и братского взаимодействия. История и историография.— Воронеж: Земля воронежская, 1997.— С. 37—39.

210. Он же. Осадный список города Белгорода 1633 года // Белогорье.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 2001.— № 3.— С. 123—136.
211. Он же. Основание Белгорода (проблема постройки крепостей на южной окраине России в конце XVI века) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История, этнография, искусствоведение.— Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле", 2002.— С. 103—113.
212. Он же. Основание города Царев-Алексеев // Белгородская область вчера и сегодня (к 45-летию образования области).— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1999.— С. 8—10.
213. Он же. Особенности пограничной службы на южных рубежах России в 1635—1648 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1998.— С. 11—13.
214. Он же. Постройка и заселение Корочи // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем.— Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000.— С. 113—116.
215. Он же. Потери Белгорода и уезда от действий черкасских отрядов в 1633 и 1634 гг. // Материалы научно-практической конференции, посвященной 270-летию Белгородской губернии.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1997.— С. 4—5.
216. Он же. Реконструкция облика оборонительных сооружений XVII в. на основе письменных источников и их использование в экспозициях // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее.— Пермь: Изд-во ПОКМ, 1999.— С. 141—145.
217. Он же. Российско-украинское порубежье в Смутное время (1604—1613 гг.) // Сборник научных трудов преподавателей и аспирантов кафедры политологии, социологии и истории.— Белгород: Изд-во Белгородского госпедуниверситета, 1995.— Вып. 2.— С. 32—37.
218. Он же. Служилые черкасы. Новый элемент вооруженных сил Юга России позднего средневековья // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции.— Тула: Тульский полиграфист, 2001.— С. 214—229.
219. Он же. Упорядочение службы украинских переселенцев на территории Белгородской черты в 40-е годы XVII в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России.— Липецк: Изд-во Липецкого госпединститута, 1998.— С. 34—36.

220. Он же. Участие черкас в боевых действиях на Поле в 1632—1634 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура.— Белгород: Изд-во Белгородского госпедуниверситета, 1996.— С. 25—27.
221. Он же. Церковное строительство в Цареве-Алексееве (1647—1655 гг.) // Белогорье.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 1999.— № 1.— С. 115—119.
222. Он же. Церковное строительство в Яблонове и Короче (1637—1647 гг.) // Белогорье.— Белгород: Изд-во Белгородского госуниверситета, 2000.— № 2.— С. 108—114.
223. Он же. Эволюция вооруженных сил Юга России (XVI—XVIII вв.) // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия.— Тула: Тульский полиграфист, 2000.— С. 333—342.
224. Он же. Этапы заселения Белгородчины в XVII веке // Летопись Белгородчины: век XVIII.— Белгород: Изд-во Белгор. гос. унив. научн. библ-ки, 1998.— С. 27—29.
225. Папков А.И., Олійник М.М. Протистояння Московської держави і українського казацтва в Донецькому лісостепу (1613—1622 рр.) // Збірник наукових праць Харківського державного педагогічного університету. Сер. Історія та географія.— Харків: Основа, 1997.— Вип. 1.— С. 72—78.
226. Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства.— М.: Наука, 1982.— 263 с.
227. Петров К.В. Археографические особенности издания «Дворцовые разряды» // Археографический ежегодник за 1998 г. — М.: Наука, 1999.— С. 101—113.
228. Он же. К изучению описей архива Разрядного приказа первой половины XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.).— М.: Изд-во ИРИ РАН, 2001.— С. 174—187.
229. Он же. Новые источники по истории Смоленской войны 1632—1634 гг. // Очерки феодальной России.— М.: Эдиториал УРСС, 2000.— С. 116—131.
230. Он же. О так называемой Разрядной книге 1559—1605 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины.— СПб.: Дм. Буланин, 2002.— Т. 28.— С. 307—316.
231. Платонов С.Ф. Борис Годунов.— Пг.: Огни, 1921.— 157 с.
232. Он же. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI— XVII вв. 5-е изд.— М.: Пам. ист. мысли, 1994.— 470 с.

233. Поршнев Б.Ф. На путях к Поляновскому миру 1634 г. // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX века.— М.: Наука, 1964.— С. 512—537.
234. Он же. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства.— М.: Наука, 1976.—435 с.
235. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах.— М.: Междунар. отношения, 1992.— Вып. 1.— 288 с.
236. Он же. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах.— М.: Междунар. отношения, 1995.— Вып. 2.— Кн. 1.— 784 с.
237. Проторчина В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI — первой половине XVII вв. Дисс. ...канд. ист. наук.— Л.: Ленинградский госуниверситет, 1948.— 289 л.
238. Рибалка І.К. Історія України. Ч. І.— Харків: Основа, 1995.— 446 с.
239. Рогожин Н.М. К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1979 г.— М.: Наука, 1981.— С. 185—209.
240. Он же. К вопросу о сохранности посольских книг конца XVI — начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.— М.: Ин-т ист. СССР, 1988.— С. 22—30.
241. Он же. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв.— М.: Ин-т росс. ист. РАН, 1994.— 223 с.
242. Он же. Посольский приказ.— М.: Междунар. отношения, 2003.— 432 с.
243. Рогожин Н.М., Чистякова Е.В. Посольский приказ // ВИ.— 1988.— № 7.— С. 113—123.
244. Рознер И.Г. Освободительная война украинского народа и Россия // ВИ.— 1979.— № 4.— С. 51—64.
245. Русина О.В. Україна під татарами і литвою.— Київ: Альтернативи, 1998.— 319 с.
246. Санин Г.А. Антиосманские войны в 70—90 годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М.: Школа «Языки русск. культ.», 1997.— С. 61—75.
247. Он же. К вопросу о воссоединении Украины с Россией // История и историки.— М.: Наука, 1994.— С. 54—56.
248. Скоробогатова Е.А. Самарский кремль и его роль в формировании панорамы города // Кремли России.— М.: Оруж. палата, 1999.— С. 73—74.

249. Скрынников Р.Г. История Российская. IX—XVII вв.— М.: Весь мир, 1997.— 496 с.
250. Он же. На страже московских рубежей.— М.: Моск. рабочий, 1986.— 335 с.
251. Он же. Россия в начале XVII в. «Смута».— М.: Мысль, 1988.— 283 с.
252. Словарь русского языка XI—XVII вв.— М.: Наука, 1977.— Вып. 4.— 403 с.
253. Словарь русского языка XI—XVII вв.— М.: Наука, 1991.— Вып.17.— 295 с.
254. Словарь русского языка XI—XVII вв.— М.: Наука, 1994.— Вып.19.— 272 с.
255. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв.— Харьков: Харьк. кн. изд-во, 1964.— 460 с.
256. Смирнов П. Города Московского государства в первой половине XVII века.— Киев: Тип. ун-та, 1919.— Т. I.— Вып. 2.— 375 с.
257. Смолій В.А., Гуржій О.І. Становлення української феодальної державності // УІЖ.— 1990.— № 10.— С. 10—20.
258. Смолій В.А., Степанков В.С. У пошуках нової концепції історії визвольної війни українського народу XVII ст.— Київ: Ін-т укр. археогр. АН України, 1992.— 41 с.
259. Они же. Українська національна революція XVII ст. (1648—1676 рр.).— Київ: Альтернативи, 1999.— 352 с.
260. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 книгах. История России с древнейших времен.— М.: Голос, 1994.— Кн. IV.— Т. 7—8.— 768 с.
261. Он же. Сочинения. В 18 книгах. История России с древнейших времен.— М.: Голос, 1995.— Кн. V.— Т. 9—10.— 752 с.
262. Солодкин Я.Г. Авраамий Палицын об участии южнорусских окраин в событиях Смутного времени // Из истории Воронежского края.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1977.— Вып. 6.— С. 50—65.
263. Он же. К ранней истории Оскола и Царева-Борисова // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России.— Тула: Гос. музей-заповедн. «Куликово поле», 2002.— С. 97—104.
264. Он же. О времени основания и первоначальном местоположении Белгорода // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.— М.-Курск: Изд-во Курского госпединститута, 1994.— С. 42—49.
265. Он же. О двух спорных проблемах ранней истории Воронежа // Из истории Воронежского края.— Воронеж: Учебная лит., 1998.— Вып. 7.— 256 с.

266. Он же. Первые годы существования Воронежа // Из истории города Воронежа.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1984.— С. 41—49.
267. Он же. Украинцы в Сибири конца XVI — начала XVII вв. // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века: Федеральный и региональный аспекты.— Сургут: Изд-во Сургутского госуниверситета, 1999.— С. 37—41.
268. Срезневский И.И. Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украины со времени ея заселения до преобразования в Харьковскую губернию.— Харьков: Тип. окр. штаба, 1883.— 824 с.
269. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. — М.: Мысль, 1990.— 272 с.
270. Сташевский Е. Смоленская война 1632—1634 гг.— Киев: Унив. тип., 1919.— 328 с.
271. Субтильный О. Украина: История.— Киев: Либідь, 1994.— 736 с.
272. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства.— М.: Изд. курского дв-ва, 1913.— Т. I.— 475, 155 с.
273. Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков.— М.: Наука, 1973.— 423 с.
274. Он же. Россия в XVI столетии.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 583 с.
275. Он же. «Список русских городов дальних и ближних» // Ист. записки.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.— Т. 40.— С. 214—259.
276. Ткаченко Н.М. Очерки по истории крестьян Левобережной Украины XVII в. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук.— Киев: АН УССР, 1963.— 36 с.
277. Тропин Н.А. Елецкая земля в XII—XV вв.— Елец: ЕГПИ, 1999.— 147 с.
278. Тхоржевский С. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII веке // Архив истории труда в России.— Пг.: Губсовпроф, 1923.— Кн. 8.— С. 64—78.
279. Украинцы.— М.: Наука, 2000.— 353 с.
280. Українська народність: нариси соціально-економичної і етнополітичної історії.— Київ: Наук. думка, 1990.— 557 с.
281. Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода.— М.: Наука, 1973.— 303 с.
282. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма.— М.: Индрик, 1996.— 288 с.

283. Ульяновский В.І. Лжедмитрій I і Україна (політичні аспекти) // Україна і Польща в період феодалізму.— Київ: Наук. думка, 1991.— 140 с.
284. Флоря Б.Н. Некоторые соображения о этническом самосознании предков современных белорусов // Русь — Литва — Беларусь.— М.: Наследие, 1997.— С. 92—94.
285. Он же. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — Раннего Нового времени // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М.: Школа «Языки русск. культ.», 1997.— С. 9—27.
286. Он же. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия.— М.: Наука, 1972.— С. 71—83.
287. Он же. Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20—30-х годов XVII века и на начальном этапе Народно-освободительной войны // Славяноведение.— 2002.— № 2.— С. 36—51.
288. Он же. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII века.— М.: Наука, 1978.— 300 с.
289. Хорошкевич А.Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белоруссов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси.— Тула: Тульский полиграфист, 2001.— С. 63—78.
290. Она же. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история.— 1999.— № 2.— С. 69—79.
291. Она же. Русь и Крым: От союза к противостоянию.— М.: Эдиториал УРСС, 2001.— 336 с.
292. Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма.— Л.: Наука, 1985.— 331 с.
293. Целевич О. Участь казаків в Смоленській війні 1633—4 рр. // Записки наукового товариства імени Шевченка.— Львів, 1899.— Т. 28.— Кн. 2— С. 1—72.
294. Чагин Г.Н. Чердыньский кремль Перми Великой и его место в топографии города // Кремли России.— М.: Оруж. палата, 1999.— С. 71—73.
295. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв.— М.: Наука, 1978.— 417 с.
296. Шевченко Ф. Историческое значение вековечной дружбы украинского и русского народов. Изд. 2-е.— Киев: Госполитиздат УССР, 1954.— 93 с.

297. Шевченко Ф.П. Возз'єднання України з Росією — знаменна подія в історії братніх народів // Архіви України.— 1978.— № 6.— С. 24—28.
298. Шевченко Ф.П. Дипломатічна служба на Україні під час визвольної війни 1648—1654 рр. // Історичні джерела та їх використання.— Київ: Наук. думка, 1964.— Вип. I.— С. 81—113.
299. Шеламанова Н.Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой.— Дис. ...канд. ист. наук.— М.: Ин-т ист. СССР, 1970.— 693 с.
300. Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв.— М.: Изд-во МГИАИ, 1985.— 102 с.
301. Шуляковский Е.Г. Воронежский край в период борьбы украинского народа за воссоединение с Россией // Из истории Воронежской области.— Воронеж: Воронежск. кн. изд-во, 1954.— С. 57—61.
302. Щепкин Е.Н. Дмитрий I // Русская история в очерках и статьях.— М.: Моск. учебн. книгоиздательство, 1910.— Т. II.— С. 265—330.
303. Щербак В.О. Антифеодальні рухи на Україні напередоні визвольної війни 1648—1654 рр.— Київ: Наук. думка, 1989.— 127 с.
304. Он же. Яків Острянин // УІЖ.— 1997.— № 6.— С. 71—77.
305. Эварницкий Д.И. Гетман Петр Конашевич Сагайдачный.— Екатеринослав: Тип. губ. земства, 1913.— 58 с.
306. Эскин Ю.М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр.— М.: Археогр. центр, 1994.— 265 с.
307. Яковлева Т.Г. Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией // Россия — Украина: история взаимоотношений.— М.: Школа «Языки русск. культ.», 1997.— С. 51—59.
308. Ярынцев О.В. Города Воронежского края — опорные пункты заселения и хозяйственного освоения южнорусских уездов в XVII в. // История заселения и социально-экономического развития Центрального Черноземья.— Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1991.— С. 38—41.
309. Bardach J. Studia z ustroju prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV—XVII w.— Warszawa: Panstwowe wyd. naukowe, 1970.— 402 s.
310. Basard J. Pereiaslav 1654.— Edmonton: The Canadian Inst. of Ukrainian Studies, Univ. of Alberta, 1982.— XXVIII, 322 p.

311. Bushkovitch P. The Formation of a Ntional Consciousness in Earli Modern Russia // Harvard Ukrainian Studies.— 1986.— Vol. X.— P. 355—376.
312. Chynczewka-Hennel T. The National Consciousness of Ukrainian Nobles and Cossaks from the End of the Sixteenth to the Mid-Seventeenth Century // Harvard Ukrainian Studies.— 1986.— Vol. X.— P. 377—392.
313. Czapliński W. Polityka Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1576—1648 // Historia Polski od polowy XV do polowy XVIII wieku.— Warszawa: Polskie Tow-wo histor., 1960.— S. 93—106.
314. Davies B. Village into Garnison: The Militarized Peasant Communities of Southern Muscovy // The Russian Review. Vol. 51.— Syracuse, 1992.— № 4.— P. 481—501.
315. Dzieje Polski.— Warszawa: Państw. Wyd-wo Naukowe, 1976.— 936.
316. Freeze G. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760—1860 // Journal of Modern History.— 1990.— No. 62.— P. 709—746.
317. Godziszewski W. Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyzona w latach 1634—1648).— Krakow: B. wyd., 1934.— 96 s.
318. Godziszewski W. Polska a Moskwa za Wladyslawa IV.— Krakow: Polska Akad. Umiejtrosci, 1930.— 72 s.
319. Gordon L. Cossack Rebellions.— Albany: State Univ. of New York Press, 1983.— XVI, 289 p.
320. Lepszy K. Miesce i rola Polski w poltyce miedzynarodowej w II polowie XVI wieku (1573—1606) // Historia Polski od polowy XV do polowy XVIII wieku.— Warszawa: Polskie Tow-wo histor., 1960.— S. 71—92.
321. Natanson-Leski J. Dzieje granycy wschodniej Rzeczypospolitey.— Lwow-Warszawa: Ksiaznica polska t-wa nauczycieli azkol wyzszych, 1922.— CIXIV, 196 s.
322. Item. Rozwoj terytorialni Polski.— Warszawa: Państw. wyd. naukowe, 1964.— 168 s.
323. Sysyn F.E. Between Poland and the Ukraine. Thi Dilemma of Adam Kysil, 1600—1653.— Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1985.— 406 p.
324. Item. Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620—1690 // Harvard Ukrainian Studies.— 1986.— Vol. X.— P. 393—423.
325. Item. Ukrainian — Polish Relations in the Seventeenth Century: The Role of National Consciousness and National Conflict in the Khmelnyt-

sky Movement // Poland and Ukraine: Past and Present.— Edmonton and Toronto, 1980.— P. 58—82.
326. Herbst S. Umyslowosc i ideologia Polska XVII w. 1648 // Historia Polski od polowy XV do połowy XVIII wieku.— Warszawa: Polskie Towwo histor., 1960.— S. 121—131.
327. Zarys historii Polski.— Warszawa: Inst. Wydawniczy, 1980.— 861 s.
328. Zlepko D. Der grosse Kosakenaufstand 1648 gegen die polnische Herrschaft.— Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980.— 132 p.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указателе приняты следующие сокращения:

в. — волость,
г. — город,
д. — деревня,
м. — монастырь,
о. — озеро,
обл. — область,
р. — река,
с. — село,
сл. — слобода,
ст. — стан,
у. — уезд.

Азов, г. 45, 199, 217, 219, 254
Айдар, р. 93, 186, 189
Алатырский, у. 189, 208
Амбросимов караул 185—186
Ахтырка, г. 200, 255, 259

Балаклея, р. 72, 192
Барыловка 271
Батурин, г. 149, 164
Бахмутов Донец, р. 136
Белая гора 84—85, 118
Белая Плата, р. 256
Белгород, г. 9, 62, 75—77, 79—81, 84—86, 94, 100, 112—113, 117—118, 122—123, 127, 131—133, 136—138, 144, 151—153, 155, 157, 159—160, 162, 164, 168, 170—171, 173, 176, 181, 184, 188—189, 192—197, 205—206, 211, 214—215, 219, 222, 225—232, 234—236, 238, 248, 255—256, 260, 266—267, 271—273, 277, 280—282
Белгородская черта 34, 63, 75, 83, 182, 195, 200, 209—210, 212, 217—219, 227, 229, 283—285
Белгородская, обл. 9
Белгородский, у. 145, 155, 162, 170—171, 189, 192, 195, 205, 214, 238, 243, 255, 262, 285
Белев, г. 227
Белогородье 76
Белогорье 76
Белый Колодезь, ручей 117, 173
Белянский перелаз на р. Дон 179
Берестовая, р. 282
Бериецкий юрт 136

sky Movement // Poland and Ukraine: Past and Present.— Edmonton and Toronto, 1980.— P. 58—82.
326. Herbst S. Umyslowosc i ideologia Polska XVII w. 1648 // Historia Polski od polowy XV do polowy XVIII wieku.— Warszawa: Polskie Towwo histor., 1960.— S. 121—131.
327. Zarys historii Polski.— Warszawa: Inst. Wydawniczy, 1980.— 861 s.
328. Zlepko D. Der grosse Kosakenaufstand 1648 gegen die polnische Herrschaft.— Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1980.— 132 p.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указателе приняты следующие сокращения:

в. — волость,
г. — город,
д. — деревня,
м. — монастырь,
о. — озеро,
обл. — область,
р. — река,
с. — село,
сл. — слобода,
ст. — стан,
у. — уезд.

Азов, г. 45, 199, 217, 219, 254
Айдар, р. 93, 186, 189
Алатырский, у. 189, 208
Амбросимов караул 185—186
Ахтырка, г. 200, 255, 259

Балаклея, р. 72, 192
Барыловка 271
Батурин, г. 149, 164
Бахмутов Донец, р. 136
Белая гора 84—85, 118
Белая Плата, р. 256
Белгород, г. 9, 62, 75—77, 79—81, 84—86, 94, 100, 112—113, 117—118, 122—123, 127, 131—133, 136—138, 144, 151—153, 155, 157, 159—160, 162, 164, 168, 170—171, 173, 176, 181, 184, 188—189, 192—197, 205—206, 211, 214—215, 219, 222, 225—232, 234—236, 238, 248, 255—256, 260, 266—267, 271—273, 277, 280—282
Белгородская черта 34, 63, 75, 83, 182, 195, 200, 209—210, 212, 217—219, 227, 229, 283—285
Белгородская, обл. 9
Белгородский, у. 145, 155, 162, 170—171, 189, 192, 195, 205, 214, 238, 243, 255, 262, 285
Белев, г. 227
Белогородье 76
Белогорье 76
Белый Колодезь, ручей 117, 173
Белянский перелаз на р. Дон 179
Берестовая, р. 282
Бериецкий юрт 136

Бобрик, г. 248, 259
Богатый Затон, о. 72, 92
Богучар, р. 178, 182, 187, 191, 268
Бокаев шлях 160, 245
Болхов, г. 71—72, 168
Большая Орда 87
Борзна, г. 163—165, 274
Боровая, р. 155
Боровской ерок 177, 264
Борщев, м. 140, 186, 191
Борщевский, ст. Воронежского у. 250
Брацлавское, воеводство 17
Брянск, г. 72, 137, 199, 211, 283
Брянский, у. 92, 102, 103, 141
Быстрая Сосна, р. 74

Валки 178, 280, 282
Валковский, у. 284
Валуйка (Валуйки), г. 9, 62, 75, 77, 80—81, 85—86, 100, 113, 134—137, 138—139, 147, 151—152, 154—155, 168, 173, 176—177 180, 182—184, 186, 189, 211, 216, 225—228, 231—235, 243, 263, 267, 286
Валуйский, у. 138—139, 284
Вапа, р. 72
Варвар, г. 171
Варшава, г. 47, 95, 101, 105, 111, 145, 203, 262, 278
Везелица (Везеница), р. 145, 160
Великое княжество Литовское см.: Литва
Венев, г. 72
Венеция, г. 112, 258
Волга, р. 247, 283
Волынь 84
Вольновский, у. 196—197, 286
Вольный, г. 197, 207, 227, 245—247, 260, 271, 281
Воронеж, г. 9, 62, 73—74, 92, 94—95, 103—105, 113, 122—123, 133, 135, 152, 178—179, 182, 185—186, 188, 225—226, 243, 251—252, 273, 283
Воронеж, р. 74
Воронежская обл. 9, 54
Воронежский, у. 140, 162, 226, 250
Ворскла, р. 146, 200, 260
Восточная Европа 41, 148, 175, 258
Вывареный курган 245
Вязьма, г. 216

Гавнянка, р. 121
Гадеч, г. 192, 208, 242, 271—272, 279
Глубокая, р. 188
Голтва, г. 171, 192, 205—206, 237
Голубинская, сл. 227
Городище, с. 170
Грайвороны, р. 275
Гремячий, г. 227

Данков, г. 69, 71, 122, 226
Дедилов, г. 71, 81
Десна, р. 9
Днепр, р. 71, 84, 149, 182
Днепро-Донская лесостепь (регион, междуречье) 9—10, 12, 19, 21, 23, 32, 58, 65, 68, 70—71, 73, 81, 83, 87—88, 99, 109, 128, 173, 257, 289, 292
Днепровское Левобережье 15—17, 61, 87, 112, 140, 248, 281, 287—288, 292
Добрый, г. 273
Дон, р. 71—74, 84, 92, 94—97, 103—104, 136—137, 147, 179, 182, 184—188, 191, 193, 222, 254, 256, 270, 280, 282—283
Донец см.: Северский Донец
Донецкая дорога 189
Донецкая, обл. 9
Донецко-Оскольская лесостепь (речной бассейн) 101, 186
Древнерусское государство см.: Киевская Русь

Ездочная, сл. г. Валуйки 139

Елец, г. 75, 122, 182, 226, 229
Епифань, г. 71—72
Ефремов, г. 229

Жеребец, р. 183
Жигмонтов, г. 193

Запорожье (Запорожская Сечь) 111, 114, 136, 147, 149, 181, 270
Зенков, г. 187, 242
Золотая Орда 69

Изюм, р. 180
Изюмская сакма (шлях) 217

Казанский перелаз на р. Дон 179
Казань, г. 71, 140, 223
Казыев улус 98
Кальмиусская сакма (шлях) 282
Каменный брод через р. Нежеголь 264
Канев, г. 89, 94, 114, 151, 236
Карачев, г. 72, 227
Карпов, г. 206, 226
Карпово сторожевье 234
Киев, г. 70, 102—103, 121, 123, 140, 149, 271
Киевская земля см.: Киевское воеводство
Киевская Русь (Древнерусское государство) 13, 47, 69
Киевский, у. см.: Киевское воеводство
Киевское воеводство 17, 70, 106, 121
Киевское княжество см.: Киевское воеводство
Княжьи горы 93
Кобыляк 193
Кобякова поляна 267
Кодак, г. 192
Козлов, г. 217, 220, 227—228, 273, 283
Козловский, у. 190, 222
Колодинка, р. 181
Коломак, р. 88, 145, 146
Комарицкая, в.157—159, 198, 268
Константинополь, г. 135, 206
Коренской лес 193
Коренской, ст. Белгородского у. 170
Корень, р. 155
Коротояк, г. 283
Короча, г. 196, 204, 217—229, 242—243, 253, 255, 274, 285
Короча, р. 170, 255
Корочанский, ст. Белгородского у. 170
Короченский участок Белгородской черты 217
Корыжский перевоз 159
Костенки, с. Воронежского у. 226, 250—251
Краков, г. 47
Крапивенское, с. 170
Красная гора 217—219, 224
Красная, р. 139
Красная Девица, р. 250
Кромы, г. 226, 228—229
Крымское ханство (Крым) 24, 31, 33—34, 42—43, 47, 49, 68—69, 71, 73, 84—87, 89, 97, 122—123, 126, 134, 137, 147—148, 175—176, 178—179, 181, 200, 207—208, 261, 267, 271, 278—279
Курск, г. 62, 79, 81, 103, 113, 117, 121, 124, 127, 152, 157—159, 182, 211—212, 225, 226, 229, 231—232, 237, 242, 244—248, 255, 274
Курская, обл. 9, 54
Курский, у. 124, 243, 249

Лебедянь, г. 122, 226
Левины яруги 245
Левобережье (Днепра) см.: Днепровское Левобережье
Ливны, г. 9, 73, 92, 100, 104, 108, 122, 131, 153, 225—226, 228—229
Ливны, р. 74
Липовый Донец, р. 170, 193

Литва (Великое княжество Литовское) 13—14, 16—17, 44, 46, 53—54, 67—70, 86, 89, 94, 104
Литовская, д. 170
Литовская, сл. Белгородского у. 232
Лохвица, г. 120, 141, 168, 171, 206, 235
Лубны, г. 89, 95, 105, 107, 117, 127, 141—143, 160, 164—165, 171, 193, 195
Луцкий, у. 141
Любеч, г. 90, 103, 121, 123, 195, 237
Лютень, г. 193

Малороссия (Малая Русь) 15, 26, 28
Малый Осколец, р. 78
Маслово, с. 170
Медведица, р. 188
Медведица, станица 140
Мерл, р. 137, 146, 275
Мерчик, р. 275
Мещевск, г. 211
Миргород, г. 120, 151, 165—167, 171, 191, 193, 201, 206, 237, 242, 265, 270, 272
Миргородский полк 260
Михайлов, г. 71, 81, 96, 225, 227
Мож, р. 162, 191, 263, 277
Можевской, г. 263
Молдавия 24
Молочные Воды, р. 134— 135, 270
Моравск (Монастырево, Монастыревский острог), г. 113, 120, 123
Мосальск, г. 211
Москва, г. 25, 41—42, 72, 79, 89, 91, 95, 97—98, 101, 103—106, 115—117, 119, 121, 124—127, 133—134, 136—137, 142, 145—148, 151, 154, 158, 162—163, 168, 178, 180, 185, 189, 202—203, 206, 214, 216, 218, 221—223, 225, 231, 233, 238, 241—242, 247—248, 252, 260—261, 263, 266—267, 269, 271, 274, 278—279, 282, 287
Московское государство см.: Россия
Муравская яруга 266
Муравский шлях 117, 159, 192, 200
Мценск, г. 72, 96

Напраснитцкий лес 266—267
Недрыгайлов, г. 200, 260, 270, 276
Нежеголь, р. 264, 268
Нежин, г. 167
Некрасовка, д. в Новгород-Северском у. 146
Нетин перевоз 93
Николопристанский, м. в г. Валуйка 80
Никольский, м. в г. Белгород 86, 118, 170
Никольский, м. в Черниговском у. 90
Новгород-Северский, г. 9, 72, 88, 108, 111, 113—114, 121, 136—137, 164, 167—168, 154, 198—199
Новгород-Северский, у. 89—90, 101, 105, 158
Новое Городище на р. Псел 142
Новосиль, г. 71—72, 97, 116, 213, 226, 229
Ногайская Орда 49

Овечий, брод через р. Молочные Воды 134
Огибной боярак 138
Одоев, г. 72
Ока, р. 68, 210
Олешня, г. 200—201, 207, 257
Ольха, р. 245
Ольховая, р. 251
Ольшанка, р. 88
Ольшанск, г. 228, 259
Ольшанский, у. 285
Опошлинский перевоз 240
Опошня, г. 227
Орел, г. 69, 71—72, 78, 96, 213, 228—229
Орель, р. 144
Орчик, р. 111
Оршанская, в. 89

Осиновец, р. 265
Оскол, г. 9, 62, 75, 77—79, 80, 85—86, 100—101, 113, 121, 123, 135, 151, 155, 158, 168, 184, 194, 211, 225—226, 228—230, 237, 242, 273, 279
Оскол, р. 9, 72, 82, 86, 89, 96—98, 100, 102, 133, 136, 177, 180, 265
Оскольская дорога 122
Османская империя см.: Турция
Остр, г. 90, 95, 121, 123
Остренский, у. 121
Острогожск, г. 102—103, 229

Париж, г. 15
Переяславль, г. 74, 89, 94, 103, 114, 127, 160
Переяславль-Рязанский, г. 80, 94, 147, 252
Печерников, г. 227
Пещаный брод 140
Пиритин, г. 127
Плова, г. 72
Поволжье 254, 283
Поднепровье см.: Приднепровье
Подолье 84
Подонье 96, 186, 188
Поле 9—12, 17, 22, 25—26, 30, 32, 40, 55—56, 59, 65, 70—74, 81, 84, 86—89, 91—94, 96—97, 100—101, 106, 108—110, 116, 127—129, 131, 139, 147—149, 152, 154, 159, 168, 171, 173—174, 177, 184, 188, 194, 197—198, 208—209, 214, 221, 242, 254, 263, 265, 280, 282, 289—291
Полтава, г. 90, 151, 159—160, 164, 168, 171, 193, 195, 235, 236, 238, 242, 255, 279—280, 282
Полтавская, обл. 9
Полтавский полк 260
Полтавские земли 199
Польный Воронеж, р. 155, 222
Польская украйна (окраина) 9, 11, 74, 86, 101, 109, 114, 124, 128, 130—131, 137, 141, 147, 149, 151, 153, 168, 197, 210, 234, 263, 273, 280
Польша (Польское королевство) 9, 13—14, 16—17, 23, 27, 29, 34, 37, 39—41, 45, 53, 55, 59, 64, 70, 89, 91, 94, 104—108, 110, 112, 114—115, 119, 125—126, 128—130, 137, 148—150, 152, 157, 192—193, 200, 205, 208, 211, 213—215, 221—222, 237, 239—242, 248, 259—260, 278
Посольская дорога 139
Почеп, г. 72, 198
Прибалтика 176
Приднепровье (Поднепровье) 87, 244
Прилуки, г. 105, 127, 141, 158, 181, 194
Прилуцкий, у. 194
Прилуцкое городище 95, 105—106
Псел, р. 9, 93, 142, 260
Путивль, г. 9, 62, 92—94, 107—108, 113—114, 119, 121—122, 127, 137, 140, 143—144, 146, 149—150, 153—154, 157, 163—165, 167, 169, 172, 181—182, 192, 194, 198—199, 201, 212—213, 225—226, 236, 245—247, 260, 269—272, 283
Путивльская дорога 169
Путивльский, у. 89—90, 93, 101—103, 105, 119—120, 140—144, 146, 148, 172, 192, 199, 212, 270, 275, 286
Пять могил 167

Раменский, ст. Белгородского у. 170
Речь Посполитая 9, 11—15, 17—20, 22—24, 31, 37, 41—49, 53—55, 58, 61—62, 64—65, 68, 70—72, 74—75, 84, 86—91, 95, 99, 101—104, 108—113, 115—116, 119—120, 122—123, 125, 127—131, 140—141, 144—146, 148—149, 151, 153, 158—159, 160, 163—164, 167, 172—176, 181, 187, 193—200, 203—213, 216, 219—221, 224, 228, 234, 237, 241—243, 245,

248, 257—262, 270, 272—274, 276, 278, 283—284, 287, 289—292
Решетов, станица 186
Рим, г. 206
Рождественская (Черкасская), сл. Курского у. 244, 246, 248
Рождественский, м. г. Белгорода 170
Рожкович, д. Севского у. 269
Ромны, г. 157, 163—164, 167—169, 242, 272—273
Россия (княжество всея Руси, Российское царство, Московское государство, Российская империя, Российская Федерация) 8—11, 13—14, 17—24, 26, 28—47, 49, 52—55, 58—59, 61—68, 70—75, 81—89, 95—96, 101, 107—110, 113, 115—116, 119, 121, 123, 125—130, 134, 137, 140, 142, 144, 147—153, 155, 158, 163—164, 168—169, 173—176, 183, 187, 192—193, 195—200, 202—211, 214, 224, 227, 230—231, 234, 237—238, 241—243, 248, 250, 253—255, 258—262, 268—273, 275—280, 282—284, 287—292
Рыбный плес 178
Рыльск, г. 9, 62, 97, 108, 113, 121, 123, 127, 137, 150, 154, 158, 164—165, 168—169, 182, 193, 211, 226—227, 260, 271
Рыльский, у. 89, 102—103, 169, 198
Ряжск, г. 71, 96, 226
Рязанский, у. (Рязанщина) 94, 122
Рязань, г. 67

Сагайдачный шлях 246
Сажный, ст. Белгородского у. 170
Самара, г. 80
Самара, р. 97
Святогорский бор 176
Святогорский, м. 134, 136, 176, 180—181, 267
Святые горы 135, 154, 190, 267
Северская украйна (Северская окраина, Северская земля, Севрщина) 9, 68, 70, 73, 86, 101, 109, 114, 130—131, 141, 147, 151, 162, 168, 197, 199, 210, 234, 268, 273
Северские города 9, 92, 104, 114—115, 278
Северский Донец (Донец), р. 72, 76, 82, 84—86, 89, 92—93, 96—98, 100, 102—104, 117—118, 134, 136, 153—154, 160, 173, 180—184, 189—190, 193, 210, 221, 232, 254—256, 263—265, 267—268, 277
Севск, г. 9, 62, 81, 137, 154, 158—159, 164, 168, 211, 226, 259—260, 270, 278, 283
Сейм, р. 9, 72, 198, 277
Сенная, р. 177
Сенчаров, г. 193
Серебряный, г. 165
Серпейск, г. 211
Сибирское ханство 81
Сибирь 81, 83, 146—148, 220, 222, 231, 247—248, 254, 274
Сильчев, г. 171
Синеч, г. 120, 141
Смоленск, г. 20, 31, 43, 47, 70, 73, 89, 107, 114, 131, 148—149, 159, 168
Смоленская земля 70, 130
Смоленская, в. Черниговского у. 90
Сокольские горы 177
Солова, г. 72
Сорочин, г. 171, 195, 221, 242
СССР (Советский Союз) 33, 35, 42—43, 52
Стариково, с. Корочанского у. 170, 189, 253, 255
Старица, р. 264
Стародуб, г. 72, 198
Стрелецкая, сл. г. Курска 157
Сула, р. 93, 207
Сумская, обл. 9
Суровый ерок 133
Тамбов, г. 243
Тамбовский, у. 180
Терек, р. 77
Терновое, с. Воронежского у. 250
Тихая Сосна, р. 178, 191, 251—252
Тенецкая, в. Путивльского у. 286
Тобольск, г. 81
Тор, р. 134—135, 178, 193, 228, 254, 263, 267, 286
Торопец, г. 107
Торопецкий, у. 141
Троице-Сергиев, м. 77
Трубчевск, г. 137, 198
Тула, г. 72, 96, 215
Тульская засечная черта 70
Турция (Османская империя) 24, 82, 85, 148—149, 175, 178, 199, 258, 261, 271
Тюмень, г. 81

Убля, р. 72
Уды, р. 72, 106, 133, 207, 267, 277
Украина 8—13, 15—21, 23—24, 26—28, 31—33, 35—39, 42—45, 47, 49, 52, 65—66, 168, 216, 226, 230, 232, 236, 258, 260, 262, 264, 269, 277—278, 280—281, 287—288, 291—292
Украинные города 114—115
Уральские горы 83
Усерд, г. 182, 184, 211, 226, 228, 237, 251—252, 256, 264
Усмань, с. 186
Устенка, д. 170
Устинов, г. 189
Уфа, г. 233

Харьков, г. 30
Харьковская, обл. 9
Хлоповая, д. 146
Хон, р. 72
Хопер, р. 72, 188
Хопер, станица 140
Хорол, г. 120—121
Хорол, р. 93, 143, 200, 260
Хотмыжск, г. 191, 196—197, 213, 226—227, 245—247, 260, 262
Хотмыжский, у. 95, 275

Царев-Алексеев, г. 212, 229, 267
Царев-Борисов, г. 86, 100—101, 113, 117, 118, 235
Царьгородская, сл. г. Белгорода 118
Царьгородская, сл. г. Валуйки 139
Царьгородское городище 235
Центральное Черноземье 11, 39, 75

Чаплица, д. Путивльского у. 92
Челновской острог 222
Чердынь, г. 80
Черкасская, сл. Курского у. см.: Рождественская сл.
Черкасы, г. 17, 89, 94, 114, 145, 169, 199, 205, 212, 235, 283
Черная Калитва, р. 251
Чернигов, г. 9, 88, 95, 102—103, 107—108, 112—113, 123, 198—199
Чернигово-Северская (Черниговская) земля (воеводство) 17, 130
Черниговский полк 260
Черниговский, у. 105
Чернь, г. 81, 226, 229
Чигирин, г. 237, 269, 272
Чугуев, г. 53, 176, 188—191, 193, 197, 200, 215, 225, 234—242, 253, 255, 266—267
Чугуевское городище 234
Чугуевский, у. 277, 284

Шацк, г. 69, 71, 81, 96, 183
Шацкий, у. 189
Швеция 130, 148—149
Шефкалы 77
Шляхово, д. Белгородского у. 170

Яблонов, г. 184, 224, 226—227, 237, 249, 260, 283, 285
Яблоновский участок Белгородской черты 217
Ячнев Колодезь, ручей 85

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указателе приняты следующие сокращения:
ат. — атаман казацкий или черкасский,
б. — боярин,
в. — воевода,
г. — голова осадный, станичный, казацкий или стрелецкий,
гетм. — гетман, коронный или казачий,
д. — дьяк,
дв. — дворянин,
держ. — державец,
е. — есаул,
ист. — историк,
к. — казак,
кн. — князь,
кр. — крестьянин,
м. — монах,
п. — полковник,
с. — сотник стрелецкий, казачий или черкасский,
с.б. — сын боярский,
стр. — стрелец,
у. — урядник,
х. — хан,
ц. — царь,
ч. — черкашенин российский служилый или подданный Речи Посполитой.

Абрамович Г.В., ист. 115
Акинфиев, д. 217
Александр III, ц. 23
Алексеев Ф., ч. 194
Алексей Михайлович, ц. 16, 24, 206, 208, 260, 269, 273, 278—279, 286
Алферов С., в. 100
Андреев А.Р., ист. 42
Андреев В., г. 93
Анисимов Ф., ч. 195
Анпилогов Г.Н., ист. 89
Антонов М. 269
Антонович В.Б., ист. 30
Анциферов Р., к. 191
Апанович Е.М., ист. 34
Апраксин В., в. 190, 223
Арсеньев К., в. 270, 275
Арсеньев Ф.Ю., в. 178, 267, 275
Артемьев А.Г., ист. 83
Афанасий, м. 135
Афанасьев П., е. 98

Бабенков Д., ат. 264
Багалей Д.И., ист. 30, 32, 75, 91, 99
Базард Д., ист. 48
Байков Ф., в. 191
Баландин С.Н., ист. 83
Бантыш-Каменский Д.Н., ист. 27, 45, 261
Барабанщик А., ат. 187, 233
Бардах Ю., ист. 46
Басманов, б. 113
Батыев Д., переводчик 134—135
Беззубцов Ю., с.б. 120
Безобразов П., в. 234
Безперстый П., ч. 180
Безручкин А., ч. 279
Беклемишев А.К., в. 222
Белев О., г. 263
Белевцев Ф. 272
Белецкий, п. 158
Белин И., ат. 95
Белов В., 176
Бельский Б., б. 100
Беляев И., г. 262
Беляев И.Д., ист. 55
Беляев М., с.б. 267
Берх В., ист. 22
Берчун, ат. 93
Беседин Ю., с.б. 256
Благой Б.П. 96
Бобрищев-Пушкин И.Г., в. 154
Бобылев Л. 176
Богун И., ат. 191—193
Бододух Ф., с. 221, 232, 281
Болотников И.И. 114
Болтин Б., в. 164, 167
Болховитин И., вож 133
Болховской С., в. 261, 263
Болшев Г., в. 277
Боплан Г., французский инженер 15
Боран, ат. 94
Бордуков М., стр. 191
Борзяк Л.П., ат. 215—217, 233
Борисов Г.Н., в. 95, 102
Борисов М., ч. 232
Борисова П. 232
Боровской А., ч. 140
Борша С., ротмистр 113
Борятинский И., в. 123
Борятинский Ю.Н., кн., в. 201
Броневской С., держ. 208
Булгаков Ю.М., в. 96
Буров В. 269
Буссов К. 12, 113, 116
Бутурлин А.В., в. 185, 187, 217—218, 224
Бутурлин Е., в. 251
Бутурлин И. В., в. 165—166, 244
Бутурлин М., в. 133
Бутурлин Т., в. 202, 224, 262, 265
Бутурлин Ф.А., в. 96, 162
Буцинский П.Н., ист. 29

Важинский В.М., ист. 40
Василий III, князь всея Руси 70
Василий, поп 246
Васильев А., 149
Васильев Г., ч. 221
Васильев И., ч. 232

Васильев П., ч. 231
Вахромеев И., в. 102
Ващенко Т., ч. 221
Вдовиченко Л., ч. 245
Везении Д. 155
Велесский Ю. 165
Великов Е. 90
Вердевский Р., г. 92, 96
Верчун П., ат. 92, 104
Виляревский 15
Вишневецкий А., кн. 95, 102, 105, 123
Вишневецкий И., кн. 153, 158—159, 200—201, 206—208
Вишневецкий Ю., кн. 122—123
Владислав, королевич, король 25, 45, 119, 122, 125, 131, 175, 195, 199, 206
Водопьян И., ат. 194
Воейков Н.П., в. 204, 224
Вожаев А., с.б. 263
Воин Г. 104
Воин М., писарь 104
Воин П. 104—105
Войт, с. 271
Волков В. 134
Волков П. 89, 106
Волковицкий П., ч. 221
Волконский Г.К. 112
Волконский П., в. 241, 246
Волконский С., в. 163—164
Волконский Ф., в. 114
Волконский Я., в. 201
Волобуев Г. 263
Волошенин С., ат. 232
Волынский В., в. 274
Волынский М.П., в. 155, 159—160, 170—171
Волынский С., в. 211
Ворона, п. 236
Воронитцкий М., кн. 103
Воротынский М.И. , б. 71
Ворыпас (Иржищевский) И., с. 212
Всеволожский И. 89

Гаврилов А., ч. 231
Гаврилов Д., ат. 186
Гаврилов С., ч. 250
Гаврилов Я., ч. 211
Гагарин Н.Н., в. 165
Гвоздев К., ч. 177
Гвоздев М., ат. 184
Геласий, м 118
Германок И., ат. 189
Гильдеев Г. 134—135
Гладкой Г. 149
Годжижевский, ист. 45, 91, 199
Годунов Борис, ц. 84—85, 105—106, 109, 112
Голенищев И.Ф. 251
Голенищев-Кутузов Ф., в. 183, 189, 243
Головин С.В., в. 119
Горбина В., ат. 275
Горбунов Ф. 146
Гордон Л., ист. 48
Горелков Д., стр. 151
Гороховский Ф., ат. 94
Горчаков П., кн., г. 96
Готье Ю.В., ист. 32
Грибов И., ч. 234
Григорьев Г., ч. 222
Грушевский М.С., ист. 30—31, 44—45
Губин И., г. 96
Гульчевский (Кгульчевский) С., у. 187, 191, 201—202, 240, 242
Гусак, ат. 94

Данилов Д., п. 159
Данилов П., ат. 233
Данилов С.И., в. 78
Дашков Я.О., в. 132—134, 140, 152
Дворецкий Е.В., ист. 78
Дворецкий М., ч. 98
Девятовский Я. 90
Дейвс Б., ист. 48
Деряга М., ат. 246
Джанибек-Гирей, х. 158
Дмитриев П., д. 105
Долгорукий Д., кн., в. 120, 202
Доминин С. 102
Доминский В., станичный ездок 133
Доможиров Н., в. 274, 285
Домысленцов Г., с.б. 146
Дорошенко, гетм. 153
Дорошенко М., п. 124
Дударов Т., с.б. 219
Дульсиков Р. 272
Дучин А., к. 191
Дьяченко А.Г., ист. 76
Дьяченков К., ч. 222
Дьяченкова А. 222

Евдокимов П., станичный ездок 133
Евсеев Ф., с. 220—221
Елецкий Ф., кн., в. 116
Емельянов О. 190
Еремеев Г., ат. 172
Еропкин, в. 167
Ефименко А.Я., ист. 32
Еюдин П., г. 121

Железников М. 146
Жеребцов С., в. 124
Жолкевский (Желковский) С., гетм. 115, 158, 159

Заборовский Л.В., ист. 41, 43, 58
Забузский С. 184, 265
Загоровский В.П., ист. 38—39, 73, 75—77, 79, 86—87, 89, 149
Замойский Я., канцлер 72
Засецкий М. 182—184
Засульский Я. 142
Захарченко С., ч. 284
Звегинцев И., к. 188
Зеванин Н., с.б. 247
Зимин А.А., ист. 76, 81
Зиновьев А.Ф. 96—98, 100
Зиновьев П. 96
Злепко Д., ист. 47
Змиюсский Ю., ч. 211

Ибрагим-паша 131
Иван IV, ц. 88, 105
Иваницкий Я., ат. 215—216
Иванов А., д. 112
Иванов Е., стр. 184
Иванов П. 146
Иванов Ф., ч. 233
Иванов Я. 183
Игнатьев А. 154
Игнатьев Е., ч. 242
Измайлов А., в. 272
Измайлов В., в. 144
Измайлов М., в. 150
Износков Б. 121
Иловайский Д.И., ист. 23—24
Ильин С. 157
Иржищевский И., с. 212

Каденик С., ч. 194
Казаков В., к. 256
Казы-Гирей, х. 84—85, 87
Кайдалов Г., ат. 133
Калоша, ат. 93
Каманин И.М., ист. 28
Камышин Л., г. 162
Каневец Г., ат. 169
Каневский Д., п. 158
Кантакузин Ф. 135
Каппелер А., ист. 49
Карамзин Н.М., ист. 21, 75
Караулов Т. 181
Карнаух Л., ат. 93
Карпов Г.Ф., ист. 51
Карпов Д., в. 271
Карпов М., ат. 239
Картавый М. 235
Квашнин М., в. 215—217, 282
Кгульчевский см.: Гульчевский
Киреев Д., г. 197
Киреев Ф., г. 96
Кирилов В., десятник 232
Кисель А., каштелян 46—47, 115, 206—208, 259—260, 262, 277
Климов А. 272
Климов Г. 259
Климовский Л., ч. 283
Ключевский В.О., ист. 24—26
Кожуховский С., ч. 222
Козловский М., в. 145
Кокон В., ат. 254

Кокорев Г., в. 241
Колесников Т., к. 138
Коллманн Н. Ш., ист. 221
Коломыцкий И., у. 102
Колосков П., стр. 216—217
Колошинский И. 158
Колтовской И., в. 138, 154
Колтовской П., в. 233
Колчанин Т., с.б. 186
Конецпольский С., гетм. 149, 159, 182, 187, 242, 265
Константинов Г., в. 147
Коровянский Г., е. 192
Королюк В.Д., ист. 126
Корякин Ф., станичник 133
Костиков М., ч. 233
Костомаров Н.И., ист. 27—29, 51
Костин Т. 267
Косынский Ф., п. 158
Крадин Н.П., ист. 83
Красовский Г. 194
Крачевский 206
Кривцов Л., с.б. 257
Крюков И., с. 241
Кузьмин Г., кр. 185
Кузьмин Т. 103
Кузюкин С., бортник 143
Кулага, гетм. 150—151
Кулаковский 124
Кулиш П.А., ист. 27—28, 35
Кунцевич, капитан 167
Куприянов Г., ч. 223
Куракин Г.С., в. 286
Кучкин В.А., ист. 77

Лагутин И. 272
Лазаревский Л. 178
Лазарь, ат. 93
Лазарев В., ат. 264
Латырев Ф.М., в. 90
Латыш Ю., п. 158
Лебедянченко В., ч. 249
Леонтьев З., в. 189, 232
Лепинский, ат. 100
Лешкорев Р. 267
Лжедмитрий I см.: Отрепьев Г.
Лжедмитрий II (Тушинский вор) 15, 116
Лиморов М. 192
Лихарев Н., с.б. 105, 118
Лихарев Ф., с.б. 105
Ловерко, п. 157, 160, 167
Локтев А. 272
Ломака П., ч. 257
Лубенец С. 143
Лужников И. 140
Лукомской (Луконской), у. 187, 255
Лызлов Г.М., ист. 37, 278
Лыко А., кн., у. 92
Лыко С., кн. у. 117, 123
Лысый Я., ат. 92—93
Львов В., в. 220
Львов Д.П., в. 219, 224
Львов С., в. 220
Любавский М.К., ист. 16, 25—26, 33—34
Люшин Л., г. 168
Ляпунов В., в. 134
Ляпунов И., в. 190
Ляхов Ф. 237

Магмед-Гирей, х. 131
Маканин Г., г. 144—145
Малой В., с. 102—103
Маркевич Н., ист. 27
Маркеев, у. 167
Марков В., ат 183, 243
Марков И., ч. 271
Мартын, поп 230
Мартынов А., ат. 92—94
Мархоцкий Н. 14—15
Марченко Ю., к. 185
Маршалков С., пушкарь 138
Маслов С. 155, 160
Матвеев Е. 178
Матвеев М., ч. 272
Матюшенко Б., с. 239
Медведев Г. 90
Медведь И. 146
Мезенин Г., ч. 255
Мезенцев А., в. 144
Миклашевский И.Н., ист. 30, 32, 75, 226—227
Микула, поп 168
Милков Т. 262
Милославский И., в. 178, 185, 223
Миляев М., ч. 134
Миляева А. 134
Миронов Ф., ч. 231
Мисевряд А., ч. 281
Михаил Федорович, ц. 55, 118—119, 122, 129—131, 167—168, 199, 208
Михайлов Г., ч. 158, 230, 238
Михайлов Д. 183, 233
Михайлов Е., ат. 251
Михайлов И., стр. 267
Михайлов К., с.б. 250
Михайлов М., ч. 154
Михайлова М. 238
Михнев Т. 188
Мнишек М. 114
Мнишек Ю., в. 112—113
Мокейка, ат. 183—184
Мокидонов И. 143
Мокрищев С. 151
Молчанков А., ч. 216
Морденков И. 136
Мохачев А., с.б. 90
Мохонин Б. 176
Мурацкой 153
Мясной К., г. 100

Назаров С., ч. 271
Насека, ат. 124
Натансон-Леский Я., ист. 44—45
Небаба, п. 269, 276
Некрасов А., г. 121
Нережев В., ч. 223
Нережева А. 223
Несел А., ат. 90
Нечаев, д. 199
Новгородец, ат. 93
Новосельский А.А., ист. 34, 114—115, 149
Новосильцев В., в. 286
Нос М. 179

Образцов Г., в. 245—246, 249
Овсянский Г., с.б. 257
Огарев П.Г. 111, 114
Одинец П., п. 125—127
Одоевский И.Н., в. 119
Ожогин В., стр. 151
Оладьин В., г. 103
Оладьин Д.Г. 115
Оладьин Н., в. 136
Олябьев Г., в. 136, 162
Олябьев Ф., к. 182
Олябьев Ф.А. 184— 185
Орел, ат. 90
Орешонок см.: Путятин И.
Осколков Ф., с.б. 169
Осетров Ф., с.б. 265
Остроженин С., ч. 233
Острожский В.К., кн. 111
Острянин А., ч. 234
Острянин (Остренин, Остряница) Я., гетм. 154—155, 157—160, 219, 234—242
Отрепьев Г. (Лжедмитрий I, Самозванец) 41, 60, 106, 110—114, 129

Павел, м. 278
Павлищев И., пушкарь 138
Павлов И., ч. 243
Павлов Л., с.б. 263
Павлов Р., с.б. 271
Павлов С., с.б. 285
Павлов-Сильванский Н.П., ист. 25
Палицын А., 116
Панютин А., ат. 92
Пац, писарь 206
Пашин О., пушкарь 266
Пашуто В.Т., ист. 37
Песочинский, п. 153
Петр I, ц. 73
Петров В., ч. 160
Петров К.В., ист. 43
Петров С., ч. 160

Петрович П. 201
Петрухненок М., ат 191
Петрушка, ат. 186
Пешехонов С. 179
Писаренко П., ч. 211
Писарь Д., ч. 237
Писемский Ф.А., наместник 90
Пищулин Ф.Г., г. 156, 161
Платонов С.Ф., ист. 24—25, 33
Плещеев Н., в. 135, 172, 194, 233
Плещеев Ф., в. 168
Победоносцев К.П., обер-прокурор Синода 23
Погожий Т., с.б. 263
Подшивал Д., к. 272
Пожарский Д.М., кн. 126
Пожарский П., в. 173, 214, 236, 239
Позлатовский , у. 166
Потоцкий, гетм. 205
Прозоровский С.В., кн., в. 139, 145, 217, 224
Проторчина В.М., ист. 34
Прохоров И., м. 181
Прохоров П., с. 206, 271, 282
Путятин И. (Орешонок) 202, 214
Путятинов А.Ф., ат. 162
Пушкаренко М., п. 286
Пушкин Г., в. 194, 213—215, 221
Пушкин Ф. 245
Пушкинский Л., ат. 186
Пущин К., в. 225
Пырской М., п. 123, 139, 142, 157, 160, 165—166
Пыхтин В., с.б. 263

Рагозин С. 163
Раздоборов И. 267
Разинков А. 247
Рандоренко Т., гетм. 153
Ревутов И., г. 111
Резанов А., дв. 106—107
Резедин Т., ч. 193
Репин Т., ат. 144—145
Репнин Б.А., в. 268, 271, 273, 280, 282—284
Ржевский Е.Л., дв. 74, 102—103
Ржевский И., в. 273
Ржевский М., д. 72
Рогожин Н.М., ист. 43
Рожнинин И. 146
Родионов Д., ч. 282
Родионов М., ч. 272
Родионов С. 192
Родкевич 124
Рожинский Р., кн. 15
Розсоха (Разсоха) Г., с. 206, 236, 238—241
Рой Ф., ч. 231
Романовы, династия 57, 122
Ромодановский В.Г., в. 178, 180
Ромодановский В.П., в. 136, 173
Ронкарош Т. 112
Русаков А., ч. 205
Рыжков И., ч. 205
Рябинин П., станичник 132
Рябуха В., ат. 183—184, 255
Рябуха М., ат. 250

Савелий, поп 256
Савельев Я., ч. 248
Савинский С., ч. 216
Савостин Н. 140
Сагайдачный П., гетм. 25, 27, 122, 124—127, 158
Садовников Г., к. 267
Садоченко М., ат. 252
Салтыков-Морозов М.Г., б. 105
Самарин И., стр. 185
Самылов С., с.б. 266
Санин Г.А., ист. 42
Свиридов Е., ч. 274
Свиридов М. 272
Свирский Щ., дв. 111
Свиязев З., д. 74, 102—103, 105
Северинов Г. 215
Север А., ч. 281
Селитренник А.Р. 145
Семенов А., ч. 194
Семенов Г., ч. 281
Семенов И., ч. 233
Семпской Д., ат. 92, 94
Сеножатский, у. 143—144, 157
Сергеев С., ч. 236
Сиблиевский В., подстароста 207
Сигизмунд III, король 15, 106—107, 119
Сигизмунд—Август, король 88
Сидоров С., ат. 194
Синявский, подстароста 205
Скрынников Р.Г., ист. 41, 69, 110, 115
Скрыпченко З., ч. 222
Скуратов Д., в. 121
Слюсарский А.Г., ист. 38
Смирнов П., ист. 32
Смольянинов С., с.б. 191
Собакин С., в. 141
Сокольский, у. 236
Солнцев И., кн., в. 78
Солнцев-Засекин А.И., кн., в. 250, 254
Соловьев С.М., ист. 22—24, 45
Солодкин Я.Г., ист. 74, 78
Сорокин С. 186
Софрон, ат. 111
Спесивцов Ф., подьячий 162
Стадник М., ч. 222
Сталин И.В. 35
Станиславский А.Л., ист. 40
Старинский, п. 124
Сташевский Е., ист. 32, 152
Степанов А. 191
Степанов П., подьячий 157, 162, 211
Стефан Баторий, король 90
Стрельбицкий, ат. 103
Струков В., г. 178—179
Субтильный О., ист. 43
Суворов И., с.б. 256
Сулежин Я. 262
Сумской М. 89, 106
Сухачев А., ч. 111
Сухотин И., в. 284
Сухотин С. 196—197
Сырой О., с. 286
Сысин Ф.И., ист. 46—47
Сытников А., вож 134—135
Таранов А.М. 247
Тарас Федорович (Трясило), гетм. 236
Тарасов Н. 159
Татаринов Г. 140
Татищев И.П., дв. 105
Темник Ф., ат. 192, 205
Техтемировец Г. 123
Тимирязев П., г. 251
Тимофей, поп 193
Титов Г. 143
Титов Я. 143
Тихомиров М.Н., ист. 54
Тишин К. 272
Тоболец А. 141
Толбузин А., в. 145
Толмачев, ат. 155
Толоконцо В., стр. 266
Топличенко С., с. 286
Торской Г., ат., п. 177, 181, 183, 193, 265
Трофим, с. 271
Трошевский 184
Тургенев А., в. 151, 194, 214, 225, 231
Туренин В., кн., в. 141
Турский, п. 166
Тхоржевский С., ист. 33
Тютчев И., г. 103
Тюфякин Г., кн., в. 116, 132, 139
Тюфякин М., в. 72
Тяникин М., г. 251

Ульянов Н.И., ист. 42
Унковский В. 279
Усекин К. 146
Усов А.В., в. 165
Ушаков Д.С., в. 196, 200, 201, 215
Ушаков И. 232

Фарнезе, кн. 112
Федор Иванович, ц. 75—77, 80, 89, 94, 107—109
Федоров А., ч. 215
Федоров Г. 232
Федоров М., ат. 96—99
Феодосия, царевна 77

Филарет, патриарх 110, 127
Филатов Н., с.б. 214
Филиппов Я., ч. 94
Филиппова Н.Н., ист. 83
Флоря Б.Н., ист. 13—14, 18, 37, 41, 43, 104
Фриз Г., ист. 221

Харин В. 271
Харитонов Ф., ч. 157
Хворостинин А.И., в. 77, 92
Хилков А., в. 102
Хилков Ф., в. 178, 206
Хитрой (Хитрого) В., в. 156, 161
Хмельницкий Б.М., гетм. 20, 27, 29, 32, 42, 193, 210, 259—262, 266, 269—273, 276—279, 286—288
Хованский С.Н., в. 259, 260
Хованский И., в. 121
Ходкевич, гетм. 121
Холоденко И., с. 244
Хондагай М., ат. 232
Хромой С. 237
Хрущев Я., в. 154

Царенок М., п. 166, 205
Целевич О., ист. 31
Цыгуль Я., ч. 281

Черепов В.Г., г. 165, 172
Черпов С. 286
Черкасский Г., п. 158
Черкасский Д.М., кн. 121
Черкашенин Я. 145—146
Черный И., п., гетм. 159
Черский, у. 92
Чеуш М. 178
Чигерин Ф. 201
Чинчевска-Хеннель Т., ист. 48
Чичеринов Д. 267
Чмутов С. 193
Чохов А., пушечный мастер 117

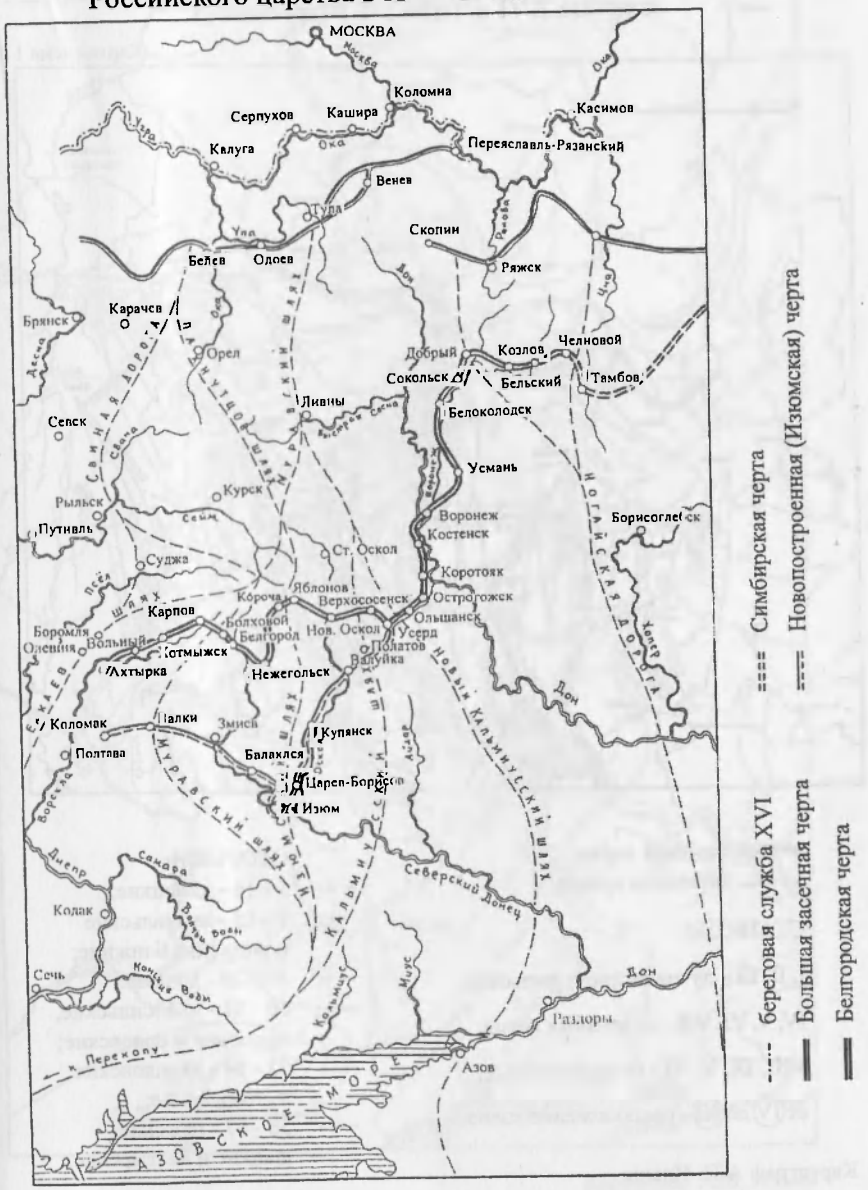
Шафран А., ч. 147
Шахворостов Г., ч. 214
Шахворостов Ф., ч. 214
Шаховской С., кн. 199
Швец Н. (М.?), ч. 221
Шевченко Т.Г., поэт 27
Шевченков Г., ч. 195
Шелудивый Т., ат. 92, 104
Шемякин А., с.б. 267
Шелудяк М., к. 140
Шелюский И., ч. 235
Шенелев Т. 121
Шереметев Ф.Д., б. 93
Шестов П. 272
Шестовицкий В., с.б. 105
Шестовицкий Г., с.б. 105
Шестовицкий И., с.б. 105
Шин-Гирей 181
Широков К. 120
Шуйский В., б., ц. 114—116
Шулешкин (Шулежкин) Я., с.б. 181, 259

Щенин А., пушкарь 230
Щепотев А., в. 285
Щербатов М.М., ист. 77
Щетинин П.И., в. 188, 234, 238, 240

Эварницкий Д.И., ист. 25

Яблочков Д.М., в. 78
Якимов Я., к. 182
Яковин И. 192
Яковлев, ат. 93, 256
Яковлев Д., в. 172
Яковлев Е., ч. 194
Яковлев С. 183
Якубовский К., у. 255
Языков И., в. 284
Ян-Казимир, король 260, 271, 279
Яцын М., дв. 276

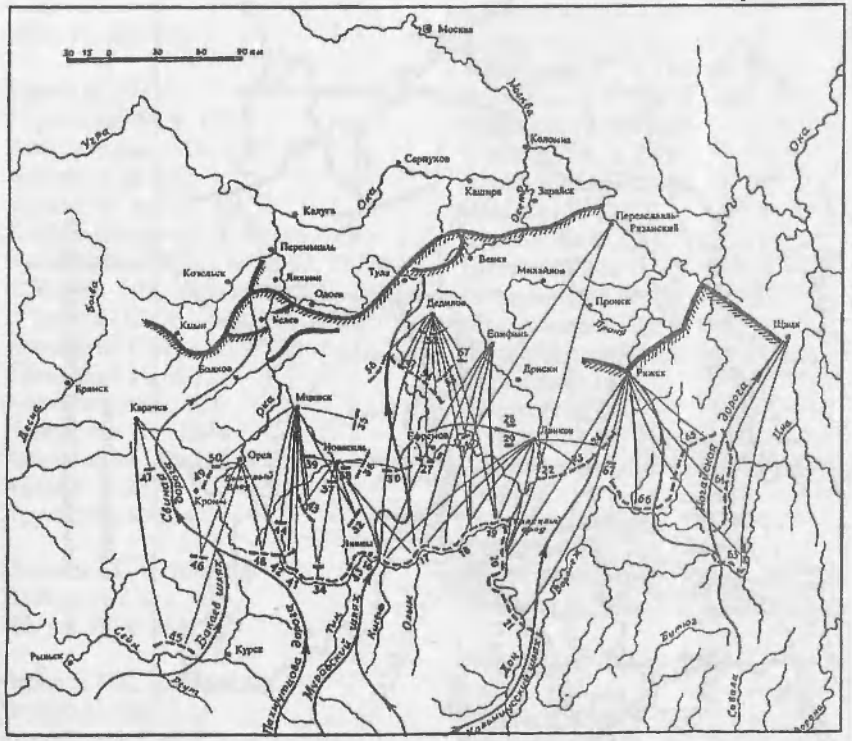
Оборонительные системы на южных рубежах Российского царства в XVI—XVII веках



Автор А.И. Ильин

Сторожевая и станичная служба на Юге Российского царства в конце XVI в. (по С.Л. Марголину)

Карта-схема 1



засечная черта

татарские шляхи

СТАНИЦЫ:

I, II, III - путивльские и рыльские;

IV, V, VI, VII - от стоялых голов;

VIII, IX, X, XI - от голов в Поле;

от (IV) до (XI) - расположение голов.

СТОРОЖИ:

---- I - 16 - донецкие;

---- 7 - 15 - путивльские и рыльские ближние;

---- 16 - 29 - донские;

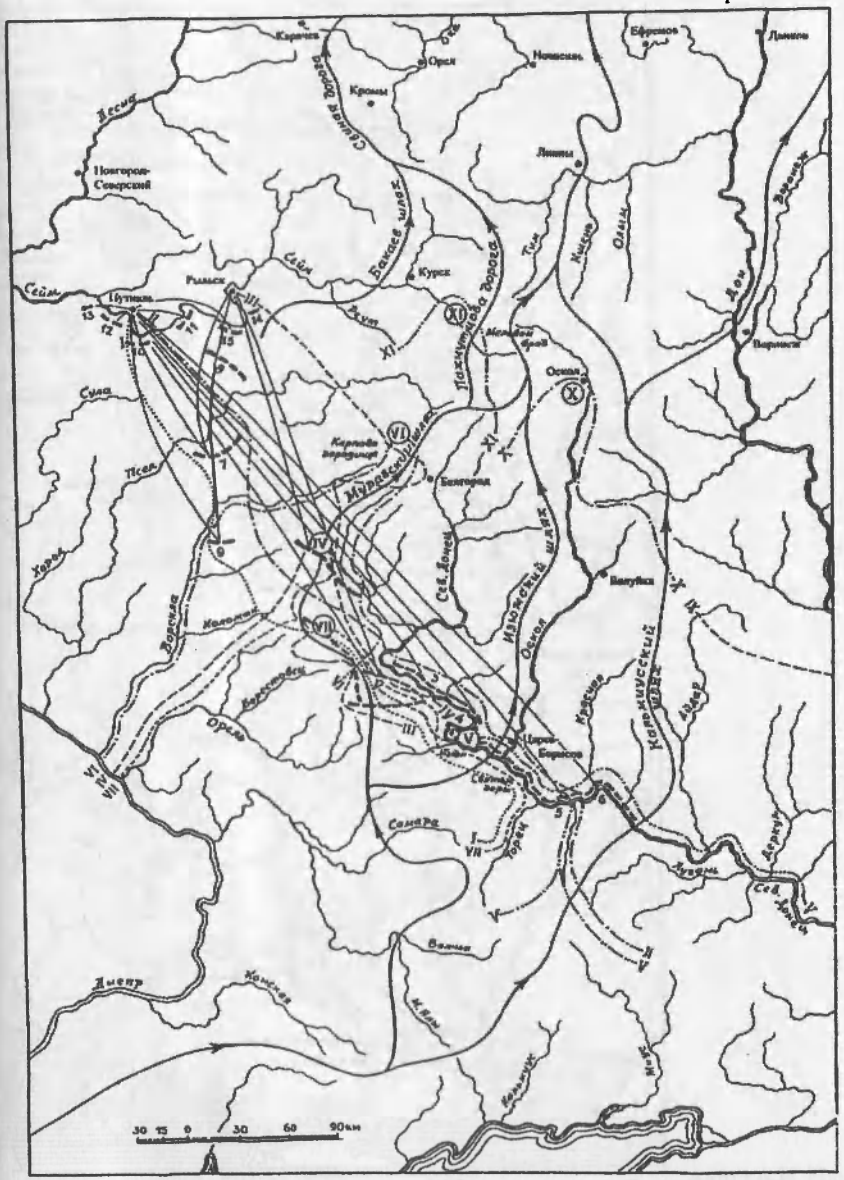
---- 30 - 51 - новосильские, мценские и орловские;

---- 52 - 54 - дедиловские и епифанские;

---- 58 - 67 - ряжские, шацкие и алатырские.

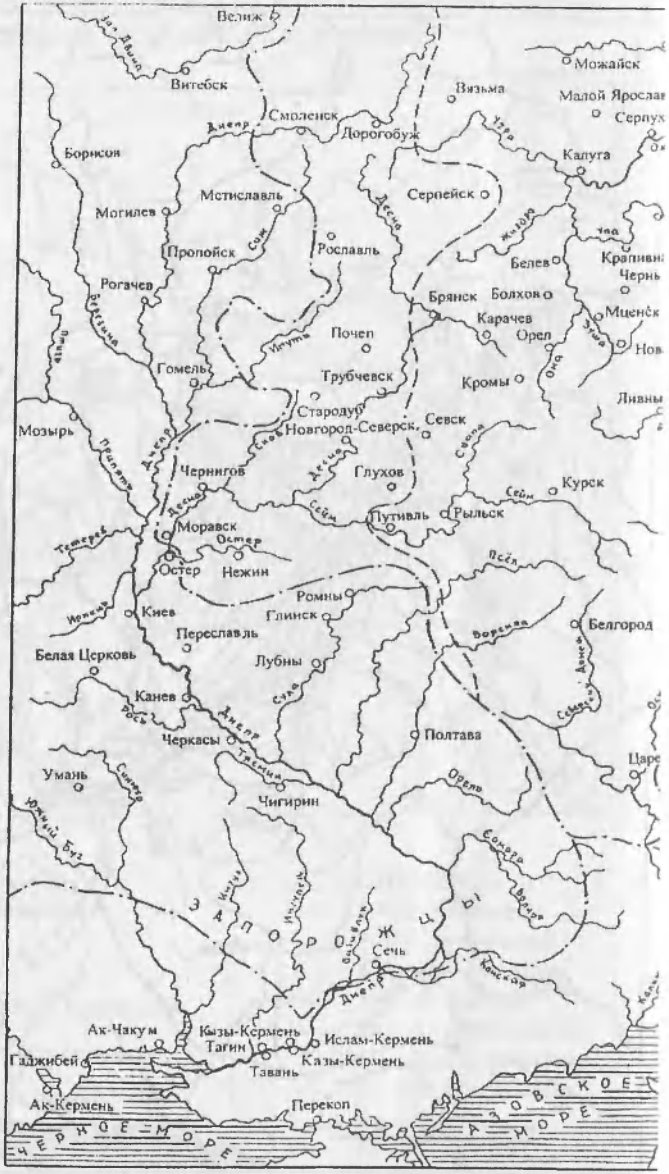
Картограф А.И. Ильин

Карта-схема 2



Картограф А.И. Ильин

Южные границы Российского



граница России в середине XVI в.

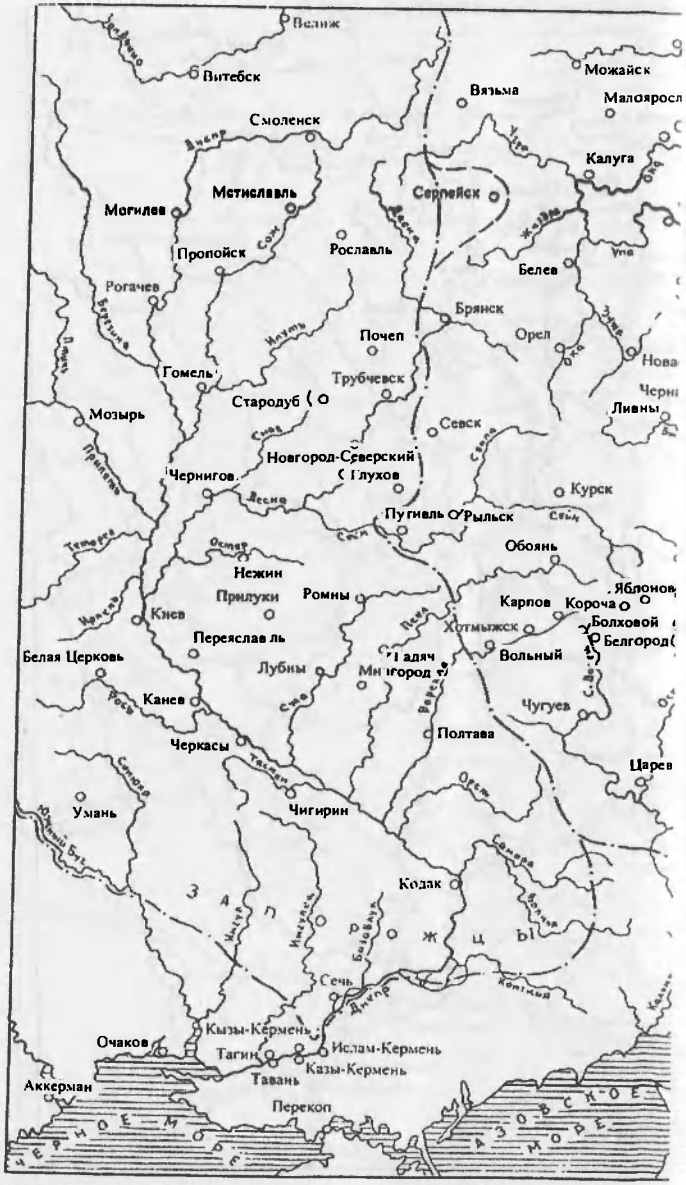
границы России после Деулинского перемирия 1618 г. с Речью Посполитой

царства (1582 - 1618гг.)

границы России с Крымским ханством в начале XVII в.

Автор А.И. Ильин

Границы Российского царства в 30 - 50-е годы XVII века

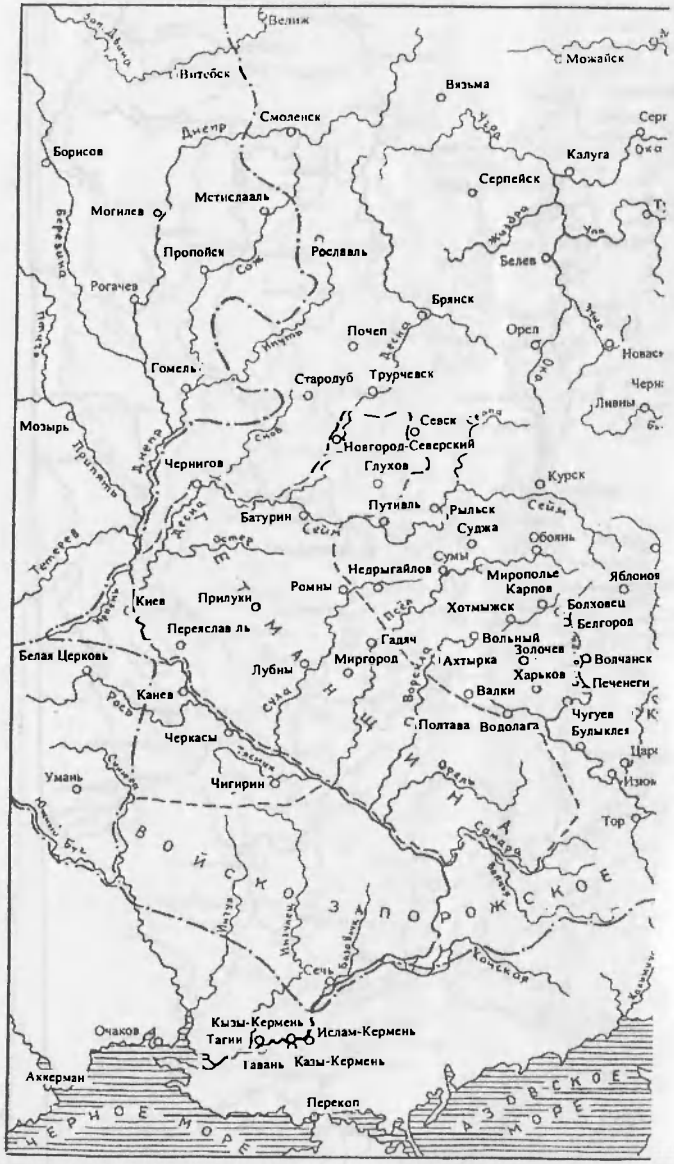


— — — — границы России после Деулинского перемирия 1618 г. с Речью Посполитой

— · — · — границы России после Поляновского мира 1634 г. с Речью Посполитой

Автор А.И. Ильин

Границы Российского царства



– – – – границы России после Поляновского мира 1634 г. с Речью Посполитой

о второй половине XVII века

– · – · – границы России после заключения с Речью Посполитой "Вечного мира" в 1686 г.

Автор А.И. Ильин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение 8

ГЛАВА 1. Проблема российско-украинских порубежных отношений конца XVI — первой половины XVII века и источниковая база ее изучения 21

§1. Граница между Россией и украинскими землями Речи Посполитой в трудах историков 21

§2. Источники по российско-украинским пограничным отношениям 49

ГЛАВА 2. Колонизация Днепро-Донской лесостепи и взаимодействие подданных России и Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII века 67

§1. Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство в Днепро-Донской лесостепи во второй половине XVI века 67

§2. Начало колонизации Поля и российско-украинское взаимодействие 88

§3. Положение на российско-украинском порубежье в Смутное время 110

ГЛАВА 3. Противоречия российской и украинской колонизации Поля (между Смутой и Смоленской войной) 130

§1. Черкасская колонизация и восстановление позиций России на южных окраинах после Смуты 130

§2. Участие черкас в боевых действиях на Поле во время Смоленской войны 148

ГЛАВА 4. Миграция украинцев и обстановка на порубежье (1634—1648 гг.) 175

§1. Вооруженные столкновения и военные конфликты после заключения Поляновского мира 175

§2. Украинская народная колонизация и политика российских властей 195

ГЛАВА 5. Упорядочение службы черкас после Смоленской войны 210

§1. Активизация перехода черкас на службу в Россию 210

§2. Перелом во взаимоотношениях служилых черкас и Российского государства 230

ГЛАВА 6. Обстановка на Польской и Северской украйнах России во время Освободительной войны 1648—1654 годов 258

§1. Разрешение пограничных проблем в условиях перехода власти в руки казацких полковников (1648—1650 гг.) 258

§2. Ситуация на порубежье после изменения курса российского правительства в отношении Украины (1650—1653 гг.) 278

Заключение 289

Список сокращений 293

Источники и литература 295

Указатель географических названий 325

Указатель имен 332

Схематические карты 341

Оглавление 350

Научное издание

Андрей Игоревич ПАПКОВ

ПОРУБЕЖЬЕ РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА И УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(КОНЕЦ XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА)

На обложке план Новооскольского участка Белгородской черты середины XVII в. из фондов РГАДА

Сдано в набор 15.05.2004 г. Подписано в печать 17.08.2004 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная 70 г/м^2.
Печать офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл.печ.л. 22. Тираж 1 000.

Издательство „КОНСТАНТА"
308034, г. Белгород, пр. Ватутина, 12-а, 69.